

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

ДЖОН УИНДЕМ

Сканировал и создал книгу - vtaKhaHkov

WORLDS OF JOHN WYNDHAM

Volume one

**THE DAY
OF THE TRIFFIDS**

THE MIDWICH CUCKOOS

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Том первый

**ДЕНЬ ТРИФФИДОВ
КУКУШКИ МИДВИЧА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Миры Джона Уиндема. Т. 1 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 431 с.

В первый том собрания сочинений Джона Уиндема включены наиболее известные его романы «День триффидов» и «Кукушки Мидвича». «День Триффидов» относится к жанру «романов-катастроф». После того как дождь зеленых метеоров ослепляет человечество, Землю захватывают триффиды, плотоядные растения, способные к самостоятельному передвижению. А в «Кукушках Мидвича» золотоглазые дети, рождающиеся в неприметном английском городке, оказываются авангардом чужаков, цели которых пугают своей непостижимостью.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Day of the Triffids

Copyright © 1951 by John Beynon Harris

The Midwich Cuckoos

Copyright © 1957 by John Beynon Harris

© Издательство «Полярис», *составление, оформление, название серии*, 1995

День триффидов

© С. Бережков, *перевод*

Кукушки Мидвича

© В. Ковалевский, Н. Штуцер, *перевод*

ISBN 5-88132-249-5

Издательство «Полярис» представляет читателям первое на русском языке собрание сочинений Джона Уиндема (Джона Бейнона Харриса). Работая над составом собрания, редакция сочла необходимым включить в «Миры Джона Уиндема» все произведения, созданные писателем в период с 1951 года до самой его смерти в 1969 году. Рассказы и романы, написанные в довоенный период, были сознательно исключены редакцией из состава собрания, поскольку эти произведения представляют для современного читателя скорее исторический интерес. С трудом верится, что и они, и поздние романы Уиндема написаны одним человеком. Не случайно они не принесли писателю признания даже у тогдашней нетребовательной публики. Только с открывающим наше собрание «Днем триффидов» пришла к Уиндему слава.

Собрание включает также все три оригинальных сборника рассказов писателя. В отличие от многих фантастов, Уиндем не славился литературной плодовитостью, и остальные его послевоенные сборники носят компилятивный характер.

В первый том вошли романы, уже известные российскому читателю: «День триффидов» (1951) и «Кукушки Мидвича» (1957). Наверное, нет необходимости представлять ни первый из них, прославивший писателя в нашей стране и долгое время остававшийся единственным крупным произведением Уиндема, переведенным на русский язык; ни второй, экранизация которого принесла писателю дополнительную известность в мире.

Составляющие второй том собрания романы «Куколки» (1955) и «Кракен пробуждается» (1953) были переведены на русский язык относительно недавно. «Куколки» описывают чудовищный мир, изуродованный ядерной войной. Всепроникающая радиация порождает мутантов, безжалостно уничтожаемых обезумевшим от страха населением. Повествование ведется от имени ребенка, быстро и страшно взрослеющего за время действия, и это придает роману особую, леденящую душу достоверность. Второй роман, подобно «Дню триффидов», относится к излюбленному английскими фантастами (среди них ученик и соперник Уиндема Джон Кристофер, а

также Джон Браннер и Брайан Олдисс) жанру «романов катастроф».

В третий том включены романы, почти неизвестные в России: впервые переведенный «Зов пространства» (1958) и «Во всем виноват лишайник» (1960). Первый представляет собой цикл новелл, описывающих четыре поколения семьи, посвятившей себя покорению космоса. Эта книга напоминает произведения Жюль Верна — как по духу, так и тем, что читается с неослабевающим интересом, несмотря на давно устаревшую техническую и научную базу. Второй роман блестяще демонстрирует трудности, которые ставит перед обществом и отдельно взятым человеком открытие лекарства, дающего бессмертие.

В четвертый том вошли посмертно опубликованный роман «Паутина» (1979), повесть «Чокки» (1968) и сборник рассказов «Семена времени» («Seeds of Time») (1956). А в пятом томе читатель найдет рассказы, составляющие сборники «Жизель» («Jizzle») (1954) и «Ступай к муравью...» («Consider Her Ways and Others») (1961). Последний включает и одноименную повесть, представляющую собой прекрасный образец английской антиутопии в духе Оруэлла.

Несмотря на то что со дня смерти писателя прошло почти тридцать лет, в мире продолжают издаваться книги Уиндема, их читают и любят. Издательство «Полярис» дарит российскому читателю возможность более полно ознакомиться с творчеством известного английского фантаста, оказавшего огромное влияние на развитие жанра, — Джона Бейнона Харриса, известного нам как Джон Уиндем.

КУКОЛКИ ДЖОНА УИНДЕМА

В мире англоязычной научной фантастики букет псевдонимов, скрывающих одного-единственного автора, — не редкость. Однако герой моей вступительной статьи в этом качестве превзошел многих, на долгие годы превратившись в постоянную головную боль для библиографов. «Накроить» с пяток псевдонимов из своих реальных имен — еще куда ни шло, но вот подписать роман одним из них «в соавторстве» с другим, то есть с самим собою — это ж надо так подставить составителей будущих библиографий и энциклопедий!

Читатели-фанаты, случайно раскопавшие в довоенных подшивках научно-фантастических журналов рассказы неких Джона Бейнона Харриса, просто Джона Бейнона, Уиндема Паркса, его однофамильца Лукаса Паркса и Джонсона Харриса, долгое время и не подозревали, что все это написано одним человеком. Да что читатели! И в предисловии первоклассного специалиста Юлия Кагарлицкого к первому изданию Уиндема на русском языке (тому самому знаменитому тому Библиотеки фантастики, где был опубликован перевод «Дня триффидов») все еще можно было прочесть о романе «Зов пространства», будто бы написанном Уиндемом в соавторстве с Лукасом Парксом. Меж тем шел 1966 год и «оба соавтора» в едином лице были еще живы. (Другая невольная мистификация того сборника, а именно та, что перевод некоего С.Бережкова на самом деле был выполнен Аркадием Стругацким, — для массового читателя тоже раскрылась нескоро...) Однако пора расставить все на свои места. Все произведения вышеперечисленных «авторов», в том числе и злополучный роман (действительно подписанный Джоном Уиндемом и Лукасом Парксом!), на деле принадлежат одному писателю. После долгих перипетий в научной фантастике за ним окончательно закрепилось имя Джона Уиндема. Прочие же инкарнации — или, пользуясь названием одного из его романов, куколки, — таким образом оказались лишь предварительными эволюционными стадиями. Ступенями на пути к появлению долгожданной «бабочки». Последнее сравнение придумано не мной, оно буквально просится на язык. Коллега и соотечественник Уиндема, известный британский писатель-фантаст и историк этой литературы Брайан Олдисс сказал об этом раньше: «Проследить, как научная фантастика предвоенных десятилетий обрела свой нынешний облик, легче всего на примере творческого пути писателя, чей талант полностью раскрылся только в 1950 годы. Его карьера явилась отражением тех процессов, которыми жила эта литература в “переходный период”, да и весь окружающий мир в целом. Я имею в виду Джона Уиндема.

Он много раз менял имя и литературные пристрастия, и результатом всех этих эволюционных «личинок» явилась на свет прекрасная бабочка».

Однако все по порядку. Джон Уиндем Паркс Лукас Бейнон Харрис родился в сельской местности, близ деревушки Ноуль в графстве Уорвикшир, 10 июля 1903 года. Как видим, родители — Джордж Бейнон Харрис и Гертруда Паркс — чем-чем, а именами первого и единственного отпрыска не обделили; и впоследствии, став писателем, тот весьма творчески распорядился этим «активом». Как и детскими воспоминаниями. Юные годы, проведенные в английской провинции, с неизбежностью наложили отпечаток на творчество сначала «Бейнона Харриса и компании», а потом и известного всему читающему миру Джона Уиндема. В его научно-фантастических книгах действие чаще всего разворачивается в знакомых английских сельских ландшафтах, а герои исповедуют традиционные британские ценности, без коих не было бы и этой страны. И вообще фантастика Уиндема, как, пожалуй, ни у кого другого, — подчеркнуто британская. Внешне сдержанная, консервативная, окрашенная присущим только жителям Альбиона юмором... Но все это проявится позже. Пока же подросток по имени Джон Бейнон Харрис окончил частную школу в городке Петерсфилд, что в графстве Хэмпшир (час с небольшим езды до Лондона), и занялся поисками работы. Попробовав себя в роли фермера, рекламного агента, адвоката, он быстро охладел ко всему, за что брался. Исключением стала литература, со временем превратившаяся в единственное дело жизни. Писать будущий Джон Уиндем начал еще в 20-е годы, но только с мая 1931 года смог наконец гордо именовать себя профессионалом. Именно тогда в американском научно-фантастическом журнале «Удивительные истории» вышел первый рассказ дебютанта — «Миры на обмен», подписанный, кстати, еще собственным именем: Джон Бейнон Харрис. Начало было положено, и за предвоенное десятилетие новичок занял прочные позиции в рядах британской научной фантастики (хотя печататься продолжал преимущественно за океаном). К этому раннему периоду творчества Уиндема (он подписывался чаще всего просто — Джон Бейнон) относятся многочисленные повести и рассказы, впоследствии переизданные в сборниках «Скитальцы во времени» (1973), «Спящие Марса» (1973) и «Изгнанники на Эсперусе» (1979); а также два романа, вышедших в Англии отдельными изданиями. Действие первого — «Тайный народец» (1935) — разворачивается в подземном «затерянном мире», расположенном где-то в недрах пустыни Сахары; второй — «Планетолет» (1936), в журнальной версии — «Зайцем на Марс», посвящен, как догадался читатель, первой экспедиции на Красную планету. Ничем примечательным ранние произведения Уиндема не отличались, если не считать одной занятой сюжетной детали, которую можно встретить во втором романе (и рассказе-продолжении «Спящие Марса», вышедшем в 1938 году): среди первых марсопроходцев мы встречаем... русских! В довоенной западной фантастике случай, кажется, уникальный. Вообще же литературный старт новичка был замечен на общем фоне, но блестящего будущего не сулил. Известный в ту пору

издатель Роберт Ласти вспоминает о Джоне Бейноне Харрисе как о внутренне неуверенном, каком-то неопределенном, праздном аутсайдере — в жизни и литературе. Словом, как о человеке, за будущее которого не поставишь и пенса. Как порой ошибаются в людях даже профессионалы! Судьбу Харриса перевернула война. Он, кстати, предвидел предстоящую схватку с фашизмом и даже предвосхитил ее в одном из рассказов, опубликованных накануне. Рассказ назывался «Аннигилятор Джаджсона», и в нем, с помощью вовремя изобретенной машины времени, асы из люфтваффе Геринга забрасываются куда-то в иную эру, избавляя современный мир от своего присутствия. Однако еще интересное комментарии автора, опубликованные в том же — октябрьском 1939 года — номере журнала «Поразительные истории»: «Когда я задумывал этот рассказ, — писал Харрис, — мне показалось излишним вводить в него навязший в зубах образ “безумного ученого” — в то время как вполне нормальные ученые с хорошей репутацией очень эффективно подводят мир к саморазрушению прямо на наших глазах». Когда же война достигла британских берегов, молодой писатель, подобно многим коллегам, отправился на фронт. Он служил в армии связистом и принимал участие в знаменитой высадке союзников на побережье Нормандии. Вдоволь насмотревшись крови, смерти и разрушений, будущий Джон Уиндем, видимо, все это хорошенько запомнил, чтобы потом рассказать другим, хотя и в несколько необычной форме. А по окончании боевых действий, мрачно резюмирует тот же Олдисс, «когда плоды победы обернулись пеплом мира, Уиндем вместе с тысячами таких же оказался выброшен на берег — без денег, семьи и профессии и даже без самого элементарного представления о том, чем заняться дальше». Тут он, к счастью, вспомнил о литературе. И оказалось, удивительно вовремя: мир, лежавший в развалинах и еще не успевший прийти в себя от пережитого, срочно нуждался в таких, как «новорожденный» Уиндем и его сверстники и друзья — Хайнлайн, Азимов, Саймак, Брэдбери и все прочие. Миру стала остро необходима фантастика, новая, закаленная войной и быстро следовавшей за нею войной «холодной» (а также постоянно маячившей на горизонте войной окончательной — ядерной), — и среди британской разновидности этой литературы ярко взошла звезда Джона Уиндема. «Именно в этот период, — пишет английский исследователь Джон Клют, — Уиндем стал тем, кто лучше других выразил надежды, страхи и самодовольство англичан». Похожее, помнится, говорилось за полвека до того в отношении Уэллса...

Славу новоиспеченному писателю Джону Уиндему принес его третий по счету роман, впервые подписанный новым псевдонимом, — ныне классический «День триффидов» (1951), вышедший также под названием «Восстание триффидов». Успех книги, прошедшей сначала журнальным сериалом в престижном американском литературном журнале «Колльерс» и немедленно изданной в твердой обложке на родине автора, превзошел все ожидания. Хотя, вспоминал Уиндем, идея романа — как и само магическое слово «триффид», вошедшее в список неологизмов научной фантастики (не ищите в словарях — его там нет), — родились, как водится, в результате случая. Однажды, потягивая шерри в пабе, Уиндем

ненаароком поймал отрывки разговора, который вели два соседа-садовника, разгоряченные пивом и, главное, «доставшими» их буйно разросшимися сорняками: «Я вчера обнаружил один огромный — прямо в сарае с инструментами. Настоящее чудовище! Помнится, я даже не на шутку стухнул, увидев такое...» После изрядного количества выпитого речь говорившего не отличалась четкостью, да и местный диалект сделал свое дело; короче, вполне тривиальное английское слово «испуган» (terrified) прозвучало как «триффид» (triffid). И... поразило слух случайно оказавшегося рядом писателя — последний как раз обдумывал новый фантастический роман о растениях-убийцах, захвативших Землю! (В романе генезис слова «триффид» выводится также из «three-feet» — «трехногий».) Это к вопросу о положительном влиянии пивных на творческий процесс... Как помнит читатель, Земля стала вотчиной мутировавших растений-хищников в результате космического катаклизма, когда почти все население планеты ослепло. Исключая, разумеется, героев романа — иначе какая ж тут интрига! «Редко встретишь более бесперспективную завязку для написания романа, — отмечает Олдисс, — однако магия не сюжета, а настоящей литературы решает все». Действительно, сила романа — не в живописании глобальной катастрофы и последующей робинзонады горстки выживших (подобное описывали до Уиндема сотни раз, и многие, в том числе соотечественники, — даже более впечатляюще), а в отличной «литературе». То есть в стиле, языке, настроении, ярких визуальных картинах, удачно выбранном темпе повествования, точных психологических портретах и сдержанном оптимизме. Между прочим, вера Уиндема в неограниченную «сопротивляемость» человеческого сообщества ведет родословную от великих предшественников-классиков научной фантастики — Жюль Верна и Герберта Уэллса (если говорить о соотечественниках, то на память приходит еще и Артур Конан Дойл с его «Отравленным поясом»...). «Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит, что-то неладно...» Одной этой открывающей роман фразы, на мой вкус, хватит, чтобы накрепко привязать читателя. Чтобы тот уже не смог оторваться до самой последней: «А потом наступит день, и мы (или наши дети) переправимся через узкие проливы и погоним триффидов, неустанно истребляя их, пока не сотрем последнего из них с лица земли, которую они у нас отняли!» Магией привязывания читателя — без внешних эффектов, без словесной пиротехники — Джон Уиндем безусловно владел. С момента выхода в свет «Дня триффидов» имя писателя уже прочно ассоциировалось в сознании читателей и критиков с темой, наибольшее развитие получившей как раз на Британских островах, — «глобальная катастрофа». Мэри Шелли с ее вторым после знаменитого «Франкенштейна» романом — «Последний человек», «После Лондона» Ричарда Джеффриса, уже упоминавшийся «Отравленный пояс» Артура Конана Дойла; наконец, катастрофичные по духу главные романы Уэллса... Впечатляющий список, в котором достойное место заняли и книги Уиндема. Более традиционные варианты катастрофы — например, вторжение инопланетян — изображены писателем в двух других произведениях. В романе «Кракен пробуждается»

(1953; другое название — «Из глубины») космические агрессоры сначала предусмотрительно заселяют океан и растапливают полярные шапки — с целью, надо сказать, предельно прагматической: расчистить себе требуемое «жизненное пространство». А в «Кукушках Мидвича» (1957), также выходивших под названием «Деревня проклятых» (как и экранизация английского режиссера Джеймса Лоузи), инопланетяне «бесконтактно» оплодотворяют всех женщин в ничем не примечательной английской деревне. Правда, на сей раз не имея агрессивных намерений, агрессорами и ксенофобами оказываются сами земляне, уничтожающие родившееся потомство сверхчеловеков... Такая же судьба может постигнуть и других «вундеркиндов» — наделенных даром телепатии мутантов, героев романа «Перерождение» (1955), более известного под названием «Куколки» (или «Хризалиды»). На сей раз действие отнесено далеко в будущее, в классический «пост-атомный» мир на радиоактивном пепелище. В общинах выживших возрождены давние предрассудки против чужих, непохожих, отклоняющихся от нормы: рождающимся время от времени детям-мутантам грозит неизбежная смерть, а «норма» становится все жестче. Говоря об экранизациях произведений Уиндема, следует упомянуть еще о фильме-продолжении — «Дети проклятых» (1963) и вышедшей в том же году киноверсии «Дня триффидов» (1963), а также фильме «Поиск любви» (1971), представляющем экранизацию рассказа «Поиски наугад». Все эти картины, за исключением фильма Лоузи, вышедшего на экраны в 1960 году, большими удачами не назовешь. Обыденный стандарт возведен в своего рода религиозный канон. Почему с переводом этого романа так тянули в застойные годы, объяснять, думаю, не требуется. Главные «романы-катастрофы» Уиндема пришлось по вкусу и массовому читателю, обожающему пощекотать себе нервы картинами чужих страданий, и критикам, увидевшим в них продолжение британской школы «литературной» научной фантастики. При этом соотечественники писателя увидели в его фантастических книгах еще и отражение реальных страхов, окружающих их в жизни: распад и агония Британской империи, первые намеки на экологическую катастрофу и общий тупик, куда все более очевидно заводила людей технологическая цивилизация... Книги Уиндема никогда не становились литературной или «масс-литературной» сенсацией, не завоевывали премий и не вызвали скандал или же культовое поклонение. Но они всегда переиздавались, включались в школьные и университетские курсы литературы — и неизменно присутствовали в списках самых представительных образчиков фантастической литературы XX века.

Другие книги писателя, по общему мнению, значительно уступают вышеперечисленным. Это прежде всего цикл связанных новелл об освоении космоса — тот самый «Зов пространства» (1959), подписанный «соавторами». А кроме того, роман «Во всем виноват лишайник» (1960), в котором открытый «эликсир бессмертия» врачи и политики вынуждены держать в тайне (ибо легко представить, что произойдет, если о нем узнают до массового производства снадобы); еще одна история юного супермена, наделенного экстрасенсорными способностями, — короткий роман «Чокки» (1968); и,

наконец, посмертно изданная «Паутина» (1979). Однако Уиндем завоевал еще и репутацию мастера короткой формы. Многие его рассказы и повести, составившие сборники «Жизель» (1954), «Смешки и мурашки» (1956), «Семена времени» (1956), «Ступай к муравью...» (1961; выходил также под названием «Бесконечный момент») и другие, — ныне справедливо причислены к классике. Среди них особенно выделяются различные «путевые дневники» путешественников во времени, на себе испытавших специфические парадоксы — хроноклазмы (типа: что произойдет, если герой в прошлом убьет своего прадедушку или соблазнит прабабушку?). Между тем многие ли знатоки фантастики в курсе, что и этот ставший привычным неологизм изобретен не кем иным, как Уиндемом? Я напомним лишь некоторые рассказы, известные по переводам: «Видеорама Пооли», «Странно...», «Хроноклазм». И уж если речь пошла о парадоксальности мышления автора, то ее, на мой взгляд, лучшим образом демонстрирует саркастический рассказ «Контур сострадания». В этой новелле Уиндем делает изящный реверанс в сторону коллеги Азимова: верный робот-слуга, не в силах более глядеть на мучения хозяев, в полном следовании Первому Закону Роботехники избавляет несчастных от постоянных источников этих мучений — их бранных и болезненных тел... После триумфа своих главных романов 1950 годов Уиндем не прекращал писать, хотя и с меньшей интенсивностью и, увы, далеко не столь успешно. По стандартам западного книжного рынка он вообще создал на удивление мало: каких-то неполных 20 книжек за три десятка лет. И жизнь прожил какую-то несуетную и отчужденную. Настолько неяркую, что о ней вообще мало что известно. Единственный сын своих родителей, Джон Бейнон Харрис собственной семьи не сподобился создать аж до той поры, пока не стукнул седьмой десяток! Не случайно именно Уиндему принадлежит одна из самых резких и язвительных «женских утопий» (фактически — жесткая антиутопия) в западной фантастике — повесть «Ступай к муравью...» (1956). В ней изображена ситуация, когда все мужское население вымерло и представительницам прекрасного пола теперь никто не мешает устроить жизнь «правильно»; за подобные выпады сегодняшние одержимые феминистки писателя просто распяли бы... К счастью, до всеобщего экстремизма сегодняшних дней — и даже «горячего» конца шестидесятых — Джон Уиндем не дожил. И впервые надумал жениться, только предусмотрительно отпраздновав 60-летний юбилей. Его браку с Грейс Уилсон не суждено было длиться долго: 11 марта 1969 года 66-летний ветеран английской фантастики умер у себя дома в Петерсфилде. В том самом городе, где он когда-то ходил в школу. Слава Уиндема никогда не вспыхивала как фейерверк. Она и по сей день горит ровно и камерно, как свеча.

В. ГАКОВ

БИБЛИОГРАФИЯ ДЖОНА УИНДЕМА

(Книжные издания)

1. «Тайный народец» [The Secret People] (1935). Под псевд. Джон Бейнон.

2. «Планетолет» [Planet Plane] (1936). Под псевд. Джон Бейнон. Также выходил под названием «Зайцем на Марс» [Stowaway to Mars].

3. «День триффидов» [The Day of the Triffids] (1951). Также выходил под названием «Восстание триффидов» [Revolt of the Triffids]. См. также №14 и 20.

4. «Кракен пробуждается» [The Kraken Wakes] (1953). Также выходил под названием «Из глубин» [Out of the Deepes]. См. также №14 и 20.

5. Сб. «Жизель» [Jizzle] (1954). Включает в себя рассказы: Жизель (Jizzle); Недоглядели (Technical Slip); Подарок из Брансуика (A Present from Brunswick); Китайская головоломка (Chinese Puzzle); Эсмеральда (Esmeralda); Рада с собой познакомиться (How Do I Do?); Уна (Una); Дела сердечные (Affair of the Heart); Я в это не верю!.. (Confidence Trick); Колесо (The Wheel); Будьте естественны! (Look Natural, Please!); Уснуть и видеть сны... (Perforce to Dream); Неиспользованный пропуск (Reservation Deferred); Неотразимый аромат (Heaven Scent); Арахна (More Spinned Against).

6. «Перерождение» [Re-Birth] (1955). Также выходил под названием «Куколки» [The Chrysalids]. См. также №20.

7. Сб. «Смешки и мурашки» [Tales of Gooseflesh and Laughter] (1956). Включает в себя рассказы: Китайская головоломка (Chinese Puzzle); Уна (Una); Колесо (The Wheel); Жизель (Jizzle); Неотразимый аромат (Heaven Scent); Блок сочувствия (Compassion Circuit); Арахна (More Spinned Against); Подарок из Брансуика (A Present from Brunswick); Я в это не верю!.. (Confidence Trick); Другое «я» (Opposite Number); Дикий цветок (Wild Flower).

8. Сб. «Семена времени» [The Seeds of Time] (1956). Включает рассказы: Хроноклазм (The Chronoclasm); Усталый путник, отдохни (Time to Rest); Метеор (Meteor); Выживание (Survival); Видеорама Пооли (Pawley's Peepholes); Другое «я» (Opposite Number); Из огня да в полымя (Pillar to Post); Тупая марсияшка (Dumb Martian); Блок сочувствия (Compassion Circuit); Дикий цветок (Wild Flower). См. также №20.

9. «Кукушки Мидвича» [The Midwich Cuckoos] (1957). Также выходил под названием «Деревня проклятых» [Village of the Damned]. См. также №20.

10. «Толчок вовне» [The Outward Urge] (1959). Под псевд. Джон Уиндем и Лукас Паркс.

11. «Проблема с лишайником» [Trouble with Lichen] (1960). См. также №20.

12. Сб. «Ступай к муравью...» [Consider Her Ways and Others] (1961). Также выходил под названием «Бесконечный момент» [The Infinite Moment]. Включает в себя рассказы: Ступай к муравью... (Consider Her Ways); Странно... (Odd); Где же ты теперь, о где же ты, Пегги Мак-Рафферти? (Oh, Where, Now, Is Peggy MacRafferty?); Прореха во времени (Stitch in Time); Поиски наугад (Random Quest); Большой простофиля (A Long Spoon).

13. «Чокки» [Chocky] (1963).

14. Сб. «Омнибус Джона Уиндема» [The John Wyndham Omnibus] (1964). Объединение №3, 4 и 6.

15. Сб. «Скитальцы во времени» [Wanderers of Time] (1973).

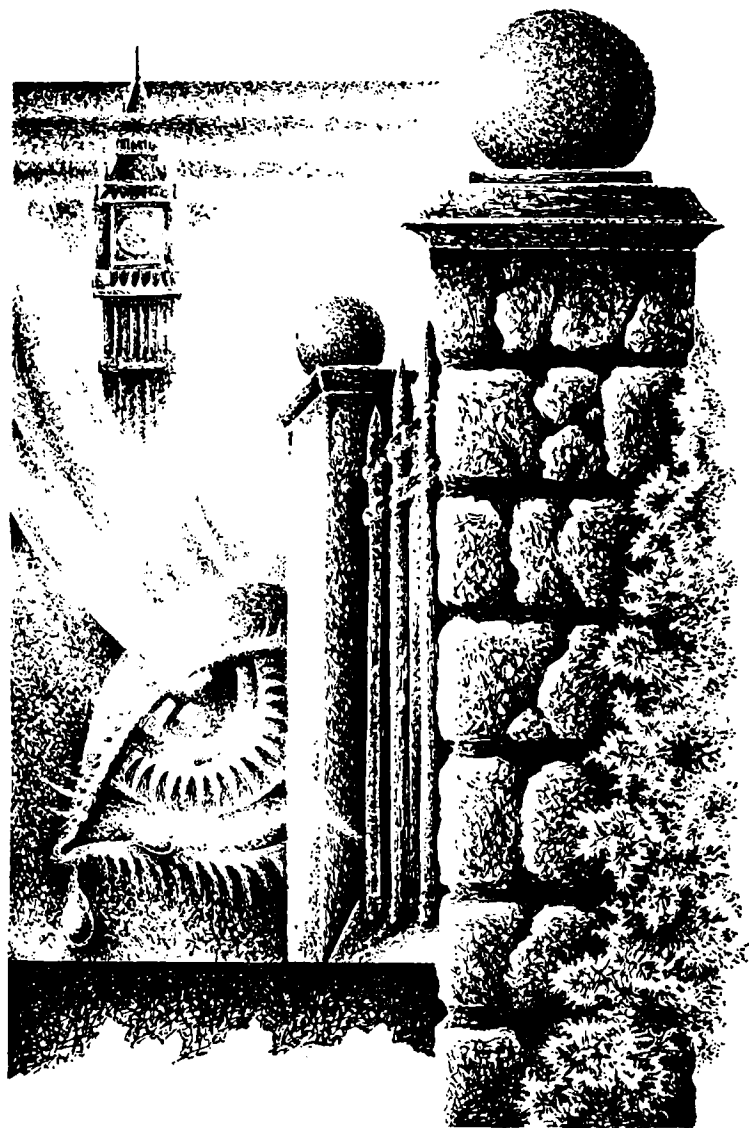
16. Сб. «Спящие Марса» [Sleepers of Mars] (1973).

17. Сб. «Лучшее Джона Уиндема» [The Best of John Wyndham] (1973). Также выходил под названием «Человек извне» [The Man from Beyond] и в виде 2-томника: т.1 — «Лучшее Джона Уиндема 1932—1949» [The Best of John Wyndham 1932—1949], т.2 — «Лучшее Джона Уиндема 1951—1960» [The Best of John Wyndham 1951—1960].

18. Сб. «Изгнанники на Эсперусе» [Exiles on Asperus] (1979). Под псевд. Джон Бейнон.

19. «Паутина» [Web] (1979).

20. Сб. «Джон Уиндем» [John Wyndham] (1980). Объединение №3, 4, 6, 8, 9 и 11.

ДЕНЬ ТРИФФИДОВ

ГЛАВА 1

НАЧАЛО КОНЦА

Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит, что-то неладно.

Я ощутил это, едва проснувшись. Правда, когда мысль моя заработала более четко, я засомневался. В конце концов, не исключалось, что неладное происходит со мной, а не с остальным миром, хотя я не понимал, что же именно. Я недоверчиво выжидал. Вскоре я получил первое объективное свидетельство: далекие часы пробили, как мне показалось, восемь. Я продолжал вслушиваться напряженно и с подозрением. Громко и решительно ударили другие часы. Теперь уже сомнений не было: они размеренно отбили восемь ударов. Тогда я понял, что дело плохо.

Я прозевал конец света, того самого света, который я так хорошо знал на протяжении тридцати лет; прозевал по чистой случайности, как и другие уцелевшие, если на то пошло. Так уж повелось, что в больницах всегда полно людей, и закон вероятности сделал меня одним из них примерно неделю назад. Легко могло получиться, что я попал бы в больницу и две недели назад; тогда я не писал бы этих строк — меня вообще не было бы в живых. Но игрою случая я не только оказался в больнице именно в те дни, но притом еще мои глаза, да и вся голова, были плотно забинтованы, и кто бы там ни управлял этими «вероятностями», мне остается лишь благодарить его.

Впрочем, в то утро я испытывал только раздражение, пытаюсь понять, что за чертовщина происходит в мире, потому что за время своего пребывания в этой больнице я успел усвоить, что после сестры-хозяйки часы здесь пользуются самым большим авторитетом.

Без часов больница бы просто развалилась. Каждую секунду по часам справлялись, кто когда родился, кто когда умер, кому принимать лекарство, кому принимать еду, когда зажигать свет, когда разговаривать, когда работать, спать, отдыхать, принимать посетителей, одеваться, умываться —

в частности, часы предписывали, чтобы меня начинали умывать и приводить в порядок точно в три минуты восьмого. Это было одной из главных причин, по которой я предпочел отдельную палату. В общих палатах эта канитель начиналась зачем-то на целый час раньше. Но вот сегодня часы разных степеней точности уже отбивали по всей больнице восемь, и тем не менее ко мне никто не шел.

Я терпеть не могу обтирания губкой; процедура эта представлялась мне совершенно бессмысленной, поскольку проще было бы водить меня в ванную, однако теперь, когда губка так запаздывала, мне стало не по себе. Помимо всего прочего, губка обыкновенно предшествовала завтраку, а я чувствовал голод.

Вероятно, такое положение огорчило бы меня в любое утро, но сегодня, в эту среду восьмого мая, должно было произойти особенно важное для меня событие, и я вдвойне жаждал поскорее разделаться со всеми процедурами: в этот день с моих глаз собирались снять бинты. Я не без труда нащупал кнопку звонка и задал им трезвону на целых пять секунд, просто так, чтобы дать им понять, что я о них думаю.

В ожидании возмездия, которое неминуемо должна была повлечь за собой такая выходка, я продолжал прислушиваться.

И тогда я осознал, что тишина за стенами моей палаты гораздо более странная, нежели мне показалось вначале. Это была более глубокая тишина, чем даже по воскресеньям, и мне снова и снова пришлось убеждать себя в том, что сегодня именно среда, что бы там ни случилось.

Я никогда не был в состоянии объяснить себе, почему учредители госпиталя св. Меррина решили воздвигнуть это заведение на перекрестке больших улиц в деловом квартале и тем самым обрекли пациентов на вечные терзания. Правда, для тех счастливых, чьи недуги не усугублялись ревом и громом уличного движения, это обстоятельство имело те преимущества, что они, даже оставаясь в постелях, не утрачивали, так сказать, связи с потоком жизни. Вот громяхают на запад автобусы, торопясь проскочить под зеленый свет; вот поросячий визг тормозов и залповая пальба глушителей удостоверяют, что многим проскочить не удалось. Затем стадо машин, дожидавшихся на перекрестке, с ревом и рыканьем устремляется вверх по улице. Время от времени имеет место интерлюдия: раздается громкий скре-

жешущий удар, вслед за которым на улице образуется пробка — ситуация, в высшей степени радующая человека в моем положении, когда он способен судить о масштабах происшествия исключительно по обилию вызванной этим происшествием ругани. Разумеется, ни днем ни ночью у пациента св. Меррина не было никаких шансов вообразить себе, будто обычная жизнь прекратила течение свое потому только, что он, пациент, временно выбыл из игры.

Но этим утром все изменилось. Необъяснимо и потому тревожно изменилось. Не громыхали колеса, не ревели автобусы, не слышно было ни одного автомобиля. Ни тормозов, ни сигналов, ни даже стука подков — на улицах еще время от времени очень редко появлялись лошади. И не было слышно множественного топота людей, обычно спешащих в это время на работу.

Чем дольше я вслушивался, тем более странным все представлялось и тем меньше мне нравилось. Мне кажется, я слушал минут десять. За это время до меня пять раз донеслись неверные шаркающие шаги, трижды я услышал вдали нечленораздельные вопли и один раз истерический женский плач. Не ворковали голуби, не чирикали воробьи. Ничего, только гудел в проводах ветер...

У меня появилось скверное ощущение пустоты. Это было то самое чувство, которое охватывало меня в детстве, если я начинал фантазировать, будто по темным углам спальни прячутся призраки; тогда я не смел выставить ногу из страха, что кто-то протянется из-под кровати и ухватит меня за лодыжку; не смел даже протянуть руку к выключателю, чтобы кто-то не прыгнул на меня, едва я пошевелюсь. Теперь мне снова пришлось бороться с этим ощущением, как я боролся с ним когда-то ребенком в темной спальне. Просто поразительно, какие мы еще дети, когда дело доходит до испытаний такого рода. Оказывается, древние страхи все время шагали рядом со мной, выжидая удобного момента, и вот этот момент наступил — и все потому только, что мои глаза закрыты бинтами и прекратилось уличное движение...

Я взял себя в руки и попробовал рассуждать логически. Почему прекращается уличное движение? Обычно потому, что улицу перекрывают для ремонтных работ. Все очень просто. В любой момент на сцене могут появиться пневматические молотки, которые внесут разнообразие в слуховые впечатления многострадальных пациентов.

Но у логики есть один недостаток: она не останавливается на полпути. Она немедленно подсказала мне, что шума уличного движения нет даже вдаль, что не слышно ни гудков электричек, ни сирен буксиров. Не слышно было решительно ничего, пока часы не начали отбивать четверть девятого.

Искушение посмотреть — бросить всего-навсего один взгляд краешком глаза, не больше, просто составить какое-то представление о том, что же, черт побери, происходит, — было огромно. Но я обуздал его. Во-первых, легко сказать: бросить один взгляд. Для этого мне пришлось бы не просто приподнять повязку, а размотать множество прокладок и бинтов. Но, что самое важное, я боялся. После недели полной слепоты не вдруг наберешься храбрости шутить шутки со своим зрением. Правда, снять с меня бинты было решено именно сегодня, но это собирались сделать при специальном сумеречном свете, причем мне разрешили бы остаться без бинтов лишь в том случае, если бы обследование показало, что с глазами у меня все в порядке. Я не знал, в порядке ли мои глаза. Могло оказаться, что зрение испорчено. Или что я вообще ослеп. Я ничего не знал...

Я выругался и снова нажал на кнопку звонка. Это доставило мне некоторое облегчение.

Никто, по-видимому, звонками не интересовался. Во мне поднималось раздражение, такое же сильное, как тревога. Унизительно, конечно, пребывать от кого-то в зависимости, но куда более скверно, когда зависеть не от кого. Терпение мое истощилось. Необходимо что-то предпринять, решил я.

Если я заору в коридор и вообще начну скандалить, то кто-нибудь обязательно явится — хотя бы для того, чтобы обругать меня. Я отбросил простыню и вылез из кровати. Я ни разу не видел своей палаты, и хотя на слух я довольно точно представлял себе, где находится дверь, найти ее оказалось вовсе не просто. Несколько непонятных и ненужных препятствий встретились мне на пути, я ушиб палец на ноге и ободрал голень, но мне удалось пройти через палату. Я высунул голову в коридор.

— Эй! — закричал я. — Дайте мне завтрак! В палату сорок восемь!

Секунду стояла тишина. Затем послышался рев голо́сов, вопивших одновременно. Казалось, их были сотни, и нельзя было различить ни единого слова. Как будто я включил

запись шума толпы, причем толпы, настроенной очень воинственно. У меня мелькнула дикая мысль, что, может быть, меня, пока я спал, переправили в дом умалишенных, что здесь не госпиталь св. Меррина. Эти голоса просто не могли принадлежать нормальным людям. Я торопливо захлопнул дверь, чтобы оградить себя от этого столпотворения, и ошущью вернулся на кровать. В этот момент кровать представлялась мне единственным безопасным и спокойным местом во всем жутком мире. И словно в подтверждение этого, в палату ворвался новый звук, и я замер с простыней в руках. С улицы донесся вопль, дикий и отчаянный, от которого кровь застыла у меня в жилах. Он повторился трижды, и когда он затих, мне все еще казалось, что он звенит в воздухе.

Я содрогнулся. Я чувствовал, как щекочут мой лоб под бинтами струйки пота. Теперь я знал, что происходит нечто страшное. И я не в силах был больше выносить одиночество и беспомощность. Я должен был знать, что вокруг меня происходит. Я поднял руки к бинтам — мои пальцы коснулись булавок, и тут я остановился...

Что, если лечение было неудачным? Что, если я сниму бинты и окажется, что я слепой? Тогда будет еще хуже, во сто крат хуже...

Я уронил руки и лег на спину. Я злился на себя и больницу, и я произнес несколько глупых беспомощных ругательств.

Вероятно, прошло некоторое время, прежде чем я вновь обрел способность рассуждать последовательно. Я вдруг осознал, что снова ищу возможность объяснения происходящему. Объяснений я не нашел. Зато я окончательно убедился, что сегодня среда, какая бы там чертовщина ни происходила. Ибо вчерашний день был весьма примечателен, а я мог поклясться, что после него прошла всего одна ночь.

В хрониках вы прочтете, что во вторник седьмого мая Земля в своем движении по орбите прошла через облако кометных осколков. Вы можете даже поверить в это, если вам угодно, ведь поверили же миллионы людей. Возможно, так оно и было в самом деле. Я не могу привести доказательства ни «за», ни «против». Я не был в состоянии увидеть, что происходило; но у меня есть на этот счет кое-какие мысли. По-настоящему я знаю только то, что я провел вечер в кровати, выслушивая свидетельства очевид-

цев о небесном явлении, которое было провозглашено самым поразительным в истории человечества.

Между прочим, пока оно не началось, никто ни слова не слышал о предполагаемой комете или об ее осколках...

Не знаю, для чего понадобился радиорепортаж об этом, когда и так все, кто мог ходить, ковылять на костылях и передвигаться на носилках, были под открытым небом или возле окон, наслаждаясь зрелищем самого грандиозного из даровых фейерверков. Тем не менее радиокомментатор болтал не умолкая, и это с особенной силой заставило меня прочувствовать, как это тяжело — быть слепым. Я решил, что, если лечение окажется неудачным, я лучше покончу с собой.

Днем в выпусках сообщалось, что предшествующей ночью в небе над Калифорнией наблюдались какие-то яркие зеленые вспышки. В Калифорнии обычно происходит столько всякой всячины, что вряд ли кто-нибудь принял это сообщение всерьез, однако сообщения продолжали поступать, возникла версия о кометных осколках, и эта версия восторжествовала.

Из всех районов Тихого океана приходили описания ночи, озаренной блеском зеленых метеоров. В описаниях говорилось: «Метеоры падают такими обильными потоками, что кажется, будто само небо крутится вокруг нас». Да так оно и должно было быть, наверное.

По мере того как линия ночи передвигалась к западу, яркость зрелища отнюдь не ослабевала. Отдельные зеленые вспышки стали видны еще до наступления темноты. Диктор, комментировавший это явление в шестичасовом выпуске вечерних новостей, заметил, что оно создает помехи радиоприему на коротких волнах, но что на средние волны, на которых ведется настоящая передача, и на телевидение оно влияния не оказывает. Он назвал это явление потрясающей картиной и настоятельно советовал не упустить случая полюбоваться ею. Он мог бы не затруднять себя советами. По тому, как взбудоражены были все в больнице, я мог судить, что случая полюбоваться потрясающей картиной не упустит никто, кроме меня.

И словно мне мало было болтовни диктора, просвещать меня сочла своим долгом также и нянечка, которая принесла мне ужин.

— Небо просто кишит падучими звездами, — сказала она. — Все они зеленые и яркие. От них лица такие страшные, как у мертвецов. Все на улицах, там сейчас светло, как

днем, только что цвет другой. Иногда падают такие большие звезды, что глазам больно. Волшебное зрелище. Говорят, раньше никогда такого не было. А жалко, что вам нельзя этого видеть, правда?

— Правда, — сказал я несколько резко.

— Мы во всех палатах подняли шторы, все больные смотрят, — продолжала она. — Если бы не эти бинты, вы все увидели бы прямо отсюда.

— О, — сказал я.

— А на улице видно еще лучше. В парках и в Хите, говорят, собрались тысячи людей, стоят и глядят. И на всех плоских крышах тоже люди, все смотрят вверх...

— Не слыхали, сколько это будет продолжаться? — терпеливо спросил я.

— Нет, не слыхала. Говорят, правда, что сейчас они уже не такие яркие, как в других местах. Только знаете что? Даже если бы вам сегодня сняли эти бинты, смотреть все равно не разрешили бы. Глаза сначала надо будет беречь, а некоторые звезды такие яркие. Они... У-ух!

— Что — ух? — спросил я.

— Какая сейчас была яркая, вся палата сделалась зеленой. Право, так жалко, что вам нельзя этого видеть.

— Действительно, — согласился я. — А теперь, милочка, ступайте отсюда.

Я попробовал слушать радио, но оно издавало все те же «ухи» и «ахи» вперемежку с пошлыми благоглупостями о «величественном зрелище» и «уникальном явлении», и так было, пока у меня не появилось ощущение, будто для всего мира дается бал, на который не пригласили только меня одного.

Выбора у меня не было, так как в больнице радио передавало только одну программу: хочешь — слушай, хочешь — нет. Через некоторое время я стал догадываться, что спектакль пошел на убыль. Диктор посоветовал всем, что еще не видел, немедленно пойти и увидеть, чтобы не жалеть потом всю жизнь.

Основная идея состояла, видимо, в том, чтобы убедить меня, что я упустил ту самую возможность, ради которой родился на свет. В конце концов мне это надоело, и я выключил радио. Последнее, что я слышал, было сообщение о том, что зрелище быстро идет к концу и что мы, вероятно, через час-другой выйдем из зоны обломков.

Все это происходило вчера вечером, в этом не было никакого сомнения. Прежде всего, случись это раньше, я

был бы куда более голоден, чем сейчас. Ладно, но что же тогда все это значит? Неужели вся больница, весь город праздновали эту ночь так, что до сих пор не могут очухаться?

Тут рассуждения мои были прерваны хором часов, близких и далеких, которые начали отбивать девять.

В третий раз я принялся терзать звонок. И пока я лежал в ожидании, мне послышалось, будто за дверью кто-то возится. Это было что-то вроде всхлипываний, шуршаний и шарканний, время от времени заглушаемых отдаленными криками.

Но в палату ко мне никто не вошел.

К этому времени мне было уже совсем плохо. Жуткие детские фантазии вновь овладели мною. Я напряженно ждал, что вот-вот откроется невидимая дверь и чудовищные призраки обступят меня. Я не был даже уверен, что кто-то или что-то не находится уже здесь, рядом, и не крадется неслышным шагом через палату...

Не могу сказать, что я вообще подвержен подобным штукам. Во всем виноваты проклятые бинты у меня на глазах и страшные крики в коридоре, отозвавшиеся на мой зов. Мною овладели призраки, а когда призраки овладевают человеком, сладить с ними трудно. Их уже не прогонишь веселым свистом или мурлыканьем песенки себе под нос.

Передо мной, наконец, в упор встал вопрос: что для меня страшнее — рискнуть зрением и снять бинты или оставаться во мраке со своими призраками?

Не знаю, что бы я сделал, случись это двумя днями раньше, — возможно, то же самое, — но в этот день я по крайней мере мог сказать себе: «Ладно, провались оно все, обратимся к здравому смыслу. Ведь бинты все равно должны были снять сегодня. Рискну».

Одно обстоятельство делает мне честь. Я не настолько ополоумел от страха, чтобы сорвать с себя бинты немедленно. У меня достало здравого смысла и присутствия духа сначала встать с постели и опустить шторы. И только после этого я взялся за булавки.

Когда я снял повязки и обнаружил, что вижу в полутьме, я ощутил такое облегчение, какого не знал никогда раньше. Затем, убедившись, что ни злоумышленников, ни привидений нет ни под кроватью, ни вообще в палате, я первым делом подтащил к двери кресло и подпер им дверную ручку. После этого я почувствовал себя более уверенно. Я заста-

вил себя привыкать к дневному свету постепенно, и на это у меня ушел целый час. К исходу этого часа я точно знал, что благодаря своевременной первой помощи и умелому лечению глаза мои видят так же хорошо, как прежде. Но никто ко мне не приходил.

На нижней полке тумбочки я обнаружил темные очки, заботливо приготовленные для меня. Из осторожности я надел их и только тогда подошел к окну. Нижняя часть его не открывалась, так что поле зрения было ограничено. Засматривая вниз и по сторонам, я увидел на улице двух-трех человек, которые брели вдалеке странной, неуверенной походкой, словно не зная, куда направиться. Но больше всего — и сразу же — меня поразила резкая и отчетливая видимость; даже отдаленные здания за крышами напротив вырисовывались необыкновенно ясно и четко. И тогда я заметил, что в городе не дымит ни одна труба...

Мой костюм был аккуратно повешен в шкафу. Когда я оделся, то почувствовал себя совсем хорошо. В портсигаре оказалось несколько сигарет. Я закурил и понемногу начал видеть мир совсем в ином свете: все казалось мне по-прежнему очень странным, но я уже сам не понимал, как это я поддался панике.

В наши дни не так-то просто вернуться к прежнему взгляду на вещи. Теперь каждый должен уметь рассчитывать во всем на себя. А тогда все было так регламентировано, так переплетено... Каждый столь неукоснительно играл свою маленькую роль, что нетрудно было принять привычку и обычай за закон природы, и когда установленный порядок как-нибудь нарушался, это влекло за собой серьезные последствия.

Если вы прожили половину жизни с определенными представлениями, то изменить их за пять минут невозможно. Оглядываясь назад, на тогдашний мир, я удивляюсь и даже как-то злюсь из-за того, что мы так мало знали и не хотели знать о своей повседневной жизни. Я практически ничего не знал, например, о том, как поступают ко мне продукты питания, откуда берется чистая вода, как ткут и шьют мою одежду, каким образом канализация содержит города в чистоте, и о других обыкновенных вещах. Наша жизнь представляла собой сложное взаимодействие специалистов, которые справлялись со своими обязанностями более или менее эффективно и требовали того же от остальных. Вот почему мне не верилось, что больница дезорганизована полностью. Я был уверен в том, что кто-то где-то

продолжает держать ее в руках — только, к сожалению, этот кто-то совершенно забыл о палате сорок восемь.

Тем не менее, когда я все-таки снова подошел к двери и выглянул в коридор, мне пришлось признать, что дезорганизация коснулась не только единственного обитателя сорок восьмой палаты.

В коридоре не было ни души, хотя я слышал в отдалении приглушенный шум голосов. Слышались шаркающие шаги, время от времени в пустоте коридоров отдавалось эхо громкого выкрика, но не было ничего похожего на сумасшедший рев, который так напугал меня. На этот раз кричать я не стал. Я осторожно переступил через порог. Почему осторожно? Не знаю. Просто было вокруг что-то настораживающее.

В гулком здании трудно определить, откуда доносятся звуки, но с одной стороны коридор кончался французским окном с матовыми стеклами, на которых лежала тень балконных перил, и я направился в другую сторону. За поворотом секция отдельных палат кончалась, и я очутился в более широком коридоре.

Сначала мне показалось, что в этом коридоре тоже нет никого, а затем, сделав несколько шагов, я заметил человеческую фигуру, выступившую из тени. Это был мужчина в белом халате; наброшенном поверх черной куртки и полосатых брюк. Я решил, что он один из штатных врачей больницы, только непонятно было, почему он так жмет к стене и пробирается словно на ощупь.

— Эй, послушайте, — сказал я.

Он мгновенно остановился. Его лицо, обращенное ко мне, было серым и испуганным.

— Вы кто? — спросил он неуверенно.

— Меня зовут Мэйсен, — ответил я. — Уильям Мэйсен. Я здешний пациент — сорок восьмая палата. Я вышел, чтобы узнать, почему...

— Вы зрячий? — быстро прервал он меня.

— Разумеется! Я снова превосходно вижу. Вылечили меня просто чудесно. Только ко мне все не приходили снять бинты, и я сделал это сам. Мне кажется, ничего худого в этом нет. Я взял...

Но он снова прервал меня:

— Пожалуйста, отведите меня в мой кабинет. Мне непременно нужно позвонить.

Я все еще не мог понять, в чем дело. Но этим утром меня сбивало с толку буквально все.

— Где это? — спросил я.

— Пятый этаж, западное крыло. На двери табличка «Доктор Сомс».

— Ладно, — сказал я с некоторым удивлением. — А где мы находимся сейчас?

Он помотал головой, его лицо напряглось и выразило крайнее раздражение.

— Да откуда мне знать, будь оно все проклято? — резко произнес он. — Глядите глазами, черт побери, вы же зрячий! Вы что, не видите, что я ослеп?

Нет, этого не было заметно. Его глаза были широко раскрыты и смотрели, как мне казалось, прямо на меня.

— Подождите минуту, — сказал я. Я отошел и огляделся. На стене напротив лифта я обнаружил большую цифру «5». Я вернулся и сказал ему об этом.

— Хорошо, — проговорил он. — Возьмите меня за руку. Когда выходишь из лифта, нужно свернуть направо. Затем первый коридор налево, третья дверь.

Я последовал его указаниям. Мы не встретили никого на своем пути. В кабинете я подвел его к столу и вложил ему в руку телефонную трубку. Несколько секунд он слушал. Затем он ощупью поискал на столе, нашел телефон и нетерпеливо постучал по рычагу. Выражение его лица медленно менялось. Раздражение и тревога исчезли. Он выглядел теперь просто усталым, очень усталым. Он положил трубку на стол. Несколько секунд он стоял молча и словно бы глядел прямо перед собой на противоположную стену. Затем он повернулся ко мне.

— Бесполезно, — сказал он. — Не работает. Вы еще здесь?

— Да, — ответил я.

Его пальцы ощупали край стола.

— Куда я обращен лицом? Где это проклятое окно? — спросил он вновь раздраженно.

— Прямо у вас за спиной.

Он повернулся и шагнул к окну, расставив руки. Он осторожно ощупал подоконник и край рамы, затем отступил назад. Прежде чем я понял, что он собирается делать, он с размаху всем телом ударился в стекло и выбросился наружу...

Я не стал смотреть. Все-таки это был пятый этаж.

Придя в себя, я тяжело повалился в кресло. Я взял из пачки на столе сигарету и закурил. Руки у меня тряслись.

Так я просидел несколько минут, стараясь подавить дурноту. Вскоре она прошла. Я вышел из кабинета и вернулся туда, где встретился с ним. Когда я добрался до этого места, я все еще чувствовал себя не совсем хорошо.

В дальнем конце коридора я заметил дверь в палату. Стеклопанные створки были матовые, только на уровне глаз темнели прозрачные овалы. Я подумал, что в палате должна быть дежурная, которой можно сообщить о самоубийстве врача.

Я отворил дверь. В палате было темно. Вероятно, шторы опустили вчера вечером, когда окончился небесный спектакль, да так и не подняли.

— Нянечка! — позвал я.

— Нету ее здесь, — сказал мужской голос. — Ее здесь давно нету, уже несколько часов... Слушай, приятель, подними ты эти проклятые шторы, что мы здесь в темноте валяемся. Ума не приложу, что это нынче стряслось с этой проклятой больницей...

Я поднял шторы на ближайшем окне, и в палату ворвался столб яркого солнечного света. Это была хирургическая палата, в ней находилось около двадцати лежащих больных. Большинство были с повреждениями ног, некоторые, кажется, с ампутированными конечностями.

— Ну что ты там возишься, приятель? — произнес тот же голос. — Поднимай же их.

Я повернулся и взглянул на говорившего. Это был смуглый дородный мужчина с обветренным лицом. Он сидел на постели лицом ко мне и к солнечному свету. Глаза его смотрели прямо на меня, и глаза его соседа, и глаза остальных...

Несколько секунд я молча глядел на них. Мне нужно было справиться с собой. Затем я сказал:

— Я... они... там что-то заело. Пойду поищу кого-нибудь, чтобы исправили.

С этими словами я вылетел из палаты.

Меня трясло, и мне хотелось глотнуть чего-нибудь крепкого. Я начинал понимать. Но поверить, что все, все до одного в этой палате ослепли, как тот врач, было невозможно. И тем не менее...

Лифт не работал, и я стал спускаться по лестнице. Этажом ниже я взял себя в руки и, набравшись смелости, заглянул в другую палату. Постели там были разбросаны.

Сперва мне показалось, что палата пуста, но это было не так... не совсем так. На полу лежали двое в ночном белье. Один был весь в крови, у другого был такой вид, словно его хватил удар. Оба были мертвы. Остальные ушли.

Вернувшись на лестницу, я понял, что большая часть отдаленных голосов, которые я слышал все время, доносились снизу; теперь они стали ближе и громче. Мгновение я колебался, но ничего другого мне не оставалось, как продолжать спускаться.

На следующем повороте я едва не упал, споткнувшись о тело, лежавшее поперек дороги. Ниже, на лестничной площадке лежал еще один человек, который, видимо, тоже споткнулся, но не удержался на ногах и раскроил себе череп о каменные ступени.

В конце концов я добрался до последнего поворота, откуда мне открылся вестибюль. Вероятно, все, кто был способен передвигаться, инстинктивно бросились сюда — либо в надежде найти помощь, либо чтобы выбраться на улицу. Возможно, некоторые сумели выйти. Одна из парадных дверей была распахнута настежь, но большинство больных не могли найти ее. Это была плотная толпа мужчин и женщин, почти все в больничном ночном белье, медленно и беспомощно кружащаяся на месте. Тех, кто был на краю толпы, это движение безжалостно прижимало к мраморным углам и лепным украшениям. То один, то другой человек спотыкался, и если толпа позволяла ему упасть, то шансов подняться у него уже не было.

Все это было похоже... Вы видели картины Доре, изображающие грешников в аду? Но Доре не мог изобразить звуков: рыдания, стоны, вопли отчаяния.

Больше минуты или двух я выдержать не мог. Я бросился назад, вверх по лестнице.

Мне казалось, что я должен чем-нибудь помочь им. Может быть, вывести их на улицу. Во всяком случае, прекратить это чудовищное медленное движение по кругу. Но довольно было одного взгляда, чтобы понять, что мне не удалось бы пробраться к выходу и тем более повести их за собой. А если бы и удалось, что дальше?

Я сел на ступеньку и некоторое время сидел, сжимая голову руками, и ужасные крики и стоны все стояли у меня в ушах. Тогда я отправился на поиски и нашел другой путь. Это была узкая служебная лестница, которая вывела меня во двор через черный ход.

Возможно, эта часть рассказа не совсем удалась мне. Все было так неожиданно и так потрясло меня, что какое-то время я сознательно старался не вспоминать подробности. А тогда у меня было такое чувство, будто это кошмар, от которого я отчаянно, но тщетно пытаюсь пробудиться. Выходя во двор, я все еще не решался поверить в то, что видел.

Но в одном-то я был уверен совершенно. Реальность или кошмар, а мне хотелось выпить, как никогда в жизни.

В переулке за воротами не было ни души, однако почти напротив оказался кабачок. Я и сейчас помню, как он назывался: «Герой Аламейна». На железных крючьях над приоткрытой дверью висела вывеска с очень похожим изображением виконта Монтгомери.

Я ринулся прямо туда.

Когда я вошел в общий бар, меня на миг охватило покойное ощущение обыденности. Бар был прозаичен и знаком, как все бары.

Но хотя в этом помещении не было никого, что-то, несомненно, происходило в задней комнате. Я услышал тяжелое дыхание. Хлопнула пробка. Пауза. Затем голос произнес:

— Джин, будь он неладен! К черту!

Зазвенело разбитое стекло. Послышался сдавленный смехок:

— Зеркало, кажись. На что теперь зеркала?

Хлопнула другая пробка.

— Опять проклятый джин, — обиженно сказал голос. — К черту джин!

На этот раз бутылка угодила во что-то мягкое, стукнулась об пол и покатилась, с бульканьем разливая содержимое.

— Эй! — позвал я. — Я бы хотел выпить.

Наступила тишина. Затем голос осторожно осведомился:

— Это кто там?

— Я из больницы. Я хотел бы выпить.

— Что-то не припоминаю вашего голоса. Вы зрячий?

— Да, — ответил я.

— Тогда лезьте через бар, доктор, ради Бога, и найдите мне бутылку виски.

— В таких делах я доктор, это верно, — сказал я.

Я перелез через бар и вошел в заднюю комнату. Там стоял пузатый краснолицый человек с седыми моржовыми

усаами, одетый в брюки и сорочку без воротничка. Он был изрядно пьян. Кажется, он раздумывал, открывать ли бутылку, которую он держал в руке, или запустить ею мне в голову.

— А ежели вы не доктор, то кто вы? — спросил он подозрительно.

— Я был пациентом... но выпить я хочу, как любой доктор, — ответил я и добавил: — У вас опять джин.

— Опять! Вот сволочь, — сказал он и отщвырнул бутылку. Она с веселым звоном вылетела в окно.

— Дайте-ка мне штопор, — сказал я.

Я взял с полки бутылку виски, откупорил ее и вручил ему вместе со стаканом. Себе я налил порцию крепкого бренди, долив немного содовой, затем еще одну порцию. После этого дрожь в моих руках несколько унялась.

Я взглянул на своего собутыльника. Он пил виски, не разбавляя, прямо из горлышка.

— Вы напьетесь, — сказал я.

Он остановился и повернул ко мне голову. Я мог бы поклясться, что его глаза видят меня.

— Напьюсь, сказали тоже! — произнес он презрительно. — Да я уже пьян, черт подери!

Он был настолько прав, что я не стал спорить. Секунду подумав, он объявил:

— Я должен стать еще пьянее. Гораздо пьянее. — Он придвинулся ко мне. — Знаете что? Я ослеп. Слепой, понимаете? Как летучая мышь. И все слепые, как летучие мыши. Кроме вас. Почему вы не слепой, как летучая мышь?

— Не знаю, — сказал я.

— Это все проклятая комета, разрази ее... Это она все наделала. Зелёные падучие звезды... и все теперь слепые, как мыши. Вы видели зеленые звезды?

— Нет, — признался я.

— В том-то и дело. Вы их не видели и потому не ослепли. Все другие их видели, — он выразительно помотал рукой, — и все ослепли, как мыши. Сволочная комета, вот что я скажу.

Я налил себе третью порцию бренди. Мне стало казаться, что в его словах что-то есть.

— Все ослепли? — повторил я.

— Ну да! Все. Наверное, все в мире. Кроме вас, — добавил он, подумав.

— Почему вы знаете?

— Да очень просто. Вы вот прислушайтесь, — предложил он.

Мы стояли рядом, опершись на бар в темном кабаке, и слушали. Ничего не было слышно — ничего, кроме шороха грязной газеты, которую ветер гнал по пустой улице. И эта тишина включала в себя все, что было здесь забыто тысячу лет назад, а то и больше.

— Поняли? — сказал он. — Это само собой ясно.

— Да, — сказал я медленно. — Да. Теперь я понимаю.

Я решил, что пора идти. Я не знал куда. Но мне нужно было узнать как можно больше о том, что происходит.

— Вы здесь хозяин? — спросил я.

— Ну и что из этого? — сказал он, словно оправдываясь.

— Да ничего, просто я должен уплатить за три двойных бренди.

— А... плюньте вы.

— Но послушайте...

— Плюньте, вам говорят. И знаете почему? Потому что на кой дьявол мертвецу деньги? А я ведь мертвец... все равно что мертвец. Вот только выпью немного еще.

Для своих лет он выглядел весьма крепким мужчиной, и я сказал ему об этом.

— Зачем жить, если ты слепой, как мышь? — злобно отозвался он. — Моя жена так мне и сказала. И она была права... только она храбрее, чем я. Когда она узнала, что детишки тоже ослепли, она что сделала? Легла с ними в постель и открыла газ. Понятно? Только у меня духу не хватило с ними остаться. Жена у меня была храбрая, не то что я. Ничего, я тоже стану смелее. Я скоро вернусь к ним — вот только напьюсь как следует.

Что я мог ему сказать? Все, что я говорил, только злило его. В конце концов он ощупью нашел лестницу и скрылся наверху с бутылкой в руке. Я не пытался ни остановить его, ни следовать за ним. Я стоял и смотрел, как он уходит. Я вышел на безмолвную улицу.

ГЛАВА 2

ПОЯВЛЕНИЕ ТРИФФИДОВ

Это рассказ о событиях моей личной жизни. В нем упоминается огромное количество вещей, исчезнувших навсегда, и я не могу вести его иначе, чем употребляя слова

которыми мы имели обыкновение обозначать эти исчезнувшие вещи, так что они должны остаться в рассказе. А чтобы была понятна общая обстановка, мне придется вернуться к более давним временам, чем день, с которого я начал.

Когда я был ребенком, наша семья — отец, мать и я — жила в южном пригороде Лондона. У нас был маленький дом, который отец содержал ежедневным добросовестным высиживанием за конторкой в департаменте государственных сборов, и маленький сад, в котором отец работал еще более добросовестно каждое лето. Мало что отличало нас от десяти или двенадцати миллионов других людей, населявших тогда Лондон и его окрестности.

Отец был одним из тех виртуозов, которые способны в один миг получить сумму целой колонки чисел — даже в тогдашних нелепых денежных единицах, — и потому, вполне естественно, по его мнению, меня ждала карьера бухгалтера. В результате моя неспособность дважды получить одинаковую сумму одних и тех же слагаемых представлялась отцу явлением загадочным и досадным. И мои преподаватели, пытавшиеся доказать мне, что ответы в математике получаются логически, а не путем некоего мистического вдохновения, один за другим отступались от меня в уверенности, что я неспособен к вычислениям. Отец, читая мои школьные табеля, мрачнел, хотя во всех других отношениях, кроме математики, табеля выглядели вполне прилично. Думаю, его мысль следовала таким путем: нет способности к числам — нет понятия о финансах — нет денег.

— Право, не знаю, что с тобой будет. Что бы ты сам хотел делать? — спрашивал он.

И лет до тринадцати или четырнадцати я, сознавая полную свою никчемность, уныло качал головой и признавался, что не знаю.

Тогда отец тоже качал головой.

Для него мир резко делился на людей за конторками, занимавшихся умственной работой, и людей без конторок, умственной работой не занимавшихся и потому неумытых. Как он ухитрился сохранить такие воззрения, которые успели устареть за целый век до него, я не знаю, но они насквозь пропитали годы моего детства, и я только много позже осознал, что неумение обращаться с числами совсем не

обязательно обрекает меня на жизнь дворника или судомойки. Мне в голову не приходило, что карьеру мне может обеспечить предмет, который интересовал меня больше всего, а отец тоже либо не замечал, либо не обращал внимания на то, что мои отметки по биологии всегда были хорошими

По-настоящему эта проблема была решена для нас появлением триффидов. Но триффиды сделали для меня гораздо больше. Они обеспечили меня профессией и дали возможность жить в достатке. Правда, несколько раз они едва не отняли у меня жизнь. С другой стороны, надо признаться, что они и сохранили ее, ибо именно ожог триффидом уложил меня на больничную койку, где я провел трагический «вечер кометных осколков».

В книгах содержится множество досужих рассуждений относительно внезапного появления триффидов. Большинство этих рассуждений — сплошной бред. Разумеется, триффиды не возникли самопроизвольно, как полагают некоторые простые души. Вряд ли справедлива и гипотеза, рассматривающая появление триффидов как некую разновидность пришествия — этакое знамение, предупреждающее о том, что грядет нечто худшее, если буйный мир не исправится и не станет вести себя прилично. И не из космоса попали к нам их семена в качестве образцов ужасающих форм жизни, населяющих иные, менее благополучные планеты. Я, во всяком случае, отлично знаю, что это не так.

Я узнал о них больше, чем кто бы то ни было, потому что триффиды стали моей специальностью, и фирма, в которой я служил, была тесно, хотя и не совсем честно, связана с их появлением в нашем мире. Тем не менее их истинное происхождение остается неясным. Мое собственное мнение, чего бы оно ни стоило, состоит в том, что триффиды появились в результате серии биологических экспериментов и, по всей вероятности, совершенно случайно. Те, кто знал их истинную генеалогию, не опубликовали ни одного авторитетного документа. Причиной этому было, несомненно, странное политическое положение в ту эпоху.

Мир, в котором мы тогда жили, был просторен, и большая его часть была открыта для любого из нас. Его опутывали шоссе, железные дороги и океанские линии, готовые перенести нас за тысячи миль в целостности и сохранности. Если нам хотелось путешествовать быстрее и мы могли себе это позволить, мы путешествовали на самолетах. В те дни

ни у кого не было нужды таскать с собой оружие и вообще принимать какие-либо меры предосторожности. Вы могли просто встать и отправиться куда вам угодно, и ничто не могло помешать вам, если не считать множества всяких анкет и правил. Сейчас этот одомашненный мир представляется утопией. Тем не менее таким он был.

Молодым людям, которые не знают его, трудно, должно быть, вообразить все это. Наверное, то время представляется им золотым веком, хотя оно далеко не было таковым. Иные могут решить, что подобный благоустроенный мир был скучен, и это тоже не так. Наша планета была довольно занятым местом — по крайней мере для биолога. С каждым годом мы понемногу отодвигали границу произрастания пищевых растений все дальше на север. Там, где всегда были тундры и пустоши, появлялись и давали обильные урожаи новые поля. Возвращались к жизни и покрывались зеленью древние пустыни. Дело в том, что пища была тогда нашей самой насущной проблемой и процесс восстановления посевных площадей и движение границ произрастания культурных растений вызывали у нас не меньше волнений, нежели движение военных фронтов у предыдущих поколений.

Это смещение интереса с мечей на орала было, вне сомнений, социальным прогрессом, но в то же время ошибались оптимисты, когда утверждали, что оно свидетельствует об изменении человеческой натуры. Человеческая натура оставалась прежней — девяносто пять процентов людей жаждали жить в мире, а остальные пять процентов только и ждали случая заварить какую-нибудь кашу. Затишье продолжалось лишь потому, что такого случая не представлялось.

Одним из факторов, которые удерживали милитаристские пять процентов от безобразных выходок, были искусственные спутники. Интенсивные исследования в области ракетной техники дали наконец результаты. Были запущены первые исследовательские спутники. Прошло какое-то время, и на орбитах появились боевые спутники, спутники-бомбы. Было очень неприятно сознавать, что над вашей головой крутятся в неизвестных количествах ужасные средства истребления, крутятся и крутятся себе спокойно, пока кто-то не нажмет кнопку. Еще неприятнее было сознавать, что сделать здесь ничего нельзя. Тем не менее жизнь должна была идти своим чередом, волей-неволей приходилось свы-

каться с этой идеей, а новизна, как известно, живет очень недолго. Время от времени появлялись сообщения о том, что кроме спутников с ядерными боеголовками над нашими головами носятся спутники, начиненные гербицидами, эпизотиками, радиоактивной пылью, инфекционными болезнями — новенькими, с иголки, только что из лабораторий. Трудно сказать, действительно ли существовало это ненадежное и по сути своей предназначенное для истребления без разбора оружие. Но надо иметь в виду, что границы человеческой глупости — особенно глупости, вызванной давящим страхом, — определить трудно. И не исключено поэтому, что в каких-нибудь генеральных штабах набор вирусов, очень неустойчивых и делающихся безвредными уже через несколько дней, мог считаться стратегическим оружием. В конце концов страны заключили между собой молчаливое соглашение ничего не отрицать и не подтверждать относительно боевых спутников, и постепенно общественное мнение переключилось на не менее важную, но менее острую проблему нехватки продовольствия.

Именно в это время на исторической арене появился Умберто Кристофоро Палангес. Впрочем, его появление прошло совершенно незамеченным, и вряд ли те, кто не знал его лично, когда-либо догадывались о его существовании. Я, например, узнал о нем лишь годы спустя, когда уже работал в компании.

Умберто был латиноамериканцем. Его роль в мировом производстве продуктов питания началась с того момента, когда он вошел в контору «Арктической и Европейской компании рыбьих жиров» и показал там бутылку с бледно-розовым маслом.

В «Арктической и Европейской» не проявили никакого энтузиазма. Дела ее шли не совсем хорошо. Тем не менее со временем они все же удосужились подвергнуть оставленный образец анализу.

Прежде всего обнаружилось, что масло это не является рыбьим жиром: это было растительное масло неизвестного происхождения. Вторым откровением явилось то обстоятельство, что в сравнении с этим маслом лучшие рыбы жиры казались дрянной машинной смазкой. Встревожившись, сотрудники «Арктической и Европейской» отправили остаток образца на более тщательное исследование и одновременно разослали торопливые запросы с целью выяснить, не появлялся ли мистер Палангес где-либо еще.

Когда Умберто пришел опять, директор-управляющий принял его с очень лестной обходительностью.

— Какое замечательное масло принесли вы нам, мистер Палангек, — сказал он.

Умберто наклонил черную лоснящуюся голову. Он и сам прекрасно знал это.

— Ничего подобного я в жизни не видел, — признался директор.

Умберто снова наклонил голову.

— Да, вы не видели, — вежливо сказал он. Затем, как бы после раздумья, он добавил: — Но это ничего, сеньор, я думаю, вы еще увидите. И в очень больших количествах. — Он опять подумал. — Оно появится на рынке, я думаю, лет через семь-восемь. — Он улыбнулся.

Директору это показалось невозможным. Он честно сказал:

— Оно лучше, чем наши рыбы жиры.

— Мне так и говорили, сеньор, — согласился Умберто.

— Вы собираетесь торговать им сами, мистер Палангек?

Умберто снова улыбнулся:

— Разве тогда я показал бы его вам?

— Мы могли бы улучшить один из наших жиров синтетическим, — заметил директор задумчиво.

— При помощи некоторых витаминов... но синтез витаминов обойдется слишком дорого, даже если бы вы умели это, — тихо сказал Умберто. — Кроме того, — добавил он, — мне говорили, что это масло все равно с легкостью вытеснит ваши лучшие жиры.

— Гм, — сказал директор. — Ну хорошо, мистер Палангек. Полагаю, вы пришли к нам с предложением. Может быть, мы перейдем прямо к нему?

Умберто объяснил:

— Избавиться от этого затруднения можно двояко. Обычный путь — это предотвратить его или по крайней мере оттянуть до тех пор, пока не оправдает себя капитал, вложенный в существующее оборудование. Это, разумеется, наиболее приемлемый путь.

Директор кивнул. Он-то знал о таких вещах.

— Однако на этот раз я должен вам посочувствовать, потому что, видите ли, это невозможно.

Директор усомнился. Ему хотелось сказать: «Вы так думаете?» Но он подавил это желание и ограничился уклончивым: «О?»

— Другой путь, — продолжал Умберто, — это производить товар самому, пока не стряслось несчастье.

— А! — сказал директор.

— Я полагаю, — сказал Умберто, — мне кажется, я смог бы доставить вам семена этого растения, скажем, через шесть месяцев. Если бы вам пришлось выращивать это растение, вы смогли бы начать производство масла через пять лет или, возможно, полный урожай получился бы через шесть.

— Действительно, как раз вовремя, — заметил директор.

Умберто кивнул.

— Первый путь значительно проще, — сказал директор.

— Если бы он был осуществим, — согласился Умберто. — Но, к сожалению, ваш конкурент для вас недоступен или, скажем, он несокрушим.

Он произнес это утверждение с такой уверенностью, что директор в течение нескольких секунд внимательно глядел на него.

— Понятно, — сказал он наконец. — Хотелось бы знать... э-э... Вы не из Советского Союза, мистер Палангец?

— Нет, — сказал Умберто. — Как правило, я жил в странах западного мира. Но у меня есть различные связи...

Здесь уместно вспомнить, что русские прославились гигантскими работами по обводнению пустынь и степей и по созданию плодородных районов в своей северной тундре. Значительных успехов добилась и их биология, причем в этой области они, конечно, как и все другие государства, имели свои секреты.

— Подсолнечники, — сказал директор рассеянно, как бы размышляя вслух. — Мне случайно известно, что они там сумели увеличить выход подсолнечного масла. Но ведь это совсем не то.

— Да, — согласился Умберто. — Это совсем не то.

Директор посвистел.

— Семена, вы говорите. Вы хотите сказать, что это какой-то новый вид? Потому что, если это какой-то улучшенный известный сорт, который легко...

— Мне объяснили, что это новый вид — нечто совершенно новое.

— Значит, своими глазами вы его не видели? Может быть, это действительно какая-нибудь модифицированная разновидность подсолнечника?

— Я видел фотографию, сеньор. Я не говорю, что там нет ничего от подсолнечника. Я не говорю, что там нет ничего от турнепса. Я не говорю, что там нет ничего от крапивы или даже от орхидей. Но я утверждаю вот что. Если все они приходится этому растению папашами, то эти папаша не узнали бы своего ребенка. И уж во всяком случае они не стали бы им гордиться.

— Понятно. А теперь скажите, какую сумму вы рассчитываете получить от нас за семена этой штуки?

Умберто назвал сумму, которая сразу заставила директора перестать посвистывать. Она заставила директора снять очки и пристально уставиться на собеседника. Умберто это не смутило.

— Судите сами, сеньор, — сказал он, постукивая пальцами о пальцы. — Это трудно. И это опасно, очень опасно. Я не трус, но опасности не доставляют мне удовольствия. Есть еще один человек. Я должен буду увезти его с собой, и ему нужно хорошо заплатить. Там будут и другие, которым тоже нужно заплатить. Кроме того, мне придется купить самолет — реактивный самолет, очень быстрый. Все это стоит дорого. И я говорю вам: это не просто. Вам нужны хорошие семена. Большая часть семян этого растения не всхожа. Чтобы действовать наверняка, я должен буду доставить вам отсортированные семена, очень ценные... Да, это будет не просто.

— Я верю вам. Но все-таки...

— Неужели я прошу так уж много, сеньор? А что вы запоете через несколько лет, когда это масло появится на мировом рынке и ваша фирма разорится?

— Все это надо тщательно продумать, мистер Палангес.

— Ну разумеется, сеньор! — согласился Умберто с улыбкой. — Я могу подождать немного. Но боюсь, что уменьшить сумму я не смогу.

Сумму он не уменьшил.

Открыватель и изобретатель — это бич для бизнеса. Палки в колеса по сравнению с ними — ничто, вы просто меняете сломанные спицы и катите дальше. Но появление нового процесса, нового вещества, когда ваше производство

отлично налажено и работает как часовой механизм, — это сам дьявол во плоти. Иногда даже хуже, чем дьявол. Тогда уже хороши все средства. Слишком многое поставлено на карту. И если вы не в состоянии действовать легально, вам приходится искать другие пути.

Ведь Умберто еще недооценил опасность. Дело было не только в том, что конкуренция нового дешевого масла вытеснила бы с рынка «Арктическую и Европейскую» и ее коллег. Эта реакция пошла бы вширь. Жестокий, хотя, возможно, и не смертельный, удар получило бы производство арахисового масла, оливкового масла и китового жира. Более того, это самым разрушительным образом отразилось бы на зависимых отраслях, производящих маргарин, мыло и сотни других товаров, начиная с косметических кремов и кончая масляными красками. И когда наиболее влиятельные из заинтересованных лиц осознали серьезность угрозы, условия Умберто стали казаться едва ли не скромными.

С ним заключили соглашение: очень уж убедительно выглядел образец масла, хотя все остальное и представлялось несколько туманным.

Фактически все обошлось «Арктической и Европейской» гораздо дешевле, чем она соглашалась заплатить, потому что Умберто исчез со своим самолетом и больше его никогда не видели.

Никто никогда не узнает, что случилось с самим Умберто. Я думаю, что где-то в стратосфере над Тихим океаном его атаковали самолеты, пустившиеся за ним в погоню. Вероятно, он узнал об этом только тогда, когда снаряды с русских истребителей стали рваться у него в кабине.

И я думаю также, что один из этих снарядов вдребезги разбил некий фанерный ящик — тот самый ящик, в котором были упакованы семена.

Может быть, самолет Умберто взорвался, может быть, он просто развалился на куски. Как бы то ни было, я уверен, что, когда обломки начали свое долгое-долгое падение в океан, на их месте осталось в небе легкое облачко, похожее на клуб белого пара.

Но это был не пар. Это были семена, такие бесконечно легкие, что они плавали даже в разреженном воздухе. Миллионы опутанных шелковистой паутинкой семян триффидов, отданных на волю всех ветров, чтобы лететь туда, куда понесут их эти ветры...

Прошли, наверное, недели, а может быть, и месяцы, прежде чем они наконец коснулись земли, многие за тысячи миль от того места, где они начали свой полет.

Повторяю, все это только предположения. Но я не вижу более вероятной причины неожиданного появления этого таинственного растения почти во всех частях света.

Мое знакомство с триффидами состоялось в детстве. Случилось так, что один из первых триффидов в округе вырос в нашем собственном саду. Он уже изрядно развился, когда мы обратили на него внимание, потому что вместе с множеством других сорняков он пустил корни в укромном месте — в мусорной яме за оградой.

Там он никому не мешал и ему никто не мешал. Мы просто время от времени смотрели, как он растет, и не трогали его.

Но триффид, конечно, своеобразное растение, и он не мог в конце концов не вызвать у нас некоторого любопытства. Возможно, наше любопытство не было слишком активным, поскольку всегда можно найти нескольких незнакомцев, которым удастся поселиться в запущенных уголках сада; тем не менее мы нередко говорили друг другу, что этот незнакомец выглядит как-то очень уж странно.

В нынешнее время, когда каждый слишком хорошо знает, как выглядит триффид, трудно восстановить в памяти, какими необычными и в известном смысле иноземными представлялись нам первые триффиды. Насколько я знаю, ни дурных предчувствий, ни тревоги они ни у кого не вызывали. Я полагаю, что большинство людей относились к ним — если только вообще как-нибудь относились — примерно так же, как мой отец.

В памяти моей запечатлена картина, как он озадаченно рассматривает наш экземпляр. Триффиду, вероятно, не больше года. Почти во всех деталях это уменьшенная вдвое копия взрослой особи, только он еще не имел названия и никто еще не видел взрослую особь. Отец нагибается, глядя на него через очки в роговой оправе, ощупывает стебель и тихонько пыхтит в желтоватые усы, что делает всегда, погружаясь в задумчивость. Он исследует прямой ствол и деревянистое основание. Он уделяет особое внимание трем маленьким черенкам, торчащим из основания рядом со стволом, и в этом внимании нет прозрения, одно лишь любопытство. Он разглаживает короткие пучки зеленых кожистых листьев, пропускает их между большим и указательным

пальцами, словно осязание может что-то подсказать ему. Затем он заглядывает в диковинное воронкообразное образование на верхушке стебля и по-прежнему пыхтит сквозь усы в нерешительной задумчивости. Я помню, как он в первый раз поднимает меня на руки, чтобы я тоже посмотрел в эту коническую чашечку. На дне ее я вижу туго скрученную, похожую на молодой, свернутый в улитку листок папоротника, спираль, которая дюйма на два выступает из липкой массы. Я не притрагиваюсь к ней, но я знаю, что вещество это липкое, потому что в нем барахтаются мухи и другие мелкие насекомые.

Отец не раз однообразно удивлялся, какое это странное растение, и обещал непременно пойти куда-то на днях и узнать наконец, что оно такое. По-моему, он так никуда и не ходил, а если бы и пошел, то вряд ли узнал бы что-нибудь в то время.

Триффид был тогда высотой более метра. Должно быть, их было много в округе, и они росли себе спокойно и незаметно, и никто не обращал на них особого внимания — так по крайней мере казалось, потому что если даже биологи и ботаники интересовались ими, публика об этом не знала. И триффид в нашем саду продолжал мирно расти, как и тысячи его собратьев в запущенных уголках по всему белому свету.

Но прошло немного времени, и вот первый триффид вытянул из земли ноги и зашагал.

Такие невероятные способности триффидов, насколько я знаю, впервые обнаружили в Индокитае. Это, между прочим, доказывает, что люди все еще не обращали на триффидов практически никакого внимания. Индокитай был одной из тех областей нашей планеты, где вечно возникали всякого рода неправдоподобные и странные слухи. Эти слухи приобретали популярность, когда в делах наступало затишье, и издателям, чтобы несколько оживить газеты, приходилось прибегать к «духу таинственного Востока». Как бы там ни было, индокитайский случай недолго оставался уникальным. Через несколько недель сообщения о ходячих растениях посыпались с Борнео и Суматры, из Конго, Колумбии, Бразилии и других стран, расположенных вблизи экватора.

На этот раз они все-таки попали в печать. Однако никто еще не осознавал, что эти созревшие особи имеют что-то общее с почтенной мирной травой на нашей мусорной куче.

Осознанию мешало то обстоятельство, что сведения поступали из третьих рук и публиковались с оттенком игривости, которой газеты прикрываются, если речь идет о морских змеях, о редчайших явлениях природы, о телепатии и тому подобном. И только когда появились фотографии, мы сообразили, что наша трава отличается от ходячих экземпляров только размерами.

Кинохроника совершила промах. Возможно, операторы, которые отправились в заморские страны, сумели в награду за беспокойство получить хорошие и интересные кадры, но у продюсеров бытовала теория, будто любая тема продолжительностью более десяти секунд, если это не репортаж о боксерском матче, неминуемо повергает зрителя в скуку. Поэтому то, что впоследствии сыграло такую громадную роль в моей жизни и в жизни множества других людей, я впервые увидел на считанных кадрах, втиснутых между первенством по хулу на Гавайских островах и спуском со стапелей нового линкора. (Это не анахронизм. Линкоры все еще строились; ведь кормиться нужно было и адмиралам.) Мне дали увидеть, как через экран бредут, раскачиваясь, триффиды под аккомпанемент изречений, предположительно соответствующих умственному уровню великого современного кинозрителя.

— А теперь, друзья, получайте, что нашел для вас наш оператор в Эквадоре. Зелень на прогулке! Вам небось такие штуки мерещатся разве что после хорошей попойки, а там, в солнечном Эквадоре, их можно видеть в любое время и без всякого похмелья! Растения-чудовища на походе! Кстати, у меня идея! Давайте научим нашу картошку бегать прямо к нам в кастрюлю. Как тебе это понравится, мамочка?

Короткое время, пока длилась эта сцена, я просидел как замороженный. Вот оно, наше таинственное растение из мусорной ямы, только высотой более двух метров. Я не мог ошибиться... И оно «ходило»!

Основание, которое я увидел тогда целиком впервые, было косматым от множества маленьких волосовидных корешков. Оно было сферической формы, только в нижней его части имелись три тупых, сужающихся к концам выступа. Опираясь на них, основание возвышалось над уровнем почвы на целый фут.

«Шагая», триффид передвигался примерно так, как человек на костылях. Две тупые «ноги» скользили вперед, задняя «нога» подтягивалась к ним, растение наклонялось, и передние «ноги» снова скользили вперед. При каждом шаге

длинный стебель отчаянно мотался — это производило тошнотворное впечатление. Такой способ передвижения выглядел одновременно энергичным и неуклюжим, триффиды в движении смутно напоминали резвящихся молодых слонов. Было такое чувство, что у них вот-вот обдерутся листья или даже сломается стебель. Но при всей своей неказистости они могли «ходить» со скоростью нормального человеческого шага.

Вот примерно все, что я увидел, пока не начался спуск на воду линкора. Немного, но вполне достаточно, чтобы возбудить в мальчишке исследовательский дух. Если эта штуковина может показывать такой фокус в Эквадоре, то почему бы ей не показать такой же у нас в саду? Правда, наша гораздо меньше, но ведь на вид она совершенно такая же...

Через десять минут после возвращения домой я уже окапывал нашего триффиды, осторожно убирая вокруг него землю, чтобы поощрить его к прогулке.

К несчастью, открытие самодвижущихся растений имело один аспект, который операторы не испытали на себе или по каким-то причинам решили скрыть от публики. Во всяком случае, об опасности я не подозревал. Я сидел на корточках, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы не повредить корни, когда на меня обрушился чудовищный удар, и я потерял сознание...

Очнувшись я в постели; мать, отец и доктор сидели рядом и с тревогой глядели на меня. Голова моя раскалывалась, все тело ныло, и, как я узнал потом, лицо мое украшал пухлый кроваво-красный рубец. Меня настойчиво, но напрасно расспрашивали, как случилось, что я валялся в саду без памяти: я не имел ни малейшего представления о том, чем меня ударило. Лишь позже я выяснил, что я, вероятно, был первым в Англии человеком, которого ужалил триффид. Триффид был, разумеется, незрелый. Но еще прежде чем я полностью оправился, отец узнал, как все произошло, и к тому времени когда я снова вышел в сад, он уже совершил над триффидом правосудие и сжег обрубки на костре.

Как только ходячие растения стали установленным фактом, пресса оставила прежнюю сдержанность и устроила им настоящую рекламу. Теперь необходимо было подобрать им название. Ботаники уже привычно барахтались в многосложных латинских и греческих словах, создавая производные от *ambulans* и *pseudopodia*, но газеты и публика

желали чего-нибудь более простого для произношения и не слишком тяжеловесного для заголовков. Если раскрыть газеты того времени, то можно встретить в них такие названия, как

тришоты	трикаспы
тригенаты	тригоны
трилоги	тридентаты
триниты	трипеды
трипеды	трикеты
триподы	триппеты,

а также массу других таинственных слов, которые даже не начинаются обычным «три», хотя почти все они так или иначе включают в себя указание на три «ноги» растения.

Шли споры — публичные и частные, в барах и клубах — о терминах, но постепенно в этой филологической мешанине стал брать верх один термин. В своей первичной форме он оказался не совсем приемлемым, но повседневное употребление сократило его долгое «и», а привычка вскоре добавила для уверенности второе «ф». Так возник общепринятый стандартный термин. Короткое запоминающееся название, зародившееся в редакции какой-то газетки как подходящий ярлык для диковинки — ему суждено было впоследствии сделаться словом, неразрывно связанным с представлением о боли, страхе, несчастье: триффид*...

Первая волна всеобщего интереса скоро спала. Да, действительно, триффиды были немного жутковаты, но в конечном счете именно потому, что они были новинкой. Совершенно так же публика относилась к новинкам прошлых лет — к черным лебедям, гигантским ящерицам, кенгуру. И если на то пошло, разве триффиды более удивительны, чем двоякодышащие рыбы, устрицы, головоастики и сотни других живых существ? Летучая мышь, скажем, это зверек, научившийся летать; отлично, теперь у нас есть растение, научившееся ходить, — и что из этого?

Однако имелись в вопросе о триффидях аспекты, отмахнуться от которых было труднее. Их внезапное появление и тем более их повсеместное распространение представлялись весьма загадочными. Дело в том, что хотя созревали они

* От английского «three feet» (три ноги).

быстрее всего в тропиках, но сообщения о них поступали отовсюду, кроме полярных районов и пустынь.

Публика была удивлена и несколько шокирована, узнав, что триффида — плотоядные растения, что мухи и другие насекомые, попавшие в чашечку, самым настоящим образом перевариваются содержащимся в ней липким веществом. В нашем умеренном поясе мы, конечно, тоже знали о существовании крупных насекомоядных растений, но мы не привыкли, чтобы они находились вне специальных парников, и склонны были усматривать в них что-то неприличное или по крайней мере неправильное. Но настоящую тревогу вызвало открытие, что скрученный жгут, увенчивающий стебель триффиды, представляет собой тонкое трехметровое жало, способное с силой выбрасываться наружу и содержащее достаточно яда, чтобы убить человека, если оно ударяет в незащищенную кожу.

Как только эта опасность была оценена по достоинству, последовало торопливое истребление триффидов; их рубили в куски повсюду, пока кого-то не осенило, что для полного обезвреживания триффиды достаточно удалить у него жало. Только тогда это несколько истерическое избиение пошло на убыль, но ряды триффидов к тому времени уже изрядно поредели. Несколько позже появилась мода иметь одного-двух обезвреженных триффидов у себя в саду. Выяснилось, что отрезанное жало восстанавливается только через два года, и ежегодное урезание вполне гарантирует вашим детям безопасную и забавную игрушку.

В умеренном поясе, где человеку удалось ограничить большинство форм жизни (кроме себя самого) более или менее строгими рамками, статус триффидов был, таким образом, определен вполне четко. Но в тропиках, особенно в джунглях, они быстро сделались бичом Божиим.

Путнику нелегко обнаружить засаду в кустах и зарослях, и едва он вступал в зону поражения, ему навстречу выхлестывалось ядовитое жало. Даже туземец не всегда мог разглядеть неподвижного триффиды, коварно затаившегося возле лесной тропинки. Они были сверхъестественно чувствительны ко всякому движению поблизости от себя, и застать их врасплох было трудно.

Борьба с ними превратилась в тропиках в серьезную проблему. Наилучший способ состоял в том, чтобы отстреливать верхушку стебля вместе с жалом. Туземцы взяли на вооружение длинный легкий шест с кривым ножом на конце;

они пользовались им довольно ловко, если успевали нанести удар первыми, но ничего не получалось, когда триффид вдруг наклонялся вперед и неожиданно увеличивал таким образом радиус поражения на метр-полтора. Вскоре, однако, эти копьеобразные приспособления были вытеснены пружинными ружьями разных типов. Как правило, они стреляли вертящимися дисками, вертящимися крестами и маленькими бумерангами из тонкой стали. Точный бой у них не превышал двенадцати метров, однако при попадании они напрочь срезали стебель и с двадцати пяти метров. Изобретение этого оружия вызвало тихую радость как у властей, которым очень не нравилось, что огнестрельное оружие носит кто попало, так и у населения: острые как бритва метательные снаряды были значительно дешевле и легче, нежели патроны, и восхитительно подходили для бесшумной партизанской войны.

Повсюду продолжались интенсивные исследования триффидов, его природы, образа жизни и внутреннего строения. Были проведены серьезные эксперименты с целью установить в интересах науки, как далеко и как долго способен он ходить; есть у него передняя и задняя части, или он с одинаковой неуклюжестью может двигаться любой стороной вперед; какую долю времени он проводит, зарывшись корнями в землю; как он реагирует на присутствие в почве различных химических веществ, а также масса всяких иных экспериментов, полезных и бесполезных.

Самый крупный экземпляр, найденный в тропиках, достигал в высоту почти трех метров. Европейские экземпляры не превышали двух метров сорока сантиметров, в среднем же они были двух метров десяти сантиметров. Они, по-видимому, легко приспосабливались в самом широком диапазоне климатов и почв. Естественных врагов у них, видимо, не было, если не считать человека.

Но они обладали еще большим числом довольно очевидных особенностей, которые вначале не были замечены наблюдателями. Прошло, например, много времени, прежде чем обратили внимание на то, что триффиды бьют жалом с невероятной точностью и почти всегда целятся в голову. Не сразу заметили и то, что они имеют обыкновение оставаться подле своих жертв. Причина стала ясной, когда узнали, что они питаются не только насекомыми, но и мясом. Жалаящий жгут не обладал мускульной мощностью, чтобы разрывать плоть, но в нем было достаточно силы, чтобы отделять

лоскутья от разложившегося тела и отправлять их в чашечку на стебле.

Не сразу заинтересовались и тремя небольшими голыми черенками у основания стебля. Существовало неясное предположение, будто они как-то связаны с системой размножения — той самой системой, куда ботаники обыкновенно зачисляют на первый случай все сомнительные органы, пока они не будут как следует изучены и поняты. Поэтому стали считать, что свойство этих черенков вдруг приходить в движение и выстукивать барабанную дробь о главный стебель является своеобразным проявлением триффидных любовных устремлений.

Я был ужален в детстве, в самом начале эры триффидов. Этот несчастный случай, возможно, стимулировал мой к ним интерес, ибо, кажется, с той поры у меня с ними установилось что-то вроде связи. Я провел — или, с точки зрения моего отца, «потратил» — много времени, зачарованно наблюдая за ними.

Нельзя упрекать отца за то, что он считал это пустым времяпрепровождением. И тем не менее позже оказалось, что время было проведено далеко не худшим образом, потому что как раз перед тем, как я закончил школу, «Арктическая и Европейская компания рыбьих жиров» реорганизовалась, утратив в процессе реорганизации из своего названия слово «рыбьих». Публика узнала, что «Арктическая и Европейская», а также другие подобные фирмы за границей собираются выращивать триффидов в больших масштабах на предмет получения ценных масел и соков и производства питательных кормовых жмыхов. Таким образом, триффиды в одну ночь вошли в царство большого бизнеса.

Я тут же определил свое будущее. Я обратился в «Арктическую и Европейскую», где мои данные позволили мне получить работу в сфере производства. Неудовольствие отца было несколько смягчено размерами зарплаты, весьма хорошей для моего возраста. Но когда я с энтузиазмом заговорил о будущем, он только с сомнением запыхтел в усы. Он верил лишь в такую работу, которая имела давно установившиеся традиции; впрочем, он мне не препятствовал. «В конце концов, — снисходительно заметил он, — если эта штука кончится пшиком, ты будешь еще достаточно молод, чтобы приняться за что-либо более солидное».

Приниматься за что-либо более солидное мне не пришлось. Пятью годами позже отец и мать погибли при крушении прогулочного автобуса, но им еще довелось увидеть, как новые фирмы вытеснили с рынка все конкурирующие масла, и те из нас, кто вступил в дело с самого начала, могли, очевидно, считать себя обеспеченными на всю жизнь.

Одним из вступивших с самого начала был Уолтер Лакнор.

Вначале фирма колебалась, брать ли Уолтера. Он мало понимал в агрономии, еще меньше в делах и не имел никакой квалификации для лабораторных работ. С другой стороны, он очень много понимал в триффидях, у него была врожденная сноровка обращаться с ними.

Я не знаю — могу только догадываться, — что случилось с Уолтером в роковой майский день через несколько лет. Очень печально, что он не выжил. Сейчас он был бы незаменим у нас. Я не думаю, что кто-нибудь действительно понимает триффидов или когда-нибудь научится понимать их, но Уолтер был к этому ближе всех. Или вернее будет сказать, что ему была дана способность воспринимать их интуитивно.

Впервые он поразил меня год или два спустя после того, как начался триффидный бизнес.

Солнце садилось. Мы закончили работу и с чувством удовлетворения взирали на три новых поля, засаженных почти созревшими триффидами. В те дни мы еще не содержали их в корралях, как позже. Они были высажены на полях приблизительно прямыми рядами — во всяком случае, прямыми рядами располагались стальные шесты, к которым они были прикреплены цепями, потому что сами растения оставаться в строю не желали. Мы считали, что примерно через месяц можно будет начать надрезать их для получения сока. Вечер был тихий, и только триффиды время от времени нарушали эту тишину, барабани черенками по стеблям. Уолтер смотрел на них, склонив голову. Затем он вынул изо рта трубку.

— Сегодня вечером они что-то разговорчивы, — сказал он.

Я воспринял это, естественно, как метафору.

— Возможно, погода виновата, — предположил я. — Мне кажется, они делают это больше, когда сухо.

Он искоса взглянул на меня, улыбаясь:

— Вы тоже более разговорчивы, когда сухо?

— С какой стати? — начал я и остановился — Не думаете же вы, что они действительно разговаривают, — сказал я, пораженный выражением его лица.

— Почему бы и нет?

— Но это же абсурд Говорящие растения!

— Большой абсурд, нежели ходячие растения? — спросил он.

Я уставился на них, затем снова на него

— Мне в голову не приходило — начал я с сомнением

— Подумайте об этом немного и наблюдайте за ними Мне интересно, к какому выводу вы придете

Как это ни странно, но за все время, что я имел дело с триффидами, такая возможность никогда не приходила мне в голову Я думаю, меня гипнотизировала теория любовного призыва Но когда он подал эту идею, я принял ее сразу и целиком Я не мог больше отделаться от ощущения, что они, возможно, действительно отстукивают друг другу какие-то тайные послания.

До того вечера я воображал, что наблюдаю триффидов достаточно внимательно, но, когда о них заговорил Уолтер, я почувствовал, что не видел практически ничего. А Уолтер, если он был в настроении, мог говорить о них часами, выдвигая теории, которые звучали иногда дико, но никогда не казались невозможными К тому времени публика уже не смотрела на триффидов как на каприз природы Они были забавными уродцами, только и всего; особого интереса они не представляли. Компания же ими интересовалась. Она считала, что их существование является благом для всего человечества и особенно для нее самой Уолтер не разделял ни мнения публики, ни мнения компании Слушая его, я начинал временами мучиться скверными предчувствиями

Теперь он был совершенно убежден, что они «разговаривают»

— А отсюда следует, — утверждал он, — что где-то в них прячется интеллект Он не может находиться в мозгу, потому что, как показывают вскрытия, никакого мозга у них нет Но это не значит, что у них нет какой-то системы или органа, которые выполняли бы функции мозга А что-то вроде интеллекта у них, несомненно, имеется Вы заметили, что, когда они нападают, они всегда целят в незащищенную часть тела? Почти всегда в голову, иногда в руки Или вот еще если взять статистику жертв, то обращает на себя

внимание процент поражения глаз и ослепление. Это весьма примечательно и важно.

— Чем же? — спросил я.

— Тем, что им известно, как вернее всего вывести человека из строя. Другими словами, они знают, что делают. Давайте посмотрим на это вот с какой точки зрения. Положим, что они действительно обладают интеллектом. Тогда у нас перед ними только одно важное преимущество — зрение. Мы видим, они — нет. Отнимите у нас зрение, и наше превосходство исчезнет. Мало того, наше положение станет хуже, чем у них, потому что они приспособлены к слепому существованию, а мы — нет.

— Даже если бы это было так, они не могут создавать вещи. Они не могут пользоваться вещами. У них в этом жалящем жгуте очень мало силы, — заметил я.

— Правильно. Но на что нам способность пользоваться вещами, если мы не видим, что нужно делать? И, кроме того, они не нуждаются в вещах, как мы. Они могут получать пищу прямо из почвы, могут питаться насекомыми и кусочками сырого мяса. Им ни к чему самый сложный процесс выращивания, распределения и добавок еще обработки продуктов питания. Короче, если бы мне предложили пари: у кого больше шансов выжить — у триффидов или у слепого человека, я бы знал, на кого поставить свои деньги.

— Вы предполагаете равные интеллекты, — сказал я.

— Ничего подобного. Я готов признать, что триффиды обладают интеллектом совершенно иного типа, хотя бы потому, что их потребности гораздо проще. Смотрите, какие сложные процессы мы используем, чтобы получить съедобный продукт из триффиды. А теперь поменяйте нас местами. Что нужно сделать триффиду? Ужалить, подождать несколько дней и приступить к еде, только и всего. Просто и естественно.

В таком духе он мог продолжать часами; слушая его, я постепенно терял представление об истинном соотношении между вещами и обнаруживал вдруг, что думаю о триффиды как о своего рода соперниках человечества. Сам Уолтер никогда не притворялся, будто думает иначе. Он упомянул как-то, что намеревался, собрав необходимый материал, написать об этом книгу, но потом раздумал.

— Раздумали? — спросил я. — Что же помешало вам?

— Вот это все, — он махнул рукой в сторону плантации. — Теперь это верный источник доходов. Не стоит зря

внушать людям беспокойство. Все-таки триффиды у нас под контролем, так что вопрос это чисто академический. Вряд ли имеет смысл поднимать его.

— С вами я никогда ни в чем не уверен, — сказал я. — Я никогда не знаю, насколько вы серьезны и как далеко от фактов уводит вас ваше воображение. Вы серьезно полагаете, что они представляют опасность?

Прежде чем ответить, он пососал трубку.

— Если говорить честно, — признался он, — то я... понимаете, я сам ни в чем не уверен. Но я твердо знаю одно: они *могли бы* представлять опасность. Я ответил бы вам гораздо более определенно, если бы мне удалось нащупать, о чем они там барабанят. Мне это как-то очень не нравится. Вон они, торчат себе на грядках, и никто не думает о них больше, чем об огурцах, но ведь они половину времени занимаются тем, что трещат и барабанят друг другу. Почему? О чем? Много бы я дал, чтобы узнать это.

Я думаю, что Уолтер редко упоминал о своих идеях кому-либо еще, и я тоже держал их в тайне отчасти потому, что считал себя человеком легковверным, а отчасти потому, что незачем нам было приобретать в фирме репутацию умалишенных.

Примерно год мы работали рука об руку. Но в связи с открытием новых питомников и с необходимостью изучать заграничный опыт я стал много времени проводить в поездках. Уолтер оставил работу в поле и перешел в исследовательскую группу. Его устраивало, что наряду с исследованиями для компании он мог вести там исследования для себя. Время от времени я заходил повидать его. Он непрерывно экспериментировал с триффидами, но вопреки его надеждам результаты не подтверждали однозначно его главные идеи. Ему удалось доказать — по крайней мере самому себе — наличие у триффидов довольно хорошо развитого интеллекта; впрочем, даже я вынужден был признать, что этот результат показал нечто большее, нежели инстинкт. Он все еще был уверен, что барабанная дробь черенков является формой передачи информации. Для публичного же употребления он указал, что черенки представляют собой какие-то важные органы и что без них триффид медленно вырождается. Он установил также, что невсхожие семена у триффидов составляют девяносто пять процентов от общего числа.

— И слава Богу, — заметил он. — Если бы они прорастали все, на земле скоро не осталось бы места ни для кого, кроме триффидов.

С этим я тоже согласился. В посевной сезон у триффидов было на что посмотреть. Темно-зеленый стручок под чашечкой блестел и надувался до размеров крупного яблока. Когда он взрывался, хлопок был слышен на расстоянии до двадцати метров. Белые семена, словно струя пара, взвивались в воздух, и самый легкий ветерок начинал уносить их прочь. С высоты триффидное поле поздним августом напоминало панораму какой-то беспорядочной бомбардировки.

Уолтеру принадлежало открытие, что качество соков повышается, если у растений не удалять жалающие жгуты. В результате практика урезания жгутов повсеместно прекратилась, и с тех пор при полевых работах нам приходилось носить защитные приспособления.

В день, когда случай уложил меня в госпиталь, я работал вместе с Уолтером. Мы исследовали некоторые экземпляры, у которых обнаружили необычные отклонения от нормы. Оба мы были в сетчатых масках. Я не видел точно, что произошло. Знаю только, что, когда я наклонился, жало яростно хлестнуло мне в лицо и шлепнулось о проволоку маски. В девяноста девяти случаях из ста это ничего не значит: маски для того и предназначены. Но на этот раз удар был так силен, что часть крошечных пузырьков с ядом лопнула, и несколько капель брызнуло мне в глаза.

Уолтер отнес меня в свою лабораторию и уже через несколько секунд применил противоядие. Только благодаря этому у врачей оказалась возможность спасти мне зрение. Но и это означало для меня больше недели на больничной койке в полном мраке.

Пока я лежал в больнице, я твердо решил, что, когда — и если — мне вернут зрение, я попрошу перевода на другую работу. Если мою просьбу отклонят, я уйду из фирмы совсем.

У меня выработался значительный иммунитет к триффидному яду еще после первого случая у нас в саду. Я был способен перенести и перенес без особого для себя вреда удары жалом, которые уложили бы любого неподготовленного человека холодным трупом. Но меня не оставляла мысль о кувшине, который повадился ходить по воду. Я получил последнее предупреждение.

Помнится, я провел во мраке много часов, раздумывая, на какую работу я могу рассчитывать, если мне откажут в переводе.

Принимая во внимание то, что уже ждало нас всех за углом, я едва ли мог найти более праздную тему для размышлений.

ГЛАВА 3

ОСЛЕПШИЙ ГОРОД

Дверь кабинета еще раскачивалась позади меня, когда я направился по переулку на угол проспекта. Там я остановился в нерешительности.

Налево, за милями пригородных улиц, лежали поля и луга; направо был лондонский Уэст-энд и за ним Сити. Я уже несколько оправился, но ощущал себя теперь странно обособленным и как-то без руля и без ветрил. У меня не было никакого плана действий, и перед лицом событий, которые я начал наконец постигать как гигантскую и всеобъемлющую катастрофу, мне было все еще слишком не по себе, чтобы что-нибудь придумать. Какой план мог бы соответствовать таким событиям? Я чувствовал себя одиноким, заброшенным и вместе с тем временами не совсем настоящим, не совсем самим собою.

Проспект был пуст, единственным признаком жизни были фигуры немногочисленных людей, осторожно нащупывающих путь вдоль витрин магазинов.

Для начала лета день был превосходный. В синем небе, испещренном белыми ватными облачками, сияло солнце. Все небо было чистым и свежим, только на севере грязным пятном вставал из-за крыш столб жирного дыма.

Я простоял в нерешительности несколько минут. Затем я повернул на восток, к центру Лондона.

До сих пор не знаю почему. Может быть, то была инстинктивная тяга к знакомым местам, а возможно — подспудное чувство, что если еще сохранились где-нибудь порядок и организация, так это в том направлении.

После бренди я был голоден, как никогда в жизни, но разрешить проблему питания оказалось не так-то легко. Казалось бы, вот они, магазины и лавки, без хозяев, без охраны, с витринами, забитыми едой; и вот он я, голодный и с деньгами в кармане; и если бы мне не захотелось

платить, можно было бы разбить витрину и взять что угодно бесплатно.

Но убедить себя пойти на это было трудно. Прожив тридцать лет в уважении к праву и в повиновении закону, я еще не был готов признать, что условия изменились совершенно. Кроме того, у меня было такое ощущение, будто, пока я веду себя нормально, мир еще может каким-то непостижимым образом вернуться к нормальному состоянию. Абсурд, разумеется, но у меня было сильнейшее чувство, что стоит мне швырнуть камень в витрину, как я навсегда окажусь вне прежнего мироустройства: я сделаюсь грабителем, вором, грязным шакалом, терзающим мертвое тело вскормившего меня порядка. Какая дурацкая щепетильность на обломках разгромленной вселенной! И все же мне до сих пор приятно вспомнить, что я не сразу утратил цивилизованный облик, что хоть некоторое время я бродил, глотая слюну, среди выставленных яств, и уже устаревшие условности не позволяли мне утолить голод.

Примерно через полмили проблема разрешилась чисто софистическим путем. Поперек тротуара стояло какое-то такси, зарывшись радиатором в витрину кондитерского магазина. Это было уже нечто совсем иное, чем если бы взлом совершил я сам. Я пролез мимо такси и набрал всякой вкусной еды. Но даже тогда во мне говорило что-то от прежних нравственных стандартов: я оставил на прилавке щедрую плату за все, что взял.

Наискосок через улицу был садик. Такие садики разбивают на месте кладбищ при исчезнувших церквях. Старые надмогильные камни сняли и прислонили к кирпичной ограде, на расчищенном пространстве посеяли траву и проложили гравиевые дорожки. Под свежей листвой деревьев поставили уютные скамейки, и на одной из них я устроился со своим завтраком.

Здесь было пустынно и тихо. Никто сюда больше не входил, только иногда мимо решетчатой калитки пробрела, волоча ноги, одинокая фигура. Я бросил крошки немногим воробьям, первым птицам, которых я увидел в этот день, и почувствовал себя лучше, наблюдая их дерзкое безразличие к катастрофе.

Покончив с едой, я закурил сигарету. Пока я сидел так, раздумывая, что делать дальше, тишина нарушилась звуками пианино. Играли где-то неподалеку, и девичий голос запел балладу Байрона. Я слушал, запрокинув голову и

глядя на узор, образованный нежными молодыми листьями в свежем синем небе. Песня смолкла. Замерли звуки пианино. Затем послышались рыдания. Без страсти: тихие, беспомощные, горькие. Не знаю, кто оплакивал свои надежды, певица ли или другая женщина. Но у меня больше не было сил слушать. Я встал и тихонько вышел обратно на улицу, и некоторое время я видел все словно в тумане.

Даже Гайд-парк-Корнер, когда я добрался туда, был почти пустынен. Несколько покинутых легковых и грузовых машин стояли на улицах. Видимо, очень немногие из них потеряли управление на ходу. Один автобус прошел поперек улицы и остановился в Грин-парке. Белая лошадь с обломками оглоблей лежала у памятника артиллеристам, о который она раскроила себе череп. Двигались только люди, немного мужчин и еще меньше женщин. Они осторожно нащупывали путь руками и ногами там, где были поручни и ограды, и медленно брели, выставив перед собой руки, по открытым местам. Кроме того, неожиданно для себя я заметил двух-трех котов видимо вполне зрячих, воспринимавших новые обстоятельства с самообладанием, которое столь свойственно всем котам вообще. Блуждание в этой сверхъестественной тишине приносило им мало пользы: воробьев было мало, а голубей не было совсем.

Меня все еще магнетически влекло к прежнему центру моего мира, и я пошел по направлению к Пиккадилли. Там я вдруг услышал неподалеку от себя новый отчетливый звук — равномерное приближающееся постукивание. Я взглянул вдоль Парк-лейн и понял, в чем дело. Человек, одетый более аккуратно, чем все другие, кого я видел этим утром, торопливо шел в мою сторону, постукивая по стене рядом с собой белой тростью. Услыхав мои шаги, он настойчиво остановился.

— Все в порядке, — сказал я. — Идите, не бойтесь.

Я почувствовал облегчение при виде его. Это был, так сказать, обыкновенный слепой. Его черные очки не так смущали меня, как широко раскрытые, но бесполезные глаза остальных.

— Тогда стойте на месте, — сказал он. — Бог знает, сколько дураков уже столкнулись со мной сегодня. Что, черт побери, случилось? Почему так тихо? Я знаю, сейчас не ночь — я чувствую солнце. Что стряслось?

Я рассказал ему все, что знал.

Когда я закончил, он молчал не менее минуты, затем у него вырвался горький смешок.

— Есть в этом одна штука, — сказал он. — Теперь все их проклятое попечительство понадобится им самим.

И он несколько вызывающе расправил плечи.

— Спасибо. Счастливо оставаться, — сказал он и зашагал своей дорогой, держась с преувеличенной независимостью.

Быстрый и отчетливый стук его трости постепенно замер вдали за моей спиной, когда я направлялся вверх по Пиккадилли.

Людей здесь было больше, и я пошел по мостовой среди стоявших в беспорядке машин. На мостовой я гораздо меньше смущал людей, нащупывавших дорогу вдоль стен зданий, потому что, заслышав поблизости от себя шаги, они каждый раз останавливались в готовности к возможному столкновению. Такие столкновения происходили на тротуарах непрерывно, и одно из них показалось мне многозначительным. Молодой человек в хорошо сидящем костюме, при галстуке, выбранном явно на ощупь, и молодая женщина с хныкающим ребенком на руках ощупью двигались навстречу друг другу вдоль витрины магазина. Они столкнулись, молодой человек стал осторожно обходить женщину и вдруг остановился.

— Погодите минутку, — сказал он. — Ваш ребенок зрячий?

— Да, — сказала она. — А я вот ослепла.

Молодой человек повернулся. Он упер палец в стекло витрины и сказал:

— А ну, сынок, посмотри, что там такое?

— Я не сынок, — возразил ребенок.

— Ну же, Мэри, скажи джентльмену, — сказала мать укоризненно.

— Там красивые тети, — сказала девочка.

Молодой человек взял женщину за руку и повел ее на ощупь к следующей витрине.

— А здесь что? — спросил он.

— Всякие яблоки, — ответила девочка.

— Отлично! — сказал молодой человек.

Он стащил с ноги туфлю и ударил в стекло каблуком. Он был неопытен, и первый удар не увенчался успехом. Зато после второго звон разбитого стекла эхом прокатился по улице. Молодой человек снова натянул туфлю, осторожно

всунул руку в разбитую витрину и принялся шарить там, пока не нашел пару апельсинов. Один он дал женщине, другой протянул девочке. Затем он опять пошарил, нашел апельсин для себя и принялся его чистить. Женщина стояла в нерешительности.

— Но... — начала она.

— В чем дело? — спросил он. — Вы не любите апельсины?

— Это же неправильно, — сказала она. — Нам не следовало брать их. Не так надо было.

— А как? — спросил он. — Как вы собираетесь добывать еду?

— Я думаю... Ну, я не знаю, — призналась она неохотно.

— Очень хорошо. Вот вам и ответ. Ешьте, а потом мы пойдем и поищем чего-нибудь более сытного.

Она все держала плод в руке, склонив голову, как бы глядя на него.

— Все равно это неправильно, — снова сказала она, но теперь в голосе ее было меньше уверенности.

Потом она опустила ребенка на тротуар и принялась чистить апельсин...

Пиккадилли-Сиркус был самым многолюдным местом, какое мне пришлось до сих пор видеть. После пустынных улиц мне показалось, будто он заполнен толпой, хотя там было, наверное, всего не более сотни человек. Большинство они были в нелепых, самых неподходящих одеждах и беспокойно бродили по кругу, словно еще не совсем пришли в себя. Изредка какое-нибудь столкновение вызывало взрыв ругани и бессильной ярости; слушать это было жутко, потому что эти взрывы порождаются страхом и детской раздражительностью. Но вообще, за единственным исключением, разговоров и шума было немного, словно слепота заперла людей в самих себе.

Разговаривал и шумел только высокий и тощий пожилой человек с копной жестких седых волос, обосновавшийся на одном из «островков безопасности» на проезжей части. Он вдохновенно разглагольствовал о раскаянии, о гневe грядущем, о неприятностях, которые ожидают грешников. Никто не обращал на него внимания: для большинства день гнева уже наступил.

Затем вдалеке слышались звуки, привлёкшие всеобщее внимание — хор голосов, который становился все громче:

Когда подохну я,
Меня не хороните.
Возьмите мое тело
И в спирте утопите.

Унылый и нестройный, он гудел в пустынных улицах, отдаваясь гнетущим эхом. Люди в Сиркусе поворачивали головы то вправо, то влево, пытаясь определить его направление. Пророк Судного дня повысил голос, дабы перекрыть соперников. А разноголосый вой приближался:

В ногах и головах
Поставьте мне бочонок,
Тогда червям могильным
Не жрать моих печенок.

И как аккомпанемент к нему слышалось шарканье многих шагов, старающихся ступить в ногу.

С того места, где я стоял, было видно, как они цепочкой один за другим выползли из бокового переулка на Шафтс-бери-авеню и повернули к Сиркусу. Второй в цепочке держался за плечи ведущего, третий — за плечи второго и так далее, человек двадцать пять или тридцать. Песня закончилась, и тогда кто-то затянул «Пиво, пиво, вот славное пиво!» таким высоким голосом, что сейчас же устыдился и смолк.

Они устало и упорно тащились вперед, пока не оказались в центре Сиркуса, и тут ведущий скомандовал:

— Рота-а-а... стой!

У него был уверенный командирский голос. Все в Сиркусе стояли неподвижно, все лица были обращены к нему, каждый старался понять, что происходит. Ведущий снова заговорил, пародируя манеру профессионального гида:

— Итак, джентльмены, мы здесь. Пиккавматьегодилли-Сиркус. Центр мира. Пуп вселенной. Здесь знатные особы развлекались вином, девками и музыкой.

Он был не слепым, отнюдь. Его глаза смотрели зорко, схватывая все, что происходило вокруг. Должно быть, зрение у него сохранилось так же случайно, как у меня, но он был изрядно пьян, и пьяны были люди, которых он привел

— Мы тоже будем развлекаться, — прибавил он. — Следующая остановка в знаменитом Кафе Рояль, выпивка за счет заведения.

— Ага... А как насчет девок? — спросил голос, и раздался смех.

— О, девки... Тебе нужны девки? — сказал ведущий.

Он шагнул вперед и поймал за руку какую-то женщину. Она завизжала, он, не обращая на это внимания, подтащил ее к говорившему.

— Держи, парень. И не говори потом, что я о тебе не забочусь. Это персик, цыпочка... если тебе не все равно.

— Эй, а мне? — сказал другой.

— Тебе? Так, посмотрим. Тебе блондинку или черненькую?

Позже я понял, что вел себя как дурак. Моя голова все еще была набита условностями и нравственными стандартами, которые утратили смысл. Мне даже в голову не пришло, что у женщины, принятой в эту банду, гораздо больше шансов выжить, чем у предоставленной самой себе. Воспламененный школьной героикой и благородными сентиментами, я ринулся в бой. Он заметил меня, когда я был уже совсем рядом, и я изо всех сил ударил его в челюсть. К несчастью, он чуть-чуть опередил меня...

Когда я вновь обрел способность интересоваться окружающим, оказалось, что я лежу на мостовой. Топот и шарканье банды затихали вдали, и пророк Судного дня, восстановив свое красноречие, посылал ей вслед громовые угрозы вечного проклятия, адского пламени и геенны огненной.

Обретя таким путем некоторую долю здравого смысла, я почувствовал облегчение, что так дешево отделался. Если бы на мостовую лег он, мне неминуемо пришлось бы взять на себя ответственность за людей, которые шли за ним. Можно что угодно думать о его методах, но он был глазами этой группы, и к нему они будут обращаться не только за выпивкой, но и за едой. И женщины тоже пойдут к ним добровольно, когда достаточно наголодаются. Я огляделся и подумал, что уже теперь вряд ли какая-нибудь женщина стала бы серьезно возражать против этого. В общем, так или иначе, мне, кажется, удалось счастливо избежать возведения в ранг вожака банды.

Припомнив, что они направились в Кафе Рояль, я решил прийти в себя и освежить голову в отеле «Риджент-Палас».

Похоже было на то, что кто-то подумал об этом раньше меня, но нетронутых бутылок там осталось еще достаточно.

Я думаю, именно тогда, удобно расположившись со стаканчиком бренди и сигаретой, я начал наконец признавать, что все, что я видел, было реальным и окончательным. Что возврата к прежнему не будет, не будет никогда. Что это конец всему, что я знал...

Возможно, чтобы убедить меня, понадобился тот удар кулаком. Теперь я был лицом к лицу с фактом, что мое существование больше не имело цели. Мой образ жизни, мои планы, стремления, мои надежды — все это сметено вместе с условиями, которые их формировали. Я полагаю, что, если бы я имел родных и близких и у меня было кого оплакивать, я чувствовал бы себя в тот момент покинутым. Но то, что еще вчера создавало в моей жизни некоторую пустоту, обернулось теперь для меня удачей. Мать и отец давно умерли, единственная моя попытка жениться кончилась несколько лет назад неблагоприятно, никто во всем мире от меня не зависел. И как это ни странно, я вдруг обнаружил, что испытываю — отчетливо сознавая, что так не должно быть, — чувство облегчения.

Не только под действием бренди возникло это чувство, ибо оно осталось во мне навсегда. Я думаю, оно возникло из ощущения, что мне предстоит нечто совершенно небывалое и новое. Все прежние избитые проблемы, личные и общие, были решены одним могучим потрясением. Только небо тогда знало, какие могут встать новые проблемы, а по всему было видно, что их будет немало, но они будут новыми. Я стал сам себе хозяином и не был больше винтиком в чужой машине. Да, возможно, мир будет полон ужасов и опасностей, которым придется противостоять, но я буду действовать по своему разумению, я не буду больше игрушкой сил и интересов, которых я не понимал и не желал понимать.

Нет, это было не только бренди, ибо даже сейчас, годы спустя, я все еще испытываю нечто подобное, хотя не исключено, что бренди несколько упростило тогда для меня положение вещей.

Затем был еще маленький вопрос: что делать дальше, как и где начинать эту новую жизнь? Я, однако, решил пока не слишком беспокоиться об этом. Я допил бренди и вышел из отеля посмотреть, что может предложить мне этот странный мир.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Чтобы избежать новой встречи с бандой из Кафе Рояль, я направился по боковой улице, ведущей в Сохо, рассчитывая вернуться на Риджент-стрит немного дальше.

Видимо, голод гнал народ из домов. Поэтому или по иной причине кварталы, куда я теперь углубился, были более многолюдны, нежели остальные места, где мне пришлось до сих пор проходить. На тротуарах и в узких переулках происходили непрерывные столкновения, и сумятица усугублялась толкучкой перед разбитыми витринами. Никто из толпившихся, очевидно, не знал, какой перед ним магазин. Одни оставались снаружи и пытались выяснить это, отыскивая на ощупь распознаваемые предметы; другие, рискуя распороть животы о торчащие осколки стекла, предпримчиво лезли внутрь.

Я чувствовал, что надо бы показать этим людям, где найти пищу. Но действительно ли я должен это сделать? Если бы я подвел их к нетронутой продовольственной лавке, началась бы давка, и все было бы кончено в течение пяти минут, и слабейшие были бы раздавлены насмерть. Пройдет какое-то время, продовольствие кончится, и что тогда делать с тысячами, требующими еды? Можно было бы отобрать небольшую группу и неопределенно долго кормить ее — но кого отбирать и от кого отказаться? Как я ни старался, безусловно правильной линии поведения мне придумать не удавалось.

Происходило нечто жестокое и страшное, где не было места рыцарству, где все хватали и никто не давал. Человек, столкнувшись с другим человеком и почувствовав, что тот несет какой-то сверток, вырывал этот сверток в расчете на съестное и отскакивал в сторону, а ограбленный в бешеном движении хватал руками воздух или бил кулаками во все стороны. Раз меня едва не сбил с ног пожилой человек, внезапно шарахнувшийся, не разбирая дороги, с тротуара на мостовую; выражение его лица было необычайно хитрое и торжествующее, и он алчно прижимал к груди две банки масляной краски. На углу мне преградила путь толпа, сгрудившаяся вокруг смущенного ребенка. Люди едва не плакали от отчаяния: ребенок был зрячий, но он был слишком мал, чтобы понять, чего от него хотят.

Я начал ощущать беспокойство. С моим цивилизованным порывом помочь всем этим людям сражался инстинкт, ко-

который приказывал держаться в стороне. Люди на глазах теряли обычные сдерживающие начала. Я испытывал также иррациональное чувство вины за то, что был зрячим, тогда как все остальные были слепыми. Это вызывало странное ощущение, будто я скрываюсь от них, разгуливая между ними. Позже я понял, что прав был инстинкт.

Возле Голден-сквера я подумал о том, что пора пробираться обратно на Риджент-стрит, где мостовая шире и идти свободнее. Я уже сворачивал в переулок, который вел туда, когда меня остановил внезапный пронзительный крик. Люди вокруг тоже остановились. Они стояли как вкопанные по всей длине улицы, поворачивая головы так и этак, полные смятения, пытаясь догадаться, что происходит. Страх усилил горе и нервное напряжение, и многие женщины расплакались; нервы мужчин были не в лучшем состоянии: их испуг выразился в коротких проклятиях. Несомненно, они все время подсознательно ожидали чего-нибудь зловещего в этом роде. Теперь они ждали, что крик повторится.

Он повторился, болезненный и задыхающийся. Но теперь он не внушал такого страха, потому что к нему были готовы. На этот раз я понял, где кричат. В несколько шагов я был у входа в аллею. Когда я сворачивал за угол, задыхающийся крик раздался снова.

В глубине аллеи, метрах в десяти от входа, корчилась на земле какая-то девушка, а дородный мужчина избивал ее тонким медным прутом. Платье ее было разорвано, на голой спине виднелись красные рубцы. Вблизи я увидел, почему она не убегает: руки у нее были связаны за спиной и конец веревки был обмотан вокруг левого запястья мужчины.

Я подбежал в тот момент, когда мужчина размахнулся для следующего удара. Было нетрудно выхватить у него прут и с известной силой обрушить этот прут ему на плечи. Он проворно лягнул в мою сторону ногой в тяжелом ботинке, но я быстро увернулся. Радиус его действия был ограничен веревкой, обмотанной вокруг запястья. Пока я искал по карманам нож, он еще раз лягнул воздух. Никуда не попав, он для ровного счета пнул девушку. Затем он выругал ее и потянул за веревку, чтобы поднять ее на ноги. Я торопливо нагнулся и перерезал веревку. Легкий толчок в грудь заставил его попятиться и сделать пол-оборота, так что он потерял ориентировку. Освободившейся левой рукой он выдал великолепный косой свинг. По мне он промахнулся, но угодил кулаком в кирпичную стену. После этого он потерял интерес ко всему, кроме боли в разбитых кос-

тяшках. Я помог девушке встать, распутал ее руки и повел по аллее прочь, а он все осквернял руганью воздух позади нас.

Когда мы свернули на улицу, она начала приходить в себя. Она повернула ко мне замурзанное, в потеках слез лицо и взглянула на меня.

— Да вы же зрячий! — сказала она недоверчиво.

— Конечно, — сказал я.

— О, слава Богу! Слава Богу! Я думала, что я одна осталась такая, — проговорила она и расплакалась.

Я огляделся. В нескольких шагах был кабачок, там гремел граммофон, вдребезги бились стаканы и вообще шла добрая старая жизнь. Несколькими метрами дальше был еще один кабачок, поменьше и еще нетронутый. Хороший удар плечом распахнул перед нами дверь в бар. Я чуть не на руках внес туда девушку и усадил ее в кресло. Затем я сбросил другое кресло и заложил дверь, чтобы какие-нибудь непрощенные гости не помешали нам.

Можно было не спешить. Она всхлипывала и пила маленькими глотками. Я предоставил ей время, чтобы взять себя в руки, и вертел ножку бокала, слушая, как граммофон в соседнем кабачке выбулькивает популярную тогда, хотя и мрачноватую, песенку о сердце в холодильнике. В то же время я украдкой разглядывал девушку. Ее платье, вернее, то, что от платья осталось, было хорошего качества. Хорош был и голос, приобретенный явно не на сцене и не в киностудии. Она была блондинка, однако далеко не платиновая. Похоже было, что лицо у нее миловидное, если отмыть его от грязи. Она была дюйма на три-четыре ниже меня, телосложения изящного, но не хрупкого. На вид она была сильной, хотя эта сила наверняка употреблялась до сих пор разве что на игры в мяч, на танцы и в лучшем случае на верховую езду. У нее были гладкие, прекрасной формы руки, а длина ногтей, тех, что еще были целы, представлялась скорее декоративной, нежели практичной.

Спиртное постепенно делало свое дело. После первой порции она уже оправилась настолько, что в ней заговорили обычные рефлексy.

— Господи, — сказала она. — Выгляжу я, наверное, ужасно.

Я был единственным человеком, который мог это заметить, но я промолчал.

Она встала и подошла к зеркалу.

— Ужасно, — признала она. — Где здесь?..

— Попробуйте пройти туда, — предложил я.

Она вернулась минут через двадцать. Учítывая, что возможности в ее распоряжении были, вероятно, очень ограниченны, поработала она успешно: моральное состояние было восстановлено. Сейчас она больше походила на жертву дурного обращения в представлении кинорежиссера, чем на настоящую жертву.

— Сигарету? — спросил я, протягивая ей через стол вторую укрепляющую порцию.

Пока завершался процесс восстановления сил, мы обменялись рассказами о себе. Сначала рассказал я, чтобы дать ей время собраться с мыслями. После этого она сказала:

— Мне чертовски стыдно за себя. Я ведь вовсе не такая уж размазня, честное слово. На самом деле я могу за себя постоять, хотя вы, может быть, думаете иначе. Но все это оказалось для меня слишком огромным. То, что случилось, уже само по себе скверно, но тут мне пришла в голову одна ужасная мысль, и я ударилась в панику. Понимаете, мне представилось, будто я осталась единственной зрячей во всем мире. Это меня подкосило, я испугалась и потеряла голову, я сломалась, я редела, как девчонка из викторианской мелодрамы. Никогда, никогда бы не поверила, что могу так раскиснуть.

— Пусть вас это не беспокоит, — сказал я. — Мы наверняка очень скоро узнаем о себе множество удивительных вещей.

— А меня это все-таки беспокоит. Если я потеряла голову в самом начале... — Она замолчала.

— Я в больнице тоже чуть не сошел с ума от страха, — сказал я. — Мы же люди, а не счетные машины.

Ее звали Джозелла Плэйтон. Имя показалось мне знакомым, хотя я не мог вспомнить, где оно мне встречалось. Она жила на Дин-роуд, Сент Джонс-вуд. Это подтверждало мои предположения относительно ее социальной принадлежности. Уединенные комфортабельные дома, большей частью некрасивые и все дорогие. Ее спасение от общей участи было столь же случайным, как и мое, даже, пожалуй, еще более случайным. В понедельник вечером она была на пирушке, и пирушка была, по-видимому, изрядная.

— Я думаю, какой-то болван вообразил, будто будет очень весело, если намешать в спиртное какой-нибудь га-

дости, — сказала она. — Выпила я очень немного, но никогда не чувствовала себя более скверно.

Вторник запомнился ей как день черных страданий и рекордного похмелья. Около четырех часов дня она решила, что с нее достаточно. Она позвонила горничной и приказала, чтобы никто не смел ее беспокоить, пусть там будет комета, землетрясение или даже Страшный суд. Заявив этот ультиматум, она приняла сильнейшую дозу снотворного, которое на пустой желудок действовало на нее как нокаут.

После этого она ничего не знала, пока сегодня утром ее не разбудил отец, ввалившийся к ней в комнату.

— Джозелла, — проговорил он, — ради Бога, вызови доктора Мэйла. Скажи ему, что я ослеп, начисто ослеп.

Ее поразило, что было уже около девяти. Она торопливо встала и оделась. Слуги не отзывались ни на звонок отца, ни на звонок из ее комнаты. Она пошла разбудить их и, к своему ужасу, обнаружила, что они тоже ослепли.

Телефон не работал, и ей показалось, что самым правильным будет съездить за доктором на машине. Тишина и отсутствие уличного движения сразу бросились ей в глаза, но она проехала почти милю, прежде чем сообразила, что произошло. Когда она осознала это, то в панике чуть не повернула обратно, но возвратиться ни с чем было бы глупо. Возможно, доктору, как и ей самой, удалось избежать этого непонятного бедствия. И поэтому в отчаянной, но уже тающей надежде она продолжала мчаться вперед.

На середине Риджент-стрит мотор стал давать перебои и фыркать; в конце концов он заглох совсем. В спешке она не поглядела на счетчик: бак был пуст.

Мгновение она сидела в нерешительности. Все лица на улице были обращены в ее сторону, но к тому времени она уже знала, что никто из этих людей не видит ее и не в состоянии ей помочь. Она вышла из машины, рассчитывая отыскать где-нибудь поблизости гараж или, если гаража не окажется, пройти оставшуюся часть пути пешком. Когда она захлопнула дверцу, ее позвали:

— Эй, приятель, а ну, погоди минутку!

Она обернулась и увидела человека, ощупью направлявшегося к ней.

— Что вам? — спросила она. Вид его ей не понравился. Услыхав ее голос, он изменил тон.

— Я заблудился, — сказал он. — Не знаю, где па-
хожусь.

— Это Риджент-стрит. Сразу позади вас кинотеатр «Нью Гэлери», — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

— Только покажите мне, где здесь обочина, мисс, будьте так добры, — сказал он.

Она заколебалась, и в это время он подошел вплотную. Его протянутая рука пошарила и коснулась ее рукава. Он прыгнул вперед и крепко и больно сжал ее руки в своей ладони.

— Так ты зрячая, — сказал он. — Какого же ты черта зрячая, когда все слепые?

Прежде чем она сообразила, что происходит, он повернул ее, подставил ногу, и она уже лежала на мостовой лицом вниз, а он упирался коленом ей в спину. Сжимая ее кисти одной рукой, он принялся связывать их шнурком, который достал из кармана. Затем он поднялся и снова поставил ее на ноги.

— Все в порядке, — сказал он. — Теперь ты будешь моими глазами. Я голоден. Веди меня, где есть хорошая жратва. Давай пошевеливайся.

Джозелла рванулась от него.

— Не пойду. Немедленно развяжите меня. Я...

Он ударил ее по лицу:

— Хватит болтовни!

И она пошла.

Она пошла и все время искала случай бежать. Он был настороже. Раз ей почти удалось это, но он оказался проворнее. Едва она вывернулась из его рук, как он подставил ногу, и, прежде чем она смогла подняться, он снова держал ее. После этого он нашел прочный шнур и привязал ее к своему запястью.

Сначала она повела его в кафе и поставила перед холодильником. Холодильник не работал, но продукты в нем были еще свежими. Затем они отправились в бар, где он потребовал ирландского виски. Ирландское виски оказалось на верхней полке, куда она не могла дотянуться.

— Развяжите мне руки, — предложила она.

— Ну да, а ты треснешь меня по голове бутылкой. Я уже давно из пеленок, милочка. Нет уж, я лучше выпью шотландского. Где здесь оно?

Он брал в руки бутылку за бутылкой, и она говорила ему, что в них содержится.

— Мне думается, я была просто не в себе, — объяснила она. — Сейчас я вижу полдюжины способов, как

можно было перехитрить его. Только разве можно сразу перемениться и стать зверем? Я, во всяком случае, не могу. Вдобавок вначале я все воспринимала неправильно. Мне представлялось, что в наше время такие вещи невозможны и что вот-вот кто-нибудь появится и все поставит на место.

Прежде чем они ушли, в баре разразился скандал. В открытую дверь ввалилась еще одна компания мужчин и женщин. Гангстер неосторожно велел Джозелле сказать им, что содержится в найденной ими бутылке. Они сразу замолчали и обратили в ее сторону незрячие глаза. Послышался шепот, затем двое мужчин осторожно выступили вперед. По их лицам было ясно видно, что они собираются делать. Она рванула веревку и крикнула:

— Берегитесь!

Без малейшего промедления гангстер выбросил вперед ногу в ботинке. Пинок попал в цель. Один из мужчин, вскрикнув от боли, согнулся пополам. Другой бросился вперед, но она отступила в сторону, и он с треском врезался в прилавок.

— Прочь руки от нее! — заревел гангстер. Он угрожающе поводил головой по сторонам. — Она моя, провалится вам всем. Ее нашел я!

Было ясно, однако, что те не собираются отступить так просто. Даже если бы они видели опасность в выражении лица гангстера, это вряд ли остановило бы их. Джозелла начала понимать, что дар зрения, хотя бы из вторых рук, был теперь дороже всяких богатств и что с ним не расстаются без жестокой борьбы. Новоприбывшие стали надвигаться на них, вытянув перед собой руки. Тогда она подцепила носком ножку кресла и опрокинула его у них на пути.

— Пошли! — крикнула она, оттаскивая гангстера назад.

Двое мужчин споткнулись о перевернутое кресло и упали, на них повалилась женщина. Все смешалось, люди барахтались, пытаясь подняться, спотыкались и падали снова. Она потащила гангстера за собой, и они выскользнули на улицу.

Она не знала, почему так поступила. Возможно, перспектива стать рабой и глазами этой компании показалась ей еще более мрачной, чем положение пленницы у гангстера. Впрочем, он не стал благодарить ее. Он просто приказал ей найти другой кабачок, пустой.

— Я думаю, — сказала она рассудительно, — что он был не такой уж плохой человек, хотя по его внешности этого не скажешь. Притом он был испуган. В глубине души он трусил гораздо больше, чем я. Он дал мне поесть и немного выпить. А избивать он меня стал потому, что был пьян и я не хотела идти с ним к нему домой. Не знаю, что бы со мной было, если бы не вы. Наверное, рано или поздно я бы убила его. — Она, помолчала и добавила: — Но мне ужасно стыдно за себя. Вот до чего может дойти современная молодая женщина, не правда ли? Визжит и разваливается на куски... Черт возьми!

Теперь она выглядела и, наверное, чувствовала себя лучше, хотя и сморщилась от боли, потянувшись к бокалу.

— Что до меня, — сказал я, — то я во всем этом деле вел себя редкостным дураком. Мне просто повезло. Я должен был сделать выводы, когда увидел ту женщину с ребенком на Пиккадилли. Только случайно я не влип в такую же историю, как и вы.

— У всех обладателей сокровищами всегда была жизнь, полная опасностей, — задумчиво сказала она.

— Отныне буду иметь это в виду, — сказал я.

— А у меня это отпечаталось в памяти уже навсегда, — заметила она.

Некоторое время мы прислушивались к гаму в соседнем кабачке.

— Что же мы будем делать дальше? — сказал я наконец.

— Я должна вернуться домой. Там мой отец. Очевидно, теперь нет смысла пытаться найти доктора, даже если он остался зрячим.

Она хотела добавить еще что-то, но в нерешительности замолчала.

— Вы не будете возражать, если я пойду с вами? — спросил я. — Мне кажется, что в такое время людям вроде нас с вами не следует бродить в одиночку.

Она с благодарностью взглянула на меня:

— Спасибо вам. Я чуть не попросила вас об этом сама, но подумала, что у вас, может быть, и без меня есть о ком заботиться.

— Никого, — сказал я. — Во всяком случае, в Лондоне.

— Я очень рада. Дело даже не в том, что я боюсь, как бы меня снова не схватили... теперь я буду очень осто-

рожна. Но, честно говоря, я боюсь одиночества. Я начинаю чувствовать себя такой... такой отрезанной от всех, такой покинутой.

Я стал видеть все в новом свете. Чувство облегчения постепенно вытеснялось растущим осознанием мрака, ожидавшего нас впереди. Сначала было невозможно не испытывать некоторого превосходства над остальными и, как следствие, уверенности. Наши шансы выжить в этой катастрофе были в миллион раз больше, чем у них. Там, где им нужно было шарить, нащупывать и догадываться, нам оставалось просто идти и брать. Но, кроме того, должно было быть и другое...

Я сказал:

— Интересно, сколько людей сохранили зрение? Я наткнулся на одного взрослого мужчину, на ребенка и грудного младенца. Вы не встретили ни одного. Мне кажется, нам предстоит убедиться, что зрение сделалось настоящей редкостью. И некоторые ослепшие уже начали понимать, что их единственный шанс на спасение состоит в том, чтобы завладеть зрячим. Когда это поймут все, нам предстоит много неприятного.

Джозелла поднялась с места.

— Мне пора идти, — сказала она. — Бедный отец. Уже пятый час.

На Риджент-стрит меня вдруг осенило.

— Перейдем на ту сторону, — сказал я. — Кажется, где-то там должен быть магазин...

Магазин там был. Мы обзавелись парой ножей в ножнах и ремнями.

— Совсем как пираты, — сказала Джозелла, застегивая на себе ремень.

— По-моему, лучше быть пиратом, чем пиратской добычей, — возразил я.

Пройдя несколько сотен метров, мы наткнулись на огромный сияющий автомобиль. Таким роскошным машинам положено едва слышно мурлыкать, но, когда я включил двигатель, нам показалось, будто она взревела громче, чем все уличное движение в каком-нибудь деловом квартале. Мы двинулись на север, выписывая зигзаги возле брошенных машин и бредущих людей, застывавших посреди улицы при нашем приближении. На всем пути лица с надеждой обращались к нам навстречу; когда мы проезжали мимо, они разочарованно вытягивались. Мы проехали дом, охваченный

пламенем, и где-то в районе Оксфорд-стрит поднимались клубы дыма от другого пожара. На Оксфорд-Сиркусе народу было больше, но мы аккуратно пробрались через толпу, миновали здание Би-би-си и выехали на транспортную дорогу в Риджент-парке.

Нам стало легче, когда улицы остались позади и мы оказались на просторе, где не было несчастных людей, бредущих на ощупь неизвестно куда. На полях, заросших травой, мы заметили только две или три небольшие группы триффидов, ковыляющих в южном направлении. Каким-то образом они ухитрились вытянуть из земли колья, к которым были прикованы, и волокли их на цепях за собой. Я вспомнил, что несколько десятков экземпляров содержались в загоне при зоопарке, некоторые на привязи, а большинство просто в двойной ограде, и удивился, как им удалось оттуда выбраться. Джозелла тоже заметила их.

— Для них это, наверное, безразлично, — сказала она.

Остаток пути мы проехали без задержки. Через несколько минут я затормозил возле ее дома. Мы вышли из машины, и я распахнул ворота. Короткая подъездная дорога вела вокруг лужайки с кустарником, скрывавшим фасад дома со стороны шоссе. Едва мы обогнули ее, как Джозелла вскрикнула и побежала вперед. На гравии ничком неподвижно лежал человек. Лицо его было обращено к нам, и в глаза мне сразу же бросилась яркая красная черта на его щеке.

— Стойте! — заорал я.

Вероятно, тревога в моем голосе заставила ее замереть на месте.

Теперь я заметил триффиду. Он затаился в кустарнике поблизости от распростертого тела.

— Назад! Живо! — сказал я.

Она колебалась, не спуская глаз с лежащего.

— Не должна же я... — начала она, оборачиваясь ко мне. Затем она остановилась. Глаза ее расширились, и она завизжала.

Я круто повернулся и увидел перед собой другого триффиду, громоздившегося всего в нескольких шагах за моей спиной.

Одним машинальным движением я закрыл лицо руками. Я услышал, как свистнуло жало, нацеленное в меня, но не было беспамятства, не было и мучительной жгучей боли. В подобные моменты мысль работает с молниеносной быстро-

той; тем не менее инстинкт, а не разум бросил меня на триффид, прежде чем тот ударил вторично. Я столкнулся с ним, опрокинул и, падая вместе с ним, вцепился обеими руками в верхнюю часть стебля, крутя и выворачивая чашечку с жалом. Стебель триффид не ломается, зато его можно как следует измочалить. И прежде чем я поднялся на ноги, стебель у этого триффид был измочален на совесть.

Джозелла стояла на том же месте как пригвожденная.

— Идите сюда, — сказал я. — В кустах позади вас есть еще один.

Она со страхом оглянулась через плечо и подошла.

— Он же ударил вас, — сказала она. — А вы даже не...

— Сам не понимаю, в чем дело, — сказал я.

Я поглядел на поверженного триффид. Затем я вспомнил про оружие, которым мы запаслись, имея в виду совсем других врагов, вынул нож и отрезал жало у основания.

— Вот оно что, — сказал я, показывая ей пузырек с ядом. — Глядите, какие они пустые, все сморщились. Если бы они были полны хотя бы наполовину... — Я опустил книзу большой палец.

Это обстоятельство, а также мой благоприобретенный иммунитет к яду спасли меня. Все же на тыльной стороне ладоней появилась поперечная розовая полоса, а шея чесалась дьявольски. Я все время тер ее, пока стоял и рассматривал жало.

— Странно... — пробормотал я скорее себе под нос, чем для нее, но она услышала.

— Что странно?

— Мне никогда не приходилось видеть, чтобы пузырьки с ядом были совершенно пустые, как эти. Он, должно быть, здорово поработал жалом сегодня.

Сомневаюсь, чтобы она слушала меня. Ее внимание было вновь поглощено человеком на подъездной дороге, и она разглядывала триффид, стоявшего подле него.

— Как бы нам взять его оттуда? — спросила она.

— Ничего не получится, пока там торчит эта штука, — ответил я. — И, кроме того... Видите ли, боюсь, ему уже ничем нельзя помочь.

— Вы хотите сказать, что он мертв?

Я кивнул:

— Да. Несомненно. Я видел людей, пораженных жалом. Кто это?

— Старый Пирон. Он был у нас садовником. И шофером у отца. Такой славный старик... Я всю жизнь знала его.

— Мне, право, очень жаль... — начал я, не зная, какие слова сказать в утешение, но она прервала меня:

— Глядите!.. Глядите, вон там! — Она показала на тропинку, ведущую за угол дома. Из-за угла была видна нога в черном чулке и женской туфле.

Мы тщательно осмотрелись и затем перешли на другое место, откуда было лучше видно. Девушка в черном платье лежала в цветочной клумбе, вытянув ноги на тропинку. Ее милое, свежее личико было обезображено яркой красной линией. У Джозеллы перехватило дыхание. На глазах выступили слезы.

— О!.. О, это же Анна! Бедная маленькая Анна, — проговорила она.

Я попытался утешить ее.

— Они ничего не почувствовали — ни он, ни она, — сказал я. — Если жало убивает, оно убивает мгновенно.

Триффидов в засаде здесь, видимо, больше не было. Может быть, обоих убил один и тот же. Держась рядом, мы пересекли тропинку и вступили в дом через боковую дверь. Джозелла позвала. Никто не отозвался. Она позвала снова. Мы стояли и вслушивались в мертвую тишину, царившую в доме. Она повернулась и взглянула на меня. Не было сказано ни слова. Она медленно повела меня по коридору к двери, обитой байкой. И едва она приоткрыла дверь, как что-то просвистело в воздухе и шлепнулось о створку и притолоку дюймом выше ее головы. Она торопливо захлопнула дверь и поглядела на меня расширившимися глазами.

— Один там, в зале, — сказала она.

Она произнесла это испуганным полусшепотом, как будто триффид мог подслушать ее.

Мы вернулись к боковой двери и снова вышли в сад. Ступая по траве, чтобы не производить шума, мы направились в обход дома и остановились перед входом в холл. Стеклопанельная дверь была раскрыта настежь, одна из стеклянных панелей была расколота. След из ошметков грязи тянулся через ступеньки и по паркету. Там, где след кончался, посередине комнаты стоял триффид. Верхушка его стебля почти касалась потолка, и он тихонько покачивался на месте. Возле его сырого косматого основания лежал пожилой человек в ярком шелковом халате. Я крепко взял Джозеллу за руку. Я боялся, что она может рвануться в холл.

— Это... ваш отец? — спросил я, хотя и так знал, кто это.

— Да, — сказала она и закрыла лицо руками. Она вся дрожала.

Я стоял неподвижно, не спуская глаз с триффидов на случай, если он двинется в нашу сторону. Затем я подумал о носовом платке и подал ей свой. Сделать ничего нельзя было. Через некоторое время она взяла себя в руки. Вспомнив про ослепших людей, которых мы видели сегодня, я сказал:

— Вы знаете, я бы предпочел, чтобы со мной случилось *это*, нежели стать как остальные...

— Да, — отозвалась она после паузы.

Она взглянула на небо. Там была мягкая бездонная синева и плыли облачка, легкие, как перья.

— О да, — повторила она, уже более уверенно. — Бедный папа. Он бы не перенес слепоты. Он слишком любил все это... — Она снова заглянула в холл. — Что же нам делать? Я не могу оставить...

В этот момент я уловил в уцелевшей стеклянной панели отражение какого-то движения. Я быстро обернулся и увидел триффидов, который выдрался из кустов и ковылял напрямик через лужайку к нам. Было слышно, как при размахах стебля шуршат его кожистые листья.

Времени терять было нельзя. Я ведь понятия не имел, сколько их могло быть поблизости. Я снова схватил Джозеллу за руку и бегом потащил за собой назад той же дорогой, по которой мы пришли. Когда мы благополучно забрались в автомобиль, она наконец разрыдалась по-настоящему.

Ей будет легче, когда она выплачется. Я закурил сигарету и стал обдумывать наш следующий ход. Ей, конечно, не захочется бросить так тело отца. Она пожелает достойно похоронить его, и это означает, что нам придется рыть могилу и сделать все, что полагается в таких случаях. А прежде чем хотя бы попытаться все это сделать, нужно будет найти способ избавиться от триффидов, которые уже там, и отогнать других, которые могут появиться. Короче говоря, я бы с радостью отказался от всего этого, но в конце концов и то сказать: там, в холле, лежал не мой отец...

Чем больше я обдумывал эту новую проблему, тем меньше она мне нравилась. Я понятия не имел, сколько триффидов может быть в Лондоне. По несколько штук содержал каждый парк. Обычно им урезали жала и пускали бродить, где им вздумается; но было много триффидов с нетронутыми

жалами, их держали либо на привязи, либо за проволоочной сеткой. Я вспомнил о тех, что ковыляли на юг по Риджент-парку. Интересно, сколько их держали в загоне при зоопарке и сколько вырвалось на свободу? Затем много триффидов было также в частных садах; правда, следовало ожидать, что хозяева урезают их, но кто скажет, как далеко может зайти дурацкая беспечность? И было еще несколько питомников и еще несколько экспериментальных станций в окрестностях Лондона...

Я сидел и размышлял, и меня не покидало ощущение какого-то смутного движения в глубине памяти, какие-то ассоциации идей, которые никак не могли соединиться. Затем меня осенило. Я словно наяву услышал голос Уолтера:

— Уверю вас, в борьбе за существование триффид оказался бы в гораздо лучшем положении, чем слепой человек.

Конечно, он имел в виду человека, ослепленного триффидным жалом. Но все равно меня так и подбросило. Более того, это меня испугало.

Я стал вспоминать. Нет, это были всего лишь общие соображения, и тем не менее теперь это представлялось чуть ли не сверхъестественным...

— Отнимите у нас зрение, — говорил он, — и наше превосходство исчезнет.

Да, совпадения случались во все времена, только далеко не всегда они бросаются в глаза...

Хруст гравия вернул меня к настоящему. По подъездной дороге к воротам ковылял, раскачиваясь, триффид. Я перегнулся через сиденье и поднял стекло в окне.

— Поезжайте! Поезжайте! — истерически закричала Джозелла.

— Здесь мы в безопасности, — сказал я. — Мне хочется посмотреть, что он станет делать.

В то же время меня осенило, что одна из моих проблем решена. Я настолько привык к триффидам, что совершенно забыл, как большинство людей смотрят на триффидов с неурезанным жалом. Я вдруг понял, что Джозелла больше не заикнется о возвращении в этот дом. Ее взгляд на это чудовище выражался одной простой идеей: держаться от него как можно дальше.

В воротах триффид приостановился. Можно было поклясться, что он прислушивается. Мы сидели тихо и неподвижно. Джозелла смотрела на него с ужасом. Я ожидал, что он хлестнет жалом в автомобиль. Но этого не случи-

лось. Вероятно, наши голоса звучали в закрытой кабине приглушенно, и он решил, что мы находимся вне пределов досягаемости.

Голые черенки коротко простучали по стеблю. Он качнулся, неуклюже перевалился вправо и скрылся на другой подъездной дороге.

Джозелла с облегчением вздохнула.

— О, давайте уедем, пока он не вернулся, — умоляюще проговорила она.

Я включил двигатель, развернул машину, и мы поехали обратно в Лондон.

ГЛАВА 5

ОГОНЬ В НОЧИ

К Джозелле вернулось самообладание. С явным и намеренным намерением отвлечься от того, что осталось позади, она спросила:

— Куда мы сейчас едем?

— Сначала в Клеркенвел, — ответил я. — Затем мы поищем для вас одежду. За одеждой, если хотите, поедem на Бонд-стрит, но сначала отправимся в Клеркенвел.

— Но почему в Клеркенвел?.. О Господи!

Действительно, «о Господи»! Мы повернули за угол и оказались на улице, забитой людьми. Они с плачем и криками бежали нам навстречу, вытянув перед собой руки и спотыкаясь. В тот момент, когда мы увидели их, женщина, бежавшая впереди, оступилась и упала; сейчас же о нее споткнулись и повалились бежавшие следом, и она исчезла под грудой барахтающихся тел. А позади толпы мы увидели причину этого панического бегства: над головами охваченных ужасом людей раскачивались три ствола в темных листьях. Я дал газ и круто свернул в боковой переулок.

Джозелла обратила ко мне испуганное лицо:

— Вы... вы видели? Они их *погоняли*!

— Да, — сказал я. — Поэтому мы и едем в Клеркенвел. Там находится мастерская, которая производит лучшие в мире триффидные ружья и маски.

Проехав несколько кварталов, мы вновь помчались намеченным маршрутом, но вскоре оказалось, что путь далеко не так свободен, как я рассчитывал. На улицах вблизи от Кингз-Кросс-стэйшен народу было гораздо больше. Продвигаться вперед становилось все труднее, хотя я непрерывно

сигналил. Наконец перед самой станцией пришлось остановиться. Не знаю, почему там была такая толпа. Можно было подумать, будто все население района сошлось туда. Мы не могли пробиться через плотную стену людей, и, оглянувшись, я убедился, что так же безнадежно было бы пытаться проложить путь назад. Толпа уже сомкнулась позади нас.

— Выходите, быстро, — сказал я. — Мне кажется, они хотят взять нас.

— Но... — начала Джозелла.

— Живо! — приказал я.

Я в последний раз дал сигнал и выскользнул из машины вслед за Джозеллой. И как раз вовремя. Какой-то мужчина нащупал ручку задней дверцы. Он распахнул ее и стал шарить внутри. Другие, спешившие к машине, едва не сбили нас с ног. Послышался сердитый крик, когда кто-то отворил переднюю дверцу и обнаружил, что место водителя тоже опустело. К этому времени мы уже благополучно смешались с толпой. Кто-то схватил мужчину, открывавшего заднюю дверцу, приняв его за водителя. Началась свалка. Я крепко взял Джозеллу за руку, и мы начали выбираться из толпы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Выбравшись, мы некоторое время шли пешком, ища подходящую машину. Примерно через милю мы нашли то, что было нужно: автофургон, показавшийся мне более всего пригодным для плана, который начал смутно формироваться в моем сознании.

Клеркенвел уже два или три века специализировался на производстве точных инструментов. Маленькая мастерская, с которой я время от времени имел дело по долгу службы, приспособила старинное умение к новым нуждам. Я нашел ее без труда; нетрудно оказалось и пробраться внутрь. Когда мы покинули ее, нами владело приятное чувство защищенности: в кузов машины мы уложили несколько штук превосходных триффидных ружей, несколько тысяч маленьких стальных бумерангов к ним и несколько шлемов с масками из проволоочной сетки.

— А что теперь — одежда? — спросила Джозелла, когда мы тронулись.

— Обсуждается предварительный план, открытый для критики и поправок, — объявил я. — Прежде всего предлагается найти какое-нибудь *ried-à-terre*: местечко, где можно привести себя в порядок и обсудить положение.

— Только не кабак, — запротестовала она. — Довольно с меня кабаков на сегодня.

— С меня тоже, — согласился я. — Хотя мои друзья нипочем не поверили бы мне, особенно если принять во внимание, что все бесплатно. Собственно, я имел в виду какую-нибудь пустую квартиру. Найти такую, должно быть, не очень трудно. Там мы отдохнем и составим вчерне план действий. Кроме того, там было бы удобно устроиться на ночь... а если нынешние чрезвычайные обстоятельства, на наш взгляд, не отменили некоторых условностей, то что же, может быть, нам удастся найти и две квартиры.

— Я думаю, мне будет приятнее сознавать, что кто-то есть рядом со мной.

— И чудесно, — сказал я. — Далее, операция номер два. Обмундирование и снаряжение для леди и джентльменов. Тут нам, пожалуй, лучше разделить, а разделившись, не забыть, на какой квартире мы остановились.

— Х-хорошо, — проговорила она с некоторым сомнением в голосе.

— Все будет в порядке, — заверил я ее. — Только возьмите за правило ни с кем не разговаривать, и никто не догадается, что вы зрячая. Вы тогда попали в переделку только потому, что были захвачены врасплох. В стране слепых и кривой — король.

— О да... Это, кажется, из Уэллса, не так ли?.. Только в его рассказе получилось иначе.

— Вся трудность в том, как понимать слово «страна», — в оригинале «*patria*», — заметил я. — «*Caecorum in patria luscus rex imperat omnis*». Первым это сказал некий джентльмен из римской классики, по имени Фуллоний, и больше о нем никто ничего не знает. Но здесь нет больше организованной *patria*, организованного государства. Есть только хаос. Воображаемый народец Уэллса приспособился к слепоте. Здесь же, по-моему, этого не произойдет. Я не вижу, как это могло бы произойти.

— А что же, по-вашему, произойдет?

— Я знаю не больше, чем вы. В свое время мы узнаем, и боюсь, что скоро. Но вернемся лучше к нашим баранам. На чем мы остановились?

— Одежда.

— А, да. Ну, это просто. Нужно забраться в магазин, взять то, что требуется, и выбраться обратно. В центре

Лондона триффидов вы не встретите — по крайней мере пока.

— Как легко вы об этом говорите: забраться и взять.

— Чувствую я себя вовсе не легко, — признался я. — Но я не уверен, что это добродетель. Скорее уж привычка. С другой стороны, упрямое нежелание смотреть фактам в лицо ничего не изменит и ничем нам не поможет. Я думаю, мы должны считать себя не ворами, а всего лишь... ну, скажем, наследниками поневоле.

— Да. Что-то в этом роде, — согласилась она с видом эксперта.

Некоторое время она молчала. Затем вернулась к первоначальной проблеме.

— А что после одежды? — спросила она.

— Операция номер три, — сказал я, — это, несомненно, обед.

С квартирой, как я и ожидал, все обошлось как нельзя проще. Мы оставили машину на середине улицы в богатом квартале и забрались на третий этаж. Не знаю, почему именно на третий, разве что он представлялся нам как-то менее заметным. Процесс выбора был несложен. Мы звонили или стучали, и если кто-нибудь откликнулся, мы шли дальше. За четвертой дверью нам не ответили. Муфта замка вылетела от одного хорошего толчка плечом, и мы вошли.

Я никогда не принадлежал к людям, которым нравится жить в квартале за две тысячи фунтов в год, однако я обнаружил, что в ее пользу можно сказать очень многое. Интерьер здесь обставляли, как мне кажется, элегантные молодые люди с тем остроумным даром сочетать вкус с передовой модой, который обходится так дорого. Там и тут наличествовали настоящие *derniers cris*, из них некоторым, если бы мир остался прежним, несомненно, предстояло бы стать увлечением завтрашнего дня; другие, по-моему, с самого начала были обречены на забвение. Общий же эффект был такой же, как на выставке-распродаже с ее нетерпимостью к человеческим слабостям: книга, сдвинутая с места на несколько дюймов, книга в переплете неподходящего цвета, безалаберный гость в неподходящем костюме, усевшийся в неподходящее кресло, сразу же нарушили бы здесь тщательно продуманное равновесие и тон. Я повернулся к Джозелле, взирающей на все это широко раскрытыми глазами.

— Ну как, подойдет нам эта хижина или пойдем дальше? — спросил я.

— О, я думаю, нам и здесь будет неплохо, — ответила она. Рука об руку мы ступили на нежно-желтый паркет и начали осмотр.

Я не рассчитывал на это, но трудно было бы найти более удачный способ отвлечь ее мысли от событий дня. Наш обход сопровождался потоками восклицаний, выражавших восхищение, зависть, удовольствие и, надо признаться, злость. На пороге комнаты, переполненной атрибутами женского снаряжения, Джозелла остановилась.

— Я буду спать здесь, — объявила она.

— Господи! — воскликнул я. Затем я сказал: — Ну что ж, о вкусах не спорят.

— Не надо ехидничать. Ведь мне больше никогда, вероятно, не представится случай поблаженствовать. И, кроме того, разве вам не известно, что в каждой девушке есть капелька пошлейшей кинозвезды? Вот и пусть это проявится в последний раз.

— Пусть, — сказал я. — Но я все же надеюсь, что здесь где-нибудь найдется местечко поскромнее. Избави меня Бог спать в постели под зеркалом на потолке.

— Над ванной тоже есть зеркало, — сообщила она, заглядывая в соседнее помещение.

— Это было бы уже верхом разложения, — заметил я. — Впрочем, вам не придется ею пользоваться. Нет горячей воды.

— Правда, а я и забыла. Вот жалость-то! — разочарованно воскликнула она.

Остальные помещения оказались не такими сенсационными. Когда обход был закончен, Джозелла отправилась добывать одежду. Я еще раз осмотрел квартиру, чтобы выяснить, какими ресурсами мы здесь располагаем и чего у нас нет, а затем тоже двинулся в поход.

Едва я шагнул наружу, как дальше по коридору открылась другая дверь. Я замер на месте. Вышел молодой человек, ведя за руку белокурую девушку. Когда она переступила через порог, он отпустил ее.

— Подожди здесь минутку, родная, — сказал он.

Он сделал несколько шагов по мягкому ковру, скрадывавшему звуки. Его протянутые руки нашли окно в конце коридора. Его пальцы нащупали и отодвинули шпингалет. За окном снаружи я заметил пожарную лестницу.

— Что ты делаешь, Джимми? — спросила девушка.

Он быстро вернулся к ней и снова взял ее за руку.

— Я просто проверил дорогу, — сказал он. — Пойдем родная.

Она отпрянула:

— Джимми, мне не хочется уходить. У себя дома мы хоть знаем, где находимся. Как мы найдем еду? Как мы будем жить?

— Дома, родная, еду мы и вовсе не найдем... и потому не проживем долго. Пойдем, моя радость. Не бойся.

— Но я боюсь, Джимми... Я боюсь!

Она прижалась к нему, и он обнял ее.

— Все будет хорошо, родная. Пойдем.

— погоди, Джимми, мы идем не туда...

— Ты перепутала, дружок. Мы идем правильно.

— Джимми, мне страшно... Пойдем назад!

— Слишком поздно, родная.

Перед окном он остановился. Одной рукой он тщательно ощупал подоконник. Затем он обнял ее и прижал к себе.

— Это было слишком прекрасно и не могло продолжаться долго, — тихо сказал он. — Я люблю тебя, родная моя. Я очень, очень люблю тебя.

Она подняла к нему лицо, и он поцеловал ее в губы.

Повернувшись, он поднял ее на руки и шагнул из окна.

«Ты должен отрастить толстую шкуру, — сказал я себе. — Должен. Иначе останется только пить до бесчувствия. Такие вещи должны происходить сейчас повсюду. Они происходят повсюду. Здесь ничем не можешь. Положим, ты достал бы им еды, чтобы они продержались еще несколько дней. А дальше? Ты должен научиться смотреть на это и мириться с этим. Ничего другого не остается. Или утопить себя в алкоголе.

Если не драться за свою жизнь, несмотря ни на что, выжить будет невозможно... Уцелеют лишь те, кто сумеет подчинить чувства разуму...»

Поиски всего необходимого заняли больше времени, чем я ожидал. Мне удалось вернуться часа через два. Протискиваясь в дверь, я уронил несколько пакетов. Джозелла довольно нервно окликнула меня из своей сверхженственной спальни.

— Это только я, — успокоил я ее, пробираясь по коридору со своим грузом.

Свалив все на кухне, я отправился подобрать упавшие пакеты. Перед ее дверью я остановился.

— Не входите! — предупредила она.

— Да я и не собирался, — возразил я. — Мне только хотелось узнать, умеете ли вы готовить.

— Я умею варить яйца, — отозвался ее приглушенный голос.

— Этого я и опасался. Многому же нам предстоит научиться...

Я вернулся на кухню. Водрузив керосинку на бесполезную электрическую плиту, я принялся за дело.

Когда я закончил накрывать столик в гостиной, результат показался мне вполне удовлетворительным. Чтобы довершить убранство, я поставил наготове подсвечники со свечами. Джозелла все не появлялась, но несколько минут спустя из ванной донесся плеск бегущей воды. Я окликнул ее.

— Сейчас иду, — отозвалась она.

Я подошел к окну и стал смотреть на город. Совершенно сознательно я начал прощаться со всем, что было. Солнце стояло низко. Башни, шпили, фасады из портландского камня казались белыми и розовыми на фоне темнеющего неба. Там и тут горели пожары. Облака дыма поднимались черными грязными пятнами, кое-где у их основания мелькали языки пламени. Очень возможно, сказал я себе, что после завтрашнего дня мне не видеть больше ни одного из этих знакомых зданий. Может быть, наступит время, когда кто-нибудь вновь вернется сюда, но все здесь будет совсем по-другому. Над городом порабатуют пожары и непогода, он будет мертв и заброшен. Но сейчас, на расстоянии, он еще может маскироваться под живой город.

Отец как-то рассказывал мне, что перед самой войной с Гитлером он имел обыкновение бродить по Лондону с широко раскрытыми глазами, поражаясь красоте зданий, которую он раньше никогда не замечал... и прощаясь с ними. Сейчас мною владело такое же чувство. Но тут было нечто худшее. В той войне выжило все-таки больше людей, чем кто-нибудь смел надеяться. А теперь был враг, которого люди не могли одолеть. На этот раз человеку угрожали не варварские погромы и злоумышленные поджоги: впереди был просто долгий, медленный, неодолимый процесс разложения и разрушения.

Я стоял и смотрел, и сердце мое все еще отвергало то, что говорил мне разум. Даже тогда я все еще был под

властью ощущения, будто все это слишком велико, слишком неестественно, чтобы происходить в действительности. И тем не менее я знал, что такое происходит в истории далеко не впервые. Трупы других великих городов похоронены в пустынях и стерты с лица земли азиатскими джунглями. Некоторые пали так давно, что от них не осталось даже названий. Но для тех, кто там обитал, разрушение представлялось не более вероятным и возможным, нежели представляется мне умирание исполинского современного города...

Должно быть, думал я, это было одним из наиболее упорных и удобных заблуждений человечества: считать, что «у нас это случиться не может», что никаким катаклизмам не подвержено лично мое крошечное время и местечко в мире. Но вот это случилось у нас. Если не произойдет никакого чуда, то я взирал сейчас на начало конца Лондона. Вероятно, были и другие, такие же, как я, взиравшие на начало конца Нью-Йорка, Парижа, Сан-Франциско, Буэнос-Айреса, Бомбея и прочих городов, которым отныне предопределено пойти путем тех прежних, что заросли джунглями.

Я все смотрел в окно, когда позади послышался шорох. Я оглянулся и увидел Джозеллу. На ней было длинное красное платье из бледно-голубого жоржета и белый меховой палантин. На простой цепочке блестели голубовато-белые бриллианты; камни, мерцавшие в серьгах, были поменьше, но такой же чистой воды. Ее волосы были так убраны, а лицо сияло такой свежестью, словно она только что вышла из салона красоты. Она шла через комнату, легко ступая ногами в серебряных туфельках и блестящих чулках-паутинках. Я молча таранил на нее глаза, и под моим взглядом исчезла легкая улыбка на ее губах.

— Вам не нравится? — спросила она по-детски обиженно.

— Это чудесно... Вы очаровательны, — отозвался я. — Мне... Ну, я просто не ожидал ничего подобного.

Требовалось что-то еще. Я ведь понимал, что ко мне этот наряд не имеет никакого отношения. Я добавил:

— Вы прощаетесь?

— Значит, вы поняли. Я так надеялась, что вы поймете.

— Думаю, что понял. Я рад, что вы так сделали. Это будет очень приятно вспоминать.

Я протянул ей руку и подвел к окну.

— Я тоже прощался... со всем этим.

Не знаю, о чем она думала, пока мы стояли там плечом к плечу: это ее тайна. Мои же мысли неслись беспорядочно, калейдоскопом картин жизни, которая кончалась навсегда, или это больше походило на перелистывание огромного фотоальбома с одним всепонимающим «а ты помнишь»?

Мы долго стояли у окна, погруженные в раздумье. Затем она вздохнула. Она оглядела себя, приглаживая пальцами тонкий шелк.

— Это глупо?.. Когда горит Рим... — проговорила она с горестной усмешкой.

— Нет... это славно, — сказал я. — Спасибо вам. Это жест... и напоминание о том, что при всех гадостях в нашем мире так много красоты. Вы не могли бы сделать... и выглядеть... прекраснее.

Улыбка ее просветлела.

— Спасибо, Билл. — Она помолчала. — Ведь я еще не говорила вам «спасибо»? Нет, не говорила. Если бы вы не выручили меня...

— Если бы не вы, — прервал я ее, — я бы скорее всего валялся сейчас в каком-нибудь кабаке в пьяных слезах и соплях. Я благодарен вам не меньше. Сейчас не такое время, чтобы быть одному. — Затем, чтобы переменить разговор, я добавил: — Кстати, о пьянстве. Вот здесь у нас имеется отличное амонтильядо и кое-что приятное на закуску. Квартира нам попала на диво удачная.

Я разлил шерри, и мы подняли бокалы.

— За здоровье, силу... и удачу, — сказал я.

Она кивнула. Мы выпили.

Когда мы принялись за превосходный паштет, Джозелла спросила:

— Что, если бы сейчас вдруг вернулся владелец всего этого?

— Мы объяснили бы ему... и он был бы только благодарен за то, что кто-то может сказать ему, где какая бутылка и так далее.. Но вряд ли это случится.

— Пожалуй, — согласилась она, подумав. — Да, пожалуй. Боюсь, что это вряд ли случится. А интересно... — Она оглядела комнату. Ее взгляд остановился на белом цоколе с рифленой облицовкой. — Вы не включали радио?.. Ведь это радио, не правда ли?

— Это и радио и телевизор, — ответил я. — Но он не работает. Нет тока.

— Ну конечно, я забыла. Наверное, мы долго еще будем забывать такие вещи.

— Но я включал другой приемник, когда выходил. На батарейках. И ничего. В эфире тишина, как в могиле.

— И это значит, что везде как у нас?

— Боюсь, что да. Пишит кто-то морзянкой на сорока двух метрах, и больше ничего. Нет даже несущей частоты. Хотел бы я знать, кто он и где находится этот бедняга.

— Будет... будет очень тяжело, да, Билл?

— Будет... Нет, я не желаю омрачать этот обед, — сказал я. — Делу время, потехе час... а в будущем нас совершенно определенно ждет дело. Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном. Например, сколько раз вы были влюблены и почему вы до сих пор не замужем... или вы замужем? Сами видите, как мало я знаю. Вашу биографию, будьте так любезны.

— Ну что ж, — сказала она. — Я родилась в трех милях отсюда, и моя мать была этим очень недовольна.

Я поднял брови.

— Видите ли, она твердо решила, что я буду американкой. Но когда за нею приехали, чтобы отвезти на аэродром, было уже поздно. Очень она была импульсивная... Я думаю, это передалось и мне.

Она продолжала болтать. Ничего примечательного не случилось в ее ранние годы, но, по-моему, ей нравилось вспоминать о них и на время отвлечься от нашего положения. А мне нравилось слушать ее, как она болтает о знакомых и забавных вещах, которые уже исчезли из этого мира. Мы с легкостью прошли через ее детство, через школьные годы и «выход в свет», если это выражение еще что-нибудь значило.

— Когда мне исполнилось девятнадцать, я едва не вышла замуж, — призналась она. — И как же я рада сейчас, что из этого ничего не получилось! Тогда я, конечно, думала по-другому. У меня была ужасная ссора с папой, который все это расстроил. Он-то ведь сразу понял, что Лайонель просто слигад и...

— Кто? — прервал я ее.

— Слигад. Вроде как помесь слизняка и гада, этакий светский тунеядец. Так вот, я порвала с семьей и ушла жить к одной своей подруге, у которой была квартира. Тогда семья перестала давать мне деньги. Это было очень глупо, так как могло привести совсем не к тем результатам, на

которые они рассчитывали. Не случилось же этого просто потому, что образ жизни всех моих знакомых девушек, вступивших на такую стезю, показался мне очень уж утомительным. Слишком мало радостей, ужасное количество скандалов из ревности, которые приходится улаживать... и слишком много расчета. Вы не поверите, сколько им приходилось рассчитывать, чтобы удерживать при себе одного-двух запасных партнеров... — Она задумалась.

— Это неважно, — заметил я. — Общую мысль я уловил. Вы просто не хотели никаких партнеров.

— Вы не лишены интуиции. В общем, я все равно не могла оставаться нахлебницей у подруги, где жила. Мне нужно было зарабатывать, и тогда я написала книгу.

Мне показалось, что я ослышался.

— То есть вы сделали компиляцию?

— Я написала книгу. — Она взглянула на меня и улыбнулась. — Должно быть, я страшно тупая на вид — так на меня глядели все, когда я говорила, что пишу книгу. Заметьте, книга получилась не такая уж хорошая... Я хочу сказать, не такая, как у Олдоса, или Чарльза, или других людей в этом роде. Но свое дело она сделала.

Я не стал осведомляться, какого из всех мыслимых Чарльзов она имеет в виду. Я просто спросил:

— Вы хотите сказать, что она была издана?

— О да. И она принесла мне много денег. Право на экранизацию...

— Что же это за книга? — спросил я с любопытством.

— Она называется «Мои похождения в мире секса».

Я вытаращил глаза, затем хлопнул себя по лбу.

— Джозелла Плэйтон, ну конечно! Я никак не мог вспомнить, где я слышал ваше имя. Так это вы написали ту штуку? — добавил я недоверчиво.

Не знаю, почему я не вспомнил раньше. Ее фотографии были всюду (не очень хорошие фотографии, как я теперь убедился), и всюду была эта книга. Две крупные библиотеки наложили на нее запрет, скорее всего просто из-за названия. После этого успех ей был обеспечен, и книга стала продаваться сотнями тысяч экземпляров. Джозелла хихикнула. Я был рад, что ей смешно.

— О Боже, — сказала она. — Вы на меня глядите совершенно как все мои родственники.

— Не могу им ставить этого в вину, — заметил я.

— А вы ее читали?

Я покачал головой. Она вздохнула:

— Смешной народ. Вам известны только название и реклама, и вы уже шокированы. А в действительности это такая безобидная маленькая книжечка. Смесь незрелой искушенности и розовой романтики с пятнышками девичьего румянца. Но с названием мне повезло.

— Тоже мне везение, — сказал я. — Да еще имя поставили свое настоящее.

— Это было ошибкой, — согласилась она. — Издатели убедили меня, что так будет лучше для рекламы. Со своей точки зрения они были правы. Я приобрела скандальную известность. Меня прямо распирало от смеха, когда люди в ресторанах и прочих таких местах осторожно разглядывали меня — как видно, им было трудно связать воедино то, что они видели, и то, что они думали. Ко мне на квартиру стали регулярно наведываться всякие личности, которые мне совсем не нравились, и, чтобы избавиться от них, я снова вернулась домой: я ведь доказала, что могу прожить самостоятельно. Впрочем, книга все-таки подпортила мою репутацию. Оказалось, люди склонны воспринимать ее название буквально. По всей видимости, я была навек обречена отбиваться от людей, которых терпеть не могла... а те, которых я была готова терпеть, были либо напуганы, либо шокированы. Больше всего меня раздражало, что книга даже не была безнравственной. Она была просто глупой, и разумным людям следовало бы понимать это.

Она помолчала. Мне пришло в голову, что разумные люди сочли просто глупым и самого автора, но я не стал говорить этого вслух. Все мы в молодости творили безрассудства, о которых неприятно вспоминать, но поступки, имеющие следствием финансовый успех, люди почему-то не склонны рассматривать как безрассудства молодости.

— Из-за этого все как-то пошло прахом, — пожаловалась она. — Я принялась за новую книгу, чтобы выправить положение. Но я рада, что так и не закончила ее. Она получилась резковатой.

— И название такое же волнующее? — спросил я.

Она покачала головой:

— Я собиралась назвать ее «Здесь покинутая».

— Гм... Да, в нем, конечно, уже нет той изюминки, — сказал я. — Цитата?

— Да, — кивнула она. — Из мистера Конгрива: «Здесь покинутая дева отдыхает от любви».

— Э... А... — сказал я и на несколько минут погрузился в размышления.

— А теперь, — предложил я, — настало, мне думается, время составить вчерне план наших действий. Если разрешите, я хотел бы высказать несколько общих соображений.

Мы развалились в чрезвычайно комфортабельных креслах. На низком столике между нами стояла кофеварка. Перед Джозеллой была крошечная рюмка с куантро. Пузатый плутократический бокал с лужицей бесценного бренди был передо мной. Джозелла выпустила струйку дыма и пригубила из рюмки. Смакуя, она проговорила:

— Интересно, доведется ли нам когда-нибудь еще раз ощутить вкус свежих апельсинов? Ладно, валяйте.

— Так вот, — сказал я. — Положение не блестящее. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Если не завтра, то послезавтра. Уже сейчас можно представить себе, что здесь произойдет. Пока еще есть вода в резервуарах. Скоро она кончится. Весь город будет вонять, как гигантская сточная канава. На улицах уже появились трупы, с каждым днем их будет все больше. — Я увидел, как она содрогнулась. Я совсем забыл, что кое-какие из моих соображений могут жестоко задеть ее. Я поспешно продолжал: — Это может вызвать холеру, тиф и Бог знает что еще. Важно уехать отсюда раньше, чем начнется что-нибудь в этом роде.

Она согласно кивнула.

— Тогда следующий вопрос, по-видимому, таков: куда мы едем? У вас есть какие-нибудь предложения? — спросил я.

— Ну... Мне кажется, надо найти место, где мы, грубо говоря, не будем путаться под ногами. С надежным водоснабжением, например с колодцем. И еще хорошо бы, чтобы это было где-нибудь на возвышенности.. где всегда бы дули свежие, чистые ветры.

— Правильно, — сказал я. — О свежих, чистых ветрах я не подумал, — но вы правы. Вершина холма с надежным водоснабжением — такое местечко найти не так-то просто. — Я подумал секунду. — Лейк-дистрикт? Нет, слишком далеко. Может быть, Уэльс? Или, возможно, Эксмур, или Дартмур, или уж сразу Корнуэлл? Где-нибудь на Лендс-Энде у нас будет по преимуществу юго-западный ветер прямо с Атлантики, ничем не зараженный. Но это тоже

очень далеко. Нам ведь придется зависеть от городов, когда снова можно будет посещать их без опаски.

— Как насчет Суссекского Даунса? — предложила Джозелла. — Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом, прямо напротив Пулборо. Он, правда, не на вершине холма, но довольно высоко на склоне. Там есть ветряной насос для воды, и я думаю, они там вырабатывают собственное электричество. Они там все переделали и модернизировали.

— Действительно, идея заманчивая. Но это слишком близко к населенным местам. Вы не думаете, что нам следовало бы убраться еще дальше?

— У меня на этот счет есть сомнения. Сколько пройдет времени, прежде чем можно будет снова вернуться в город?

— Не имею никакого представления, — признался я. — Думаю, что-нибудь около года... Такой срок наверняка достаточно велик, как по-вашему?

— Понятно. Но вы же сами говорите: если мы заедем слишком далеко, нам будет очень не просто получать из городов снабжение.

— Это, конечно, мысль, — согласился я.

Мы временно оставили вопрос о будущей резиденции и перешли к разборке деталей переезда. Мы решили, что утром прежде всего раздобудем грузовик — вместительный грузовик, и стали составлять список материальных благ, которые в него погрузим. Если мы успеем погрузиться, то выедем завтра же вечером, а если нет — этот вариант представлялся более вероятным, потому что список все увеличивался, — то мы рискнем остаться в Лондоне еще на одну ночь и отправимся послезавтра утром.

Было уже около полуночи, когда мы кончили добавлять к списку необходимого свои личные пожелания. В результате получилось нечто вроде каталога универсального магазина. Но даже если это занятие послужило лишь для того, чтобы отвлечь на время наши мысли от самих себя, оно стоило затраченного времени.

Джозелла зевнула и поднялась.

— Спать хочется, — сказала она. — И меня ждут шелковые простыни этого ложа любви.

Казалось, она плыла над толстым ковром. Положив ладонь на дверную ручку, она остановилась и с важным видом оглядела себя в большом зеркале.

— Было очень славно, — сказала она и послала своему отражению воздушный поцелуй.

— Спокойной ночи, сладкое суетное видение, — пробормотал я.

Она обернулась с легкой улыбкой и затем исчезла за дверью, как облако тумана.

Я плеснул в бокал последнюю каплю бренди, согрел в ладонях и выпил.

«Никогда, никогда в жизни ты не увидишь больше такого зрелища, — сказал я себе. — Sic transit...»

И, не дожидаясь, пока тяжкое отчаяние овладеет мной, я отправился в свою скромную постель.

Я уже покоем в блаженном полузабытьи, когда раздался стук в дверь.

— Билл, — позвал голос Джозеллы. — Скорее идите сюда. Свет!

— Какой свет? — осведомился я, выбираясь из постели.

— В городе. Идите и посмотрите.

Она стояла в коридоре, закутавшись в халат, который мог принадлежать только владелице той замечательной спальни.

— Боже милосердный! — нервно проговорил я.

— Не валяйте дурака, — раздраженно сказала она. — Идите и посмотрите на этот свет.

Свет действительно был. Выглянув из окна на северо-восток, я увидел яркий неподвижный луч, скорее всего прожекторный, направленный прямо в зенит.

— Это означает, должно быть, что там кто-то зрячий, — сказала она.

— Должно быть, — согласился я.

Я попробовал определить, где находится прожектор, но не смог из-за темноты. Не слишком далеко, я был уверен, и основание луча как бы висело в воздухе — это, вероятно, означало, что прожектор установлен на высоком здании. Я заколебался. Мысль попытаться отыскать туда путь по улицам, погруженным в кромешный мрак, представлялась мне далеко не привлекательной. Кроме того, возможно было — весьма маловероятно, но все-таки возможно, — что это западня. Даже слепой человек, достаточно умный и отчаянный, мог оказаться в состоянии смонтировать такую штуку на ощупь.

— Лучше оставим это до завтра, — решил я.

Я нашел пилку для ногтей и опустил ее перед окном на корточках так, чтобы мои глаза были на уровне подоконника. Кончиком пилки я старательно провел по краске прямую

линию, обозначив точное направление на луч. Затем я вернулся в свою комнату.

Час или больше я лежал, не смыкая глаз. Ночь усилила тишину над городом и прибавила тоски нарушающим ее звукам. Время от времени с улицы поднимался гомон голосов, раздраженных и ломающихся от истерии. Однажды послышался леденящий душу визг, который, казалось, упивался освобождением от оков разума. Неподалеку кто-то тихо рыдал, бесконечно и безнадежно. Дважды я слышал отчетливый треск одиночных пистолетных выстрелов... И я от всего сердца вознес благодарность случаю, который свел меня с Джозеллой и избавил от одиночества.

Полное одиночество было самым страшным состоянием, какое я мог тогда себе представить. Один был ничем. Содружество означало цель, а цель помогала держать на привязи мрачные ужасы.

Я старался заглушить ночные крики мыслями обо всем, что нужно будет сделать завтра и послезавтра, и еще через день, и во все последующие дни; догадками о том, что может означать прожекторный луч и какое влияние он окажет на нас. Но рыдания продолжались, они не давали забыть о том, что я видел сегодня и что я увижу завтра...

Отворилась дверь, и я сел в постели, охваченный внезапной тревогой. Это была Джозелла с горящей свечой. Глаза у нее были огромные и темные, и она плакала.

— Я не могу заснуть, — сказала она. — Я боюсь... ужасно боюсь. Вы их слышите... всех этих несчастных? Я не вынесу этого...

Она пришла, ища утешения, как ребенок. Не думаю все же, чтобы она нуждалась в утешении больше, чем я сам.

Она заснула раньше меня, положив голову мне на плечо.

Воспоминания о прошедшем дне все еще не давали мне покоя. Но рано или поздно человек засыпает. Последнее, что я вспомнил, был нежный девичий голос, певший балладу Байрона.

ГЛАВА 6

ВСТРЕЧА

Проснувшись, я услышал, что Джозелла уже возится на кухне. Мои часы показывали около семи. К тому времени когда я побрился с холодной водой и оделся, по всей комнате уже пахло поджаренным хлебом и кофе. Когда я

вышел в кухню, Джозелла держала сковородку над керосинкой. Она была преисполнена самообладания, которое совсем не ассоциировалось с испуганной фигуркой минувшей ночи. И движения ее были весьма деловиты.

— Боюсь, молоко у нас будет концентрированное, — сказала она. — Холодильник не работает. Впрочем, все остальное в порядке.

На мгновение мне было трудно поверить, что эта скромно и практично одетая девушка и есть вчерашнее видение из великосветского бала. На ней были темно-синий лыжный костюм, грубые носки с белым верхом и крепкие башмаки. На черном кожаном ремне вместо посредственного ножа, которым я ее вооружил вчера, висел отличный охотничий кинжал.

Не знаю, в какой одежде я ожидал ее увидеть и думал ли я об этом раньше вообще, но ее вид произвел на меня большое впечатление.

— Подходяще, как вы думаете? — спросила она.

— Замечательно, — уверил я ее. Затем я оглядел себя. — Мне бы тоже следовало подумать об этом. Этот джентльменский наряд, — добавил я, — не совсем пригоден в нынешних обстоятельствах.

— Да, вы могли бы одеться лучше, — честно согласилась она, взглянув на мой измятый костюм. — Этот свет прошлой ночью, — продолжала она, — шел с университетской башни. Я, во всяком случае, в этом уверена. Больше в том направлении нет ничего заметного. И расстояние тоже подходит.

Я отправился в ее комнату и посмотрел вдоль царапины, которую провел на подоконнике. Она действительно указывала прямо на башню. И я увидел кое-что еще. На башне развевались два флага. Будь там один флаг, это могло оказаться простой случайностью, но два явно означали сигнал: дневной эквивалент прожекторного луча. За завтраком мы решили отложить выполнение нашей программы и прежде всего обследовать башню.

Мы вышли из квартиры примерно через полчаса. Как я и надеялся, наш автофургон, стоявший на середине улицы, избег внимания мародеров. Не откладывая дела в долгий ящик, мы бросили чемоданы, добытые Джозеллой, в кузов рядом с противотрифидным снаряжением и тронулись в путь.

Людей было мало. Вероятно, усталость и похолодание воздуха подсказали им вчера, что наступила ночь, и пока лишь некоторые вышли из своих ночных убежищ. Теперь они старались держаться ближе к водосточным канавам, а не к стенам, как вчера. Многие из них имели трости или обломки дерева, которыми они простукивали путь вдоль обочины тротуаров. Ходить так было гораздо легче, нежели вдоль стен с их дверями и выступами, а стук уменьшал опасность столкновения.

Мы продвигались без особых трудностей и вскоре свернули на пустынную Стор-стрит, в конце которой перед нашими глазами выросла университетская башня. Джозелла сразу сказала:

— Осторожно. По-моему, у ворот что-то творится.

Она была права. Подъехав ближе, мы обнаружили перед университетом довольно изрядную толпу. Вчерашний день наделил нас неприязнью к толпам. Я резко свернул в Гауэр-стрит, проехал метров пятьдесят и остановил машину.

— Как вы думаете, что там происходит? Попробуем узнать или уберемся подобру-поздорову? — спросил я.

— Я за то, чтобы узнать, — быстро ответила Джозелла.

— Отлично. Я тоже.

— Я помню этот район, — добавила Джозелла. — За этими домами есть садик. Если забраться туда, можно наверняка все увидеть, ни во что не вмешиваясь.

Мы вышли из машины и принялись разглядывать нижние этажи ближайших зданий. В третьем доме обнаружилась открытая дверь. Проход вел прямо в садик. Это место выглядело странно, потому что большая его часть располагалась на уровне подвалов, то есть ниже уровня соседних улиц, но дальний его участок, ближайший к университету, поднимался и образовывал своего рода террасу, отделенную от дороги высокими железными воротами и низенькой оградой. Из-за ограды доносился шум толпы. Мы пересекли лужайку, поднялись по гравийной дорожке и устроились наблюдать, укрывшись за кустами.

Толпа на дороге перед воротами университета состояла, должно быть, из нескольких сотен мужчин и женщин. Она была больше, чем можно было судить по ее шуму, и я впервые осознал, насколько толпа слепых молчаливее и пассивнее такой же толпы зрячих. Это, разумеется, естественно, ибо, чтобы ориентироваться в происходящем, им

приходится полагаться исключительно на слух, так что все заинтересованы в молчании каждого; но понял я это только теперь.

События разворачивались прямо перед нами. Нам удалось найти небольшое возвышение, с которого мы могли видеть университетские ворота поверх голов толпы. Человек в кепке что-то многословно доказывал другому человеку, стоявшему по ту сторону решетчатых ворот. По всей вероятности, его доказательства успеха не имели, так как собеседник в ответ только отрицательно качал головой.

— Что там такое? — шепотом спросила Джозелла.

Я помог ей устроиться рядом с собой. Говоривший повернулся, и мы увидели его профиль. Ему было, насколько я мог судить, лет тридцать, у него были прямой узкий нос и впалые щеки; волосы, выбившиеся из-под кепки, были темные. Но внимание привлекала не столько его наружность, сколько напряженность, которая ощущалась в каждом его движении.

По мере того как переговоры продолжались, не давая никаких результатов, его голос становился все громче и выразительнее. Впрочем, на собеседника это не производило впечатления. Было очевидно, что человек по ту сторону ворот был зрячим: он настороженно поглядывал сквозь очки в роговой оправе. В нескольких шагах позади него стояли еще трое, тоже, несомненно, зрячие. Они тоже глядели на толпу и ее предводителя с тем же настороженным вниманием. Человек в кепке начал горячиться. Голос его возвысился, как если бы он говорил теперь, обращаясь не только к людям за ограждением, но и к толпе.

— Да послушайте же меня! — сердито вскричал он. — Эти вот люди имеют столько же прав жить, как и вы. Разве не так, черт подери! Они не виноваты, что ослепли. Разве не так, черт подери? Никто здесь не виноват. Но если они погибли от голода, виноваты будете вы, и вам это прекрасно известно.

Я показывал им, где взять еду. Я делал для них все, что мог, но Господи Иисусе, я ведь один, а их тысячи! Вы бы тоже могли показывать им, где еда, но разве вы это делаете? Черта с два! Вам на них наплевать! Вы заботитесь только о своих шурах. Я видел таких, как вы. У вас один символ веры: «Провалитесь все к чертям, лишь бы мне было хорошо».

Он презрительно сплюнул и ораторским жестом простер руку.

— Там, — сказал он, — там, в Лондоне, тысячи несчастных людей. Им нужно только, чтобы кто-нибудь показал, как взять еду, которая лежит у них под носом. Вы могли бы делать это. Единственное, что от вас требуется, — это просто показать им. А вы? Что вы делаете, подонки? Вы помогаете им? Нет, вы заперлись здесь, и пусть все они подыхают с голоду, а между тем каждый из вас мог бы спасти сотни людей, и для этого нужно всего-навсего выйти и показать беднякам, где взять жратву. Боже всемогущий, да есть ли в вас что-либо человеческое?

Он говорил яростно. Он знал, в чем обвинять, и обвинял он страстно. Я почувствовал, как пальцы Джозеллы бессознательно впились в мой локоть, и я положил ладонь на ее руку. Человек по ту сторону ворот сказал что-то, чего мы не расслышали.

— На сколько времени? — закричал человек в кепке. — Да откуда мне знать, черт вас подери совсем, на сколько времени хватит еды? Я знаю только, что, если недоноски вроде вас не возьмутся за дело и не начнут помогать, мало кто останется в живых к тому времени, когда сюда придут, чтобы привести в порядок все это проклятое безобразие. — Секунду он стоял, свирепо глядя на собеседника. — Факт тот, что вы боитесь. Вы боитесь показать им, где еда. А почему? Потому что чем больше эти бедняги съедят, тем меньше останется для вашей шайки. В этом все дело. Что, не так? Вот она, правда, только у вас нет смелости признать это...

Мы снова не расслышали ответа собеседника; впрочем, очевидно было, что оратору этот ответ не понравился. В течение секунды он мрачно смотрел сквозь решетку. Затем он сказал:

— Ладно. Вы сами хотели этого.

С молниеносной быстротой он вцепился в руку собеседника, вытянул ее между прутьями решетки на свою сторону и вывернул. Он схватил за руку стоявшего рядом слепого мужчину и зажал ее на запястье собеседника.

— Держи крепче, парень, — сказал он и прыгнул к замку на воротах.

Человек в очках оправился от неожиданности. Он изо всех сил ударил свободной рукой через прутья позади себя. Этот удар наудачу пришелся слепому в лицо. Тот вскрикнул

и сжал руку еще крепче. Предводитель толпы рвал и ломал замок. В этот момент треснул винтовочный выстрел. Пуля щелкнула в решетку и с жужжанием рикошетировала. Предводитель в нерешительности остановился. За его спиной раздались проклятия, женский визг. Толпа качнулась назад и вперед, словно не зная, бежать прочь или ринуться на штурм ворот. Решение за нее приняли те трое во дворе за ограждением. Я увидел, как молодой человек что-то выдернул из-под руки, и я упал ничком, опрокинув рядом Джозеллу, когда застучала автоматная очередь.

Было очевидно, что стрелявший нарочно взял слишком высокий прицел; тем не менее грохот выстрелов и визг пуль произвели впечатление. Одной короткой очереди оказалось достаточно, чтобы все кончилось. Когда мы подняли головы, толпа уже потеряла монолитность. Слепые люди поспешно разбредались, торопясь уйти подальше от ворот. Предводитель задержался, чтобы крикнуть что-то неразборчивое, затем повернулся и тоже пошел прочь. Он направился на север на Мэлит-стрит, стараясь снова собрать и построить за собой своих последователей.

Я сел и взглянул на Джозеллу. Она задумчиво посмотрела на меня, затем опустила глаза и уставилась в землю. Прошло несколько минут, прежде чем мы заговорили.

— Ну? — сказал я наконец.

Она подняла голову и посмотрела на дорогу, на последних отставших от толпы, убредающих в переулки.

— Он был прав, — сказала она. — И вы знаете, что он был прав. Ведь верно?

Я кивнул:

— Да, он был прав... И все-таки он был и совершенно не прав. Понимаете, никто никогда не придет, «чтобы привести в порядок все это безобразие». Теперь я в этом совершенно уверен. Порядка больше не будет. Мы могли бы поступить, как он требует. Мы могли бы пойти и показывать некоторым — правда, только немногим — из этих людей, где еда. Мы могли бы делать это несколько дней, ну, может быть, недель. А потом? Что потом?

— Это так страшно, так жестоко...

— Если глядеть фактам в лицо, альтернатива очень простая, — сказал я. — Или уехать отсюда, чтобы спасти все, что можно спасти от гибели, в том числе и самих себя; или посвятить себя тому, чтобы еще хоть ненадолго продлить жизнь этих людей. Это самый объективный взгляд на вещи.

который мне доступен. Но я знаю, что, очевидно, гуманный путь является также скорее всего и дорогой к самоубийству. Должны ли мы тратить время на продление страданий, если мы уверены, что в конечном счете шансов спасти этих людей нет никаких? Лучший ли это способ применить свои силы?

Она медленно кивнула:

— Да, пожалуй, выходит, что выбирать не из чего. И даже если бы мы могли спасти некоторых, то кого для этого выбрать? И кто мы такие, чтобы выбирать? И вообще как долго мы смогли бы это делать?

— Все здесь страшно сложно, — сказал я. — Я не знаю, сколько слепых сможет содержать один зрячий, когда кончатся готовые припасы, но не думаю, чтобы уж очень много.

— Вы уже все решили, — сказала она, взглянув на меня. Мне почудилось, будто в ее голосе прозвучала нотка неодобрения.

— Милая девушка, — сказал я. — Все это нравится мне не больше, чем вам. Я прямо изложил вам альтернативу. Что мы выберем? Поможем строить новую жизнь тем, кто избежал катастрофы? Или сделаем моральный жест, который вряд ли станет чем-либо большим, нежели жестом. Люди на той стороне дороги, очевидно, решили выжить.

Она погрузила пальцы в песок, затем высыпала песок из ладони.

— Я думаю, вы правы, — сказала она. — Но вы правы и в том, что мне это не нравится.

— Наши «нравится» и «не нравится» больше не имеют никакого значения, — отозвался я.

— Может быть, и так, но во всяком деле, которое начинается со стрельбы, есть, по-моему, что-то скверное.

— Он ведь стрелял в воздух, — заметил я. — И очень возможно, что он предотвратил свалку.

Из толпы уже никого не осталось. Я перелез через ограду и помог перебраться Джозелле. Человек у ворот приоткрыл створку, чтобы впустить нас.

— Сколько вас? — спросил он.

— Всего-навсего двое, — ответил я. — Мы видели ночью ваш сигнал.

— О'кей. Пошли к Полковнику, — сказал он и повел нас через двор.

Тот, кого он назвал Полковником, располагался в небольшой комнатухе неподалеку от входа, вероятно, бывшей швейцарской. Это был круглолицый человек лет пятидесяти или около того. Волосы у него были густые, но седые и аккуратно подстриженные. Такими же седыми и аккуратными были его усы, и казалось, ни один волосок в них не посмел бы нарушить строй. Лицо его было розовым, здоровым и свежим, в пору молодому человеку; как я увидел позже, в пору молодому человеку была и его голова. Он сидел за столом с большим количеством бумаг, уложенных в абсолютно ровные пачки; перед ним лежал чистый розовый лист промокательной бумаги.

Когда мы вошли, он устремил сначала на меня, затем на Джозеллу твердый взгляд и смотрел на нас несколько дольше, чем необходимо. Я сразу раскусил эту технику. Она призвана внушить вам, что вы стоите перед опытным судьей, привыкшим оценивать людей с первого взгляда; вы должны почувствовать, что стоите перед надежным человеком, без всяких там глупостей — или, при иных обстоятельствах, что вас видят насквозь и знают все ваши слабости. Правильной реакцией является такой же взгляд в ответ, тогда вас признают «дельного партнера». Так я и сделал. Полковник взял перо.

— Ваши фамилии?

Мы назвали себя.

— Адреса?

— Боюсь, что в нынешних обстоятельствах они вряд ли понадобятся, — сказал я. — Но если вы считаете, что должны их знать...

Мы дали свои адреса.

Он пробормотал что-то о системе, организации и родственниках и записал. Затем последовали вопросы о возрасте, профессии и так далее. Он снова обратился на нас испытующий взгляд, нацарапал на каждой анкете еще несколько слов и сложил анкеты в пачку.

— Нужны дельные люди. Дело дрянь. Работы здесь много. Очень много. Мистер Бидли скажет вам, что надо.

Мы вернулись в вестибюль. Джозелла усмехнулась.

— Он забыл спросить у нас рекомендации в трех экземплярах, — сказала она, — но на работу мы, кажется, приняты.

Микаэль Бидли, когда мы нашли его, оказался совсем не похожим на Полковника. Он был высокий, худой, широко-

плечий и немного сутулый; было в нем что-то от атлета, занявшегося интеллектуальным трудом. Во время отдыха его лицо с большими черными глазами принимало меланхолическое выражение, но редко кому случалось видеть его на отдыхе. Судить о его возрасте по седым прядям в шевелюре было невозможно. Ему могло быть сколько угодно — от тридцати пяти до пятидесяти. В то время он был сильно измотан, и из-за этого определить его возраст было еще труднее, по-видимому, он был на ногах всю ночь; тем не менее он поздоровался с нами весело и представил нам молодую женщину, снова записавшую наши имена, когда мы назвали себя.

— Сандра Тельмонт, — объяснил он. — Сандра является нашим профессиональным запоминателем — она работала в кино монтажницей, и в том, что она с нами, мы видим заботливую руку судьбы.

Молодая женщина кивнула мне и посмотрела на Джозеллу более пристально.

— Мы с вами встречались, — сказала она задумчиво. Она взглянула на блокнот, который держала на колене. Затем на ее милой, но очень обыкновенной физиономии появилась слабая улыбка.

— О да, конечно, — проговорила она.

— Вот видите? — сказала Джозелла, обращаясь ко мне. — Мне теперь от этого не отделаться, как от липучки для мух.

— В чем дело? — спросил Микаэль Бидли.

Я объяснил. Он посмотрел на Джозеллу более внимательно. Она вздохнула.

— Пожалуйста, забудем об этом, — попросила она. — Я уже немного устала переживать это.

Ее слова вызвали у него добродушное удивление.

— Ладно, — сказал он и кивнул. Затем он повернулся к столу. — Теперь о деле. Вы видели Джейкса?

— Это Полковник, который играет в гражданские власти? — спросил я. — Видели.

Он ухмыльнулся.

— Должен знать, что мы и как. Ни шагу, пока не знаешь, как с пайком, — произнес он, имитируя манеру Полковника. — Впрочем, это совершенно верно, — продолжал он. — Давайте я коротко опишу вам, что мы и как. Нас здесь сейчас тридцать пять человек. Люди разные. Зрячих из них двадцать восемь. Остальные слепые — жены и мужья

и двое или трое детишек. В настоящий момент главная идея состоит в том, что завтра мы отсюда уезжаем, если успеем подготовиться... Чтобы уйти, как говорится, от греха по-дальше.

Я кивнул:

— Мы тоже решили убраться этим вечером и по той же причине.

— Какой у вас транспорт?

Я рассказал о нашем фургоне.

— Сегодня мы собирались погрузиться, — добавил я. — Пока у нас нет практически ничего, кроме целого арсенала противотрифидного снаряжения.

Он поднял брови. Сандра тоже с любопытством взглянула на меня.

— Странные вещи вы берете как предметы первой необходимости, — заметил он.

Я объяснил ему причину. Объяснил, видимо, скверно, потому что это не произвело на них впечатления. Он рассеянно кивнул и продолжал:

— Итак, поскольку вы соединились с нами, я предлагаю вот что. Приведите сюда вашу машину, разгрузитесь, затем поезжайте и смените ее на хороший большой грузовик. Затем... Да! Кто-нибудь из вас разбирается в медицине?

Мы покачали головами. Он нахмурился:

— Жаль. У нас до сих пор нет ни одного человека, причастного к медицине. Между тем я буду очень удивлен, если нам скоро не понадобится доктор — например, всем нам нужно сделать прививки... Значит, посылать вас в набег на аптекарские склады не стоит. Как насчет продуктов и ширпотреба? Подойдет вам?

Он порылся в бумагах, скрепленных скрепкой, вытянул листок и протянул мне. На листке под номером 15 был напечатан на машинке список консервированных продуктов, кастрюль, сковородок и постельных принадлежностей.

— Наименования даны ориентировочно, — сказал он, — но все-таки старайтесь по возможности держаться их, тогда мы избежим ненужного дублирования. Берите все лучшего качества. Когда будете брать продукты, обращайте внимание на объем; скажем, о кукурузных хлопьях забудьте, даже если они самое любимое ваше блюдо. Держитесь оптовых складов и крупных магазинов. — Он отобрал у меня лист и нацарапал на нем несколько адресов. — Из продовольствия за вами консервы и фасованные товары. Например, не дайте

себе увлечься мешками с мукой — этим занимается другая группа. — Он задумчиво поглядел на Джозеллу. — Боюсь, это будет тяжелая работа. Но это самое полезное дело, какое мы можем вам сейчас предложить. Постарайтесь как можно больше сделать до темноты. Сегодня вечером в девять тридцать будет общее собрание и дискуссия.

Мы повернулись, чтобы идти. Он остановил нас:

— У вас есть пистолет?

— Об этом я не подумал, — признался я.

— Лучше иметь на всякий случай. Достаточно стрелять просто в воздух. — Он достал из ящика стола два пистолета и протянул нам. — Все-таки не так противно, как это, — добавил он, поглядев на кинжал у Джозеллы на поясе. — Счастливого грабежа.

К тому времени когда мы разгрузили фургон и выехали, мы обнаружили, что людей на улицах еще меньше, чем вчера. При звуках двигателя они теперь не пытались остановить нас, а торопливо отходили на тротуары.

Первый приглянувшийся нам грузовик оказался бесполезен, потому что был нагружен деревянными контейнерами, снять которые было бы нам не под силу. Следующая находка была более счастливой — пятитонка, почти новая и пустая. Мы пересели в нее и поехали, бросив фургон на произвол судьбы.

Железные шторы пакгауза по первому адресу в моем списке были опущены, но без особых трудностей поддались нажиму ломика из соседней лавочки и закатились вверх. Внутри мы обнаружили находку. У платформы стояли три грузовика. Один из них был загружен ящиками с мясными консервами.

— Вы смогли бы вести такую машину? — спросил я Джозеллу.

Она поглядела:

— Почему бы нет? Общий принцип тот же, верно? И уличное движение мешать не будет.

Мы решили вернуться за грузовиком позже и поехали на пустой машине к другому складу, где погрузили свертки одеял и пледов, затем поехали дальше, чтобы забрать звонкую грудку кастрюль, сковородок, котелков и чайников. Управившись с этим, мы почувствовали, что поработали здорово и что работа оказалась тяжелее, чем мы предполагали.

Разыгравшийся аппетит мы утолили в маленьком кабачке, до сих пор нетронутом.

Атмосфера в деловых и коммерческих кварталах была мрачной, хотя мрачной скорее в стиле обычного воскресного или праздничного дня, чем бедствия. Людей здесь почти не было. Если бы катастрофа разразилась днем, а не ночью, когда все служащие уже разошлись по домам, картина здесь была бы чудовищной.

Подкрепившись, мы забрали из пакгауза грузовик с консервами и медленно, без всяких приключений повели оба грузовика к университету. Мы оставили их во дворе и снова отправились на добычу. Около половины седьмого мы снова вернулись со второй парой грузовиков и с приятным чувством выполненного долга.

Микаэль Бидли вышел, чтобы обследовать наш взнос. Он одобрил все, кроме дюжины ящиков, которые я поставил в кузов своего второго грузовика.

— Что в них? — спросил он.

— Триффидные ружья и припасы к ним, — ответил я.

Он недоуменно поглядел на меня.

— Ах да! Вы же явились с целым арсеналом.

— Они нам наверняка понадобятся, — сказал я.

Он подумал. Было ясно, что он считает меня слегка помешанным на триффидях. Наверное, он относил это за счет профессионального предубеждения, усиленного фобией, которая возникла в результате недавнего несчастного случая. Теперь он, конечно, подозревал меня в других, менее безобидных маниях.

— Послушайте, — сказал я, — мы с Джозеллой привели четыре полных грузовика. Мне нужно в одном из них место для этих ящиков. Если вы полагаете, что не можете уделить мне такое место, я пойду и найду трейлер или другой грузовик.

— Нет, оставьте их там, где положили, — решил он. — Места они занимают немного.

Мы отправились в здание и попили чаю в импровизированной столовой, которую с большим знанием дела оборудовала миловидная женщина средних лет.

— Он думает, — сказал я Джозелле, — что я свихнулся на триффидях.

— Боюсь, что горький опыт научит его, — ответила она. — Странно, что никто, кроме нас, не встречался с ними.

— Эти люди находились в центральных районах, так что это не удивительно. Мы ведь тоже сегодня не видели ни одного.

— Они могут добраться по улицам сюда, как вы считаете?

— Трудно сказать. Может быть, отдельные заблудившиеся...

— Как они вырвались на волю?

— Так случается рано или поздно, когда они мечутся на привязи достаточно беспокожно и достаточно долго. А на наших фермах они прорывались так: наваливались всей кучей на какой-нибудь участок ограды и опрокидывали его.

— Неужели вы не могли сделать ограды прочнее?

— Могли, конечно, но мы же не держали их на фермах постоянно. Притом это случалось не так уж часто, а когда случалось, то обычно они просто вырывались из одного огороженного поля на другое. Мы загоняли их обратно и восстанавливали ограду. Я не думаю, что триффиды напавят сюда намеренно. Триффидам город должен представляться пустыней, и мне думается, что они двинутся наружу, в открытые поля. Вы когда-нибудь стреляли из противотриффидных ружей? — добавил я.

Она покачала головой.

— Я переоденусь во что-нибудь более подходящее, и мы попрактикуемся, если хотите, — предложил я.

Примерно через час я вышел к ней, чувствуя себя гораздо более удобно в костюме, представляющем некую модификацию ее идеи о лыжных брюках и прочных башмаках, и увидел на ней весенне-зеленое платье, которое было ей очень к лицу. Мы взяли пару триффидных ружей и отправились в садик на Рассел-сквер. Мы провели около полутора, отстреливая верхушки у подходящих кустарников, когда к нам по траве широким шагом приблизилась молодая женщина в кирпично-красной куртке и элегантных зеленых брюках. Остановившись в нескольких шагах, она направила на нас крошечный фотоаппарат.

— Вы кто? — спросила Джозелла. — Пресса?

— Почти, — ответила молодая женщина. — Я официальный летописец. Зовут меня Элспет Кэри.

— Так быстро? — заметил я. — Видна твердая рука нашего Полковника.

— Вы совершенно правы, — согласилась она. Затем она взглянула на Джозеллу. — А вы мисс Плэйтон. Я часто думала...

— Послушайте, — прервала её Джозелла. — Почему даже в этом гибнущем мире судят по одной моей случайной ошибке? Нельзя ли забыть об этом?

— Хм, — сказала мисс Кэри задумчиво. — Угу. — Она переменяла разговор: — Так что у вас здесь насчет триффидов?

Мы рассказали ей.

— Они думают, — сказала Джозелла, — что Билл свихнулся.

Мисс Кэри обратила на меня прямой взгляд. Лицо ее было скорее оригинальным, нежели миловидным, оно загорело под более жарким солнцем, чем наше северное. Карие глаза смотрели твердо и зорко.

— Но это не так? — сказала она.

— Видите ли, я полагаю, что они могут натворить много бед, когда вырвутся на волю, и их следует принимать всерьез.

Она кивнула:

— Правильно. Я бывала в странах, где они на воле. Это очень скверно. Но в Англии... здесь я просто не могу себе этого представить.

— Остановить их сейчас некому, — сказал я.

Гул мотора в небе прервал наш разговор. Мы взглянули вверх и увидели над крышей Британского Музея снижающийся вертолет.

— Это Айвен, — сказала мисс Кэри. — Он все-таки нашел машину. Мне надо пойти и заснять посадку. Увидимся позже. — И она заспешила через лужайку.

Джозелла легла на траву, заложив руки за голову, и стала смотреть в глубокое небо. Как только смолк мотор вертолета, наступила полная тишина.

— Не могу этому поверить, — сказала Джозелла. — Стараюсь изо всех сил, но не могу поверить по-настоящему. Так не может быть навсегда... навсегда... навсегда... Это что-то вроде сна. Завтра этот сад наполнится шумом. Помчатся мимо с ревом красные автобусы, заспешат по тротуарам прохожие, засверкают светофоры... Конец света не наступает вот так... не может... это невозможно...

Я ощущал примерно то же самое. Дома, деревья, нелепо-громоздкие отели на другой стороне Рассел-сквер — все

это было слишком привычным, слишком готовым при одном мановении вернуться к жизни...

— И все-таки мне кажется, — проговорил я, — что, если бы динозавры были способны рассуждать, они в свое время подумали бы то же самое. Такие вещи случались уже не раз, наверное.

— Но почему именно с нами? Это словно в газетах, когда читаешь об удивительных событиях, которые произошли с какими-то другими народами... непременно с другими! Ведь мы такие обыкновенные.

— Разве не всегда люди спрашивали: «Почему именно со мной?» Был ли то солдат, оставшийся невредимым, когда все его товарищи погибли, или человек, которого посадили за подделку чеков. Просто слепой случай, я бы сказал.

— Случай, что это произошло вообще? Или что это произошло именно сейчас?

— Именно сейчас. Когда-нибудь это так или иначе должно было произойти. Это же противостоит естеству — считать, что один вид живых существ будет доминировать вечно.

— Не понимаю почему?

— Почему? — в этом весь вопрос. Но жизнь должна быть динамичной, а не статичной, такой вывод неизбежен. Так или иначе, она должна меняться. Заметьте, я вовсе не считаю, что с нами теперь покончено навсегда, но попытка была очень основательная.

— Значит, вы не считаете, что это действительно конец... конец человечества?

— Может быть, и конец. Но... нет, этого я не считаю. Еще не сейчас.

Это могло быть концом. Тут я не сомневался. Но ведь должны были сохраниться и другие группы вроде нашей. Я видел пустой мир, по лику которого рассыпаны крошечные общины, стремящиеся снова с боем овладеть этим миром. Я должен был верить, что по крайней мере некоторым удастся добиться цели.

— Нет, — повторил я. — Это не обязательно конец. Мы все еще умеем приспосабливаться, и у нас огромные преимущества по сравнению с нашими предками. И пока остаются в мире здоровые телом и духом, у нас всегда есть шансы... и очень неплохие шансы.

Джозелла не ответила. Она лежала, обратив лицо к небу, с отрешенным выражением в глазах. Я подумал, что мог бы

догадаться о том, что проходит перед ее мысленным взором, но промолчал. Через некоторое время она сказала:

— Вы знаете, едва ли не самое страшное — это то, с какой легкостью мы утратили мир, казавшийся таким устойчивым.

Она была совершенно права. Именно простота представлялась ядром этого ужаса. Мы забываем о силах, которые держат мир в равновесии, потому что хорошо знаем их, и безопасность является для нас нормой. Но это не так. Мне никогда раньше не приходило в голову, что преимущество человека определяется вовсе не наличием мозга, как это утверждают книги. Это преимущество следует из способности мозга усваивать информацию, которую несет узкий диапазон видимого света. Вся цивилизация человека, все, чего он достиг или мог достигнуть, висит как на ниточке на его восприимчивости к полоске вибраций от красной до фиолетовой. Без этого он погиб. На мгновение я осознал истинную призрачность его власти, все чудо свершенного им при помощи столь хрупкого инструмента.

Джозелла продолжала развивать свою мысль.

— Это будет очень странный мир... то, что от него осталось, — сказала она задумчиво. — Я не думаю, что мы очень полюбим его.

Такая точка зрения показалась мне странной — как если бы кто-нибудь объявил, что он не любит умирать или что ему не нравится рождаться. Я предпочитал совсем иной подход: сначала выяснить, как это все будет, а затем всеми силами бороться против того, что мешает. Но спорить я не стал.

Время от времени мы слышали, как во двор университета въезжают грузовики. Очевидно, большинство снабженческих групп уже вернулись. Я взглянул на часы и потянулся за ружьями, лежавшими в траве подле меня.

— Если мы хотим поужинать, а потом послушать, что обо всем этом думают другие люди, — сказал я, — то самое время возвращаться.

ГЛАВА 7

КОНФЕРЕНЦИЯ

Я думаю, все мы ожидали, что на собрании нам просто коротко обрисуют положение и дадут точные инструкции на завтра. Время отправления, маршрут, задача дня и прочее.

И я решительно не ожидал, что мы получим столько пищи для размышлений.

Собрание состоялось в небольшом лектории, освещенном для такого случая автомобильными фарами. Когда мы вошли, за кафедрой совещались несколько мужчин и женщин, которые, по-видимому, утвердили себя в качестве некоего комитета. К своему изумлению, мы обнаружили, что в зале собралось около сотни человек. В большинстве это были молодые женщины — примерно по четыре на каждого мужчину. Джозелла обратила мое внимание на то, что из женщин только немногие были зрячие.

В группе совещавшихся выделялся своим ростом Микаэль Бидли. Рядом с ним я узнал Полковника. Остальные были мне незнакомы, за исключением Элспет Кэри, сменившей в интересах наших потомков фотоаппарат на блокнот. Интерес комитета был сосредоточен на пожилом человеке с некрасивым, но добродушным лицом, в золотых очках, с длинными седыми волосами.

Была еще одна женщина в этой группе, совсем молоденькая, лет двадцати двух или трех. Видимо, она испытывала неловкость оттого, что не находилась вместе со всеми в зале. Время от времени она нервно и неуверенно поглядывала на аудиторию.

Вошла Сандра Тельмонт с огромным листом бумаги. Секунду она проглядывала этот лист, затем живо разогнала комитет по креслам. Взмахом руки она направила Микаэля на кафедру, и собрание началось.

Он постоял в ожидании, пока стихнут разговоры, слегка ссутулившись, глядя в зал темными глазами. Потом он заговорил. У него были приятный тренированный голос и совершенно домашние манеры.

— Должно быть, многие из нас, — начал он, — все еще не оправились от впечатления, вызванного этой катастрофой. Мир, который мы знали, кончился в мгновение ока. Некоторые из нас, возможно, испытывают чувство, будто это конец всему. Это не так. Но я сразу скажу вам, что это может оказаться концом всему, если мы это допустим.

Как ни чудовищна эта катастрофа, мы все еще в состоянии пережить ее. Стоит, наверное, именно сейчас вспомнить, что в истории человечества не нам одним приходится быть свидетелями исполинских бедствий. О них дошли до нас только мифы, но не приходится сомневаться, что где-то в глубинах истории имел место Великий потоп. Те, кто пережил

его, были свидетелями катастрофы таких же масштабов, как наша, и в некоторых отношениях более ужасной. Но они не впали в отчаяние: они, должно быть, все начали сначала, как можем начать и мы.

Из жалости к себе и из патетики не построить ничего. Поэтому лучше будет, если мы сразу отрешимся от этих чувств, ибо мы должны стать именно строителями.

А чтобы выбить почву из-под ног любителей драматизировать, я позволю себе напомнить вот о чем. Нынешняя катастрофа даже сейчас не кажется мне самым худшим, что могло бы случиться. Я, а также, вероятно, и многие из вас большую часть жизни прожили в ожидании событий, гораздо более страшных. И я все еще верю, что, если бы не эта катастрофа, с нами случилось бы нечто худшее.

После шестого августа 1945 года шансы человечества поразительно уменьшились. Только позавчера они были меньше, чем в эту минуту. Если уж вам хочется драматизировать, возьмите лучше в качестве материала все годы после 1945-го, когда дорога безопасности сузилась до ширины натянутого каната, по которому мы переступали, намеренно закрывая глаза на пропасть, разверзшуюся под нами.

Рано или поздно мы могли оступиться. Совершенно неважно, как это могло произойти: по злему умыслу, по небрежности или простой случайности. Равновесие было бы потеряно, и началось бы уничтожение.

Мы не знаем, как это было бы страшно. Как это могло быть страшно... Возможно, в живых не осталось бы ни одного человека; возможно, не уцелела бы и сама планета...

А теперь сравните наше положение. Планета не затронута, не покрыта шрамами. Она по-прежнему плодородна. Она может давать пищу и сырье. Мы располагаем хранилищами знаний, которые научат нас делать все, что делалось до сих пор... хотя о некоторых вещах лучше забыть навсегда. И у нас есть средства, здоровье, сила начать строить заново.

Речь его не была длинной, но она произвела впечатление. Должно быть, она заставила многих слушателей почувствовать, что они находятся не столько в конце одного пути, сколько в начале другого. И хотя его выступление состояло главным образом из общих мест, в зале, когда он сел, ощущалось больше бодрости.

Полковник, выступивший следом за ним, был практичен и держался фактов. Он напомнил, что в видах гигиены нам следует по возможности скорее удалиться из населенных

районов, какое мероприятие намечается примерно на полдень следующего дня. Практически все предметы первой необходимости и кое-что сверх того в количестве, достаточном для обеспечения разумного уровня удобств, уже имеются. В рассуждении запасов нашей целью должна быть максимальная независимость от внешних источников хотя бы на один год. Этот период мы проведем фактически на положении осажденных. Несомненно, помимо того, что запечатлено в списках, есть еще много других предметов, которые для всех нас было бы желательно взять с собой, но с ними придется подождать, пока медицинский надзор (тут девушка в комитете покраснела) позволит группам выйти из изоляции и отправиться за ними. Что же касается места изоляции, то комитет тщательно обдумал этот вопрос и, приняв во внимание требование компактности, независимости и отчуждения от остального мира, пришел к заключению, что лучше всего для наших целей подойдет провинциальная школа-интернат или, на худой конец, какая-нибудь крупная помещичья усадьба.

Не знаю, то ли комитет тогда действительно еще не принял решения относительно места нашей будущей резиденции, то ли Полковник был одержим идеей о необходимости скрывать это решение как военную тайну, но то обстоятельство, что он не назвал ни место, ни хотя бы предполагаемый район, было, по моему глубокому убеждению, серьезнейшей ошибкой, допущенной в тот вечер. Впрочем, его деловой подход вселил в слушателей новый заряд уверенности.

Когда он сел, снова поднялся Микаэль. Он шепнул девушке несколько ободряющих слов и затем представил ее. Всех очень беспокоило, сказал он, что среди нас не было ни одного человека с медицинскими знаниями, и поэтому он с величайшим удовлетворением приветствует здесь сейчас мисс Берр. Правда, у нее нет медицинских степеней и внушительных рекомендаций, но зато она является медицинской сестрой высокой квалификации. Сам он полагает, что практические навыки, приобретенные за последнее время, могут стоить больше, нежели степени, полученные годы назад.

Девушка, снова покраснев, коротко сообщила, что полна решимости выполнить свой долг. Закончила она немного неожиданно, объявив, что сегодня же, не выходя из зала, сделает нам всем прививки от разных болезней.

Маленький человечек (имени его я не разобрал), похожий на воробья, втолковал нам, что здоровье каждого является делом общим, что о любых болезненных симптомах необходимо докладывать немедленно, поскольку распространение среди нас заразных заболеваний может принять очень серьезный оборот.

Когда он закончил, поднялась Сандра и представила последнего выступающего: «Доктор Е. Х. Ворлесс, доктор наук, Эдинбург, профессор социологии Кингстонского университета».

К кафедре подошел седовласый мужчина. Он постоял несколько минут, положив на нее кончики пальцев и склонив голову. Остальные члены комитета внимательно и с некоторым беспокойством смотрели на него. Полковник, наклонившись к Микаэлю, что-то шепнул ему, и тот кивнул, не спуская глаз с профессора. Старик поглядел в зал. Он провел ладонью по волосам.

— Друзья мои, — сказал он. — Я полагаю, что могу претендовать на старшинство по возрасту. За мои семьдесят лет я узнал и должен был забыть много, хотя и не так много, как мне бы хотелось. Но если в процессе длительного изучения человеческих установлений что-либо поражаало меня более, нежели их устойчивость, так это их разнообразие.

Хорошо говорят французы: *autres temps, autres mœurs*. Давайте хорошенько поразмыслим, и тогда мы отчетливо увидим, что добродетели, почитаемые в одном обществе, оборачиваются преступлением в другом; что поступки, вызывающие возмущение здесь, поощряются где-нибудь в другом месте; что привычки, порицаемые в одном веке, охотно прощаются в другом. Мы увидим также, что в каждом обществе и в каждую эпоху распространена уверенность в моральной правоте обычаев данного общества и данной эпохи.

Отсюда явствует, что, поскольку многие обычаи разных обществ и разных эпох противоречат друг другу, они не могут быть все «правильными» в абсолютном смысле. Самый строгий приговор, который можно им вынести — если им вообще должно выносить приговоры, — состоит в утверждении, что в каком-то времени они были «правильными» для общества, где они существовали. Может быть, они правильны и сейчас, но нередко оказывается, что это совсем не так, что общество, которое продолжает поддерживать их,

безотносительно к изменившимся обстоятельствам, делает это себе во вред — возможно, ведет себя к самоуничтожению.

Аудитория не понимала, куда он клонит. Слушатели беспокойно задвигались. Большинство из них привыкли немедленно выключать радио, когда передавались выступления такого рода. Теперь они чувствовали себя в ловушке. Оратор решил пояснить свою мысль.

— Таким образом, — продолжал он, — вряд ли вы можете рассчитывать найти одни и те же нормы поведения, обычаи и привычки в какой-либо умирающей от голода индийской деревушке и, скажем, в центре Лондона. Аналогично население тёплых стран с благоприятными условиями для жизни очень отличается в смысле взгляда на добродетели от занятого тяжким трудом населения суровых северных областей. Другими словами, различные обстоятельства порождают различные нормы морали.

Я напоминаю вам об этом потому, что мир, который мы знали, ушел. Он кончился.

Вместе с ним ушли и условия, определявшие и формировавшие наши нормы. У нас теперь другие нужды, и другими должны быть наши цели. Если нужен пример, я приведу вам такой: весь день мы с чистой совестью занимались тем, что еще два дня назад было бы грабежом и кражей. Старые нормы сломаны, и мы должны выяснить, какой образ жизни лучше всего соответствует новым. Мы не просто начинаем заново строить: мы должны начать заново думать, а это труднее и неприятнее.

В ближайшем будущем огромное большинство всех этих предрассудков должно исчезнуть или радикально измениться. Мы можем признать и сохранить лишь один первостепенный предрассудок, тот, что гласит: человечество пребудет вовеки. Этому соображению должны быть подчинены, по крайней мере временно, все остальные. Что бы мы ни делали, мы должны задавать себе вопрос: «Поможет это или помешает человечеству в борьбе за существование?» Если поможет, то мы обязаны делать, даже если это вступает в конфликт с идеями, в которых мы были воспитаны. Если помешает, то мы должны устраниться, даже если наше бездействие столкнется с нашими прежними идеями о долге и справедливости.

Это будет нелегко: старые предрассудки умирают с трудом. Простак опирается на костыли афоризмов и заповедей;

опирается на них и робкий и умственно ленивый... Мы тоже подчас опираемся на эти костыли — и гораздо чаще, чем нам кажется. Теперь же, когда старая организация мира рухнула, созданные для нее арифметические таблицы не дают больше правильных ответов. Нам придется найти в себе моральную смелость думать и планировать самим за себя.

Он помолчал, задумчиво разглядывая аудиторию. Затем он сказал:

— Прежде чем вы решите примкнуть к нашему сообществу, следует совершенно отчетливо разъяснить вам одну вещь. Мы все, кто взялся за эту задачу, обязаны будем играть определенные роли. Мужчины будут работать, женщины будут рожать. Если вы с этим не согласны, то в сообществе вам не место.

После паузы, заполненной мертвой тишиной, он добавил:

— Мы можем позволить себе содержать слепых женщин — у них будут зрячие дети. Мы не можем позволить себе содержать слепых мужчин. Видите ли, в нашем новом мире дети — самое важное.

Он закончил выступление. Некоторое время все молчали, затем аудитория зашевелилась и зажужжала.

Я повернулся к Джозелле. К моему удивлению, она улыбалась.

— Что здесь смешного? — спросил я несколько резко.

— Посмотрите на лица публики, — ответила она.

Я посмотрел и был вынужден признать, что она имела причины улыбаться. Я взглянул на Микаэля. Обводя глазами зал, он старался определить общую реакцию.

— Микаэль как будто немного обеспокоен, — заметил я.

— Ну а как же, — сказала Джозелла. — Другое дело, если бы Янгу удалось повернуть это еще в девятнадцатом веке.

— Какой вы иногда бываете грубой, — сказал я. — Вы что, знали обо всем этом заранее?

— Не то чтобы знала, но не такая уж я тупица. Кроме того, пока вы ходили переодеваться, кто-то пригнал полный автобус вот этих слепых девушек. Они из какого-то благотворительного учреждения. Я спросила себя: для чего было специально ездить за ними, если можно набрать тысячи на окрестных улицах? Ответ напрашивался сам собой. Во-первых, поскольку они слепые уже давно, у них должны

быть известные рабочие навыки. Во-вторых, все они девицы. Такая дедукция не представляла особых трудностей.

— Гм, — сказал я. — Это зависит от точки зрения. Мне бы это в голову не пришло. А что вы?..

— Ш-ш-ш! — сказала она.

В зале наступила тишина.

Поднялась высокая женщина, смуглая и моложавая, с видом весьма целеустремленным.

— Следует ли нам сделать вывод, — спросила она голосом, в котором звучала углеродистая сталь, — следует ли нам сделать вывод, что последний оратор выступает в защиту свободной любви? — И она села с устрашающей решимостью.

Доктор Ворлесс рассматривал ее, приглаживая волосы.

— Я думаю, задавая этот вопрос должна знать, что я ни слова не сказал о любви, ни о свободной, ни о продажной или взаимной. Не соблаговолит ли она поставить вопрос яснее?

Женщина снова встала:

— Я думаю, оратор понял меня. Я спрашиваю, не предлагает ли он отменить закон о браке?

— Все законы, которые мы знали, отменены обстоятельствами. Создавать законы, соответствующие новым условиям, а также, если понадобится, навязывать их придется теперь нам самим.

— Есть еще закон Божий и закон благопристойности.

— Мадам, у Соломона было три сотни — или пять сотен? — жен, но Бог, видимо, не ставил ему это в вину. Мусульманин с тремя женами сохраняет полную респектабельность. Все зависит от местных обычаев. Позже мы сами решим, каковы будут наши законы касательно этого и всех прочих предметов, чтобы они были наиболее выгодными для нашего сообщества.

Наш комитет после дискуссии пришел к выводу, что, если мы хотим построить новый порядок вещей и не хотим впасть в варварство — а такая опасность существует, — мы должны иметь определенные обязательства со стороны тех, кто выразит желание присоединиться к нам.

Никто из нас не собирается восстанавливать образ жизни, который нами утрачен. Что мы предлагаем? Трудовую жизнь в наилучших условиях, какие мы можем создать, и счастье, которое придет в борьбе с трудностями. Взамен мы просим сотрудничества и плодотворной деятельности. Никто никого

не принуждает. Выбирайте сами. Те, кому наше предложение не по душе, свободны идти куда угодно и основать сообщество отдельно на принципах, которые они предпочитают.

Последовал бессвязный спор, то и дело опускавшийся до частных и гипотетических предположений, на которые пока не могло быть ответа. Но никто не пытался прекратить его. Чем дольше он продолжался, тем привычней становилась сама идея.

Мы с Джозеллой отправились к столу, где сестра Берр расположилась со своими орудиями пыток. Нам было сделано несколько уколов, после чего мы снова сели слушать, как спорят.

— Как вы думаете, — спросил я Джозеллу, — сколько из них решат присоединиться?

Она огляделась.

— Да почти все к утру, — сказала она.

Я усомнился. Слишком много слышалось возражений и вопросов. Джозелла сказала:

— Знаете, если бы вы были женщиной и вам предстояло перед сном подумать час-другой, выбрать ли детей и организацию, которая будет о вас заботиться, или верность принципам, которые скорее всего не дадут вам ни детей, ни мужчину-защитника, вы бы не испытывали таких сомнений.

— Не ожидал от вас такого цинизма.

— Если вы всерьез считаете это цинизмом, значит, вы сентиментальный пошляк. Я говорю о реальных женщинах, а не о куклах из фильмов и дамских журналов.

— О, — сказал я.

Некоторое время она размышляла, затем нахмурилась. Наконец она сказала:

— Хотела бы я знать, сколько им от нас нужно. Я люблю детей, но должен быть какой-то предел.

Дебаты беспорядочно продолжались примерно час, после чего постепенно затихли. Микаэль попросил, чтобы списки тех, кто решит присоединиться к сообществу, были у него в кабинете к десяти часам утра. Полковник потребовал, чтобы все, кто может водить грузовики, явились к нему в семь ноль-ноль. На этом собрание закончилось.

Мы с Джозеллой вышли из здания. Вечер был теплый. Прожекторный луч на башне вновь с надеждой пронизывал небеса. Мы нашли низенькую ограду и уселись на нее, глядя в темноту сада и слушая слабый шорох ветра в

листве. Мы молча выкурили по сигарете. Затем я отшвырнул окурки и глубоко вздохнул.

— Джозелла, — сказал я.

— М-м? — отозвалась она рассеянно.

— Джозелла, — снова сказал я. — Э... насчет детей. Я бы... э... я был бы чертовски горд и счастлив, если бы они были вашими и моими.

Секунду она сидела неподвижно, не говоря ни слова. Затем она повернула ко мне лицо. Лунный свет блестел на ее каштановых волосах, но глаза оставались в тени. Я ждал, сердце мое билось сильно и немного болезненно. Она произнесла с удивительным спокойствием:

— Спасибо, милый Билл. Мне кажется, я тоже была бы горда и счастлива.

Я перевел дыхание. Сердце билось по-прежнему сильно, и, протянув руку к ее руке, я обнаружил, что пальцы у меня дрожат. У меня не было слов в эту минуту. Но у Джозеллы они были. Она сказала:

— Правда, теперь это не так просто.

Меня подбросило.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

Она раздумчиво проговорила:

— Мне кажется, я бы на месте этого комитета... — Она кивнула в сторону башни. — Я бы установила правило. Я бы разделила нас на группы. Я постановила бы, что каждый мужчина, который женится на зрячей девушке, обязан взять за себя еще и двух слепых девушек.

Я уставился в ее лицо, скрытое тенью.

— Вы шутите, — сказал я.

— Боюсь, что нет, Билл.

— Но послушайте...

— А вам не кажется, что примерно это они и имели в виду... когда выступали там, на собрании?

— Пожалуй, — согласился я. — Но одно дело, если такое правило установят они. И совсем другое...

Я проглотил слюну и сказал:

— Послушайте, вы с ума сошли. Это же противостоит. То, что вы предлагаете...

Она подняла ладонь, чтобы остановить меня.

— Погодите, Билл, выслушайте меня. Я знаю, поначалу это звучит немного жутко, но никто с ума не сошел. Все это очень ясно... и очень не просто. Все это, — она обвела рукой вокруг, — что-то изменило во мне.словно я вдруг

все увидела по-другому. И мне кажется, те из нас, кого минула чаша сия, будут гораздо ближе друг к другу, гораздо больше зависеть друг от друга, будут больше... ну, больше походить на единое племя, чем когда-либо раньше.

Весь день, когда мы разъезжали по городу, я видела несчастных, обреченных людей. И все время я твердила себе: «Если бы не милость судьбы...» И затем я сказала себе: «Это чудо! Я не заслуживаю лучшей участи, нежели эти люди. Но произошло чудо. Я уцелела... и теперь я должна оправдать это»; я ощущаю себя как-то ближе к другим людям, чем прежде. Это ощущение заставило меня думать все время: чем я могу помочь хотя бы некоторым из них?

Понимаете, Билл, мы обязаны что-то сделать, чтобы оправдать это чудо. Я могла быть одной из этих слепых девушек; вы могли быть одним из этих несчастных слепых мужчин. Мы неспособны сделать ничего большого. Но если мы возьмем на себя заботу хотя бы о немногих и дадим им хоть чуть-чуть счастья, мы расплатимся... уплатим крошечную долю своего долга. Вы понимаете меня, Билл, ведь правда?

Минуту или больше я обдумывал ее слова.

— По-моему, — сказал я, — это самый странный довод, какой я слышал сегодня... и вообще в жизни. И все же...

— И все же это так, правда, Билл? Я знаю, что это так. Я попыталась поставить себя на место одной из этих слепых девушек, и я знаю. В нашей воле дать настоящую, полную жизнь, насколько это возможно, некоторым из них. Так что же, дадим мы ее им как долю нашей благодарности... или откажем им из-за внушенных нам предрассудков?

Некоторое время я молчал. Я ни секунды не сомневался, что Джозелла уверена в каждом своем слове. Я подумал о судьбах решительных женщин с подрывными идеями, таких, как Флоренс Найтингэл и Елизавета Фрай. Ничего с ними нельзя поделать... И так часто в конечном счете они оказывались правы.

— Ну хорошо, — сказал я. — Пусть будет так, раз вы считаете это нужным.

Мы все сидели на ограде, держась за руку, и глядели на испятнанные тенью деревья, но почти ничего не видели. По крайней мере, я не видел. Затем в здании у нас за спиной кто-то завел патефон. Над пустынным двором зазвучал вальс Штрауса, полный светлой тоски по родине. На мгновение

перед нами возникло видение большого зала: вихрь красок и луна вместо хрустальной люстры.

Джозелла соскользнула со стены. Раскинув руки и изгибаясь, легкая как пушинка, она танцевала в огромном круге лунного света. Потом она остановилась передо мной. Глаза ее сияли, и она протянула ко мне руки.

И мы танцевали на пороге неведомого будущего под эхом исчезнувшего прошлого.

ГЛАВА 8

КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ

Я брел по незнакомому пустынному городу, где мрачно бил колокол и гробовой бестелесный голос вопил в пропастях: «Зверь на свободе! Берегитесь! Зверь на свободе!» Тут я проснулся и обнаружил, что колокол бьет наяву. Он гремел медным звоном так резко и тревожно, что секунду я не мог сообразить, где нахожусь. Затем, пока я все сидел, приходя в себя, послышались крики: «Пожар!» Я выскочил из постели и в чем был выбежал в коридор. Там пахло дымом, слышались торопливые шаги, хлопали двери. Больше всего шума доносилось справа, где бил колокол и кричали испуганные голоса, и я побежал туда. Лунные блики падали через высокие окна в конце коридора и разрезали сумрак, позволяя держаться подальше от стен, вдоль которых на коленях двигались люди.

Я добежал до лестницы. Колокол гремел внизу в вестибюле. Я стал поспешно спускаться сквозь дым, становившийся все гуще. На последних ступеньках я споткнулся и упал. Сумрак вдруг обратился в кромешную тьму, в этой тьме вспыхнула туча искр, и все кончилось...

Сначала была боль в голове. Затем, когда я открыл глаза, был яркий блеск. Он ослепил меня, словно прожектор, но, когда я попробовал поднять веки снова, на этот раз осторожно, оказалось, что передо мной всего-навсего обыкновенное окно, да притом еще грязное. Я знал, что лежу на кровати, но я не стал подниматься: в голове стучал яростный поршень, предупреждавший малейшие попытки пошевеливаться. Поэтому я продолжал тихо лежать и глядеть в потолок до тех пор, пока не обнаружил, что руки у меня связаны.

Это сразу вывело меня из летаргии, несмотря на грохот в голове. Я увидел, что связан со знанием дела. Не на-

столько крепко, чтобы было больно, однако вполне прочно. Несколько витков электрического шнура на запястьях и сложный узел внизу, так, чтобы нельзя было дотянуться зубами. Я выругался и стал осматриваться. Комната была невелика, и, кроме кровати, на которой я лежал, в ней ничего не было.

— Эй! — крикнул я. — Есть здесь кто-нибудь?

Через минуту снаружи послышались шаркающие шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась маленькая голова в шерстяном колпаке. Под головой болтался галстук, похожий на веревку. Лицо казалось темным от небритой щетины. Глаза были устремлены в мою сторону, но не на меня.

— Здорово, хрен, — сказала голова довольно дружелюбно. — Что, очухался? Потерпи немного, я сейчас принесу тебе хлебнуть горячего. — И голова скрылась.

Предложение потерпеть было совершенно лишним, но ждать пришлось недолго. Через несколько минут он вернулся, неся бидон с проволочной ручкой.

— Ты где? — спросил он.

— Прямо перед тобой, на кровати, — ответил я.

Он осторожно двинулся вперед, вытянув левую руку, нащупал спинку кровати, затем обошел кровать и протянул мне бидон.

— Получай, приятель. Вкус у него не так чтобы очень, потому как старина Чарли плеснул туда немного рома, но я думаю, ты не будешь в обиде.

Я принял бидон, зажав его довольно неловко между связанными руками. В бидоне оказался чай, крепкий и сладкий, с изрядным количеством рома. Возможно, вкус у этого чая действительно был несколько странный, но он подействовал на меня, как эликсир жизни.

— Спасибо, — сказал я. — Ты прямо чудодей. Меня зовут Билл.

Его, как оказалось, звали Элф.

— Ну, выкладывай, Элф, — сказал я. — Что здесь происходит?

Он присел на край кровати и протянул мне пачку сигарет и спички. Я взял, прикурил для него, закурил сам и вернул ему коробок.

— Вот какое дело, друг, — сказал он. — Ты, поди, знаешь, что вчера утром возле университета был небольшой шум. Может, ты был там?

Я сказал, что все видел.

— Ну так вот, после этого дела Коукер — это тот самый парень, который вел переговоры, — он вроде как бы обозлился. «Ладно, — говорит он этак злобно. — Эти гады у нас попляшут. Я все выложил им честно и благородно. А теперь они получают сполна». Да, а надо тебе сказать, что мы еще раньше встретили еще пару ребят и одну бабенку, которые тоже зрячие. Они все это и устроили. Он парень что надо, этот Коукер!

— Ты хочешь сказать... Он все это подстроил? Никакого пожара не было? — спросил я.

— Пожар! Да какой там пожар? Они вот что сделали: натянули проволоку, зажгли в зале кучу бумаги и щепок и принялись бить в колокол. Мы посчитали, что зрячие выскочат первыми, потому что немного света от луны все-таки было. Так оно и получилось. Коукер и еще один парень брали в работу тех, кто спотыкался о проволоку, и передавали нам, а уж мы относили на грузовик. Просто, как поцелуй ручку.

— М-м, — произнес я горестно. — Действительно, он парень не промах, этот ваш Коукер. И много нас, дураков, попало в эту ловушку?

— Да пару дюжин мы, наверное, взяли... правда, потом оказалось, что пять или шесть из них слепые. Когда в грузовике не осталось больше места, мы укатили и оставили остальных разбираться, что к чему.

Как бы ни относился к нам Коукер, было очевидно, что Элф враждебных чувств к нам не испытывал. Кажется, он смотрел на все это дело как на спорт. Я мысленно снял перед Элфом шляпу. Я-то отлично сознавал, что в его положении я не был бы способен смотреть на что бы то ни было как на спорт. Я допил чай и получил от него вторую сигарету.

— А что будет дальше? — спросил я.

— Коукер хочет разделить всех нас на команды и при-
дать каждой команде одного из ваших. Вы будете смотреть, где что можно взять, вроде бы глазами будете для нас. Ваше дело помочь нам продержаться, пока кто-нибудь не придет и не управится с этой погибелью.

— Понятно, — сказал я.

Он настороженно повернул ко мне лицо. Нет, в чуткости отказать ему было нельзя. Он уловил в моем тоне больше, чем я хотел выразить.

— Ты думаешь, это надолго? — спросил он.

— Не знаю. Что говорит Коукер?

Коукер, по-видимому, не затруднялся частностями. Впрочем, у Элфа было свое мнение.

— Если ты спросишь меня, так, по-моему, никто нас спасти не придет. Если бы было кому, то давно бы уже пришли. Другое дело, будь мы в каком-нибудь маленьком городишке или в деревне. А тут Лондон! Ясно, что сюда пришли бы раньше, чем в какое другое место. Нет, на мой взгляд, они еще не пришли, и значит это, что они никогда не придут. Потому что, провалиться мне, кто же мог подумать, что случится такое?

Я ничего не сказал. Не такой был Элф человек, чтобы утешаться легковесными ободрениями.

— А ты, я смотрю, тоже так думаешь? — спросил он, помолчав.

— Да, дела обстоят неважно, — признался я. — Но есть еще шанс, видишь ли... люди откуда-нибудь из-за границы...

Он покачал головой:

— Они бы уже были здесь. Они бы уже разъезжали по улицам с громкоговорителями и объясняли нам, что нужно делать. Нет, приятель, мы влипли: никто никуда не придет. Это уж точно.

Некоторое время мы молчали, затем он сказал:

— А знаешь, неплохо мы все-таки прожили.

Мы немного поговорили о том, как пожил он. Он работал во многих местах и всюду, по-видимому, обделывал кое-какие тайные делишки. Он подвел итог:

— Так или иначе, мне жилось неплохо. А ты чем промышлял?

Я рассказал. Это не произвело на него впечатления.

— Триффиды, ха! Гнусные твари. Какие-то они, можно сказать, ненастоящие, что ли.

Больше о триффидях не было сказано ни слова.

Элф вышел, оставив меня с моими мыслями и с пачкой своих сигарет. Я продумал ситуацию, и она мне не нравилась. Мне хотелось знать, как ее восприняли другие. Особо меня интересовало мнение Джозеллы.

Я встал с кровати и подошел к окну. Вид из окна был жалкий. Внутренний двор-колодец с гладкими стенами, выложенными белыми изразцами, подо мной четыре этажа и застекленный люк внизу. Сделать тут можно было немного.

Элф повернул за собой ключ, но на всякий случай я попробовал дверь. Комната не вселяла в меня никаких надежд. Она выглядела как номер третьесортной гостиницы, только из нее было вынесено все, кроме кровати.

Я вернулся на кровать и предался размышлениям. Вероятно, я смог бы одолеть Элфа даже со связанными руками — при условии, что у него нет ножа. Но он скорее всего имел нож, и это было бы неприятно. Вряд ли слепой станет угрожать ножом; чтобы справиться со мной, он пустит нож в ход без предупреждения. Затем, как узнать, с кем я еще столкнусь, пока буду искать выход на улицу? Более того, я не желал причинять Элфу никакого вреда. Самым разумным представлялось ждать удобного случая: такой случай обязательно должен выпасть на долю зрячего среди слепых.

Часом позже Элф вернулся, неся тарелку с едой, ложку и опять бидон с чаем.

— Вроде бы и грубо с нашей стороны, — извинился он, — но вилки и ножи давать тебе не велено, так что обойдись так.

Энергично работая ложкой, я спросил Элфа о других пленниках. Он знал очень немного и совсем не знал имен, но я выяснил, что среди них есть женщины. Затем я остался один на несколько часов, в течение которых из всех сил старался заснуть и избавиться от головной боли.

Когда Элф появился снова с едой и неизбежным чаем, его сопровождал человек, которого он назвал Коукером. Коукер выглядел более усталым, чем вчера у ворот университета. Под мышкой у него была кипа бумаг. Он окинул меня изучающим взглядом.

— Вам известно, чего от вас хотят? — спросил он.

— Более или менее. Элф рассказал мне.

— Тогда ладно. — Он бросил бумаги на кровать, взял одну сверху и развернул ее. Это оказался план Большого Лондона. Он указал на район, жирно обведенный синим карандашом, включающий часть Хэмпстеда и Суисс-коттедж.

— Вот ваше место, — сказал он. — Ваша команда работает внутри этого района и нигде больше. Нельзя допустить, чтобы все группы охотились за одной и той же добычей. Ваше дело искать продовольствие в этом районе и снабжать свою команду продовольствием и всем остальным, что понадобится. Дошло?

— А иначе? — спросил я, глядя на него.

— А иначе они останутся голодными. И если они будут голодными, вам придется плохо. Некоторые из парней — настоящее зверье, и никто из нас не занимается этим для развлечения. Поэтому будьте осторожны. Завтра утром мы отвезем туда вас и вашу группу на грузовиках, после чего вашим делом будет помочь им продержаться, пока не придет кто-нибудь, чтобы привести все в порядок.

— А если никто не придет? — спросил я.

— Кто-нибудь должен прийти, — сказал он угрюмо. — Одним словом, действуйте и смотрите не забирайтесь в чужие районы.

Он повернулся, чтобы идти, но я остановил его.

— Мисс Плэйтон находится у вас? — спросил я.

— Имен я не знаю, — сказал он.

— Блондинка, примерно метр шестьдесят пять — шестьдесят семь, серо-голубые глаза, — настаивал я.

— Девушка примерно такого роста есть, и она блондинка. Но я не заглядывал ей в глаза. У меня есть дела поважнее, — сказал он и вышел.

Я нагнулся над картой. Я не был в восторге от своего района. Конечно, это был пригород с чистым целебным воздухом. Но в данных обстоятельствах я бы предпочел расположение каких-нибудь доков или пакгаузов. Сомнительно было, чтобы в назначенном мне районе нашлись более или менее крупные товарные склады. Однако «приз не может достаться всем сразу», как, несомненно, сказал бы Элф, и, кроме того, я не собирался оставаться там дольше, чем необходимо.

Когда Элф пришел снова, я спросил его, не передаст ли он Джозелле записку. Он покачал головой:

— Прости, друг. Не велено.

Я обещал ему, что ничего плохого в записке не будет, но он остался неколебим. Я не мог винить его за это. У него не было причин доверять мне, и он не мог прочесть записку, чтобы убедиться, так ли она безобидна, как я обещал. И вообще у меня не было ни бумаги, ни карандаша, и я оставил эту мысль. Все же мне удалось убедить его дать ей знать, что я нахожусь здесь, и выяснить, в какой район ее посылают. Ему ужасно не хотелось делать этого, но он был вынужден согласиться, что если порядок будет когда-либо восстановлен, мне будет легче найти ее, зная, откуда начинать поиски.

Затем я остался на некоторое время наедине со своими мыслями.

Бедой была в том, что я с чудовищной ясностью видел правоту обеих сторон. Я знал, что здравый смысл и дальновидность на стороне Микаэля Бидли и его группы. Если бы они отправились в путь, мы с Джозеллой, несомненно, поехали бы с ними и работали бы с ними, и тем не менее я чувствовал, что сердце у меня было бы не на месте. Никто бы не смог убедить меня, что уже ничем нельзя помочь тонущему кораблю, не смог бы меня заверить, что я сделал выбор не по расчету. Если действительно не было возможности организованного спасения, тогда их предложение спасти то, что еще можно, было самым разумным. Но, к сожалению, человеческой натурой движет отнюдь не только разум. Я противопоставил себя прочным, укоренившимся традициям и предрассудкам, о которых говорил старый профессор. И он был совершенно прав относительно того, как трудно принять новые принципы. Если бы, например, пришло откуда-нибудь чудесное спасение, каким мерзавцем я ощутил бы себя из-за того, что удрал; как бы я презирал себя и остальных за то, что мы не остались здесь, в Лондоне, помогать до конца, каковы бы ни были наши соображения...

Но с другой стороны, если бы помощь не пришла, как бы я обвинял себя за бессмысленную трату времени и усилий, когда другие люди, более крепкие духом, трудились над спасением всего, что еще можно было спасти.

Я знал, что должен решиться раз и навсегда. Но я не мог

Не было никакой возможности узнать, что избрала Джозелла. Она ничего мне не передавала. Но вечером в комнату просунул голову Элф. Он был краток.

— Вестминстер, — сказал он. — Ну и ну! Да разве найдешь какую-нибудь жратву в парламенте?

На следующее утро Элф разбудил меня рано. Его сопровождал громадный детина с бегающими глазками, назойливо выставлявший напоказ мясницкий нож. Элф подошел ко мне, бросил на кровать охапку одежды. Детина закрыл дверь и привалился к косяку, следя за мной хитрым взглядом и поигрывая ножом.

— Давай лапы, приятель, — сказал Элф.

Я протянул ему руки. Он ощупал проволоку у меня на запястьях и перекусил ее кусачками.

— А теперь, друг, напаяли на себя это барахло, — сказал он, отступая.

Я оделся. Дитина с ножом следил за каждым моим движением, как ястреб. Когда я застегнул последнюю пуговицу, Элф достал наручники.

— Ничего страшного, — заметил он.

Я медлил. Дитина отвалился от косяка и выставил нож перед собой. Для него, очевидно, наступил самый интересный момент. Я решил, что сейчас, пожалуй, не время предпринимать отчаянные попытки, и снова протянул руки. Элф ощупал их и замкнул наручники на запястьях. Затем он вышел и принес мне завтрак.

Еще через два часа снова явился дитина, по-прежнему держа нож напоказ. Он махнул им в сторону двери.

— Давай, — сказал он. Это было единственное слово, которое он произнес.

Он шел за мной по пятам, и я всей спиной ощущал острие ножа. Мы спустились вниз на несколько этажей и пересекли вестибюль. На улице ждали два нагруженных грузовика. У заднего борта одного стоял Коукер с двумя своими людьми. Он поманил меня. Не говоря ни слова, он продел у меня между руками цепь. На концах цепи было по ремню. Один ремень был уже обмотан вокруг запястья дородного слепого мужчины; другой он прикрепил к запястью такого же угрюмого типа, так что я оказался между ними. Они ничем не желали рисковать.

— На вашем месте я бы не стал откалывать никаких номеров, — посоветовал мне Коукер. — Будьте с ними хороши, и они будут хороши с вами.

Мы втроем неловко вскарабкались через задний борт, и оба грузовика тронулись в путь.

Мы остановились где-то неподалеку от Суисс-коттеджа и выгрузились. Человек двадцать, бесцельно бродивших вдоль водосточных канав, при шуме моторов разом, словно части единого механизма, повернулись в нашу сторону с выражением недоверия на лицах, а затем начали медленно приближаться к нам, окликая нас на ходу. Шоферы заорали нам, чтобы мы посторонились. Грузовики дали задний ход, развернулись и с грохотом умчались. Люди, двигавшиеся к нам, остановились. Кто-то из них закричал вслед грузовикам, остальные безнадежно и молча повернулись и побрели прочь. Метрах в пятидесяти женщина забилась в истерику и стала колотиться головой о стену. Я почувствовал дурноту.

Я повернулся к своей команде.

— Ну, — сказал я, — что вам нужно прежде всего?

— Квартуру, — сказал один. — Нам нужно место, где спать.

Я подумал, что это самое меньшее, что я должен для них сделать. Я не мог вот так просто улигнуть и бросить их посередине улицы. Раз уж дело зашло так далеко, я должен был найти для них какой-то центр, что-то вроде штаба, и помочь им устроиться. Требовалось место, где можно было бы складывать добычу, питаться и держаться всем вместе. Я пересчитал их. В команде оказалось пятьдесят два человека, из них четырнадцать женщин. Лучше всего подошла бы гостиница. Это решило бы вопрос с кроватями и постельными принадлежностями.

Мы выбрали один из прославленных меблированных домов, викторианское здание с плоской крышей. Здесь было гораздо больше удобств, чем необходимо.

Бог знает, что случилось с большинством жильцов, но в одном из холлов мы наткнулись на старика, пожилую женщину (она оказалась хозяйкой), средних лет мужчину и трех девушек. Они сгрудились там, дрожащие и перепуганные. У хозяйки достало отсутствия духа протестовать против нашего вторжения. Она изрекла несколько очень громких угроз, но даже лед свирепых манер, свойственных хозяйкам меблированных домов, был до жалости тонок. Немного пошумел и старик, пытавшийся поддержать ее. Остальные сидели тихо, они только нервно прислушивались, обратив лица в нашу сторону.

Я объяснил, что мы въезжаем в дом. Если им это не нравится, они могут уйти. Если же они предпочитают остаться и делить все поровну, мы возражать не будем. Им это не понравилось. Было ясно, что где-то в доме спрятан запас провизии, который делить с нами они не желают. Только когда до них дошло, что мы намерены создать еще большие запасы, их отношение к нам смягчилось, и они приготовились извлечь из этого все выгоды.

Я решил, что останусь на день-другой, пока не устрою команду. Я догадывался, что Джозелла поступит со своей командой так же. Хитроумный человек этот Коукер: трюк назывался «подержите младенца». Попросят минуточку подержать младенца и удирают. Когда все наладится, я улигну и найду ее.

Два дня мы работали систематически, обчищая самые крупные магазины — большей частью однотипные лавки

какой-то одной фирмы, в общем, не очень богатые. Почти повсюду до нас побывали другие. Витрины были в ужасном состоянии. Стекла были выбиты. На полу валялись вскрытые банки и разорванные пакеты, их содержимое липкой вонючей массой перемешалось с осколками стекла. Но повреждения, как правило, были невелики, и мы находили в лавках и на задних дворах нетронутые ящики.

Слепым было невероятно трудно поднимать и вытаскивать эти тяжелые ящики на улицу и грузить их на ручные тележки. А ведь надо было еще доставить добычу домой и перенести в кладовые. Но практика уже начала давать им некоторые навыки.

Хуже всего было то, что мне нельзя было ни на минуту оставить их. Они были не в состоянии сделать почти ничего без моего руководства. Мы могли бы организовать хоть дюжину рабочих партий, но использовать одновременно нельзя было даже две. В доме, когда я уходил с партией фуражиров, работы тоже приостанавливались. Мало того, им приходилось сидеть сложа руки, пока я тратил время на поиски и исследование новых источников добычи. Двое зрячих могли бы наработать вдвое и втрое больше, нежели вся моя команда.

С того момента, когда мы принялись за дело, у меня не было ни одной свободной минуты. Днем я думал только о работе и к вечеру уставал так, что засыпал мгновенно, едва ложился. Время от времени я говорил себе: «Завтра к вечеру я уже полностью обеспечу их всем необходимым, хотя бы на некоторое время. Тогда я смоюсь и пойду искать Джозеллу».

Звучало это прекрасно, но каждый день это было новое завтра, и с каждым днем мне становилось труднее. Некоторые начали понемногу обучаться, но по-прежнему практически ничто, начиная с работы на улицах и кончая открыванием банок консервов, не могло производиться без моего участия. Мне даже казалось, что с каждым днем я становлюсь все более незаменимым.

И они не были ни в чем виноваты. В этом заключалась главная трудность. Некоторые старались изо всех сил, и я просто не мог предать их и плюнуть на их судьбу. Десять раз на день я проклинал Коукера за то, что он поставил меня перед такой проблемой, но это не помогало мне разрешить ее. Я только спрашивал себя, чем все это может кончиться...

Первый намек на ответ (хотя я не подозревал тогда, что это намек) появился на четвертое или пятое утро, как раз перед тем, как мы собрались выйти на добычу. Женский голос крикнул нам с лестницы, что на ее этаже двое больных, тяжело больных, по ее мнению.

Обоим моим волкодавам это не понравилось.

— Послушайте, — сказал я им. — Я сыт по горло этой цепью и наручниками. Мы бы прекрасно обошлись без них.

— И вы бы сейчас же удрали к своим? — сказал кто-то.

— Не обольщайтесь, — сказал я. — Мне ничего не стоит прикончить эту пару горилл-любителей в любое время дня и ночи. Я не сделал этого просто потому, что ничего против них не имею. Но меня начинает раздражать эта пара тупоголовых идиотов...

— Эй, послушай... — возразил один из волкодавов.

— И, — продолжал я, — если они не дадут мне взглянуть на заболевших, пусть ждут своего конца с минуты на минуту.

Мои волкодавы вняли гласу разума, но в комнате больных они изо всех сил, насколько позволяла цепь, старались держаться позади. Заболели двое мужчин — один средних лет, другой совсем молодой. У обоих был жар, оба жаловались на острую боль в животе. В те времена я мало понимал в таких вещах, но не надо было понимать много, чтобы ощутить сильное беспокойство. Придумать я ничего не мог, только велел перенести их в пустующий дом рядом и попросил одну из женщин по возможности ухаживать за ними.

Это было начало перемен. Следующее событие, совсем в ином роде, случилось примерно в полдень.

К тому времени мы уже основательно очистили большинство продуктовых магазинов вблизи от дома, и я решил несколько расширить сферу действий. Я вспомнил, что в полумиле к северу находится еще одна улица с магазинами, и повел команду туда. Магазин мы нашли, но нашли и кое-что другое.

Свернув за угол, я сразу остановился. Перед бакалейной лавкой толпилась группа мужчин: они выносили из дверей ящики и грузили их на грузовик. Работали они совершенно так же, как мы. В моей группе было человек двадцать. Я остановил их и стал раздумывать, как быть дальше. Я склонился к мысли отступить, чтобы избежать возможного столкновения, и отправиться поискать свободное поле дея-

тельности где-нибудь в другом месте: не было смысла вступать в конфликт, когда вокруг по различным магазинам разбросано так много добра. Но принять решение я не успел. Пока я колебался, из лавки уверенным шагом вышел рыжеволосый молодой человек. Не могло быть сомнения в том, что он зрячий: через секунду он увидел нас.

Он повел себя очень решительно. Он быстро сунул руку в карман. В следующее мгновение пуля шелкнула в стену у меня за спиной.

Последовала живая картина. Люди его и моей группы замерли, обратив друг на друга невидящие глаза, сиюсь понять, что происходит. Затем он выстрелил снова. Думаю, он целился в меня, но пуля попала в моего стража слева. Тот хрюкнул как бы в удивлении и со вздохом сложился пополам. Я нырнул за угол, волоча за собой второго волкодава.

— Живо! — сказал я. — Давай ключи от наручников. Пока я скован, я ничего не могу сделать.

Он только понимающе осклабился. Он был человек одной идеи.

— Ха, — сказал он. — Это ты брось. Меня не проведешь.

— О Боже, шут гороховый... — проговорил я, натягивая цепь и подтаскивая к себе труп волкодава номер один, чтобы укрыться за ним.

Этот дурак пустился в спор. Бог знает, каким коварством наделила меня его тупость. Цепь провисла достаточно, чтобы я мог поднять обе руки. Я так и сделал и трахнул его обеими руками с такой силой, что голова его с треском ударилась о стену. На этом спор прервался. Я нашел ключ у него в боковом кармане.

— Слушайте, — сказал я остальным. — Повернитесь все кругом и идите прямо. Не отделяйтесь друг от друга, иначе пропадете. Ну, идите, не задерживайтесь.

Я отомкнул наручники на одном запястье, освободился от цепи и перебрался через стену в чей-то сад. Там я присел на корточки и освободил второе запястье. Затем я перешел через сад и осторожно заглянул через дальний угол ограды. Молодой человек с пистолетом не бросился за нами, как я ожидал. Он все еще был со своей группой и давал ей какие-то указания. Тогда я сообразил, что спешить ему было некуда. Раз мы не отстреливались, он понял, что мы не вооружены, а уйти отсюда быстро мы не в состоянии.

Покончив со своими директивами, он уверенно вышел на дорогу, откуда была видна моя удаляющаяся команда, и направился за нею следом. На углу он остановился взглянуть на распростертые тела моих стражей. Вероятно, цепь внушила ему, что один из них и был глазами нашей группы, потому что он снова сунул пистолет в карман и вразвалку пошел за остальными.

Этого я не ожидал, и мне потребовалась минута, чтобы понять его замысел. Затем я сообразил, что самым выгодным для него было бы проводить нашу группу до дома и поглядеть, какую добычу там можно захватить. Мне оставалось признать, что либо он быстрее меня осваивается в неожиданных положениях, либо в отличие от меня он заранее продумал возможности, какие могут возникнуть. Я был рад, что велел своей команде идти прямо, никуда не сворачивая. Очень возможно, что они вскоре утомятся, но я знал, что найти самостоятельно обратную дорогу домой и привести туда этого молодого человека тогда уже никто из них не сможет. Пока они будут держаться вместе, собрать их не составит труда. Насущной же проблемой был человек, который имел пистолет и без размышлений пускал его в ход.

В некоторых местах земного шара можно было бы раздобыть подходящее оружие в первом попавшемся доме. Но не в Хэмпстеде; к сожалению, это был весьма уважаемый пригород. Вероятно, где-нибудь и оказалось бы спортивное ружье, но мне пришлось бы долго искать его. Единственное, что я мог придумать, — это не терять молодого человека из виду и надеяться, что счастливая случайность даст мне возможность с ним разделаться. Я отломал у дерева сук, снова перелез через стену и побрел, постукивая по краю тротуара, в надежде на то, что меня теперь нельзя отличить от сотен слепых, бредущих вдоль улиц таким же образом.

Дорога здесь была прямая. Рыжеволосый молодой человек был метрах в пятидесяти впереди меня, а моя команда — еще дальше, метров на пятьдесят дальше. Так мы прошли около полумили. К счастью, никто из моей группы не свернул в переулок, который вел домой. Я еще спрашивал себя, сколько пройдет времени, прежде чем они решат, что прошли достаточно, когда случилось неожиданное: один из моих застонал вдруг и согнулся, прижимая руку к животу. Затем он осел на мостовую и повалился, корчась от боли. Остальные продолжали идти. Должно быть, они слышали стоны, но не догадались, что он — один из них.

Молодой человек посмотрел на упавшего, потом сошел с тротуара и приблизился к скорчившемуся телу. Он остановился в нескольких шагах от него. Вероятно, с четверть минуты он стоял так, настороженно глядя на упавшего сверху вниз. Затем медленно, но совершенно хладнокровно он вытащил из кармана пистолет и выстрелил ему в голову.

При звуке выстрела группа впереди остановилась. Я тоже. Молодой человек больше не пытался преследовать их — было очевидно, что он сразу потерял к ним всякий интерес. Он повернулся кругом и пошел обратно посередине улицы. Я вспомнил свою роль и снова двинулся вперед ему навстречу, постукивая палкой по краю тротуара. Он даже не взглянул на меня, но я-то хорошо видел его лицо: напряженное, с плотно сжатыми челюстями... Я еще некоторое время стучал палкой, пока он не остался далеко позади, а затем поспешил к своим. Напуганные выстрелом, они спорили, идти им дальше или нет.

Я прервал их, сообщив, что больше не обременен своими тупыми волкодавами и что отныне мы будем действовать по-другому. Я достану грузовик и минут через десять вернусь, чтобы отвезти их домой.

Встреча с организованной группой соперников прибавила мне забот, однако наше убежище мы нашли по возвращении нетронутым. Единственной новостью, которая ожидала меня, было то, что еще двое мужчин и одна женщина слегли с острой резью в животе и их перенесли в соседний дом.

Мы приняли все возможные меры к обороне на случай нашествия мародеров в мое отсутствие. Затем я взял новую группу, и мы отправились на грузовике — на этот раз в другом направлении.

Я вспомнил, что, когда в свое время мне приходилось бывать в Хэмпстеде, я чаще всего сходил с автобуса на последней остановке и там была масса небольших лавочек и магазинов. С помощью карты я нашел этот район довольно легко, и не только нашел, но и обнаружил, что каким-то чудом он почти не пострадал. Если не считать трех-четырех разбитых витрин, он выглядел так, словно здесь все закрыто просто на уик-энд.

Но была и разница. Например, никогда раньше, ни в будни, ни по воскресеньям, здесь не царила такая тишина. И на улице лежало несколько трупов. К трупам я уже притерпелся достаточно, чтобы не обращать на них особого

внимания. Я даже удивился, что их так мало, и решил, что большинство жителей забились в какие-нибудь убежища от страха или когда начали слабеть от голода. Отчасти из-за этого мне не захотелось заходить в жилые дома.

Я остановился перед продовольственным магазином и несколько секунд прислушивался. Тишина опустилась на нас, как одеяло. Не было слышно постукивания палок, не было видно бредущих фигур. Не было заметно никакого движения.

— О'кей, — сказал я. — Вылезай, ребята.

Запертую дверь магазина отворили без труда. Внутри были аккуратные ряды кадушек с маслом, сыров, окороков, ящиков с сахаром и всего прочего. Я поставил группу на работу. К тому времени они уже приобрели кое-какие навыки и действовали более уверенно. Я мог оставить их и отойти, чтобы обследовать кладовые магазина и подвал.

Я был в подвале, исследовал хранившиеся там ящики, когда где-то послышались шаги. И сейчас же загремели каблуки по полу надо мной. Один человек провалился вниз головой в открытый люк. Упав, он больше не двинулся и не издал ни звука. Я решил, что наверху идет схватка с какой-нибудь соперничающей шайкой. Я перешагнул через тело упавшего и с поднятой рукой, чтобы защитить голову, стал осторожно подниматься по трапу.

Прежде всего я увидел в неприятной близости от своего лица многочисленные шаркающие башмаки. Они пятились к люку. Я быстро выскочил и откатился в сторону, пока они не раздавили меня. И едва я поднялся на ноги, как вдребезги разлетелась витрина. Снаружи вместе с нею ввалились три человека. Длинная зеленая плеть хлестнула им вслед и настигла одного, когда он уже лежал на полу. Остальные двое вскочили и, скользя среди разбросанных банок и пакетов, навалились на столпившихся, стремясь убраться подальше от окна. Под их нажимом еще двое оступились и рухнули в открытый люк.

Достаточно было одного взгляда на эту зеленую плеть, чтобы понять, что произошло. За последние дни я совершенно забыл о триффидов. Я вскарабкался на ящик и посмотрел в окно через головы людей. Я увидел трех триффидов: одного посередине улицы и двух ближе, на тротуаре. Четыре человека неподвижно лежали на земле. Теперь стало понятно, почему здесь нетронуты магазины и почему в этом районе не видно ни души. Я проклял себя за то, что не

пригляделся к трупам на дороге. Если бы я увидел след жала, я бы знал, чего ожидать.

— Стойте смирно! — закричал я. — Не двигайтесь!

Я спрыгнул с ящика, столкнул людей, стоявших на откинутой крышке люка, и захлопнул люк.

— Позади вас дверь, — сказал я им. — Только без паники.

Первые двое вышли без паники. Затем триффид ударил свистнувшим жалом через разбитую витрину. Кто-то упал с диким криком. Остальные рванулись, едва не опрокинув меня. В дверях началась давка. Прежде чем мы прошли, позади дважды свистнули удары. В задней комнате я огляделся отдуваясь. Нас было семеро.

— Стойте смирно, — сказал я. — Здесь мы в безопасности.

Я вернулся к двери. Внутренняя половина магазина была вне пределов досягаемости для триффидов — пока они оставались снаружи. Мне удалось добраться до люка и снова откинуть крышку. Из подвала вылезли двое мужчин, упавших туда после того, как я выскочил наружу. Один придерживал сломанную руку, другой был в синяках и царапинах и ругался.

Задняя комната выходила в небольшой дворик. В кирпичной стене дворика была калитка, но я стал осторожен. Вместо того чтобы направиться к калитке, я забрался на крышу флигеля и осмотрелся. Калитка открывалась в узкую аллею, которая проходила по всей длине квартала. Аллея была пуста. Но на другой ее стороне, за стеной, огораживавшей, вероятно, частные сады, я различил среди кустарников неподвижные верхушки двух триффидов. Может быть, это было еще не все. Стена на той стороне была ниже, и их высота позволяла им бить жалами через аллею. Я объяснил своим людям положение.

— Проклятые уроды, — сказал один. — Всегда ненавидел этих тварей.

Я снова осмотрелся. Здание через одно от нас оказалось автопрокатной конторой, там стояли наготове три легковые машины. Было нелегко добраться туда через две отделявшие нас стены, особенно с человеком, у которого была сломана рука, но нам это удалось. Кое-как мне удалось втиснуть всех в большой «даймлер». Едва все уселись, я открыл ворота на улицу и побежал назад к машине.

Трифиды немедленно заинтересовались. Их зловещая чувствительность к звукам подсказывала им, что здесь что-то происходит. Когда мы тронулись в путь, два уже поджидали нас у ворот. Их жала хлестнули нам навстречу и без вреда шлепнулись в закрытые окна. Я круто свернул, сбил одного и переехал через него. Минуту спустя мы были уже далеко и мчались на поиски другого, более безопасного места.

Этот вечер был для меня самым скверным со дня катастрофы. Освобожденный от своих стражей, я выбрал себе небольшую комнату, где мог побыть в одиночестве. На каминной полке я установил в ряд шесть свечей и долго сидел в кресле, обдумывая положение. Вернувшись домой, мы узнали, что один из первых заболевших умер; другой был, несомненно, при смерти; заболели еще четверо. К концу ужина заболели еще двое. Что это была за болезнь, я понятия не имел. При отсутствии санитарных условий и вообще при теперешнем положении это могло быть все что угодно. Я подумал о тифе, но у меня было смутное впечатление, что у тифа должен быть более длительный инкубационный период. Да и то сказать, если бы я и знал — какая разница? Достаточно того, что болезнь эта очень скверная, раз рыжеволосый молодой человек пустил в ход пистолет и отказался от преследования нашей группы.

Похоже было на то, что я с самого начала оказывал своей команде сомнительную услугу. Мне удалось помочь им продержаться, в то время как, с одной стороны, им угрожала соперничающая шайка, а с другой — из пригорода надвигались трифиды. Теперь появилась еще эта болезнь. Чего же я достиг в конце концов? Отодвинул на какое-то время голодную смерть, только и всего.

Я не знал, что делать дальше. И, кроме того, меня мучила мысль о Джозелле. То же самое, а может быть, нечто похуже, могло твориться и в ее районе...

Я обнаружил, что снова думаю о Микаэле Бидли и его группе. Еще раньше я знал, что на их стороне логика, а теперь я начинал думать, что на их стороне и истинная гуманность. Они исходили из того, что невозможно спасти кого-нибудь, кроме очень немногих. Внушать же остальным беспочвенные надежды — это по меньшей мере жестоко.

Кроме того, были еще мы сами. Если в чем-либо вообще есть какая-нибудь цель, то для чего мы выжили? Не для

того же, чтобы попусту растратить себя в безнадежных усилиях?..

Я решил, что завтра же отправлюсь на поиски Джо-зеллы, и мы вместе разрешим все сомнения.

Щеколда двери звякнула. Дверь медленно приоткрылась.

— Кто там? — спросил я.

— О, вы здесь... — сказал девичий голос.

Она вошла и притворила за собой дверь.

— Что вам угодно? — спросил я.

Она была высокая и тонкая. Меньше двадцати, подумал я. У нее были слегка вьющиеся волосы. Каштановые волосы. Она была тихая, но не из тех, кого не замечают: так уж она была устроена и сложена. Золотисто-коричневые глаза ее смотрели поверх меня, а то бы я подумал, что она меня рассматривает.

Она ответила не сразу. Была в ней какая-то неуверенность, которая очень не шла ей. Я ждал, пока она заговорит. У меня почему-то комок подкатил к горлу. Понимаете, она была молода и она была прекрасна. Вся жизнь должна была лежать перед нею: возможно, чудесная жизнь. Всегда есть что-то немного печальное в молодости и красоте при любых обстоятельствах, не правда ли?..

— Вы собираетесь уходить? — сказала она. Это был наполовину вопрос, наполовину утверждение тихим, чуть нетвердым голосом.

— Я этого не говорил, — возразил я.

— Да, — согласилась она. — Но это говорят другие... И ведь это правда?

Я ничего не сказал. Она продолжала:

— Так нельзя. Вам нельзя бросать их. Вы им нужны.

— Мне здесь нечего делать, — сказал я. — Все надежды напрасны.

— А вдруг окажется, что не напрасны?

— Этого не может быть... не сейчас. Мы бы уже знали.

— Но если они все-таки оправдаются? А вы все бросили и ушли?..

— Вы полагаете, я не думал об этом? Мне здесь нечего делать, говорю я вам. Я был чем-то вроде наркотика, который впрыскивают больному, чтобы хоть немного продлить его жизнь... не вылечить, а именно отсрочить смерть.

Несколько секунд она молчала. Затем она проговорила нетвердо:

— Жизнь прекрасна... даже такая. — Она едва владела собой.

Я не мог выговорить ни слова. Она оправилась:

— Вы можете не дать нам умереть. Всегда есть шанс... просто шанс, что что-нибудь случится, даже сию минуту.

Я уже сказал, что думаю об этом. Я не стал повторять.

— Это так трудно, — проговорила она словно сама себе. — Если бы только я могла видеть вас... Но, конечно, если бы я могла видеть... Вы молоды? Голос у вас молодой.

— Мне около тридцати, — сказал я. — И я очень обыкновенный.

— Мне восемнадцать. Это был день моего рождения... день, когда пришла комета.

Я не мог придумать, что ответить. Любые слова были бы жестокими. Пауза затянулась. Я видел, как она стискивает руки. Затем она уронила руки; костяшки пальцев у нее побелели. Она шевельнула губами, чтобы заговорить, но ничего не сказала.

— Ну что? Что я могу сделать? — спросил я. — Продлить это еще немного?

Она закусила губу. Затем она сказала:

— Они... они говорят, что вы, наверное, одиноки. Я подумала, что если бы... — Ее голос дрогнул, костяшки пальцев побелели еще сильнее. — Если бы у вас кто-нибудь был... я хочу сказать, если бы у вас был кто-нибудь здесь... вы... вы бы, может быть, не ушли от нас. Может быть, вы остались бы с нами?

— О Боже, — сказал я тихо.

Я глядел на нее. Она стояла очень прямо, губы ее слегка дрожали. У нее должны были быть поклонники, жадно ловившие тень ее улыбки. Она была счастлива и беззаботна, а потом к ней пришло бы счастье в заботах. Ее ждали жизнь, полная очарования, и радостная любовь.

— Вы ведь будете добры ко мне, правда? — сказала она. — Понимаете, я никогда еще...

— Замолчите! Замолчите! — сказал я. — Вы не должны говорить мне такие вещи. Пожалуйста, уходите.

Но она не уходила. Она стояла и глядела на меня невидящими глазами.

— Уходите же! — повторил я.

Она была укором, и я не мог вынести этого. Она была не просто собой. Она была тысячами тысяч погибших юных жизней.

Она подошла ближе.

— Что это, вы плачете? — сказала она.

— Уходите. Ради Бога, уходите! — сказал я.

Она постояла в нерешительности, затем повернулась и ошупью направилась к двери. Когда она выходила, я сказал:

— Можете сказать им, что я остаюсь.

Проснувшись на следующее утро, я прежде всего ощутил запах. Он чувствовался и раньше, но погода, к счастью, была прохладная. Теперь же наступил теплый день, и было уже довольно поздно. Я не стану подробно рассказывать об этом запахе; те, кто знал его, никогда не забудут, а для остальных он неопишуем. Он неделями поднимался над городами и разносился каждым дуновением ветра. Я вдохнул его в то утро, и он окончательно убедил меня, что наступил конец. Смерть есть лишь жуткий конец движения; окончательным же является распад.

Несколько минут я лежал и думал. Теперь единственное, что можно было сделать, — это погрузить команду на грузовики и вывезти из города. А запасы, которые мы сделали? Их тоже надо погрузить и вывезти... и, кроме меня, никто не может сидеть за рулем... На это понадобятся дни... если только они еще есть у нас, эти дни...

Тут я подумал, что сейчас делают мои люди. В доме стояла странная тишина. Я прислушался, но различил только стоны, доносившиеся откуда-то из другой комнаты. Меня охватила тревога. Я вылез из постели и торопливо оделся. На лестничной площадке я прислушался снова. Нигде в доме не было слышно шагов. На меня вдруг нахлынуло скверное ощущение, будто история повторяется и я опять нахожусь в больнице.

— Эй! Кто здесь есть? — крикнул я.

Отозвалось несколько голосов. Я распахнул ближайшую дверь. Там лежал мужчина. Он выглядел очень плохо, и он был в бреду. Я ничего не мог сделать. Я снова закрыл дверь.

Мои шаги гремели по деревянным ступенькам. На следующем этаже женский голос позвал:

— Билл!.. Билл!..

Она лежала на кровати в маленькой комнатухе, де-вушка, которая приходила ко мне вчера вечером. Когда я вошел, она повернула ко мне лицо. Я увидел, что она тоже больна.

— Не подходите близко, — сказала она. — Это все-таки вы, Билл?

— Да.

— Я так и думала. Вы еще можете ходить, остальные ползают. Я рада, Билл. Я сказала им, что вы не уйдете... но они сказали, что вы уже ушли. И они все ушли, все, кто мог ходить.

— Я спал, — сказал я. — Что произошло?

— Многие и многие из нас заразились. Все были напуганы.

Я сказал беспомощно:

— Что я могу сделать для вас? Может быть, вам что-нибудь принести?

Ее лицо исказилось, она обхватила себя руками и скорчилась. Потом приступ прошел. Она лежала, и струйки пота текли по ее лбу.

— Пожалуйста, Билл. Я не очень храбрая. Вы не можете принести мне чего-нибудь... покончить с этим?

— Да, — сказал я. — Я могу сделать это для вас

Я вернулся из аптеки минут через десять. Я подал ей стакан воды и положил снадобье ей в другую руку.

Некоторое время она медлила. Затем она сказала:

— Все тщетно... и все могло быть совсем по-другому. Прощайте, Билл... и спасибо вам за то, что вы сделали.

Я глядел на нее, как она лежала. Была одна вещь, которая делала все еще более тщетным. Я спрашивал себя, сколько других женщин сказали бы: «Возьми меня с собой», когда она сказала: «Останься с нами»?

И я даже не знал ее имени.

ГЛАВА 9

ЭВАКУАЦИЯ

Я решил ехать к Вестминстеру, потому что хорошо помнил о рыжеволосом молодом человеке, который в нас стрелял.

После того как мне исполнилось шестнадцать, мой интерес к оружию пошел на убыль, но теперь, когда мир снова впал в дикость, представлялось необходимым либо быть готовым вести себя при случае по-дикарски, либо в скором времени вообще перестать вести себя как бы то ни было. На Сент Джеймс-стрит было несколько магазинов, где с величайшей изысканностью торговали всеми видами смерто-

носного оружия — от ружей на птиц до винтовок на слов.

Я покинул эти магазины со смешанным чувством защищенности и агрессивности. У меня был добрый охотничий кинжал. В кармане лежал пистолет, точный и надежный, как научный прибор. На сиденье рядом со мной покоились заряженный дробовик двенадцатого калибра и коробки с патронами. Я выбрал дробовик, а не винтовку: гремит он не менее убедительно, верхушку же триффиды снесет, не в пример пуле, начисто. А триффиды были уже в самом Лондоне. По-видимому, они еще старались избегать улиц, но я заметил, как несколько штук ковыляли через Гайд-парк, и еще несколько торчало в Грин-парке. Скорее всего, это были декоративные экземпляры с урезанным жалом, но, может быть, и нет.

И вот я прибыл в Вестминстер.

Все здесь несло на себе отпечаток смерти, гибели. Обычная россыпь покинутых машин замерла на улицах. Людей почти не было.

Над всем этим возвышалось здание парламента, стрелки его часов застыли на трех минутах седьмого. Было трудно поверить, что теперь это просто претенциозное украшение из непрочного камня, которому предстоит разрушаться в бозе. Пусть градом посыплются вниз на террасу его обвалившиеся бельведеры — больше не будет негодующих членов парламента, жалующихся на риск, которому подвергаются их драгоценные жизни. Наступит время, и потолки и крыши провалятся в эти залы, откуда на весь мир звучало эхо добрых намерений и наивных уловок.

Рядом невозможно текла Темза. Она будет течь и тогда, когда обрушатся каменные набережные, растечется вода и Вестминстер снова превратится в островок на болоте.

Поразительно четким силуэтом на фоне ясного неба вздымалось серебристо-серое аббатство. Оно стояло, отчужденное своим возрастом от эфемерной поросли вокруг. Прочный фундамент веков поддерживал его, и, может быть, ему предстояло еще долгие века сохраняться в неприкосновенности и служить памятником тем, чья работа была теперь разорена дотла.

Я не стал там задерживаться. В грядущие годы кто-нибудь, исполненный романтической меланхолии, придет взглянуть на аббатство. Но романтизм такого рода есть сплав трагедии и

давних воспоминаний. Мне же все это было слишком близко.

Мало того, я начинал испытывать нечто новое — страх одиночества. Я не был одинок с тех пор, как шел из больницы по Пиккадилли. Во всем, что я видел тогда, была неразгаданная новизна. А теперь я впервые почувствовал ужас, который обрушивает одиночество на стадное по натуре животное. Я ощущал себя голым, беззащитным против всех страхов, крапившихся за мною по пятам...

Я заставил себя ехать по Виктория-стрит. Даже рокот мотора тревожил меня своим эхом. Мне страстно хотелось бросить машину и бесшумно двигаться пешком, ища безопасности в собственной ловкости, подобно зверю в джунглях. Вся моя воля потребовалась мне, чтобы не сорваться и продолжать действовать по плану. Ведь я знал, что стал бы делать, если бы мне достался этот район: я бы искал продовольствие в его крупнейшем универсальном магазине.

Так и есть, кто-то очистил продовольственный отдел магазина армии и флота. Но сейчас там не было ни души.

Я вышел из бокового подъезда. Кот обнюхивал на мостовой что-то похожее на грудку тряпья. Я хлопнул в ладоши. Кот поглядел на меня и скрылся.

Из-за угла вышел человек. Лицо его сияло торжеством, он катил по середине улицы огромный круг сыра. Услыхав мои шаги, он опрокинул сыр, сел на него и принялся яростно размахивать палкой. Я вернулся к машине.

Не исключено, что Джозелла тоже избрала для своей резиденции какой-нибудь отель. Я вспомнил, что несколько отелей есть вокруг вокзала Виктории, и направился туда. Их оказалось там гораздо больше, чем я предполагал. Обследовав десяток и не найдя никаких признаков организованной стоянки, я понял, что это совершенно безнадежно.

Тогда я стал искать кого-нибудь, чтобы расспросить. Может быть, именно благодаря ей кто-нибудь остался в живых. В этом районе я встретил пока всего несколько человек, способных передвигаться. Теперь мне уже казалось, что не осталось ни одного. Но в конце концов на углу Бекингэм и Палас-роуд я заметил сгорбленную старуху, сидевшую на пороге. Всхлипывая и ругаясь, она терзала консервную банку сломанными ногтями. Я отправился в маленькую лавку поблизости и нашел там полдюжины банок бобов, забытых на верхней полке. Затем я нашел консервный нож

и вернулся к ней. Она все еще безуспешно терзала свою жестянку.

— Бросьте ее, — сказал я. — Это кофе.

Я вложил в ее руку консервный нож и дал ей банку бобов.

— Слушайте меня, — сказал я. — Где-то здесь должна быть девушка, зрячая девушка. Вы ничего не знаете о ней? Она обслуживала группу слепых.

Я не очень рассчитывал на успех, но ведь что-то помогло этой старухе продержаться дольше, чем всем остальным. Я едва поверил своим глазам, когда она кивнула.

— Да, — сказала она и принялась открывать банку.

— Вы ее знаете? Где она? — спросил я. Мне почему-то и в голову не пришло, что речь могла идти вовсе не о Джозелле.

Старуха покачала головой:

— Я не знаю. Я была с ее командой какое-то время, а потом потеряла их. Такой старухе, как я, не угнаться за молодыми, и я их потеряла. Они не стали ждать бедную старуху, и я так и не нашла их больше.

Она продолжала трудиться над банкой.

— Где она живет? — спросил я.

— Мы все жили в отеле. Не знаю только, где этот отель, а то бы я его снова нашла.

— А название отеля?

— Не знаю. Что толку в названиях, когда не можешь читать, да и никто не может.

— Но вы должны помнить о нем что-нибудь.

— Ничего не помню.

Она подняла банку и осторожно понюхала содержимое.

— Вот что, — сказал я холодно. — Вы хотите, чтобы я оставил вам эти банки?

Она сделала движение рукой, чтобы придвинуть их к себе.

— Ну так вот. Тогда расскажите мне все, что знаете об этом отеле, — продолжал я. — Например, вы должны знать, большой он или маленький.

Она подумала, все еще загоразивая банки.

— Внизу было вроде бы гулко... как будто много места. И там было роскошно... знаете, мягкие ковры, и хорошие кровати, и хорошие простыни.

— Что еще?

— Да больше как будто... А, да, вот что. Снаружи две ступеньки, и входить надо через дверь, которая вертится.

— Это уже лучше, — сказал я. — Вы не врете? Если я не найду этот отель, то вас-то уж я найду, будьте уверены.

— Как на духу, мистер. Две низенькие ступеньки, и крутится дверь.

Она порылась в потрепанном чемоданчике рядом с собой, вытащила грязную ложку и принялась смаковать бобы, словно это было райское угощение.

Оказалось, что отелей поблизости еще больше, чем я думал, и просто удивительно, сколько из них было с крутящимися дверями. Но я не сдавался. И когда я нашел, ошибки быть не могло: следы и запах были слишком знакомы.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул я в пустом вестибюле.

Я уже решил подняться наверх, когда из угла послышался стон. Там, на диванчике в нише, лежал человек. Даже в сумеречном свете было видно, что он уже не живец. Я не стал подходить слишком близко. Его глаза открылись. На секунду я подумал, что он зрячий.

— Это вы там? — сказал он.

— Да, я хотел...

— Воды, — сказал он. — Ради Христа, дайте мне немного воды...

Я направился в ресторан и нашел буфетную. В кранах не было ни капли. Я опростал в кувшин два сифона с содовой и вернулся в вестибюль с кувшином и чашкой. Я поставил их на пол так, чтобы он мог до них дотянуться.

— Спасибо, друг, — сказал он. — Я управлюсь. Держись от меня подальше.

Он погрузил чашку в кувшин и осушил ее.

— Господи! — сказал он. — Как хорошо! — Он осушил еще одну чашку. — Что ты здесь делаешь, друг? Место это нездоровое, сам понимаешь.

— Я ищу девушку... зрячую девушку. Ее зовут Джо-зелла. Она здесь?

— Была она здесь. Ты опоздал, приятель.

Внезапное подозрение обрушилось на меня как удар.

— Вы... вы хотите сказать...

— Да нет. Успокойся, друг. Она этого не подцепила. Нет, она просто ушла... как все, кто мог ходить.

— А куда она пошла, вы не знаете?

— Этого я не могу сказать, друг.

— Ясно, — сказал я с трудом.

— Ты бы тоже лучше уходил, приятель. А то побудешь здесь еще немного и останешься здесь совсем. Как я.

Он был прав. Я стоял и смотрел на него.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет. Этого мне хватит. Мне уже недолго. — Он помолчал. Затем он добавил: — Прощай, друг, и большое спасибо. И если ты ее найдешь, береги ее — она славная девушка.

Позже, когда я обедал консервированной ветчиной и бутылкой пива, мне пришло в голову, что я не спросил его, когда ушла Джозелла. Но я решил, что в таком состоянии он вряд ли мог иметь ясное представление о времени.

Затем я отправился в университет. Я считал, что Джозелла подумала бы о том же, и была надежда, что кто-нибудь из нашей разгромленной группы мог тоже прибиться туда, попытаюсь воссоединиться. Это была не очень основательная надежда, ибо здравый смысл должен был заставить их покинуть город еще несколько дней назад.

Два флага все еще висели над башней, вялые в теплом воздухе раннего вечера. Из двух десятков грузовиков, которые были собраны во дворе, осталось четыре, по всей видимости нетронутые. Я остановил машину рядом с ними и направился к зданию. Мои каблуки отчетливо стучали в тишине.

— Хэлло! Хэлло, эй! — позвал я. — Есть здесь кто-нибудь?

Эхо моего голоса прокатилось по коридорам и лестничным пролетам, перешло в едва слышный шепот и замерло. Я пошел к двери в другое крыло и покричал еще раз. Снова эхо замерло без ответа, оседая на стены бесшумно, как пыль. И тогда, повернувшись, я увидел на стене у парадного входа надпись мелом большими буквами. Это был адрес:

ТИНШЭМ-МЭНОР
ТИНШЭМ
ДИВАЙЗЕС, УИЛТШИР

Это было уже нечто.

Я глядел на надпись и раздумывал. Примерно через час стемнеет. До Уилтшира, насколько я помнил, не менее ста миль. Я вышел во двор и осмотрел грузовики. Один из них был мой — тот самый, который я пригнал последним и

куда сложил свои противотрифидные ружья. Я вспомнил, что груз его состоит из отличного набора продуктов и предметов первой необходимости. Будет гораздо лучше прибыть с этим грузом, чем с пустыми руками на легковой машине. Но без самой настоятельной необходимости я вовсе не желал гнать ночью огромный, тяжело нагруженный грузовик по дорогам, на которых, надо полагать, могут возникнуть разные неприятные осложнения. Чтобы иметь возможность с ними справиться, пришлось бы искать другую машину и перетаскивать груз на нее; на это ушло бы слишком много времени. Куда лучше и удобнее выехать на этом же грузовике рано утром. Я перенес в его кабину коробки с патронами, чтобы все было готово к отъезду, и вернулся в здание. Дробовик я взял с собой.

Моя комната, из которой я выбежал по ложной пожарной тревоге, была в том же виде, как я ее оставил: одежда на кресле и даже портсигар и зажигалка там, где я положил их возле своей импровизированной кровати. Было еще слишком рано, чтобы ложиться. Я закурил, сунул портсигар в карман и решил побыть под открытым небом.

Прежде чем выйти в садик на Рассел-сквер, я внимательно оглядел его. Я уже привык относиться с подозрением к открытым пространствам. И действительно, я заметил одного триффида. Он неподвижно стоял в северо-западном углу садика, но он был значительно выше окружающих кустов. Я подошел ближе и одним выстрелом снес его верхушку. В тишине сквера выстрел прозвучал, как грохот гаубицы. Убедившись, что других триффидов поблизости нет, я вошел в садик и сел, прислонившись спиной к дереву.

Так я сидел, наверное, минут двадцать. Солнце опустилось низко, половина площади была погружена в тень. Скоро нужно будет возвращаться в здание. Пока светло, я еще могу держать себя в руках; но в темноте на меня бесшумно поползут призраки. Я уже чувствовал, что погружаюсь в первобытное состояние. Пройдет немного времени, и я буду проводить часы мрака в страхе, как проводили их мои отдаленные предки, с вечным недоверием вглядываясь в ночь за порогом своих пещер. Я встал и в последний раз оглядел площадь, словно это была страница истории, которую мне хотелось изучить, прежде чем она перевернется. И пока я стоял, на дороге послышались шаги, негромкие звуки, прорезавшие, однако, тишину, как скрежет жерновов.

Я повернулся с ружьем наготове. Я был испуган, как Робинзон Крузо при виде отпечатка ноги, потому что это не были неуверенные шаги слепого. Затем я уловил в сумеркахдвигающийся огонек. Когда огонек появился в саду, я разглядел фигуру мужчины. Видимо, он увидел меня еще прежде, чем я услышал его шаги, так как он направился прямо ко мне.

— Не стреляйте, — сказал он, широко расставив пустые руки. Я узнал его, когда он приблизился на несколько метров. Он тоже узнал меня.

— О, это вы, — сказал он.

Я продолжал держать ружье наготове.

— Привет, Коукер, — сказал я. — Что вам здесь надо? Хотите поручить мне еще одну маленькую команду?

— Нет. Можете опустить эту штуку. Слишком от нее много шума. Я и нашел-то вас из-за нее. Нет, — повторил он. — Довольно с меня. Я ухожу отсюда к чертовой матери.

— Я тоже, — сказал я и опустил ружье.

— Что случилось с вашей командой? — спросил он.

Я рассказал ему. Он кивнул:

— То же, что с моей. И с другими, наверное. И все-таки мы попытались...

— Негодная попытка, — сказал я.

Он снова кивнул.

— Да, — признался он. — Мне кажется, ваша группа с самого начала взяла правильную линию. Только неделю назад она представлялась мне совсем неправильной.

— Шесть дней назад, — поправил я его.

— Неделю, — сказал он.

— Да нет же... А, черт, какое это имеет значение? — сказал я. — В общем, — продолжал я, — что вы скажете, если я объявлю вам амнистию и мы начнем все сначала?

Он согласился.

— Я ничего не понял, — опять признался он. — Я думал, что один только я отношусь к этому серьезно, и я просчитался. Я не верил, что это продлится долго или что кто-нибудь не придет на помощь. Но полюбуйте на это теперь! И так, наверное, повсюду. В Европе, в Америке, в Азии — везде то же самое. Если бы не так, они были бы уже здесь, помогали, лечили, чистили... Нет, я считаю, что ваша группа понимала это с самого начала.

Несколько секунд мы молчали, затем я спросил:

— Эта болезнь, эпидемия... Что это такое, по-вашему?

— Убейте меня, не знаю, приятель. Я думал, что это тиф, но кто-то мне сказал, будто тиф развивается дольше. Так что не знаю. И не знаю, почему не заразился сам... Разве что я мог держаться от заболевших подальше и следить за тем, чтобы моя еда была чистая. Я ел только консервы, которые открывал сам, и пил только пиво из бутылок. Так или иначе, хотя мне и везло до сих пор, мне не улыбаются торчать здесь дольше. Вы-то куда собираетесь?

Я рассказал ему про адрес, написанный мелом на стене. Он еще не видел эту надпись. Он как раз направлялся к университету, когда услышал мой выстрел, и стал с некоторой опаской разыскивать стрелявшего.

— Это я... — начал я и остановился. Где-то на улице, к западу от нас, послышался звук стартера. Мотор заревел и вскоре затих вдали.

— Ну вот, еще кто-то уехал, — сказал Коукер. — Кстати, об этой надписи. Как вы думаете, кто ее мог оставить?

Я пожал плечами. Вполне возможно, что адрес оставил человек из нашей группы, который был захвачен Коукером и потом вернулся сюда. Или кто-нибудь из зрячих, кого Коукер упустил. Ведь определить, когда сделана надпись, было нельзя. Он подумал.

— Вдвоем нам будет лучше. Я пристроюсь к вам и посмотрю, что там делается. Ладно?

— Ладно, — согласился я. — Я за то, чтобы сейчас лечь спать и завтра выехать пораньше.

Я проснулся, когда он еще спал. Я вновь облачился в свой лыжный костюм и тяжелые башмаки, бросив неудобную одежду, которой снабдили меня люди Коукера. К тому времени когда я вернулся с набором банок и пакетов, Коукер тоже был на ногах и одет. За завтраком мы решили, что поедем не в одном грузовике, а поведем два — к вящей пользе обитателей Тиншэма.

— И смотрите, чтобы окна в кабине были закрыты, — напомнил я. — Вокруг Лондона полно триффидных заповедников, особенно к западу.

— Ага. Я уже видел этих тварей в городе, — сказал он беспечно.

— Я тоже видел их, и притом в действии, — сказал я.

В первом же гараже, который нам повстречался, мы взломали бензоколонку и запаслись горючим. Затем, грохоча по улицам, как танковая колонна, мы двинулись на запад: моя трехтонка впереди, он за мной.

Продвижение было утомительным. Через каждые несколько десятков метров попадался какой-нибудь брошенный автомобиль. Временами две-три машины загорали дорогу полностью, так что приходилось переключаться на первую скорость и сдвигать одну из них в сторону. Разбитых машин было немного. Видимо, слепота поражала водителей хотя и быстро, но не мгновенно, так что они успевали затормозить. В большинстве они сворачивали при этом к тротуару. Если бы катастрофа произошла днем, главные магистрали были бы совершенно забиты и нам пришлось бы затратить дни, чтобы выбраться из центра боковыми улицами, отступая перед непроходимой стеной машин и ища объезда. Одним словом, продвигались мы не так медленно, как мне представлялось из-за нескольких пустяковых задержек, и когда я через несколько миль увидел впереди возле дороги перевернутую машину, я осознал, что теперь мы уже на пути, который прошли и расчистили для нас другие.

На западной окраине Стейнза мы ощутили, что Лондон наконец остался позади. Я оставил машину и пошел назад к Коукеру. Когда он выключил двигатель, наступила тишина, плотная и неестественная, нарушаемая только потрескиванием охлаждающегося металла. Я вдруг вспомнил, что с того момента, как мы тронулись в путь, я не видел, кроме нескольких воробьев, ни одного живого существа. Коукер вылез из кабины. Он стоял посередине дороги, вслушиваясь и оглядываясь. Потом он пробормотал:

Вон там пред нами пролегают
Пустыни бесконечной вечности...

Я пристально посмотрел на него. Серьезное, задумчивое выражение на его лице сменилось вдруг ухмылкой, и он спросил:

— А может быть, вы предпочитаете Шелли?

Я — Озимандис, царь царей,
Взгляни, надменный, на мои труды и ужаснись!..

Пошли поедим чего-нибудь.

— Коукер, — сказал я, когда мы устроились на прилавке в магазине, намазывая мармелад на бисквиты. — Вы меня озадачили. Кто вы такой? В первый раз, когда я вас повстречал, вы занимались декламацией — вы мне простите это вполне подходящее слово? — на портовом жаргоне. Теперь вы цитируете Марвелла. Я не понимаю этого.

Он усмехнулся.

— Я тоже никогда этого не понимал, — сказал он. — Как и полагается гибриду: никогда не знаешь, что ты такое. Мать тоже не знала, что я такое, — во всяком случае, она никогда не могла доказать, кто был моим отцом, и получить средства на мое содержание. Она вымещала это на мне, и я с детства был всем на свете недоволен. Кончив школу, я повадился ходить на митинги — все равно какие, лишь бы это были митинги протеста. Это свело меня с публикой, которая там выступала. Может быть, они находили меня забавным. Так или иначе, они стали таскать меня с собой на всякие политические сборища. Потом мне надоело, что я их забавляю и что мои слова вызывают у них этакий двойной смех, наполовину вместе со мной, наполовину надо мной. Я сообразил, что мне необходимо общее образование, какое имеют они, и тогда я сам посмеюсь над ними. Я поступил в вечерние классы и стал практиковаться в их жаргоне. Очень многие не понимают одной простой вещи. Если вы разговариваете с человеком и хотите, чтобы он принял вас всерьез, говорите с ним на его собственном жаргоне. Если же вы цитируете Шелли, но говорите, как простолудин, они находят, что вы милы, вроде обезьянки у шарманщика, но на смысл ваших слов они не обращают внимания. Необходимо говорить на жаргоне, который они привыкли принимать всерьез. И наоборот. Половина политической интеллигенции, выступая перед рабочей аудиторией, ничего не может добиться — и не столько потому, что она стоит выше этой аудитории, сколько из-за того, что большинство ребят слушают голос, а не слова; они пропускают слова мимо ушей, потому что слова эти очень уж вычурны, а не обыкновенная человеческая речь. И вот я рассудил, что надо сделаться двуязычным и каждый язык употреблять в подходящей обстановке, а время от времени — вдруг и не тот язык не в той обстановке. Это действует без промаха. Чудесная вещь наша английская кастовая система. С тех пор я стал делать успехи в ораторском ремесле. Постоянной работой это не назовешь, но зато интересно и разнообразно.

— А как случилось, что вы не ослепли? Вы же не были в больнице, не так ли?

— Я? Нет. Случилось так, что я выступал на митинге протеста против хамства полиции во время одной забастовки. Мы начали около шести, а через полчаса пожаловала и сама полиция. Я нашел очень удобный люк и спустился в подвал. Они полезли за мной и стали подвал обыскивать, только я зарылся в кучу стружки. Они немного потоптались наверху, потом все затихло. Но я не торопился вылезать. Ни к чему мне было попадаться в их маленькие славные ловушки. Я согрелся в стружках и заснул. А когда утром осторожно высунул нос наружу, то увидел, что произошло. — Он помолчал в задумчивости. — Ну что ж, моя ораторская карьера закончилась. Вряд ли теперь будет спрос на мои таланты.

Я не стал спорить об этом. Мы закончили еду. Он соскочил с прилавка.

— Пошли. Нам пора двигаться. «Завтра к свежим полям и новым лугам», если вам нужна на этот раз совершенно банальная цитата.

— Она не только банальная, она еще и неточная, — сказал я. — Не «к полям», а «к лесам».

Он подумал хмурясь.

— Провалиться мне, приятель, так оно и есть, — признал он.

И я, и Коукер заметно ожили: сельские пейзажи вселяли какие-то надежды. Да, конечно, эти зеленые всходы созреют, но некому будет собрать урожай и некому будет собрать фрукты с плодовых деревьев; и вся эта местность никогда больше не будет такой аккуратной и нарядной, как сегодня, но при всем том она будет продолжать жить по-своему. Это не то что города, бесплодные и обреченные. Это место, где можно работать, заботиться и еще найти свое будущее. На его фоне мое существование в течение последней недели представилось мне чем-то вроде жизни крысы, шмыгающей по помойным ямам. И когда я глядел на поля, я чувствовал, как ширится и крепнет моя душа.

Когда нам попадались города на нашем пути, такие, как Рединг и Ньюбери, на некоторое время возвращалось ко мне лондонское настроение, но это были всего лишь незначительные впадины на графике моего возрождения.

Невозможно до бесконечности сохранять трагическое настроение. В этом разум подобен фениксу. Это его качество может быть полезным и вредным, оно просто часть воли к жизни, хотя именно оно позволило нам вступать в одну изнурительную войну за другой. Но мы не можем долго оплакивать целые океаны пролитого молока — таково необходимое свойство нашего организма. Под голубым небом с облаками, плывущими подобно айсбергу, страшная память о городе бледнела и чувство жизни вновь освежало нас подобно чистому ветру. И если это не может служить оправданием, то во всяком случае объясняет, почему я время от времени вдруг с удивлением ловил себя на том, что пою за рулем.

В Хангерфорде мы остановились, чтобы взять горючего и еды. Чувство освобождения продолжало расти по мере того, как мы мило за милей мчались по нетронутой стране. Она еще не казалась пустынной, она была пока только сонной и приветливой. Даже небольшие кучки триффидов, ковыляющих через какое-нибудь поле или зарывшихся корнями в землю, не испортили моего настроения. Они вновь превратились для меня в объекты чисто профессионального интереса.

Неподалеку от Дивайзеса мы опять остановились, чтобы свериться с картой. Немного дальше мы свернули вправо на проселок и въехали в деревню Тиншэм.

ГЛАВА 10

ТИНШЭМ

Миновать Мэнор, не заметив, не было никакой возможности. Высокая стена, огораживающая поместье, проходила рядом с дорогой за кучкой домиков, составлявших деревню Тиншэм. Мы ехали вдоль этой стены, пока не увидели массивные ворота из сварного железа. За воротами стояла молодая женщина, лицо которой не выражало ничего, кроме трезвого сознания возложенной на нее ответственности. Она была вооружена ружьем, и она неумело сжимала это ружье обеими руками. Я дал сигнал Коукеру притормозить и окликнул ее. Она пошевелила губами, но из-за шума двигателя я не расслышал ни слова. Я выключил двигатель.

— Это Тиншэм-Мэнор? — осведомился я.

Она не пожелала выдавать никаких тайн.

— Вы кто такие? — спросила она вместо ответа. — И сколько вас?

Мне очень хотелось, чтобы она не обращалась так со своим ружьем. Не спуская глаз с ее пальцев, неловко нащупывавших спусковой крючок, я вкратце объяснил ей, кто мы такие, почему мы приехали, что мы везем, и заверил ее, что нас всего двое и больше в грузовиках никто не прячется. Вряд ли она восприняла все это. Ее глаза не отрывались от моего лица, и в них было тоскливо-умозрительное выражение, обыкновенно свойственное ищейкам и неприятное даже у них. Мои слова не рассеяли эту всеобъемлющую подозрительность, которая делает добросовестных людей такими скучными. Когда она вышла, чтобы заглянуть в кузова и проверить правдивость моих утверждений, я мысленно пожелал ей не столкнуться когда-нибудь с людьми, относительно коих ее подозрения оправдались бы. Ей очень не хотелось признать, что она удовлетворена, ведь это принижало ее роль надежного часового, но в конце концов она уступила и пропустила нас. Когда я въезжал в ворота, она крикнула: «Берите вправо!» — и сейчас же вернулась к своим обязанностям по обеспечению безопасности вверенного ей участка.

За короткой вязовой аллеей раскинулся парк в стиле восемнадцатого века, усаженный деревьями, которым было достаточно места, чтобы разрастись во всем великолепии. Дом не блистал архитектурным изяществом, но это был громадный дом. Он занимал обширную площадь и сочетал в себе множество разнообразных стилей, словно из его прежних владельцев никто не мог удержаться от искушения оставить на нем свой персональный отпечаток. Каждый из них при всем уважении к деятельности своих отцов ощущал, по-видимому, настоятельную необходимость выразить также и дух своего собственного времени. Неколебимое пренебрежение предыдущими канонами вылилось в неколебимую эклектику. Это был, несомненно, смешной дом, но он производил впечатление дружелюбия и надежности.

Правая дорожка привела нас на широкий двор, где уже стояло несколько машин. Вокруг, занимая, наверное, несколько акров, располагались многочисленные каретники и конюшни. Коукер поставил свой грузовик рядом с моим и вылез. Никого вокруг видно не было.

Мы вошли в главное здание через черный ход и двинулись по длинному коридору. В конце коридора оказалась кухня баронских масштабов, где было тепло и пахло едой. С другой стороны была дверь, из-за которой доносился приглу-

шанный гул голосов и звон посуды, но нам пришлось пройти через один темный проход и еще одну дверь, прежде чем мы до них добрались.

По-моему, место, где мы очутились, было некогда залом для слуг. Помещение было достаточно просторно для сотни человек, а сейчас здесь на скамьях за длинными столами на козлах сидело человек пятьдесят — шестьдесят, и с первого взгляда было ясно, что все они слепые. Они сидели тихо и терпеливо, в то время как несколько зрячих трудились не покладая рук. Возле входа у бокового столика трое девушек прилежно нарезали цыплят. Я подошел к одной из них.

— Мы только что прибыли, — сказал я. — Что прикажете делать?

Она остановилась, затем, не выпуская вилки, отвела тыльной стороной ладони прядь волос, упавшую на лоб.

— Было бы хорошо, если бы один из вас занялся овощами, а другой помог с посудой, — сказала она.

Я принял команду над двумя громадными кастрюлями с картошкой и капустой. Раскладывая порции, я урывками оглядел людей в зале. Джозеллы среди них не было, не видел я и никого из выступавших в университете, хотя лица некоторых женщин показались мне знакомыми.

Процент мужчин здесь был гораздо больше, чем в прежней группе, причем подобраны они были странно. Несколько человек, возможно, и являлись лондонцами или, во всяком случае, горожанами, но большинство было в крестьянской одежде. Исключение составлял пожилой священник, но все они были слепыми.

Женщины были более разнообразными. Некоторые были в городских платьях, разительно не соответствующих обстановке, остальные были скорее всего местные. Из местных зрячей была только одна девушка, но среди горожанок было около десятка зрячих и несколько слепых, державшихся вполне уверенно.

Коукер тоже оглядывал зал.

— Странное это заведение, — сказал он вполголоса. — Ничто, нашли вы ее?

Я покачал головой. Я вдруг осознал, что моя надежда найти здесь Джозеллу была сильнее, нежели я думал.

— Удивительное дело, — продолжал он. — Здесь нет почти ни одного человека из тех, кого я взял тогда с вами... кроме той девчонки, которая нарезает курятину.

— Она вас узнала? — спросил я.

— Думаю, что да. Она на меня зверем посмотрела.

Когда раздача закончилась, мы тоже взяли себе по тарелке и сели за стол. Качество продуктов и поварское искусство не вызывали никаких сомнений, к тому же последние недели жизни на одних консервах интерес к горячей пище был у меня обострен до крайности. После трапезы послышался стук по столу. Поднялся священник; подождав, пока наступит тишина, он заговорил:

— Друзья мои! Кончается еще один день, и уместно сейчас вновь вознести Господу нашему молитвы благодарности за его великую милость, сохранившую нас в разгаре такого бедствия. Я призываю вас всех помолиться, дабы он воззрел с состраданием на тех, кто еще бродит во мраке и одиночестве, и дабы благоугодно было ему направить их стопы сюда, где мы сможем помочь им. Будем же просить его дать нам пережить грядущие испытания и несчастья, чтобы в его время и с его помощью мы смогли сыграть свою роль в построении лучшего мира к его вящей славе.

Он наклонил голову:

— Всемогуший и всеблагий Господь наш...

Сказав «аминь», он затащил псалом. После псалма собрание разбилось на группы, слепые взялись за руки, и четверо зрячих девушек повели их из зала.

Я закурил сигарету. Коукер тоже рассеянно взял у меня одну, не сказав ни слова. К нам подошла девушка.

— Вы нам поможете прибрать со стола? — сказала она. — Мисс Дюрран, мне кажется, скоро вернется.

— Мисс Дюрран? — повторил я.

— Она наш руководитель, — объяснила-девушка. — Свои дела вы уладите с нею.

О том, что мисс Дюрран вернулась, нам сообщили часом позже, когда почти стемнело. Мы нашли ее в маленькой комнате, похожей на кабинет, освещенный всего двумя свечами на столе. Я сразу узнал в ней ту смуглую женщину с тонкими губами, которая выступала против профессора на собрании в университете. Когда мы предстали перед ней, все ее внимание сосредоточилось на Коукере. Выражение ее лица было не более дружелюбным, чем неделю назад.

— Мне сообщили, — холодно произнесла она, разглядывая Коукера, словно кучу отбросов, — мне сообщили, что вы тот самый человек, который организовал нападение на университет.

Коукер подтвердил и ждал продолжения.

— Тогда я должна сказать вам раз и навсегда, что в нашей общине мы не признаем грубой жестокости и не собираемся ее терпеть.

Коукер слегка улыбнулся. Затем он ответил на исконном жаргоне средних классов:

— Все зависит от точки зрения. Разве вы можете судить, кто был более жесток: тот, кто осознал свою ответственность перед настоящим и остался, или тот, кто осознал свою ответственность перед будущим и ушел?

Она продолжала пристально смотреть на него. Выражение ее лица не изменилось, но было очевидно, что в эту минуту меняется ее мнение о Коукере. Она явно не ожидала ни такого ответа, ни такой манеры держаться. Оставив на время эту проблему, она повернулась ко мне.

— Вы тоже в этом участвовали? — спросила она.

Я объяснил ей, что играл во всем этом несколько пассивную роль, и задал ей вопрос в свою очередь:

— Что случилось с Микаэлем Бидли, с Полковником и остальными?

Это ей не понравилось.

— Они уехали куда-то в другое место, — сказала она резко. — Здесь у нас чистая благопристойная община в правилах... в христианских правилах, и мы намерены держаться этих правил. У нас нет места людям развратным. Разложение и неверие послужили причиной большинства несчастий мира. Те из нас, кого пощадила катастрофа, обязаны создать общество, в котором это не повторится. Циник, умник пусть знает, что здесь он не нужен, какие бы блестящие теории он ни выдвигал, чтобы замаскировать свою распущенность и свой материализм. Мы христианская община, и мы намерены таковой остаться, — она с вызовом посмотрела на меня.

— Значит, вы разделились? — сказал я. — Куда же направились те?

Она жестко ответила:

— Они отправились дальше, а мы остались здесь. Только это и имеет значение. Постольку, поскольку они не вмешиваются в наши дела, они могут зарабатывать себе вечное проклятие, где им угодно и как им угодно. А они будут прокляты, в этом я не сомневаюсь, раз им вздумалось считать себя выше законов Божеских и человеческих.

Она завершила эту декларацию щелчком челюсти, который дал мне ясно понять, что дальнейшие вопросы будут пустой тратой времени. Затем она повернулась к Коукеру.

— Что вы умеете делать? — спросила она.

— Много чего, — ответил он хладнокровно. — Для начала я буду помогать всем понемногу, пока не увижу, где я полезнее всего.

Она была слегка ошарашена. Ясно было, что она намеревалась принять решение и дать руководящие указания. Но она передумала.

— Хорошо, — сказала она. — Осмотритесь и приходите ко мне поговорить завтра вечером.

Но от Коукера не так-то легко было отделаться. Он пожелал узнать о размерах поместья, о численности общины, о проценте зрячих и о массе других вещей. И он узнал.

Прежде чем мы ушли, я задал вопрос о Джозелле. Мисс Дюрран нахмурилась:

— Знакомая фамилия. Где же я ее?.. О, это она выступала за консерваторов на прошлых выборах?

— Не думаю. Она... э... написала одну книгу, — сознался я.

— Она... — начала мисс Дюрран. Затем я увидел, что она вспомнила. — О, о, та самая?.. Ну, знаете, мистер Мэйсен, я не думаю, чтобы подобная особа пожелала связать свою судьбу с такой общиной, как наша.

В коридоре Коукер повернулся ко мне. Я увидел в сумерках, что он ухмыляется.

— Царство гнетущей ортодоксии, — заметил он. Усмешка исчезла, и он добавил: — Удивительный тип, знаете ли. Гордыня и предрассудки. Она нуждается в помощи. Она знает, что чертовски нуждается в помощи, но ничто не заставит ее в этом признаться.

Он задержался возле открытой двери. Было уже темно, и в комнате почти ничего нельзя было разглядеть, но мы знали, что это мужская спальня.

— Хочу переброситься с этими ребятами парой слов. Увидимся позже.

Он шагнул в комнату и весело поздоровался: «Здорово, приятели! Как делишки?» Я посмотрел ему вслед и вернулся в обеденный зал. Единственным источником света там были три свечи, поставленные рядом на столе. Возле свечей сидела девушка и с неудовольствием вглядывалась в какую-то штопку.

— Хэлло, — сказала она. — Ужасно, правда? Как это в старину умудрялись что-нибудь делать по вечерам?

— Не такая уж это старина, — возразил я. — И это наше будущее, а не только прошлое... если кто-нибудь научит нас делать свечи.

— Да, пожалуй. — Она подняла голову и оглядела меня. — Вы приехали сегодня из Лондона?

— Да, — признался я.

— Там сейчас плохо?

— Лондону конец, — сказал я.

— Наверное, вы видели там ужасные зрелища, — предположила она.

— Видел, — коротко сказал я и спросил: — Вы давно здесь?

Она охотно обрисовала мне положение вещей.

Во время нападения на университет Коукер захватил почти всех зрячих. Осталось несколько человек. Она и мисс Дюрран были среди тех, кого Коукер упустил. На следующий день мисс Дюрран взяла командование на себя, но не совсем преуспела в этом. О немедленном отъезде из Лондона нечего было и думать, так как только один из оставшихся мог водить грузовик. Весь этот день и большую часть следующего они вынуждены были возиться со своими слепыми почти так же, как я со своими в Хэмпстеде. Но вечером следующего дня вернулись Микаэль Бидли и двое зрячих, а ночью в университет прорвались еще несколько человек. К полудню третьего дня у них уже набралось с десяток водителей. Тогда они решили, что благоразумнее выезжать немедленно, нежели ждать и гадать, вернутся ли остальные.

Тиншэм-Мэнор был выбран пробным пунктом назначения по предложению Полковника. Полковник знал это место и утверждал, что оно полностью отвечает требованиям компактности и изоляции.

Группа была очень разношерстная, и ее руководители отлично сознавали это. На следующий день после прибытия в Тиншэм состоялось собрание. По количеству участников оно было малочисленнее, чем тогда в университете, но во всех других отношениях почти такое же. Микаэль и его сторонники объявили, что сделать предстоит очень много и что они не намерены тратить свою энергию на умиротворение субъектов, погрязших в дешевых предрассудках и гото-

вых ссориться по пустякам. Слишком велика задача, и слишком прижимает время.

Выступила Флоренс Дюрран. То, что произошло в мире, есть достаточное предостережение, сказала она. И она не может понять, как можно быть столь слепо неблагодарными за чудо спасения, да еще пытаться увековечить подрывные теории, которые в течение столетия подтачивали христианство. Она, со своей стороны, не желает жить в общине, где будут постоянно стремиться извратить простую веру тех, кто не стыдится выразить благодарность Господу Богу путем соблюдения его законов. Она не хуже других сознает серьезность положения. Самое правильное будет с должным вниманием отнестись к предупреждению, которое дал Бог, и немедленно вернуться к его учению.

Таким образом обнаружился раскол группы. Мисс Дюрран поддержали пять зрячих девушек, десяток слепых девушек, несколько мужчин и женщин средних лет, тоже слепых, и не поддержал ни один из зрячих мужчин. При таких обстоятельствах не оставалось сомнений, что покинуть Тиншэм придется сторонникам Микаэля Бидли. Грузовики не были разгружены, ничто их не задерживало, и сразу после полудня они отбыли, оставив мисс Дюрран и ее последователей плыть или тонуть в соответствии со своими убеждениями.

Мисс Дюрран и зрячие девушки приступили к осмотру поместья. Большая часть дома была на замке, но в помещении для слуг кто-то недавно жил. Что произошло с людьми, присматривавшими за усадьбой, стало ясно, когда осмотрели фруктовый сад. Там среди рассыпанных фруктов лежали трупы мужчины, женщины и девочки. Рядом, зарывшись корнями в землю, терпеливо ждали два триффиды. На образцовой ферме в дальнем углу поместья положение было такое же. Либо триффиды нашли дорогу в парк через какие-нибудь ворота, либо в парке еще раньше содержались неурезанные экземпляры, которые затем вырвались на свободу. Как бы то ни было, они представляли угрозу, и с ними следовало расправиться быстро, пока они не натворили новых бед. Мисс Дюрран послала одну девушку обойти ограду и запереть все ворота и калитки, а сама взломала дверь в оружейную комнату. Несмотря на отсутствие опыта, она вместе с другой молодой женщиной сумела отстрелить верхушки у всех триффидов, каких удалось обнаружить в поместье, а их оказалось двадцать шесть штук. Можно было

надеяться, что больше в пределах ограды триффидов не осталось.

На следующий день они обследовали деревню и нашли там триффидов в значительных количествах. Уцелели только те жители, кто либо заперся у себя дома и намеревался отсиживаться, пока хватит припасов, либо не столкнулся с триффидами во время коротких вылазок за продовольствием. Всех их собрали и переправили в поместье. Они были здоровы и в большинстве полны сил, но сейчас были скорее обузой, чем помощниками, потому что среди них не оказалось ни одного зрячего.

В течение того же дня прибыли еще четверо молодых женщин. Двое, сменяясь за рулем, пригнали груженный грузовик и привезли слепую девушку. Одна приехала в легковом автомобиле. Быстро осмотревшись, она заявила, что это заведение ей не подходит, и укатила дальше.

О Джозелле моя собеседница ничего не знала. Она никогда не слыхала ее фамилии и, вероятно, никогда ее не встречала.

Пока мы разговаривали, в зале вспыхнул электрический свет. Девушка посмотрела на лампы с благоговением, точно на небесное знамение. Она задула свечи и, продолжая трудиться над штопкой, время от времени поглядывала вверх, как бы желая убедиться, что лампы никуда не делись.

Через несколько минут вошел Коукер.

— Ваша работа? — спросил я, кивнув на лампы.

— Да, — признался он. — Здесь у них есть собственный генератор. Лучше использовать бензин, чем дать ему испариться.

— Вы хотите сказать, что мы все это время могли иметь здесь электрический свет? — спросила девушка.

Коукер посмотрел на нее.

— Надо было всего-навсего завести мотор, — сказал он. — Если вам нужен был свет, почему вы не завели мотор?

— Я не знала, что он есть, и, кроме того, я ничего не понимаю в моторах и электричестве.

Коукер продолжал задумчиво глядеть на нее.

— И поэтому вы сидели впотьмах, — сказал он. — Как по-вашему, долго вы протянете, если будете по-прежнему сидеть впотьмах, вместо того чтобы заниматься делом?

Его тон задел ее.

— Не моя вина, что я не разбираюсь в таких вещах.

— Не согласен, — возразил Коукер. — Это не просто ваша вина. Вы ее лелеете и холите. Более того, вы притворяетесь, будто вы слишком одухотворенная натура, чтобы разбираться в технике. Это дешевая и глупая форма тщеславия. Каждый является в мир круглым невеждой, но на то Бог и даровал ему — и даже ей — мозги, чтобы приобретать знания. Неспособность пользоваться собственными мозгами не есть достойная похвалы добродетель, даже женщины следует порицать за это.

Она рассердилась, что было вполне понятно. Впрочем, Коукер был зол с самого начала. Она сказала:

— Все это очень хорошо, но у разных людей ум действует в разных направлениях. Мужчины понимают, как работают машины и электричество. Женщины, как правило, такими вещами не очень интересуются.

— Не пытайтесь всучить мне стряпню из мифов и притворства, это не для меня, — сказал Коукер. — Вам прекрасно известно, что женщины управляются — вернее, управлялись — с самыми тонкими и сложными механизмами, когда брали на себя труд разобраться в них. Но обычно бывало так, что они слишком ленивы и не желают брать на себя этот труд. На что это им, когда традицию милой беспомощности можно расценить как женскую добродетель? И когда можно свалить все дело на чьи-то плечи? Обычно это поза, и против нее никто не считает нужным выступить. Напротив, ее лелеют, мужчины ей подыгрывают, стойко ремонтируя для своей бедняжки пылесос и мужественно меняя перегоревшие лампы. Вся эта комедия полностью устраивала обе стороны. Жестокая практичность так хорошо гармонировала с душевной тонкостью и очаровательной беспечностью, и дурак тот, кто пачкает руки.

Он продолжал, окончательно войдя в раж:

— До сих пор мы могли себе позволить забавляться такого рода умственной ленью и игрой в паразитов. Целые поколения твердили о равенстве полов, но женщина кровно заинтересована в своей зависимости и не желает освободиться от нее. Ей пришлось модифицировать свое поведение в соответствии с изменившимися условиями, но эти модификации были незначительны, да и они вызывали у женщины недовольство. — Он помолчал. — Вы сомневаетесь? Так вот, взгляните на какую-нибудь бойкую девчонку и на ин-

теллектуальную женщину. Обе они, каждая по-своему, втирают очки, играя в высшую чувствительность. Но приходит война, приносит с собой общественные обязанности, и оказывается, что из той и другой можно сделать приличных механиков.

— Они обычно не становились хорошими механиками, — заметила девушка. — Об этом все говорят.

— А, защитный механизм в действии. Только позвольте вам заметить, что такие утверждения были в интересах почти всех. Впрочем, все равно, до некоторой степени это было так, — признал он. — А почему? Да потому, что они учились наспех, без надлежащей школьной подготовки, и им вдобавок пришлось бороться против взлелеянного годами убеждения, будто такие интересы им чужды и слишком громоздки для их тонких натур.

— Не понимаю, отчего вы набросились именно на меня, — сказала она. — Не я ведь одна ничего не понимаю в этом несчастном моторе.

Коукер усмехнулся:

— Вы совершенно правы. Получилось нечестно. Я просто разозлился, что вот есть мотор, исправный, готовый к работе, и никто пальцем не пошевелил, чтобы завести его. Меня всегда выводит из себя тупое недомыслие.

— Тогда пойдите и выскажите все это мисс Дюрран, а не мне.

— Не беспокойтесь, выскажу. Но это касается не только ее. Это касается и вас, и всех остальных. Я в этом совершенно уверен, знаете ли. Времена изменились довольно радикально. Вы больше не можете сказать: «Ну, в таких делах я ничего не понимаю» — и оставить это дело кому-нибудь другому. Больше нет идиотов, путающих невежество с невинностью, вот что важно. И невежество перестало быть в женщине изюминкой или игрушкой. Оно делается опасным, смертельно опасным. Если все мы как можно скорее не научимся разбираться во множестве вещей, которые прежде нас не интересовали, то ни мы, ни наши подопечные долго не протянут.

— Не понимаю, с чего вам вздумалось изливать свое презрение к женщинам именно на меня — и все из-за какого-то грязного старого мотора, — сказала она обиженно.

Коукер поднял глаза к потолку:

— Великий Боже! А я-то стараюсь втолковать ей, что у женщин есть все способности, стоит им только взять на себя труд применить их.

— Вы сказали, что мы паразиты. Думаете, что это приятно слышать?

— Я не собираюсь говорить вам ничего приятного. И я всего-навсего сказал, что в погибшем мире женщинам было выгодно играть роль паразитов.

— И все потому, что я ничего не понимаю в каком-то вонючем шумном моторе.

— Черт возьми! — сказал Коукер. — Послушайте, отцепитесь вы от этого мотора.

— А тогда зачем...

— Мотор просто оказался символом. Главное же состоит в том, что отныне нам всем придется многому учиться. И не тому, что нравится, а тому, что обеспечивает и поддерживает жизнь общины. Отныне нельзя будет просто заполнить избирательный бюллетень и сложить всю ответственность на кого-то другого. И нельзя будет считать, что женщина выполнила свой долг перед обществом, если убедила мужчину взять ее на содержание и предоставить ей укромный уголок, где она будет безответственно рожать детей и отдавать их еще кому-то для обучения.

— Все-таки я не понимаю, какое это имеет отношение к моторам...

— Послушайте, — сказал Коукер терпеливо. — Предположим, у вас есть ребенок. Кем бы вы хотели его видеть, когда он вырастет? Дикарем или цивилизованным человеком?

— Конечно, цивилизованным.

— Вот. А тогда будьте любезны обеспечить ему цивилизованное окружение. Все, чему он обучится, он узнает от нас. Мы все должны знать как можно больше, стать как можно более интеллигентными, чтобы дать ему максимум возможного. Это означает для нас тяжелый труд и напряженную работу мысли. Измененные условия должны повлечь за собой изменение взглядов.

Девушка собрала свою штопку. Несколько секунд она критически разглядывала Коукера.

— Мне кажется, с такими взглядами, как у вас, вам больше подойдет группа мистера Бидли, — сказала она. — Мы здесь не намерены ни менять своих взглядов, ни поступаться своими убеждениями. Именно поэтому мы отдели-

лись от той группы. Так что если вам не нравятся обычаи достойных респектабельных людей, вам лучше уехать отсюда. — Она фыркнула и удалилась.

Коукер смотрел ей вслед. Когда дверь за нею закрылась, он облегчил свои чувства с непринужденностью портового грузчика. Я расхохотался.

— А чего вы ожидали? — спросил я. — Вы встаете в позу и ораторствуете перед этой девицей, как будто она является собранием правонарушителей — да еще ответственных за всю западную социальную систему. И после этого вы удивлены, что она взбесилась.

— Я ожидал, что она внимлет голосу разума, — пробормотал Коукер.

— С какой стати? Большинство из нас внимлет голосу привычки. Она будет против любых изменений, разумных или неразумных, которые вступают в конфликт с внутренним ей представлением о хорошем и плохом; и она будет искренне убеждена, что проявляет твердость характера. Вы слишком торопитесь. Приведите человека в райские кущи, когда он только что утратил дом и семью, и райские кущи ему не понравятся; оставьте его там на некоторое время, и он начнет думать, что эти кущи напоминают ему утраченный дом, только дом был уютнее. Она приспособится со временем, это неизбежно... и будет искренне отрицать, что приспособилась.

— Другими словами, давайте просто импровизировать, никаких планов нам не нужно, из этого ничего не выйдет. Так?

— Вот тут на сцену выступает руководитель. Руководитель планирует, но он мудр и не говорит об этом. Когда возникает необходимость в переменах, он производит их как уступку — временную уступку, конечно, — обстоятельствам, и если он хороший руководитель, он производит уступки в правильной последовательности и в окончательной форме. Планы всегда встречают очень веские возражения, но кто будет протестовать против уступок чрезвычайным обстоятельствам?

— Макиавеллизм какой-то. Я привык видеть цель и идти прямо к цели.

— Большинству людей это не подходит, хотя они и утверждают обратное. Они предпочитают, чтобы их уговаривали и упрашивали или даже погоняли. Тогда они никогда не совершат ошибки: если ошибка случится, это будет

чья-то ошибка, а не их. Ломить прямо вперед — это механистический взгляд, а люди в массе не машины. У них есть свои умы, весьма приятные умы, которым легче всего на проторенной дороге.

— Кажется, вы не слишком верите, что у Бидли что-нибудь получится. Ведь Бидли — это план во плоти.

— У него будут свои неприятности. Но его группа сделала выбор, а здешняя публика все отрицает, — сказал я. — Они собрались здесь просто потому, что сопротивляются любому плану. — Я помолчал. Затем добавил: — Знаете, эта девица была права в одном. Вам здесь не место. Ее реакция есть пример того, с чем вы столкнетесь, если попытаетесь обращаться с ними по-своему. Стадо овец не гонят на рынок по прямой линии, и тем не менее всегда находится дорога, чтобы доставить их туда.

— Нынче вечером вы необычно циничны и блещете метафорами, — заметил Коукер.

Я возразил:

— Разве цинично знать, как пастух управляется со стадом?

— Некоторым может показаться, что цинично сравнивать людей с овцами.

— Но это менее цинично и более человечно, чем видеть в них кучу механизмов, приспособленных для управления на расстоянии.

— Гм, — сказал Коукер. — Это надо продумать.

ГЛАВА 11

...И ДАЛЬШЕ

Утро я провел довольно беспорядочно. Я ходил, помогал понемногу тут и там и задавал массу вопросов.

Ночь перед этим была отвратительной. Только когда я лег, я понял, что была для меня надежда найти в Тиншэме Джозеллу. Как ни был я утомлен после переезда, заснуть не удавалось: я лежал в темноте с открытыми глазами, чувствуя себя на мели и без будущего. Я был настолько уверен в том, что Джозелла с группой Бидли окажется здесь, что мне в голову не приходило задуматься, как быть дальше. Теперь я впервые осознал, что если бы даже я догнал Бидли, то совсем не обязательно нашел бы Джозеллу. Она ведь покинула Вестминстер совсем незадолго до меня и в любом случае должна была сильно отстать от группы. Оче-

видно, первым делом следовало подробно расспросить обо всех, кто приезжал в Тиншэм за последние два дня. Мне оставалось только одно — думать, что она направилась сюда. Это было моей единственной путеводной нитью. По-видимому, она зашла в университет и нашла написанный мелом адрес; но ведь могло случиться, что она туда не заходила, а поспешила покинуть зловонную могилу, в которую превратился Лондон.

Тяжелее всего мне было бороться с мыслью, что Джозелла заразилась этой чумой, уничтожившей обе наши команды. Но я старательно отгонял от себя эту мысль.

В бессонной ясности послеполуночных часов я сделал открытие: мое стремление встретиться с группой Бидли было весьма второстепенным по сравнению с желанием разыскать Джозеллу. Если я найду их, но Джозеллы с ними не будет... что ж, тогда мне придется подождать немного, но от поисков я не откажусь...

Когда я проснулся, постель Коукера была уже пуста. Я решил посвятить утро расспросам. Скверно было, что никто не догадался записывать имена тех, кто нашел Тиншэм неподходящим для себя и поехал дальше. Фамилии Джозеллы почти никто не знал, разве что некоторые, вспоминая ее с неодобрением. Мои попытки описать ее внешность ни к чему не привели. Я лишь с достоверностью установил, что девушки в синем лыжном костюме здесь никогда не было, но, с другой стороны, я не мог поручиться, что сейчас она одета именно так. Расспросы кончились тем, что я всем страшно надоед и окончательно разочаровался сам. Была слабая надежда, что Джозелла — это та девушка, которая сразу по прибытии уехала за день до нас, но вряд ли Джозелла оставила бы по себе столь тусклое воспоминание.

Коукер появился во время обеда. Он занимался тщательным обследованием жилых помещений. Он переписал весь живой инвентарь и выявил число слепых животных. Исследовал оборудование и механизмы на ферме. Все разведal относительно источников чистой воды. Заглянул на склады продовольствия и фуража. Выяснил, сколько слепых девушек были слепыми еще до катастрофы, и организовал для остальных тренировочные классы под их руководством.

Он обнаружил, что мужчины загнаны в тоску добронамеренными заверениями священника, будто для них найдется много полезной работы, например... э... плетение корзинок

и... э... вязание, и Коукер сделал все возможное, чтобы рассеять эту тоску более интересными перспективами.

Повстречав мисс Дюрран, он предупредил ее, что если не удастся сделать так, чтобы слепые женщины сняли с плеч зрячих хотя бы часть работы, то все развалится через десяток дней; и что если будут услышаны молитвы священника о том, чтобы к общине присоединились еще новые слепые, то заведение станет совершенно нежизнеспособным. Он пустился далее в рассуждения о необходимости начать немедленно создавать резервы продовольствия и конструировать устройства, которые дадут возможность работать слепым мужчинам, но она резко оборвала его. Она была явно обеспокоена, хотя и не желала показать этого, но ее решительность, вызвавшая в свое время разрыв с группой Бидли, теперь столь же несправедливо обрушилась на Коукера. Закончила она тем, что, по ее сведениям, он и его воззрения вряд ли совместимы с духом общины.

— Беда в том, что она жаждет быть боссом, — сказал мне Коукер. — Это у нее в крови и не имеет ничего общего с возвышенными принципами.

— Какая клевета, — сказал я. — Вы просто хотите сказать, что безупречность ее принципов обязывает ее взять на себя всю ответственность и, таким образом, направлять и наставлять всех остальных является ее долгом.

— Это одно и то же, — сказал он.

— Да, но лучше сказать так, — возразил я.

Секунду он думал.

— Если она немедленно не возьмется за дело по-настоящему, этому заведению конец. Вы видели их хозяйство?

Я покачал головой. Я рассказал ему, как провел утро.

— Немного же вам удалось узнать. И что дальше? — спросил он.

— Я здесь не останусь. Поеду за Бидли и остальными, — ответил я.

— А если ее нет и там?

— Сейчас я просто надеюсь, что она там. Должна быть. Где же ей еще быть?

Он открыл было рот, но промолчал. Затем он сказал:

— Вы знаете, я поеду с вами. Возможно, принимая все во внимание, там мне тоже не очень обрадуются, как и здесь, но я это переживу. Я видел, как развалилось на куски одно начинание, и я предвижу, как развалится это — не так стремительно, может быть, и более страшным образом.

Странно, не правда ли? Самые благородные намерения оборачиваются сейчас самыми опасными в мире. И это срам, потому что Тиншэм мог бы уцелеть даже с таким количеством слепых. Пока здесь нужно только брать, и так будет еще довольно долго. Им недостает только организованности.

— И желания быть организованными, — добавил я.

— Да, и этого тоже, — согласился он. — Вы знаете, беда в том, что катастрофа, несмотря ни на что, еще не дошла до сознания этих людей. И они не хотят браться за дело: им кажется, что это означало бы бесповоротный конец всему. А так они вроде бы застряли на даче, томятся и ожидают чего-то.

— Правда. Но не удивительно, — сказал я. — Даже нам пришлось пережить многое, чтобы убедиться, а они ведь не видели того, что видели мы. И потом, здесь, в провинции, нет этого ощущения беспросветности... окончательной гибели, что ли.

— Ну что ж, пусть они поскорее осознают все это, если хотят выжить, — сказал Коукер, оглядывая зал. — Спасительного чуда не будет.

— Дайте им время. Они осознают, как и мы. Вы всегда слишком торопитесь. Время, знаете ли, больше не деньги.

— Деньги не имеют значения, а время имеет. Сейчас им нужно думать об урожае, готовить мельницу, чтобы молоть муку, искать на зиму фураж для скота.

Я покачал головой:

— Это не так уж срочно, Коукер. В городах хранятся, должно быть, огромные запасы муки, и, судя по всему, потребителей для нее найдется немного. Мы еще долго сможем жить на капитал. Вот что действительно нужно было бы делать немедленно, так это обучать слепых. К тому времени когда понадобятся рабочие руки, они должны научиться работать.

— Все равно, если не предпринять что-то, зрячие здесь скоро не выдержат. Достаточно, чтобы сдал один-другой, и все расползется по швам.

С этим мне пришлось согласиться.

К вечеру мне удалось найти мисс Дюрран. Никто не знал и знать не хотел, куда направилась группа Микаэля Бидли, но я не верил, что они не оставили никаких указаний для тех, кто последует за ними. Мисс Дюрран была недовольна. Я даже подумал сначала, что она откажется

сообщить мне. И дело было не только в том, что я столь решительно предпочел другую общину. Серьезнее в этих обстоятельствах была потеря сильного мужчины, пусть даже с неподходящими принципами. Тем не менее она не дрогнула и не попросила меня остаться. В конце концов она резко сказала мне:

— Они направились в Дорсетшир, куда-то в район Биминстера. Больше я ничего не знаю.

Я вернулся и рассказал Коукеру. Он огляделся. Затем он покачал головой с каким-то сожалением.

— О'кей, — сказал он. — Мы покинем эту свалку завтра же.

В девять часов на следующее утро мы были уже в двенадцати милях от Тиншэма. Как и прежде, мы ехали в наших двух грузовиках. Мы сомневались, не взять ли более подвижную машину, оставив грузовики в пользу тиншэмской публики, но мне не хотелось расставаться со своим грузовиком. Я ведь сам грузил его и знал, что у меня в кузове. Кроме ящиков с противотрифидным снаряжением, вызвавших такое неодобрение у Микаэля Бидли, я собрал во время переезда из Лондона множество вещей, которые было бы трудно достать за пределами крупных городов: аккумуляторные батареи, несколько насосов, наборы хороших инструментов. Эти предметы можно было бы раздобыть и позже, но наступало время держаться от городов подальше, от больших и маленьких. С другой стороны, тиншэмская публика располагала собственным транспортом для доставки всего необходимого из городов, где еще не было признаков эпидемии. Так или иначе, два грузовика не составили бы разницы, и мы выехали так же, как и приехали.

Погода стояла все еще теплая. Некоторые деревни уже дышали смрадом, хотя на возвышенных местах запах был почти незаметен. Изредка в поле у обочины дороги мы видели трупы, но, как и в Лондоне, инстинкт загнал большинство жителей под крыши. Деревенские улицы были пустынные, пусто было и в окрестных полях, словно вся человеческая раса со своими домашними животными внезапно улетучилась с лица земли. Так было до Стипл-Хони.

С дороги, пока мы спускались по склону холма, деревушка была видна как на ладони. Она раскинулась на другом берегу небольшой сверкающей речки, над которой

аркой нависал каменный мост. Это было тихое местечко, обступившее сонную церковь и очерченное по окраинам пунктиром белоснежных коттеджей. Казалось, никакие события за последние века не нарушали покой под его тростниковыми крышами. Но как и в других деревнях, ничто в нем не шевелилось, и ни единый дымок не поднимался над его трубами. И вот, когда мы уже проехали середину склона, мои глаза уловили какое-то движение.

Слева от моста на том берегу стоял наискосок к дороге двухэтажный дом. С кронштейна на стене свисала гостиничная вывеска, а в окне над нею развешалось что-то белое. Подъехав ближе, я разглядел человека, который отчаянно махал нам полотенцем, высунувшись из окна. Я решил, что это слепой, иначе он выбежал бы на дорогу нам навстречу. И он не был болен, слишком уж энергично он размахивал своим полотенцем.

Я дал Коукеру сигнал и затормозил, едва мы съехали с моста. Человек в окне бросил полотенце. Он прокричал что-то неслышимое в шуме моторов и скрылся. Мы выключили двигатели. Стало так тихо, что мы услышали в доме торопливый стук каблуков по деревянной лестнице. Дверь распахнулась, и человек, выставив перед собой руки, шагнул на улицу. Из-за ограды слева молнией хлестнула длинный жгут и ударил в него. Он пронзительно вскрикнул и упал.

Я схватил дробовик и вылез из кабины. Я осторожно обошел изгородь, пока не увидел триффид, затаившегося в тени куста. Тогда я снес ему верхушку.

Коукер тоже вышел из своего грузовика и встал рядом со мной. Он взглянул на труп человека, затем посмотрел на обезглавленного триффид.

— Да ведь он... нет, черт возьми, не может же быть, чтобы этот урод нарочно поджидал его здесь, — сказал он. — Простая случайность, наверное... Не мог же он знать, что человек выйдет из дверей... Не мог, ведь правда?

— А если мог? Сработал он очень точно, — сказал я.

Коукер обеспокоенно посмотрел на меня:

— Чертовски точно. Но вы же не хотите сказать...

— Все как сговорились ничему не верить о триффиде, — сказал я и добавил: — Поблизости могут быть еще другие.

Мы тщательно обследовали все укромные местечки по соседству, но ничего не нашли.

— Хорошо бы выпить, — предложил Коукер.

Если бы не пыль на прилавке, маленький бар в гостинице выглядел бы весьма обыкновенно. Мы налили себе виски. Коукер залпом проглотил свою порцию. Затем он обратил на меня встревоженный взгляд.

— Это мне не нравится. Совершенно не нравится. Послушайте, Билл, вы должны знать об этом гораздо больше, чем все остальные. Ведь не мог он... я хочу сказать, что он ведь просто случайно оказался там, правда?

— Мне кажется... — начал я и остановился, прислушиваясь к барабанной дробь снаружи. Я пересек комнату и распахнул окно. Затем я всадил в обезглавленного триффиды заряд из второго ствола — на этот раз в основание стебля. Барабанная дробь смолкла.

— Самое скверное в триффиды, — сказал я, когда мы налили по второй порции, — это те их свойства, о которых мы ничего не знаем. — И я рассказал ему о теориях Уолтера. Он содрогнулся:

— Не станете же вы серьезно уверять, что они «разговаривают», когда издают этот треск?

— Не знаю, — признался я. — Я, пожалуй, возьмусь утверждать, что это своего рода сигналы. Но Уолтер считал это самым настоящим «разговором», а уж он-то знал триффидов лучше, чем кто бы то ни было.

Я извлек расстрелянные гильзы и перезарядил ружье.

— И он в самом деле говорил об их превосходстве над слепым человеком?

— Это было много лет назад, — напомнил я.

— Все же... странное совпадение.

— Ничего странного, — возразил я. — Любой удар судьбы можно представить странным совпадением, если набраться терпения и подождать.

Мы выпили и повернулись, чтобы идти. Коукер посмотрел в окно. Затем он схватил меня за руку и показал на улицу. Из-за угла, раскачиваясь, вышли еще два триффиды и заковыляли к ограде, служившей укрытием первому. Я подождал, пока они остановятся, и затем снес обоим макушки. Мы вылезли через окно, которое было достаточно удалено от любого возможного места засады, и направились к машинам, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Еще одно совпадение? — спросил Коукер. — Или они пришли поглядеть, что случилось с их приятелем?

Мы выехали из деревни и помчались по узким проселочным дорогам. Мне показалось, что триффидов вокруг

стало гораздо больше. А может быть, я просто не замечал их раньше? Или их действительно было меньше, поскольку мы ехали до этого по шоссе на дорогах? Я по опыту знал, что триффиды стремятся избегать твердых поверхностей, и считал, что такие поверхности, возможно, причиняют какое-то неудобство их ногам-корням. Подумав, однако, я постепенно пришел к убеждению, что их было много и раньше, причем относились они к нам не безразлично: не исключалось, что вовсе не случайно они двигались именно в нашу сторону, когда мы видели, как они ковыляют к шоссе через поля.

Более очевидное доказательство мы получили, когда триффид ударил в меня из-за живой изгороди. К счастью, целиться в движущуюся машину он не умел. Удар был нанесен на мгновение раньше, чем нужно, и жало оставило след из капелек яда на ветровом стекле перед моим лицом. Прежде чем он успел нанести второй удар, я был уже далеко. Но после этого я, несмотря на теплую погоду, закрыл окно рядом с собой.

В течение прошлой недели я думал о триффидях, только когда они были у меня перед глазами. Они встревожили меня и в доме у Джозеллы и когда напали на нас в Хэмпстеде, но большую часть времени мне приходилось тревожиться совсем по другим, более насущным поводам. Теперь же, оглядываясь назад, вспоминая Тиншэм таким, каким он был до того, как мисс Дюрран очистила его с помощью дробовиков, и состояние деревень, через которые мы проезжали, я начал задавать себе вопрос: какую роль могли сыграть триффиды в исчезновении населения?

Через следующую деревню я ехал медленно, внимательно приглядываясь. В нескольких палисадниках я заметил трупы, лежащие там, по-видимому, не первый день, и почти в каждом случае где-нибудь поблизости оказывался триффид. По всему было видно, что триффиды становятся в засаду только на мягкой почве, куда можно на время ожидания зарыться корнями. Там же, где дверь дома открывалась прямо на улицу, увидеть труп можно было редко, а триффид — никогда.

Я представлял себе, что произошло в большинстве деревень. Жители выходили за едой. Пока они передвигались по мощеным участкам, они были в относительной безопасности; но стоило им покинуть тротуары или просто оказаться рядом с садовой оградой, как они попадали под смертельные удары. Кто-нибудь успевал вскрикнуть, и это

усугубляло ужас оставшихся в домах. Время от времени голод выгонял на улицу следующего. Некоторым посчастливилось вернуться, но в большинстве они теряли ориентировку и бродили, пока не падали от истощения или не вступали в пределы досягаемости триффидов. Уцелевшие могли догадаться, что происходит. Те, у кого был сад, могли услышать свист жала, и они осознавали, что им остается только одна альтернатива: умереть от голода или разделить судьбу покинувших дом. Возможно, многие заперлись в домах, довольствуясь наличными запасами еды и ожидая помощи, которая никогда не придет. Такова, возможно, история человека из гостиницы в Стипл-Хони.

Мысль о том, что в деревнях, через которые мы проезжали, еще могли сохраниться изолированные группы уцелевших жителей, была не очень приятной. Она снова вызвала ощущение, знакомое нам по Лондону: по всем нормам цивилизованной жизни следует попытаться найти их и сделать для них что-нибудь; и горькое сознание того, что всякая попытка такого рода обречена на провал.

Та же самая проблема. Что здесь можно сделать с самыми лучшими намерениями, кроме как продлить агонию? Опять на время утихомирить свою совесть только для того, чтобы опять увидеть крах своих усилий?

Мне пришлось твердо сказать себе, что в район землетрясения не лезут, когда еще рушатся здания. Спасательные работы надо начинать, когда толчки прекратятся. Но доводы разума не облегчали душу. Старый профессор был прав, когда подчеркивал трудности психической адаптации.

Триффиды в большой степени усугубили катастрофу. Помимо плантаций нашей фирмы в стране было множество других питомников. Они выращивали триффидов для нас, для частных покупателей, для продажи менее значительным компаниям, которые занимались переработкой триффидного масла; и большинство этих питомников по климатическим соображениям располагалось как раз на юге. Но их было больше, чем я думал, если все виденное нами было результатом более или менее равномерного распределения на местности вырвавшихся на волю триффидов. И уж совсем не успокаивала мысль о том, что ежедневно все новые и новые экземпляры достигают зрелости, а урванные триффиды медленно, но верно восстанавливают свои жала...

Сделав еще две остановки — одну для обеда и другую для заправки горючим, — мы въехали в Биминстер ранним вечером примерно в половине пятого. Мы доехали до центра города, не обнаружив никаких признаков пребывания здесь группы Бидли.

На первый взгляд здесь все было мертво, как и в других местах, которые мы видели сегодня. Главная улица с ее магазинами была пуста, только у обочины на одной стороне стояли два грузовика. До них оставалось еще метров двадцать, когда из-за них выступил человек с винтовкой. Он выстрелил поверх моей головы и затем снизил прицел.

ГЛАВА 12

ТУПИК

С предупреждением такого рода приходилось считаться. Я затормозил.

Человек был высок и светловолос. Обращаться с винтовкой он умел. По-прежнему держа меня на прицеле, он дважды мотнул головой в сторону. Я воспринял это как предложение выйти из кабины. Спустившись на землю, я показал ему пустые руки. Когда я подошел к нему, из-за грузовика вышел еще один мужчина в сопровождении девушки. За моей спиной раздался голос Коукера:

— Опусти свою пушку, приятель. Ты у меня как на ладони.

Светловолосый поглядел в сторону Коукера. Я мог бы прыгнуть на него в этот момент, но я сказал:

— Он прав. И вообще мы люди мирные.

Светловолосый неохотно опустил винтовку. Коукер, который спустился из своего грузовика под прикрытием моей машины, вышел из-за прикрытия.

— В чем дело? — спросил он. — Человек человеку волк?

— Вас только двое? — спросил второй человек.

Коукер взглянул на него:

— А вы чего ждали? Целой бригады? Нет, нас только двое.

Все трое облегченно вздохнули. Светловолосый объяснил:

— Мы думали, что вы какая-нибудь банда из большого города. Мы все время ждем, что они начнут набегать за продовольствием.

— О, — сказал Коукер. — Значит, вы давно уже не видели больших городов. Если это ваша единственная забота, можете спать спокойно. Все банды, какие там есть, озабочены сейчас совсем другим. Они делают — если мне будет позволено так выразиться — то же самое, что и вы.

— И вы думаете, что они не придут сюда?

— Я совершенно уверен, что нет. — Он оглядел их. — Вы не из группы Бидли?

Они озадаченно переглянулись.

— Жаль, — сказал Коукер. — Это была бы наша первая удача за очень долгое время.

— А что такое группа Бидли? — спросил светловолосый.

После нескольких часов в кабине, прогретой солнцем, я чувствовал себя совсем иссохшим и увядшим. Я предложил перенести разговор с улицы в какое-нибудь более подходящее место. Мы обошли их грузовики, пробираясь через знакомый хаос ящиков, банок с чаем, окороков, мешков с сахаром, пакетов с солью и всего прочего, и вступили в небольшой бар. За элем мы с Коукером коротко рассказали им обо всем, что мы делали и что мы знали. Затем наступила их очередь.

Как оказалось, они были активным отрядом группы из шести человек. Остальные, две женщины и один мужчина, остались дома, в здании, которое было избрано в качестве резиденции.

Седьмого мая около полудня светловолосый и девушка мчались в автомобиле на запад. Они собирались провести две недели в Корнуэлле, и им было очень весело в дороге, когда где-то поблизости от Крюкерна на них надвинулся из-за поворота двухэтажный автобус. Легковой автомобиль врезался в него, и последнее, что помнил светловолосый, была чудовищная громада автобуса, нависшая над ними, как скала.

Он очнулся в постели и, подобно мне, был поражен таинственной тишиной. Если не считать нескольких ссадин, мелких порезов и гула в голове, ничего плохого с ним, видимо, не случилось. Полежав и никого не дождавшись, он отправился на разведку и понял, что находится в крошечной провинциальной больнице. В соседней палате он обнаружил свою девушку и еще двух женщин, из которых одна была в сознании, но не могла передвигаться, потому что нога и рука у нее были в гипсе. В другой палате оказалось двое

мужчин: один — вот этот его нынешний товарищ по группе и другой — со сломанной ногой. Всего в больнице было одиннадцать человек, из них восемь зрячих. Двое слепых были прикованы к постели и серьезно больны. Никто из обслуживающего персонала не появлялся. Светловолосому и его товарищам пришлось несколько труднее, чем мне. Они долго не решались покинуть больницу, делали все возможное для беспомощных больных, не понимая, что происходит, надеясь, что вот-вот кто-нибудь придет на помощь. Они не имели ни малейшего представления, что случилось с ослепшими и как их лечить. Они могли только кормить их и стараться их утешить. Двое слепых умерли на следующий день. Третий исчез, и никто не видел, как он ушел. Пассажиры автобуса, пострадавшие при столкновении, были местными жителями. Едва оправившись, они ушли из больницы разыскивать родственников. Группа сократилась до шести человек, из которых двое были с переломами конечностей.

К тому времени они осознали, что бедствие велико и им, по крайней мере временно, придется рассчитывать только на себя. Но об истинном размахе случившегося они еще не имели представления. Они решили оставить больницу и найти более подходящее место, воображая, что в городах еще уцелело много зрячих и дезорганизация может привести к разного рода эксцессам. Они ежедневно ожидали нашествия голодных, которые двинутся на них из разоренных городов подобно армиям саранчи. Поэтому главной их заботой было запастись продовольствием и готовиться к осаде.

Выслушав наши заверения в том, что такое нашествие совершенно исключено, они довольно уныло переглянулись.

Странное это было трио. Светловолосый оказался служащим фондовой биржи, звали его Стефен Бреннел. Его подруга была хорошенькая, отлично сложенная девушка, склонная иногда покапризничать и изобразить раздражение, но решительно неспособная чему-либо удивляться по-настоящему. До катастрофы она чем только не занималась: разрабатывала новые фасоны платьев и продавала их, исполняла мелкие роли в кино и из-за этого упускала верные шансы поехать в Голливуд, выступала хозяйкой в третьеразрядных клубах и уклонялась от исполнения этих обязанностей всеми доступными ей способами; таким «способом» и был, вероятно, несостоявшийся пикник в Корнуэлле. Она была непоколебимо убеждена, что с Америкой ничего серьезного

не произошло и что надо только немного продержаться, а там примчатся американцы и наведут порядок. Из всех, кого я встречал после катастрофы, это было самое спокойное существо. Правда, порою она тосковала по ярким огням рекламы, но в то же время она твердо верила, что американцы вот-вот восстановят все это.

Третий член трио, смуглый молодой человек, имел против судьбы зуб. Он много работал и много копил, пока не завел собственную радиомастерскую, и у него была мечта. «Взгляните на Форда, — говорил он, — и взгляните на лорда Нуффилда — он начинал с велосипедной мастерской, которая была ничуть не больше моей радиомастерской, а чего он достиг! Такую же штуку продаю и я. Но взгляните на эту дьявольщину, которая творится вокруг! Это же нечестно!» Судьба, как ему казалось, не желала больше Фордов и Нуффилдов, но он не собирался покоряться. Это только перерыв, ниспосланный для его испытания. Придет время, и мы снова увидим его в радиомастерской, твердо стоящим на первой ступеньке к миллионерству.

Но и они, увы, ничего не знали о группе Микаэля. Единственно, с кем они столкнулись, была группа людей в деревне на границе с Девонширом, где двое с дробовиками порекомендовали им никогда больше не ходить в том направлении. Люди эти, судя по всему, были местными жителями. Коукер заметил, что эта группа, по-видимому, очень мала.

— Если бы у них была большая группа, они бы меньше боялись и проявили бы больше любопытства, — утверждал он. — Но если группа Бидли все-таки где-нибудь поблизости, мы рано или поздно найдем ее. — Он повернулся к светловолосому и предложил: — Давайте держаться вместе, как вы считаете? Мы умеем работать, а когда мы найдем их, нам всем будет проще договориться с ними.

Трое вопросительно переглянулись и затем кивнули.

— Ладно, — согласился светловолосый. — Помогите нам погрузиться, и поедем.

По-видимому, Чаркотт Олд Хауз был некогда укрепленным замком. Сейчас его укрепляли заново. Когда-то в прошлом защитный ров осушили, однако Стефен считал, что ему удалось удачно нарушить дренажную систему и ров постепенно вновь заполнится водой. Он планировал затем взорвать засыпанные участки рва и восстановить

круговую защиту полностью. Наши новости лишили эти приготовления всякого смысла и вызвали у него некоторое уныние и досаду. Каменные стены дома были толстые. Из трех окон фасада торчали пулеметные дула, и еще два пулемета были установлены на крыше. В холле был наготове небольшой арсенал минометов и огнеметов, которыми он очень гордился.

— Мы нашли военный склад, — объяснил он, — и потратили целый день, чтобы стащить сюда это вооружение.

Глядя на коллекцию оружия, я впервые осознал, что, будь катастрофа не такой сокрушительной, она принесла бы людям много больше страданий. Если бы уцелело хотя бы десять — пятнадцать процентов населения, весьма возможно, что крошечные общины вроде этой действительно были бы вынуждены жестоко отбиваться от наседающих толп голодных людей. Но в настоящей ситуации Стефен, видимо, совершил свои военные приготовления напрасно. Впрочем, не все. Я показал на огнеметы.

— Это может пригодиться против триффидов, — сказал я.

Он ухмыльнулся:

— Вы правы. Очень действует. Единственное, для чего мы их применяли. И кстати, это единственное оружие, которое обращает триффидов в бегство. Можете в ключья разбить триффид пулями, он с места не сдвинется. Наверное, они просто не знают, с какой стороны идет уничтожение. Но дайте им попробовать горячего из этой штуки, и они удерут со всех ног.

— Сильно они вам досаждают? — спросил я.

Оказалось, что не очень. Время от времени один, а то и два или три приближаются к дому, и тогда их отгоняют огнеметом. Во время экспедиций группа несколько раз попадала в опасные положения, но обычно они покидают грузовик только в застроенных районах, где триффиды встречаются редко.

Вечером после наступления темноты мы все поднялись на крышу. Луна еще не взошла. Ландшафт перед нами тонул в непроглядном мраке. Сколько мы ни вглядывались, никому из нас не удалось разглядеть ни малейшего огонька. И никто из группы Стефена не видел в дневное время ничего похожего на дым. Когда мы возвращались в освещенную лампой комнату, я был в подавленном настроении

— Остается только одно, — сказал Коукер. — Придется разделить район на участки и обшарить их.

Но в голосе его не было убежденности. По-моему, он считал, подобно мне, что группа Бидли продолжала бы по ночам сигнальный свет, а днем давала бы сигнал как-нибудь иначе — например столбом дыма.

Однако более разумного предложения не было, и мы принялись трудиться над картой района, размечая участки и стараясь при этом, чтобы каждый участок включал возвышенности для лучшего обзора.

На следующее утро мы отправились на грузовике в город и оттуда разъехались на легковых машинах в разные стороны. Поиски начались.

Вне всякого сомнения, это был для меня самый печальный день с тех пор, как я бродил по Вестминстеру в поисках Джозеллы.

Правда, на первый взгляд было не так уж плохо. Была пустынная дорога под солнцем, была свежая зелень раннего лета. Были дорожные указатели, которые по-прежнему показывали, как попасть в Экзетер и Уэст и в другие места. Иногда, хотя и редко, были птицы. И были цветы у проселочных обочин, такие же, как всегда.

Но было и другое. Были поля, где валялись трупы коров и бродил слепой скот, ревели от боли недоенные коровы, отрешенно стояли пугливые овцы, запутавшиеся в зарослях ежевики или в колючей проволоке, а другие овцы бесцельно кружили по пастбищам или умирали от голода с выражением упрека в слепых глазах.

Проезжать вблизи от ферм становилось тошно. На всякий случай я оставил себе для вентиляции только узкую щель в верхней части окна, но я закрывал и эту щель, когда впереди на дороге показывалась ферма.

Трифиды были на свободе. Я видел, как они ковыляют через поля, как неподвижно стоят возле изгородей. На многих фермерских дворах они нашли себе по вкусу кучи отбросов и угнездились в них, терпеливо ожидая, пока мертвый скот достигнет должной стадии разложения. Я смотрел теперь на них с омерзением, какого они прежде никогда во мне не вызывали. Чудовищные, чуждые нам твари. Кто-то из нас вызвал их к жизни и кто-то из нас в безоглядной алчности расселил по всему свету. Мы не можем даже винить за них природу. Мы их создали сами, как создавали прекрасные цветы или гротескные пародии на

собак. Я возненавидел их не только за плотоядность: имшло на пользу наше бедствие, они процветали на наших трупах...

Шли часы, и ощущение одиночества нарастало. На каждом холме, на каждой возвышенности я останавливался, чтобы осмотреть окрестности в полевой бинокль. Однажды я заметил дым, но когда подъехал, то увидел всего лишь несколько вагонов, догорающих на рельсах. Не знаю, что там произошло, кругом по-прежнему не было ни души. В другой раз флаг на шесте погнал меня к какому-то домику; но в домике было тихо. Потом на склоне отдаленного холма я заметил мелькание чего-то белого; однако, направив туда бинокль, я обнаружил несколько мечущихся в панике овец и среди них триффиды, который раз за разом безрезультатно бил жалом в их защищенные шерстью спины. Живых людей я не видел нигде.

Я сделал остановку, чтобы поесть. Я ел быстро, вслушиваясь в тишину, которая действовала мне на нервы, торопясь скорее закончить и снова пуститься в путь, чтобы слышать хотя бы шум мотора.

Начались галлюцинации. Я видел руку, машущую мне из окна, но это оказалась не рука, а ветка дерева, качающаяся перед домом. Я видел посередине поля человека, который стоял и смотрел в мою сторону, но в бинокль рассмотрел только пугало. Я слышал зовущие голоса, еле слышные за шумом мотора, я останавливался и выключал двигатель, но голосов не было, не было ничего, только где-то вдали мычала недоеная корова.

Мне пришло в голову, что по всей стране, наверное, разбросаны одинокие мужчины и женщины, которые считают, что они остались одни, что только они уцелели в катастрофе. И я испытывал к ним острую жалость.

Всю вторую половину дня я буквально в отчаянии продолжал упрямо рыскать по своему участку, уже потеряв всякую надежду. В конце концов, однако, я пришел к убеждению, что в этом районе большая группа людей может остаться незамеченной только в том случае, если будет искусно прятаться. Я не был в состоянии обшарить каждый преселок и каждую тропинку, но зычные звуки моего сигнала огласили на участке каждый акр. Тогда я сдался и поехал обратно в город. Я вернулся к нашему грузовику в самом мрачном настроении. Никого еще не было, и чтобы

провести время и избавиться от холода в груди, я зашел в ближайший кабачок и налил себе хорошую порцию бренди.

Следующим вернулся Стефен. Видимо, поездка подействовала на него так же, как на меня: в ответ на мой вопросительный взгляд он только помотал головой и схватился за бутылку. Минут через десять к нам присоединился тщеславный радиомастер. Он привез с собой обалдевшего растрепанного парня, который не мылся и не брился, наверное, несколько недель. Этот субъект болтался на дороге — видимо, это занятие было его единственной профессией. Как-то вечером (он не помнил даже, в какой день) он забрался на ночь в отличный сарай. Накануне он прошел больше, чем обыкновенно, и потому заснул как убитый. На следующее утро он проснулся в мире кошмаров. Он до сих пор не уверен, кто сошел с ума — он сам или остальная вселенная. У нас составилось мнение, что хотя он, может быть, немного и не в себе, но у него сохранилось ясное и точное представление о том, как поступают с пивом.

Прошло еще полчаса, и появился Коукер. Он вошел в сопровождении здорового щенка и поразительно старой леди. Она была, видимо, в самом лучшем своем платье. Ее чистота и аккуратность разительно контрастировали с обликом нашего первого новобранца. Она с благовоспитанной нерешительностью остановилась в дверях кабачка. Коукер взял на себя церемонию представлений.

— Это миссис Форсетт, — провозгласил он, — единственная владелица Универсального магазина Форсетта в коллекции из десятка домишек, двух пивных и одной церквушки, каковая коллекция известна под названием Чиппингтон Дёни. Миссис Форсетт умеет готовить. Знали бы вы, как она готовит!

Миссис Форсетт приветствовала нас с достоинством, приблизилась с уверенностью, уселась с осмотрительностью и снизошла к предложенному ей стаканчику портвейна, за которым последовал еще один стаканчик.

В ответ на наши расспросы она призналась, что в роковой вечер и последовавшую за ним ночь она очень крепко спала. Почему так случилось — она не стала рассказывать, а мы не стали спрашивать. Она спала, и поскольку ее никто не беспокоил, она проспала до полудня. Проснувшись, она чувствовала себя неважно, и потому не поднималась до вечера. Ей показалось странным, но знаменательным, что никто не потребовал ее за прилавок. Когда она наконец

встала и подошла к двери, она увидела в своем саду «одну из этих триффидных тварей» и человека, лежавшего на тропинке перед воротами, вернее, его ноги. Она уже хотела выйти и посмотреть, что с ним, но тут триффид шевельнулся. Она едва успела захлопнуть дверь. Вероятно, для нее это было неприятным переживанием — воспоминание о нем подвигло ее на третий стаканчик портвейна.

Затем она стала ждать, пока кто-нибудь придет и уберет триффида и труп. Ей было странно, что никто не приходит, но она не испытывала особых неудобств, потому что продуктов в магазине было достаточно. Так она и ждала, когда Коукер заметил дым ее печки, отстрелил у триффида верхушку и зашел посмотреть, что у нее делается, объяснила она, с восхитительной рассеянностью наливая себе четвертый стаканчик.

Она угостила Коукера обедом, а он в благодарность дал ей совет. Было нелегко внушить ей представление об истинном положении вещей. Отчаявшись, он предложил ей самой поглядеть на то, что делается в деревне, только держаться подальше от триффидов, а он к пяти часам вернется и узнает ее мнение. Он вернулся и увидел, что она полностью собралась, уложила багаж и готова ехать немедленно.

Вечером, вернувшись в Чаркотт Олд Хауз, мы снова обступили карту. Коукер принялся намечать новые районы поисков. Мы следили за ним без всякого энтузиазма. И тогда Стефен сказал то, что думали все, в том числе и сам Коукер:

— Послушайте, мы обшарили все в радиусе пятнадцати миль. Ясно, что поблизости их нет. Или ваши сведения неверны, или они решили здесь не останавливаться и поехали дальше. Я считаю, что продолжать поиски так, как сегодня, не имеет смысла.

Коукер положил циркуль.

— Что же вы предлагаете?

— Понимаете, по-моему, мы могли бы очень быстро и очень точно проделать все это с воздуха. Бьюсь об заклад, всякий, кто услышит звук мотора самолета, немедленно выскочит и начнет подавать какие-нибудь знаки.

Коукер покачал головой:

— И как это мы раньше об этом не подумали? Нужен, конечно, вертолет... Только где его найти? И кто будет пилотом?

— Я берусь запустить в воздух такую штуку, — уверенно сказал радиомастер.

Что-то в его тоне вызывало сомнение.

— Вы хоть раз водили вертолет? — спросил Коукер.

— Нет, — признался радиомастер. — Но я думаю, ничего там такого сложного нет. Была бы сноровка.

— Гм, — сказал Коукер, недоверчиво глядя на него.

Стефен вспомнил, что неподалеку находятся две базы ВВС, а от Йовила начиналась линия аэротакси.

Вопреки нашим сомнениям, радиомастер не ударил лицом в грязь. Он был, очевидно, убежден, что инстинктивное знание механизмов не подведет его. Повозившись полчаса, он поднял вертолет в воздух и привел его в Чаркотт.

Четыре дня подряд машина парила над районом по расширяющимся окружностям. Два дня наблюдения вел Коукер, на остальные два дня его заменил я. Всего мы обнаружили десять небольших групп. Ни в одной из них ничего не знали о группе Бидли, и ни в одной из них не было Джозеллы. Заметив группу, мы садились. Обычно она состояла из двух или трех человек, самая крупная состояла из семи. Они с радостной надеждой встречали нас, но их интерес к нам сразу пропадал, как только они узнавали, что мы не являемся разведывательным отрядом спасателей, а представляем такую же небольшую группу. Мы не могли предложить им ничего, чего бы они не имели. Некоторые в своем разочаровании начинали разговаривать в оскорбительных и угрожающих тонах, но большинство снова впадало в апатию. Как правило, они не высказывали желания объединяться с другими группами; они хотели только набрать всего побольше, устроиться поуютнее и ждать американцев, которые уж просто-таки обязаны найти какой-нибудь выход. Эта идея была широко распространена и глубоко укоренилась. Наши заверения, что выжившие американцы скорее всего по горло заняты своими делами, воспринимались как попытки облить холодной водой. Американцы, утверждали они, никогда бы не допустили, чтобы такое безобразие случилось у них в стране. Все же, невзирая на веру в доброго американского дядюшку, мы оставляли каждой группе карту с расположением всех других групп, обнаруженных на этот день, так что если бы они передумали, они могли бы объединиться с ними.

Эти полеты далеко не были развлечением, хотя они, во всяком случае, были лучше одиноких поездок по пустынным полям. Однако в конце четвертого дня было решено прекратить поиски.

Так по крайней мере решили остальные. У меня было совсем другое отношение к этому. У меня была личная цель. Они же искали и могли найти только незнакомых людей. Для меня поиски группы Бидли были средством, а не самоцелью. Если бы я нашел ее и Джозеллы бы там не оказалось, я бы все равно продолжал искать. Но я не мог ожидать, чтобы остальные бросили все и посвятили свое время моим личным делам.

Мне было странно, что я нигде не встретил ни одного человека, который бы кого-нибудь искал. Если не считать Стефена и его подруги, каждый был отрезан от всех друзей и родных, соединявших его с прошлым, и начинал новую жизнь с совершенно незнакомыми людьми. Один только я очень быстро обрел новую привязанность за такой короткий срок, что даже не подозревал, какое это будет иметь значение для меня.

После того как решили прекратить поиски, Коукер сказал:

— Ну ладно. Теперь следует подумать, что мы будем делать для себя.

— Будем запасаться на зиму и жить, — отозвался Стефен. — Что же еще?

— Я все время думаю об этом, — сказал Коукер. — Возможно, какое-то время этого будет достаточно. А потом?

— Если даже у нас кончатся запасы, не страшно, — сказал радиомастер. — Кругом всего полно.

— Американцы будут здесь до Рождества, — объявила подруга Стефена.

— Послушайте, — терпеливо сказал Коукер. — Давайте пустим американцев по ведомству журавлей в небо. Напрягитесь и представьте себе мир, в котором нет никаких американцев. Можете?

Девушка вытаращила на него глаза.

— Куда же они девались? — сказала она.

Коукер печально вздохнул. Он повернулся к радиомастеру.

— Эти магазины и склады будут существовать не вечно. В новом мире нам дан хороший старт. Для начала у нас в руках порядочный капитал. Но он исчерпается. Правда, мы не съедим всего, что можно взять, всего не съесть даже

нашим внукам. Но ведь съестное долго не протянет. Большая его часть испортится. И речь не только о еде. Рассыплется рано или поздно все, может быть, и не так скоро, но наверняка. Если мы хотим иметь в следующем году свежую пищу, нам придется выращивать ее самим. И может быть, еще не так скоро, но все-таки наступит время, когда нам придется делать самим все. Наступит время, когда износится или проржавеет последний трактор, кончится горючее и мы окончательно вернемся к природе и благословим лошадей, если они у нас еще будут.

Сейчас у нас передышка, ниспосланная нам небом передышка, и мы должны воспользоваться ею, чтобы прийти к себе и приняться за дело. Позже нам придется пахать, еще позже — учиться ковать лемехи, а еще позже — учиться выплавлять железо. Мы сейчас на пути, который поведет нас назад, назад, назад, пока мы не научимся — если только мы сможем научиться — производить все, что потребляем. Только тогда мы остановимся на этом пути в первобытное состояние. Но как только мы остановимся, мы, вероятно, снова медленно поползем вверх.

Он оглядел нас, чтобы удостовериться, следим ли мы за его словами.

— Мы можем сделать это. Если захотим. Самое ценное в нашем хорошем старте — это знание. Мы избавлены от тех трудностей, которые пришлось преодолевать нашим предкам. Все, что нам надо, содержится в книгах, нам остается только взять на себя труд пойти и прочесть их.

Все глядели на Коукера с любопытством. Они впервые слышали, как он ораторствует.

— Я читал историю, — продолжал он, — и знаю из нее, что для использования знаний необходимо свободное время. Там, где каждому приходится работать ради куска хлеба до седьмого пота и где нет ни минуты свободного времени для мысли, там знание застаивается, и народ тоже. Люди, которые мыслят, не являются производителями материальных благ, они, как может показаться, почти полностью живут за счет других. Но в действительности они представляют собой долгосрочный вклад. Знания вырастали в больших городах и институтах, их содержал труд на полях и в малых городах. Вы с этим согласны?

Стефен сдвинул брови:

— Более или менее... Но я не понимаю, к чему вы клоните.

— А вот к чему. Рациональное количество людей в общине. Наша община благодаря своему размеру может рассчитывать только на животное существование и деградацию. Если нас по-прежнему будет всего десять человек, то нам конец. Неизбежно постепенное и бессмысленное вымирание. Когда пойдут дети, мы сможем урвать от наших трудов очень немного времени, чтобы дать им хотя бы самое зачаточное образование; пройдет поколение, и мы будем иметь дикарей или олухов. Для того чтобы удержаться на нынешнем уровне, чтобы иметь возможность использовать знания в библиотеках, нам необходим учитель, врач и руководитель. Мы должны быть в состоянии прокормить их, пока они помогают нам.

— Ну? — сказал Стефен после паузы.

— Я все думаю о той общине, которую мы с Биллом видели в Тиншэме. Мы вам о ней рассказывали. Женщина, которая там верховодит, нуждается в помощи, нуждается отчаянно. У нее на руках пятьдесят или шестьдесят человек, из них всего дюжина зрячих. Так у нее дело не пойдет. И она это знает... но не желает признавать это перед другими. Она не попросила нас остаться, потому что не желает быть у нас в долгу. Но она была бы рада, если бы мы вернулись и попросили принять нас.

— Господи, — сказал я, — вы хотите сказать, что она намеренно пустила нас по ложному следу?

— Не знаю. Возможно, я не справедлив к ней. Но разве не странно, что мы не нашли здесь никаких следов Бидли и компании? Одним словом, не знаю, добивалась ли она этого, но в результате я все же решил вернуться туда.

Хотите знать почему? На это есть две причины. Первая: если эту общину не взять в руки, она разложится, и это будет срамом и растратой человеческого материала. Вторая причина: в Тиншэме гораздо удобнее, чем здесь. Там есть ферма, которую ничего не стоит привести в порядок. Практически поместье там является самодовлеющей хозяйственной единицей, а при нужде оно может быть и расширено.

Еще важнее такое обстоятельство. Тиншэмская община достаточно многочисленна, чтобы выкроить время для обучения и нынешних слепых, и их зрячих детей, и я приложу все усилия, чтобы это сделать. А если надменной мисс Дюрран это не понравится, пусть она пойдет и утопится.

Теперь дело вот в чем. Я думаю, что смог бы сделать это сам. Но я уверен, что, если бы мы поехали туда всей

компанией, мы бы все реорганизовали и наладили работу в течение нескольких недель. И мы бы жили в общине, которая будет расти и предпримет чертовски удачную попытку выдержать, несмотря ни на что. Или нам остается сидеть здесь маленькой группкой, обреченной на деградацию и отчаянное одиночество. Ну, что вы на это скажете?

Были споры, были вопросы о деталях, но по существу сомнений почти не было. Те, кто выезжал на поиски, знали, что такое отчаянное одиночество. Ни у кого не было привязанности к нынешней резиденции. Ее в свое время выбрали как хорошую оборонительную позицию — и только. Большинству уже невольно стало переносить полную изоляцию от мира. Мысль о более многочисленной и разнообразной компании уже сама по себе была привлекательной. Через час разговор шел о транспорте и порядке переезда, и предложение Коукера было окончательно принято. Сомневалась еще только подруга Стефена.

— Этот самый Тиншэм... он хоть значится на карте? — спросила она недовольно.

— Не беспокойтесь, — утешил ее Коукер. — Он значится на всех лучших американских картах.

Рано утром на следующий день я понял, что в Тиншэм я не поеду. Может быть, когда-нибудь потом, но не сейчас...

Моим первым побуждением было ехать со всеми, хотя бы для того, чтобы выжать из мисс Дюрран правду о группе Бидли. Но я вновь вынужден был с беспокойством признаться, что не уверен, с ними ли Джозелла, ведь, говоря по правде, все сведения, которые мне удалось собрать, говорили не в пользу этого. Через Тиншэм она почти наверняка не проезжала. Но если она уехала не за группой Бидли, то куда? Маловероятно, чтобы в университете имелся еще один адрес, который я проглядел...

И тут, словно вспышка света, меня озарило воспоминание о нашем разговоре в той роскошной квартире. Я как бы вновь увидел Джозеллу, как она сидит в голубом бальном платье и огни свечей вспыхивают в брильянтах. Мы говорили... «Как насчет Суссекского Даунса? Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом...» И тогда я понял, что мне делать...

Утром я сказал об этом Коукеру. Он мне сочувствовал, но явно старался не слишком меня обнадеживать.

— Ну что ж, поступайте, как вам кажется лучше, — сказал он. — Я надеюсь... В общем, вы знаете, где мы будем находиться, и вы можете оба приехать в Тиншэм и помочь нам протаскивать эту бабу через обруч, пока она не образумится.

В то утро разразилась непогода. Лил проливной дождь, когда я снова влезал в знакомый грузовик. Коукер вышел проводить меня. Я знаю, почему он сделал это. Он никогда не говорил об этом ни слова, но я чувствовал, что его мучают воспоминания о своем первом отчаянном предприятии и о его последствиях. Он стоял возле кабины, волосы его слиплись, по лицу и за шиворот текла вода, и он протянул мне руку.

— Будьте осторожны, Билл. Карет «скорой помощи» у нас теперь нет, а ваша подруга наверняка предпочитает, чтобы вы явились к ней в целости и сохранности. Желаю вам счастья... и передайте ей мои извинения за все, когда вы ее найдете.

Он сказал «когда», но звучало это как «если».

Я пожелал им удачи в Тиншэме. Затем я включил зажигание, и грузовик, разбрызгивая грязь, помчался по мокрой дороге.

ГЛАВА 13

ПУТЕШЕСТВИЕ В НАДЕЖДЕ

Утро было испорчено мелкими бедами. Сначала в карбюраторе оказалась вода. Затем я ухитрился проехать десяток миль на север в полной уверенности, что еду на запад, а когда повернул назад, у меня отказало зажигание, и я остановился на открытом всем ветрам холме в совершенно пустынной местности. Эти задержки сильно испортили бодрое настроение, с которым я пустился в дорогу. К тому времени когда я справился с неполадками, был уже час дня и погода прояснилась.

Выглянуло солнце. Все вокруг стало ярким и свежим, но, хотя следующие двадцать миль я проехал без происшествий, мою вновь овладела тоска. Теперь я был по-настоящему предоставлен самому себе и не мог отделаться от ощущения одиночества. Оно вновь нахлынуло на меня, как в тот день, когда мы разделились, чтобы искать Микаэля Бидли; только теперь оно было вдвое сильнее... Раньше одиночество было для меня просто чем-то нежелательным, невозможностью

перекинуться словом, чем-то, разумеется, временным. В тот день я узнал, что это нечто гораздо более страшное. Оно могло давить и угнетать, могло искажать привычные масштабы и играть опасные шутки с разумом. Оно зловеще пряталось всюду, натягивая нервы и звеня в них тревогой, не давая ни на минуту забыть, что никто тебе не поможет и никому ты не нужен. Оно доказывало тебе, что ты атом, летящий в пустоте, и оно ждало случая напугать тебя, напугать чудовищно — вот чего оно добивалось и чего нельзя было ему позволить...

Лишить стадное животное общества ему подобных означает изувечить его, изнасиловать его природу. Заключенный и изгнанник знают, что где-то существуют другие люди; само существование их делает возможным заключение и изгнание. Но когда стада больше нет, бытие стадного животного кончается. Оно больше не частица целого; уродец без места в жизни. Если оно не может удержать разум, оно пропало, пропало окончательно и бесповоротно, самым чудовищным образом, оно становится лишь судорогой в мышцах трупa.

Теперь это требовало гораздо больших усилий, чем прежде. Только отчаянная надежда вновь обрести друга в конце дороги удерживала меня от того, чтобы немедленно повернуть назад и искать облегчения в обществе Коукера и всех остальных.

Зрелища, которые я видел в пути, не имели с этим ничего общего. Да, они были ужасны, но к тому времени я уже притерпелся к ним. Ужас исчез, как исчезал из истории ужас, наполнявший поля великих сражений. И, кроме того, я не смотрел больше на эти зрелища как на часть исполинской, поражающей воображение трагедии. Моя упорная борьба была личным конфликтом со стадными инстинктами моей расы. Бесконечная оборона без всякой надежды на победу. В глубине души я знал, что не выдержу длительного одиночества.

Чтобы отвлечься, я поехал быстрее, чем следовало. В каком-то маленьком городке с забытым названием я круто свернул за угол и врезался в автофургон, загораживавший улицу. К счастью, мой грузовик отделался царапинами, но машинам удалось так сцепиться, что разъединить их мне одному в таком тесном пространстве было делом нелегким. Эта проблема отняла у меня целый час и пошла мне на пользу, заняв мои мысли практическим делом.

После этого случая я впредь уже не решался ехать с большой скоростью, если не считать нескольких минут вскоре после того, как я въехал в Нью Форест. Сквозь ветви деревьев я вдруг увидел вертолет, летящий на небольшой высоте. Он двигался так, что должен был пройти над дорогой впереди меня. К несчастью, деревья у обочины совершенно скрывали дорогу от наблюдения с воздуха. Я погнался грузовик во весь дух, но к тому времени когда я выскочил на открытую местность, вертолет был уже крошечным пятнышком, удалявшимся на север. Тем не менее даже один вид его доставил мне облегчение.

Несколькими милями дальше я очутился в маленькой деревушке, расположенной возле опушки зеленого массива. На первый взгляд она казалась очаровательной, словно картинка, эта пестрая смесь соломенных и черепичных крыш с цветущими садами. Но мне не хотелось вглядываться в эти сады, когда я проезжал мимо них: слишком часто виднелись в них триффиды, нелепо торчащие среди цветов. Я был уже недалеко от окраины, когда из ворот последнего сада вырвалась крошечная фигурка и побежала по дороге ко мне навстречу, размахивая руками. Я затормозил, привычно огляделся, нет ли поблизости триффидов, затем взял ружье и соскочил на землю.

На девочке были голубое ситцевое платье, белые носки и сандалии. Ей было лет девять или десять. Хорошенькая малышка — это было сразу видно, хотя ее каштановые волосы были растрепаны, а лицо грязное от размазанных слез. Она потянула меня за рукав.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказала она умоляюще. — Пожалуйста, пойдите и посмотрите, что с Томми.

Я стоял и глядел на нее. Чудовищное одиночество этого дня рассеялось. Мой разум, казалось, вырвался из ящика, в который я его заключил. Мне хотелось поднять ее и прижать к себе. Я чувствовал, как к моим глазам подступают слезы. Я протянул ей руку, и она ухватилась за нее. Мы пошли к воротам, откуда она выбежала.

— Вон Томми, — сказала она.

Мальчик лет четырех лежал на крошечной лужайке между кустами. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что с ним случилось.

— Его ударило чудище, — сказала она. — Оно его ударило, и он упал. И оно собиралось ударить меня, когда я хотела помочь ему. Ужасное чудище!

Я взглянул вверх и увидел над оградой верхушку триффида.

— Зажми уши ладонками, — сказал я. — Сейчас я выстрелю.

Она зажала уши, и я отстрелил триффиду верхушку.

— Ужасное чудище, — повторила она. — Теперь оно сдохло?

Я открыл рот, чтобы ответить утвердительно, когда триффид начал барабанить черенками по стеблю — совершенно как тот, в Стипл-Хони. И как тогда, я заставил его замолчать выстрелом из второго ствола.

— Да, — сказал я. — Теперь оно сдохло.

Мы подошли к мертвому мальчику. Алый след удара четко выделялся на бледной щеке. Это случилось, должно быть, несколько часов назад. Она опустилась возле него на колени.

— Не надо, — сказал я ей тихо.

Она подняла голову, на ее глазах блеснули слезы.

— Томми умер? — спросила она.

Я присел возле нее на корточки и покачал головой.

— Боюсь, что да.

Через некоторое время она сказала:

— Бедный Томми. Давайте похороним его, как щеночков.

— Да, — отозвался я.

При всем этом всеобщем уничтожении я вырыл единственную могилу, и она была такая маленькая. Девочка собрала букетик и положила сверху. Затем мы уехали.

Ее звали Сюзен. Давным-давно, как ей это представлялось, что-то случилось с мамой и отцом, так что они ослепли. Отец ушел позвать на помощь и не вернулся. Потом пошла мама, строго наказав детям из дома не отлучаться. Она вернулась вся в слезах. На следующий день она опять пошла и на этот раз больше не вернулась. Дети съели все, что было в доме, потом есть стало нечего. В конце концов Сюзен проголодалась так, что решила нарушить мамин наказ, и пошла попросить помощь в лавке мисс Уолтон. Лавка была открыта, но мисс Уолтон там не было. Сюзен позвала, никто не вышел. Тогда она взяла немного пирожков, печенья и конфет, решив, что мисс Уолтон она скажет об этом потом.

На обратном пути она увидела несколько чудищ. Одно в нее ударило, но не рассчитало, и жало проскочило у де-

вочки над головой. Это ее напугало, и оставшийся путь она бежала что было сил. После этого она очень остерегалась чудищ и во время последующих походов в лавку научила остерегаться Томми. Но Томми был маленький. Когда он сегодня утром вышел поиграть, он не заметил чудища, которое спряталось в соседнем саду. Сюзен несколько раз пыталась подобраться к нему, но каждый раз она видела, как при ее приближении верхушка триффиды начинала дрожать и двигаться...

Примерно через час я решил, что пора остановиться на ночлег. Оставив ее в кабине, я обошел несколько коттеджей, пока не нашел подходящего, и мы уселись за ужин. Я мало понимаю в маленьких девочках, но Сюзен, на мой взгляд, управилась с поразительным количеством еды; она призналась мне, что диета из печенья, пирожков и конфет совсем не так приятна, как ей казалось когда-то. После ужина мне удалось ее немного отмыть, затем я кое-как причесал ее, и результат этих операций показался мне вполне удовлетворительным. С другой стороны, иметь собеседника доставляло ей такое удовольствие, что она на время забыла обо всем.

Я понимал ее. Совершенно то же самое испытывал и я.

Но вскоре после того, как я уложил ее в постель и снова спустился вниз, я услышал, что она плачет. Я вернулся к ней.

— Ничего, Сюзен, — сказал я. — Все будет хорошо. Бедному Томми даже не было больно, это случилось очень быстро. — Я сел на край постели и взял ее за руку. Она перестала плакать.

— Это не только Томми, — сказала она. — Это уже после Томми... Нигде никого не было, совсем никого. Мне было так страшно...

— Я знаю, — сказал я. — Уж я-то знаю. Мне тоже было страшно.

Она взглянула на меня:

— Но теперь ведь вам не страшно?

— Нет. И тебе тоже. Вот видишь, нам нужно просто быть вместе, и тогда нам никогда не будет страшно.

— Да, — серьезно и задумчиво сказала она. — Я думаю, так будет хорошо...

Мы обсудили еще множество других вопросов, прежде чем она заснула.

— Куда мы едем? — спросила на следующее утро Сюзен, когда мы тронулись в путь.

Я сказал, что мы ищем одну леди.

— А где она? — спросила Сюзен.

Этого я точно не знал.

— Когда же мы ее найдем? — спросила Сюзен.

Этого я не знал совсем.

— А она красивая? — спросила Сюзен.

— Да, — сказал я, обрадованный тем, что могу наконец дать вполне определенный ответ.

Почему-то это ей понравилось.

— Это хорошо, — удовлетворенно сказала она, и мы перешли на другую тему.

Из-за нее я старался объезжать более крупные города по окраинам, но избежать многих неприятных сцен в сельской местности было трудно. Через некоторое время я бросил притворяться, будто они не существуют. Сюзен глядела на них с тем же отстраненным интересом, что и на обычные пейзажи. Они ее не пугали, а озадачивали, и она задавала вопросы. Тогда я рассудил, что мир, в котором ей предстоит расти, вряд ли будет находить пользу в сюсюканье и эвфемизмах, наполнявших мое детство, и впредь уже старался говорить с нею об ужасных и причудливых зрелищах с одинаковой объективностью. Для меня это тоже было хорошо.

К полудню собрались тучи, снова начался дождь. Когда в пять часов вечера мы затормозили на дороге сразу за Пулборо, дождь все еще лил вовсю.

— А куда мы теперь? — спросила Сюзен.

— В том-то и загвоздка, — признался я. — Это где-то там. — Я махнул рукой в сторону Даунса.

Я напрягал память, пытаюсь вспомнить, что еще говорила Джозелла, но помнил только, что дом стоит на северной стороне холма. Кроме того, у меня было впечатление, будто он находится где-то напротив Пулборо и отделен от него болотистой низиной. Теперь, когда я был здесь, это представлялось весьма неопределенным ориентиром: холмы Даунса тянулись вправо и влево на мили.

— Может быть, для начала нам следует посмотреть, не видно ли какого-нибудь дымка на той стороне? — предложил я.

— Разве в такой дождь что-нибудь увидишь? — весьма справедливо возразила Сюзен.

Через полчаса дождь соизволил на некоторое время прекратиться. Мы вышли из грузовика и сели рядышком на

каменную ограду. Мы внимательно оглядели склоны холма, но ни острые глаза Сюзен, ни мои, оснащенные биноклем, не обнаружили никаких признаков дыма или движения. Вскоре ливень возобновился.

— Есть хочется, — сказала Сюзен.

Я есть не стал. Теперь, когда я был так близок к цели, нетерпеливое стремление узнать, насколько оправдалась моя догадка, захватило меня полностью. Пока Сюзен ужинала, я отвел грузовик немного назад и вверх по склону, чтобы увеличить поле зрения. В промежутках между ливнями и в сгущающихся сумерках мы вновь оглядели противоположную сторону долины. Никаких результатов. В долине не было ни жизни, ни движения, если не считать нескольких коров и овец да торчащего в низине одинокого триффиды.

Мне пришла в голову одна мысль, и я решил спуститься в деревню. Не хотелось брать с собой Сюзен, потому что я знал, как там нехорошо, но оставлять ее здесь одну я тоже не мог. Впрочем, в деревне я обнаружил, что зрелища действуют на нее гораздо слабее, чем на меня: у детей иная концепция страшного, пока их не научат, чему следует ужасаться. Подавлен зрелищами был один только я. Для Сюзен там было не столько скверно, сколько интересно. Все мрачные ощущения у нее были смыты удовольствием от алого шелкового плащика, который она себе раздобыла, хотя он был ей велик на несколько размеров. Я тоже не остался внакладе. Я вернулся к грузовику с большой фарой, похожей на прожектор, которую мы сняли с роскошного «роллс-ройса».

Я установил эту штуку на стержне возле ветрового стекла и присоединил ее к аккумуляторам. Когда все было готово, оставалось только ждать темноты и надеяться на то, что дождь прекратится.

К тому времени когда наступила тьма, дождь накрапывал еле-еле. Я включил своей прожектор и послал в ночь ослепительный столб света. Я медленно поворачивал фару вправо и влево, обводя лучом гряды холмов на той стороне и жадно вглядываясь в поисках ответного сигнала. Раз десять я ровно и упорно перемещал луч, выключая его на несколько секунд в конце каждого поворота. И каждый раз ночь над холмами оставалась непроглядно-черной. Затем дождь снова пошел сильнее. Я направил луч прямо вперед и уселся в ожидании, слушая барабанный стук капель по крыше кабины, а Сюзен заснула, привалившись к моей

руке. Прошел час, барабанный стук перешел в редкое потрескивание и замолк совсем. Когда я вновь принялся поворачивать фару, Сюзен проснулась. Я заканчивал шестой поворот, и вдруг Сюзен закричала:

— Глядите, Билл! Вон там! Свет!

Я сейчас же выключил фару и стал смотреть вдоль линии ее протянутой руки. Ничего определенного я не увидел. Нечто тусклое, словно светлячок вдали, если только не обман зрения. Пока мы вглядывались, снова хлынул ливень, и когда я взялся за бинокль, видимости уже не было никакой.

Я не знал, пора ли включать двигатель. Могло случиться, что свет — если свет был — не виден с более низкого места. Я снова включил фару и стал ждать, собрав все свое терпение. Прошел еще час, прежде чем дождь прекратился опять. Я сейчас же выключил фару.

— Есть! — возбужденно вскрикнула Сюзен. — Глядите! Глядите!

Да, свет был. И достаточно яркий, чтобы рассеять все сомнения. Правда, даже с помощью бинокля невозможно было разглядеть деталей.

Я включил фару и передал азбукой Морзе букву «В» — других букв, кроме «SOS», я не знал, и приходилось довольствоваться этим. В ответ огонек на той стороне мигнул и затем разразился серией точек-тире, которые — увы! — ничего мне не говорили. На всякий случай я ответил двумя «В», нанес на карту примерное направление на огонек и включил фары грузовика.

— Это там леди? — спросила Сюзен.

— Должна быть она, — сказал я. — Должна быть.

Это было нелегкое путешествие. Чтобы пересечь болотистую долину, пришлось воспользоваться дорогой к западу от нас и затем снова пробираться на восток вдоль подножия холмов. Едва мы проехали милю, что-то заслонило огонек. Отыскивать путь среди тропинок во мраке было трудно, и в довершение всего опять хлынул дождь. О дренажных шлюзах заботиться было некому, поэтому часть полей в низине оказались под водой, и местами вода скрывала колеса. Приходилось править с исключительной осторожностью, а мне хотелось мчаться на полной скорости, не разбирая дороги.

Когда мы выбрались на другую сторону низины, затопление нам больше не грозило, но скорость не увеличилась, потому что тропинки изобиловали зигзагами и самыми не-

вероятными поворотами. Мне пришлось все свое внимание отдавать дороге, а девочка вглядывалась в склоны холмов, выжидая появления огонька. Мы достигли точки, где наш путь пересекала нанесенная на карту линия, но огонек не появлялся. Я попробовал первый же поворот вверх по склону. После этого мы потратили полчаса, чтобы вернуться на дорогу из мелового карьера.

Мы двинулись по нижней тропе дальше. Затем Сюзен разглядела справа между ветвями какое-то мерцание. Следующий поворот был удачнее. Мы снова поднялись по откосу и увидели в полумиле крошечный квадратик освещенного окна.

Но даже тогда и даже с помощью карты было нелегко найти ведущий туда проселок. Мы медленно, все время на первой скорости, тащились вверх по склону, и каждый раз, когда окно вновь появлялось перед нами, оно было ближе. Проселок не предназначался для тяжелых грузовиков. Кое-где мы продирались сквозь заросли и кусты ежевики, которые скребли борта кузова, как бы стараясь задержать нас и столкнуть обратно.

Наконец впереди на дороге показался фонарь. Он задвигался, раскачиваясь, показывая нам поворот к воротам. Затем он опустился на землю. Я подъехал и затормозил в метре от него. Когда я открыл дверцу, в лицо мне неожиданно ударил свет карманного фонарика. Я успел разглядеть фигуру в блестящем от воды дождевике.

Легкий надлом нарушил нарочитое спокойствие голоса, который произнес:

— Здравствуйте, Билл. Долго же вас не было.

Я спрыгнул с подножки.

— О Билл!.. Я не могу. Милый мой, я так надеялась. Билл... — говорила Джозелла.

Я вспомнил о Сюзен, только когда она сказала сверху:

— Глупые, вы же промокнете. Разве нельзя целоваться под крышей?

ГЛАВА 14

ШИРНИНГ

Чувство, с которым я прибыл на ферму Ширнинг, то самое чувство, которое твердило мне, что все беды теперь позади, интересно только тем, что свидетельствует, как обманчивы подчас бывают чувства. Я нашел и обнял Джо-

зеллу, но мне не пришлось немедленно увезти ее в Тиншэм и воссоединиться с остальными, что должно было быть естественным следствием нашей встречи. Причин было несколько.

С того момента как мне пришло в голову, где она может находиться, я представлял себе ее, должен сознаться, несколько кинематографически, будто она сражается против всех сил природы и так далее и тому подобное. В известном смысле, наверное, так оно и было, но вся обстановка здесь весьма отличалась от воображаемой. У меня был простой план: «Полезай в кабину. Мы поедem к Коукеру и его маленькой компании». Этот план рухнул в первую же минуту. Вообще следует знать, что так просто никогда не бывает, и, с другой стороны, поразительно, сколь часто лучшее маскируется под худшее...

Не то чтобы я с самого начала отдал предпочтение Ширнингу перед Тиншэмом, хотя присоединиться к большой группе было бы значительно умнее. Но Ширнинг был очаровательным местом. Слово «ферма» являлось просто его титулом. Фермой он был лет двадцать пять назад и до сих пор выглядел как ферма, но на самом деле это была загородная дача. В Суссексе и в соседних графствах было полно таких домов и коттеджей, которые облюбовали для себя усталые лондонцы. Внутри дом был полностью модернизирован, так что его прежние хозяева вряд ли узнали бы хоть одну комнату. Снаружи он блестел как новенький Загоны и сараи имели вид скорее пригородный, нежели деревенский, они давно уже не знали никакого домашнего скота, кроме разве верховых лошадей и пони. Двор не имел никаких утилитарных устройств и не издавал грубых запахов; он был засажен высокой густой травой и превратился в лужайку для игры в шары. Окна под красной черепицей выходили на поля, обработанные другими фермерами, более практичными. Впрочем, сарай и амбары оставались в хорошем состоянии.

Друзья Джозеллы, нынешние владельцы Ширнинга, мечтали когда-нибудь все здесь переделать и заняться всерьез сельским хозяйством. Они до последнего дня отказывались от самых соблазнительных предложений в надежде, что когда-нибудь и какими-то путями, о которых имели очень смутное представление, они достанут деньги и выкупят принадлежавшую им по праву землю.

На ферме были свой колодец и своя силовая станция, так что она обладала многими преимуществами, но, обойдя ее, я понял мудрость Коукера, когда он говорил о необходимости коллективных усилий. Я ничего не понимал в сельском хозяйстве, но чувствовал, что, если мы останемся здесь, содержание шестерых человек потребует очень тяжелых трудов.

Остальных троих звали Деннис и Мэри Brent и Джойс Тайлор, и они были уже здесь, когда прибыла Джозелла. Деннис был владельцем фермы. Джойс гостила у них и готовилась взять на себя домашнее хозяйство, потому что Мэри ждала ребенка.

В ночь зеленых вспышек на ферме были еще два гостя, Джоан и Тед Дэнтон, приехавшие на неделю отдохнуть. Все пятеро вышли в сад любоваться небесным представлением. Наутро все пятеро проснулись в мире, где царил вечный мрак. Сначала они пытались звонить по телефону; затем, когда убедились, что это невозможно, они стали ждать приходящую прислугу. Она не пришла. Тед вызвался попробовать узнать, что произошло. Деннис не пошел с ним только из-за жены, которая была на грани истерики. Тед отправился в одиночку. Он больше не вернулся. Позже в тот же день ушла, никому не сказав ни слова, Джоан: вероятно, она хотела попытаться найти мужа. Она тоже исчезла навсегда.

Деннис следил за временем, ощупывая стрелки часов. К вечеру сидеть и ждать сложа руки стало невыносимо. Он решил попробовать дойти до деревни. Обе женщины решительно против этого восстали. Боясь за Мэри, он сдался, и попытку решила предпринять Джойс. Она подошла к двери и стала нащупывать путь палкой. Едва она переступила через порог, как что-то со свистом хлестнуло ее по руке и обожгло, как раскаленный утюг. Она с криком отскочила назад в прихожую и упала. Деннис нашел ее. К счастью, она была в сознании. Она стонала и жаловалась на боль в руке. Нашупав вспухший рубец, Деннис догадался, в чем дело. Несмотря на слепоту, они с Мэри кое-как ухитрились применить горячие припарки. Пока Мэри грела воду в чайнике, он наложил турникет и сделал все возможное, чтобы выдавить яд. Затем они перенесли Джойс на кровать, где она пролежала несколько дней.

Тем временем Деннис проводил эксперименты. Слегка приоткрыв дверь, он просовывал наружу метлу. Каждый раз

слышался свист жала, и ручка метлы несильно дергалась в его ладони. То же самое было у одного из окон, выходящих в сад; остальные окна были, по-видимому, свободны. Если бы не отчаянные протесты Мэри, он бы попробовал выбраться через окно. Но Мэри была уверена, что раз триффиды обступили дом, значит, их много повсюду.

К счастью, у них было достаточно продуктов, чтобы продержаться некоторое время, хотя готовить было трудно; к тому же Джойс, несмотря на высокую температуру, видимо, превозмогла действие триффидного яда, так что положение не было таким уж отчаянным. Большую часть следующего дня Деннис занимался тем, что мастерил для себя подобие шлема. У него была проволоочная сетка только с крупными ячейками, так что ему пришлось складывать и связывать ее в несколько слоев. Это заняло много времени, но в конце концов, оснастившись этим шлемом и парой фехтовальных рукавиц, к вечеру он смог отправиться на вылазку в деревню. Триффид ударил в него, едва он отошел от дома на три шага. Он стал шарить вокруг, нашел триффид и выкрутил ему стебель. Через минуту по шлему хлестнуло другое жало. Этого триффиды он найти не смог, хотя тот нанес ему полдюжины ударов, прежде чем наконец отстал. Он нашел дорогу к мастерской, а оттуда направился через двор и вышел на проселок, нагрузившись тремя большими мотками бечевки, которую разматывал за собой. Бечевка должна была привести его назад.

На проселке его несколько раз хлестали жала триффидов. Чтобы преодолеть милую, отделяющую ферму от деревни, ему понадобилось удивительно много времени, и бечевка кончилась еще по пути. Тишина, царившая вокруг, приводила его в ужас. Время от времени он останавливался и кричал, но никто не отзывался. Иногда ему казалось, что он заблудился, но потом он ощутил под ногами дорожное покрытие и понял, где находится. Окончательно он уверился в этом, когда наткнулся на столб с указателем. Тогда он пошел дальше.

Пройдя расстояние, показавшееся ему очень большим, он почувствовал, что его шаги звучат по-иному: они отдавались слабым эхом. Двинувшись в сторону, он обнаружил тротуар и затем стену. Немного дальше он нащупал почтовый ящик, вделанный в кирпичную кладку. Теперь он знал, что находится в деревне. Он закричал. На этот раз чей-то голос, голос женщины, откликнулся ему, но кричали где-то впе-

реди, и слов нельзя было разобрать. Он крикнул вторично и направился на голос. Ответный крик вдруг оборвался пронзительным воплем. После этого снова наступила тишина. Только тогда, и все еще сомневаясь, он осознал, что положение в деревне не лучше, чем у него на ферме. Он присел на травянистую обочину тротуара и стал думать, что делать дальше.

По наступившей прохладе он догадался, что наступила ночь. Видимо, он шел не менее четырех часов, и теперь оставалось только идти назад. Незачем, однако, возвращаться с пустыми руками... Он пошел дальше, постукивая по стенам палкой, пока палка не загремела об оцинкованную вывеску деревенской лавочки. На протяжении последних пятидесяти или шестидесяти метров триффидные жала трижды хлестали его по шлему. Еще один удар, едва он открыл калитку, и он споткнулся о тело, лежавшее поперек дорожки. Труп был мужской, холодный как лед.

У него создалось впечатление, что в лавке кто-то побывал до него. Тем не менее он нашел изрядный окорок. Он сунул его в мешок вместе с пакетами масла и маргарина, печенья и сахара, затем сложил туда же часть банок с полки, которая, насколько он помнил, содержала съестное; банки сардин, во всяком случае, различить было легко. Затем он поискал и нашел десятка полтора мотков бечевки, взвалил мешок на плечо и отправился домой.

По дороге он сбился с пути и едва справился с охватившей его паникой, пока возвращался назад и ориентировался заново. Но в конце концов он снова оказался на знакомом проселке. Ощупью ему удалось найти бечевку, которая тянулась от фермы, и он связал ее с бечевкой из деревни. Остаток пути он прошел сравнительно благополучно.

В последующую неделю он дважды совершал вылазки в деревенскую лавку, и с каждым разом триффиды на дороге попадались все чаще. Троице обитателям фермы оставалось только ждать и надеяться. И тут случилось чудо: прибыла Джозелла.

С самого начала мне стало ясно, что о немедленном переезде в Тиншэм не может быть и речи. Во-первых, Джойс была очень слаба — увидев ее, я поразился, как ей удалось выжить. Расторопность Денниса спасла ей жизнь, но они не могли обеспечить ее в течение последующей недели ни укрепляющими средствами, ни хотя бы пра-

вильным питанием, и это замедлило выздоровление. Перевозить ее на большие расстояния было немыслимо в ближайшую неделю или две. И, кроме того, путешествие было опасно также для Мэри, у которой вскоре должны были наступить роды; таким образом, нам оставалось только ждать, пока минуют эти два кризиса.

Снова мне пришлось заняться грабежами. На этот раз я должен был действовать по более обширному списку и доставлял на ферму не только продукты, но еще и горючее для генератора, кур-несушек, двух только что отелившихся коров (отошавших до того, что у них ребра торчали наружу), медицинские препараты для Мэри, а также огромное количество всяких мелочей.

Округа буквально кишела триффидами, нигде я еще не встречал их в таком количестве. Чуть ли не каждое утро оказывалось, что новые две или три штуки притаились в засаде возле дома, и, прежде чем приниматься за что-нибудь другое, надо было отстреливать им верхушки. Потом я оборудовал проволочную ограду, чтобы не допускать их в сад: тогда они стали приходить к самой ограде и вызывающе слонялись вокруг нее, пока их не приканчивали.

Я вскрыл ящики со снаряжением и обучил маленькую Сюзен стрелять из триффидного ружья. Она очень быстро стала специалистом по истреблению чудищ, как она продолжала их называть. Ежедневное отмщение стало ее долей работы.

Джозелла рассказала мне, что с ней было после ложной тревоги в университете.

Ее вывезли с командой, как и меня, но от стражи, к которой она была прикована, она отделалась сразу же. Она предъявила им ультиматум: либо ее освободят от всех и всяческих пут, и тогда она будет оказывать им любую помощь; либо, если они намерены принуждать ее, наступит день, когда по ее рекомендации они хлебнут синильной кислоты или проглотят цианистый калий. Пусть они выбирают, что им больше подходит. Они сделали разумный выбор.

В том, что случилось дальше, ее история мало отличалась от моей. Когда ее команда погибла, она стала рассуждать примерно так же, как я. Она взяла автомобиль и отправилась искать меня в Хэмпстед. Ни единого живого человека из моей команды она не встретила; не столкнулась она и с теми, кого вел рыжеволосый убийца с пистолетом. Она пробыла в Хэмпстед почти до захода солнца, а затем

решила поехать в университет. Не зная, чего там можно ожидать, она оставила машину за два квартала и дальше пошла пешком. Не успела она дойти до ворот, как услышала выстрел. Из осторожности она укрылась в садике, где мы с нею прятались раньше. Оттуда она заметила Коукера, который тоже осторожно оглядывался. Она не знала, что это я стрелял в триффид на Рассел-сквер и что это мой выстрел был причиной настороженности Коукера; она заподозрила ловушку. Попадаться второй раз она не желала и вернулась к своей машине. Она понятия не имела, куда уехали остальные и уехали ли они вообще. Она знала только одно место, где она могла найти убежище и о котором она едва ли не случайно упоминала мне. И она решила отправиться туда в надежде, что я, если еще жив, вспомню и постараюсь его отыскать.

— Как только я выбралась из Лондона, — рассказывала она, — я свернула калачиком на заднем сиденье и заснула. Сюда я приехала довольно рано, на следующее утро. Деннис услышал шум мотора и высунулся из окна верхнего этажа, чтобы предупредить меня о триффидах. Затем я увидела несколько штук возле самого дома, и было очень похоже, что они ждут, чтобы кто-нибудь вышел. Мы с Деннисом кричали друг другу, потом триффиды зашевелились, и один направился ко мне, так что мне пришлось безопасности ради забраться в машину. Триффид продолжал двигаться ко мне. Я включила двигатель, сшибла и переехала его. Но остались другие, а у меня, кроме ножа, не было никакого оружия. Проблему разрешил Деннис.

«Если у вас найдется лишняя канистра бензина, плесните немного на них, а затем бросьте в них кусок горячей ветоши, — предложил он. — Это должно подействовать».

Это подействовало. Теперь я всегда пользуюсь садовым насосом. Просто чудо, как я еще дом не подожгла.

С помощью поваренной книги Джозелла кое-как приготовила обед, а затем принялась наводить в доме порядок. Работа, обучение, всякого рода импровизации поглотили ее настолько, что ей некогда было задумываться над будущим дальше чем на несколько ближайших недель. В эти дни она не заметила в окрестностях никого, но она была уверена, что где-нибудь должны быть люди, и тщательно наблюдала за долиной в поисках дыма днем и огней ночью. Однако в ее поле зрения не появилось ни одного дымка, ни единого проблеска света до того вечера, когда приехал я.

В каком-то смысле хуже всего катастрофа подействовала на Денниса. Джойс была еще слаба и еле двигалась. Мэри держалась замкнуто и, по всей видимости, находила бесконечное утешение в мыслях о своем предстоящем материнстве. Но Деннис был как зверь в западне. Нет, он не предавался бессмысленной ругани, как это делали многие другие, но он ненавидел свою слепоту злобно и горько, словно она загнала его в клетку, где он не намерен оставаться долго. Еще до моего прибытия он убедил Джозеллу найти в энциклопедии систему Брайля и сделать ему копию алфавита для слепых. Он ежедневно упорно тренировался, составляя из этой азбуки слова и пытаясь прочесть их. В остальное время он мучился своей бесполезностью, хотя никому не говорил ни слова. Он с угрюмой настойчивостью брался то за одно, то за другое дело, так что больно было смотреть на него, и всей моей силы воли едва хватало, чтобы удерживаться и не помогать ему: вспышка злости, которой он встретил однажды непрошеную помощь, была достаточно красноречива. Я испытывал удивление перед его настойчивостью и трудолюбием, но больше всего меня поразило то, что уже на второй день слепоты он сумел смастерить такой удачный шлем из проволоки.

Он всегда стремился сопровождать меня в экспедиции, и его радовала возможность участвовать в погрузке тяжелых ящиков. Он жаждал книг по системе Брайля, но достать их можно было только в больших городах, и мы решили подождать с этим до тех пор, пока не уменьшится риск подхватить какую-нибудь заразу.

Дни потекли быстро — конечно, для тех из нас, кто владел зрением. Джозелла была очень занята, большей частью по дому, и Сюзен училась помогать ей. Много дел было и у меня. Джойс стало значительно лучше, она впервые поднялась с постели, а затем быстро пошла на поправку. Вскоре после этого начались схватки у Мэри.

Это была трудная ночь для всех. Труднее всего, вероятно, для Денниса, который знал, что все зависит теперь от двух добросовестных, но совершенно неопытных девушек. Его самообладание вызывало во мне беспомощное восхищение.

Рано утром к нам спустилась смертельно усталая Джозелла.

— Девочка, — сказала она. — У них обеих все в порядке — И она повела Денниса вверх.

Через несколько секунд она вернулась и взяла стаканчик, который я держал для нее наготове.

— Все обошлось гладко, слава Богу, — сказала она. — Бедняжка Мэри страшно боялась, что малышка тоже родится слепой, но ничего подобного, конечно, не случилось. А теперь она горько плачет, что не может увидеть ее.

Мы выпили.

— Странно как-то, — проговорил я. — Я имею в виду положение вообще. Словно зерно — оно сморщенное и как будто мертвое, а на самом деле оно живое. И вот теперь родилась новая жизнь, и она сразу вступает во все это...

Джозелла закрыла лицо руками:

— Господи! Билл... Неужели все и дальше будет так, как сейчас? Дальше... дальше... все время?

Она упала в кресло и расплакалась.

Через три недели я отправился в Тиншэм повидать Коукера и организовать наш переезд. Я взял легковую машину, чтобы обернуться за один день. Когда я вернулся, Джозелла встретила меня в холле. Она внимательно взглянула мне в лицо.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего особенного. Переезжать туда нам не придется, — ответил я. — Тиншэм погиб.

Она вытаращила глаза.

— Что там произошло?

— Не знаю точно, скорее всего чума.

Я коротко рассказал о поездке. Особенного расследования не потребовалось. Когда я приехал, ворота были настежь, и при виде триффидов, свободно разгуливающих по парку, я уже понял, чего следовало ожидать. Тяжелый запах подтвердил мою догадку. Я заставил себя войти в дом. Судя по всему, он был покинут не менее двух недель назад. Я заглянул в две комнаты. Этого было достаточно. Я позвал, и мой голос замер в пустоте здания. Дальше я не пошел.

К наружной двери была прибита какая-то записка, но от нее остался только чистый уголок. Я потратил много времени в поисках листка, который, должно быть, сорвало ветром. Но я не нашел его. Грузовиков и легковых машин на заднем дворе не оказалось, большая часть припасов исчезла вместе с ними. Куда — я не знал. Оставалось вернуться в свою машину и ехать назад.

— И что же теперь? — спросила Джозелла, когда я закончил.

— Теперь, родная, мы остаемся здесь. Мы знаем, как бороться за жизнь. И мы будем бороться за жизнь впредь... если нам не придут на помощь. Возможно, где-нибудь существует организация...

Джозелла покачала головой:

— Я думаю, о помощи надо забыть. Миллионы и миллионы людей ждали помощи и надеялись, и все напрасно.

— Таких групп, как наша, тысячи, — возразил я. — Они рассеяны по всей Европе, по всему миру. Некоторые объединятся, начнут строить заново.

— А когда это будет? — сказала Джозелла. — Через поколения? Вероятно, уже после нас. Нет. Мир погиб, остались только мы... Мы должны заботиться о самих себе. Мы должны планировать свою жизнь без расчета на чью-либо помощь... — Она замолчала. На лице ее появилось странное, пустое выражение, какого я никогда у нее не видел. Она сморщилась.

— Родная вы моя... — сказал я.

— О Билл, Билл, я родилась не для такой жизни. Если бы не вы, я бы...

— Тихо, моя радость, — проговорил я нежно. — Тихо. — Я погладил ее по волосам.

Через несколько секунд она взяла себя в руки.

— Простите, Билл. Жалость к себе... это отвратительно. Больше я не буду.

Она вытерла глаза платком.

— Итак, я должна стать женой фермера. Но все равно я рада выйти за вас замуж, Билл... даже если это не очень-то правильная, настоящая женитьба.

Она вдруг засмеялась. Я давно уже не слышал ее смеха.

— Что такое?

— Я вспомнила, как я всегда боялась своей свадьбы.

— Это делает вам честь... хотя это несколько неожиданно.

— Да нет, дело не только в этом. Я про своих издателей, репортеров, кинопублику. Какое это было бы для них развлечение. Выпустили бы новое издание моей глупой книжки... снова выпустили бы фильм... и фотографии во всех газетах. Вам бы это не понравилось.

— Я знаю кое-что, что не понравилось бы мне гораздо больше, — сказал я. — В лунную ночь вы поставили мне одно условие, помните?

Она взглянула на меня.

— Ну что же, возможно, не все получилось так уж плохо, — сказала она

ГЛАВА 15

МИР СУЖАЕТСЯ

С тех пор я завел журнал. Это была помесь дневника, биржевого бюллетеня и тетради для заметок. В нем описаны места, где я побывал во время экспедиций, перечисляются добытые припасы, оцениваются количества припасов, которые надлежало вывезти, берутся на заметку складские и жилые помещения с примечаниями, какие из них следует очистить в первую очередь, пока они не разрушились. Прежде всего я искал продукты, горючее и зерно, но этим я не ограничивался. Журнал пестрит перечислениями грузов одежды, инструментов, белья, обуви, кухонной посуды, грузов скобяных изделий и проволоки, проволоки, снова проволоки, а также книг.

Из записей следует, что в первую же неделю после возвращения из Тиншэма я принялся сооружать проволочную ограду против триффидов. У нас уже были изгороди, защищающие от них дом и сад. Теперь же я начал осуществлять честолюбивый план по освобождению от них нескольких сотен акров посевной площади. Для этого необходима была прочная проволочная ограда, подкрепленная естественными препятствиями и вертикальными щитами, а внутри — изгородь более легкого типа, которая не давала бы скоту и нам самим неосмотрительно вступать в зону поражения жалом. Это была тяжелая, изнурительная работа, и она отняла у меня много месяцев.

Одновременно я стремился постигнуть азбуку сельского хозяйства. Изучать сельское хозяйство по книгам очень трудно. Во-первых, никто из авторов, писавших на эту тему, не предполагал, что какой-нибудь фермер будет начинать с абсолютного нуля. Поэтому я обнаружил, что все работы начинаются с середины, в предположении, что читатель уже имеет какой-то опыт (которого я не имел) и знает терминологию (которой я не знал). Мои специализированные знания в биологии были решительно бесполезны перед лицом

практических проблем. Теория требовала материалы и вещества, которые я либо не мог найти, либо не смог бы распознать, если бы даже нашел. Очень скоро я понял, что к тому времени когда кончатся практически невозполнимые запасы химических удобрений, кормов и всего прочего, останутся только простейшие механизмы, и тогда нам придется попотеть, а уж каков будет урожай, Бог его знает.

Книжные знания в области коневодства, молочного хозяйства и работ на бойне тоже не давали никакой практической основы для овладения этими искусствами. Слишком много оказалось моментов, когда нельзя прерывать работу для консультации с нужной главой. Мало того, практика непрерывно обнаруживала загадочные отклонения от простых книжных схем.

К счастью, у нас было достаточно времени, чтобы делать ошибки и на них учиться. Сознание, что пройдет еще несколько лет, прежде чем нам придется более или менее целиком положиться на собственные ресурсы, оберегало нас от отчаяния по поводу наших неудач. Кроме того, мы могли утешать себя тем, что, проживая собранные запасы, мы тем самым не даем им погибнуть втуне.

Из соображений безопасности я прождал целый год, прежде чем снова поехать в Лондон. Для моих набегов это был самый прибыльный район, но он же производил на меня и наиболее тягостное впечатление. Сначала все еще казалось, будто прикосновение волшебной палочки может вернуть ему жизнь, хотя машины на улицах начали ржаветь. Годом позже изменения стали более заметны. Огромные пласты штукатурки обвалились со стен и засыпали тротуары. На улицах валялись колпаки дымовых труб и обломки черепицы. Трава и кустарники задушили канализационные люки. Опавшая листва забила водосточные трубы, и трава проросла в щелях стоков. Едва ли не каждое здание украсилось зеленым париком, под которым в прелой сырости гнили крыши. Сквозь окна были видны провалившиеся потолки, отставшие обои, блестящие от плесени стены. Сады парков и скверов заросли совершенно и расползались по соседним улицам. Зелень выпирала отовсюду, укореняясь на мостовых в щелях между камнями, выползая из трещин в бетоне, карабкаясь даже по сиденьям покинутых машин. Она вторгалась со всех сторон, чтобы вновь завладеть пустынями, которые создал человек. И странно, по мере того как живые растения закрывали камень, впечатление от города становилось все менее тяжелым. Когда Лондон всту-

пил в стадию, где ему не помогла бы уже никакая волшебная палочка, большинство его призраков начало исчезать, медленно отступая в историю.

Однажды — не в тот год и не в следующий, а гораздо позже — я вновь стоял на Пиккадилли-Сиркусе, оглядывая запустение и пытаюсь воссоздать мысленно картины кишевших там некогда толп. Но у меня ничего не вышло. Даже в моей памяти эти толпы были лишены реальности. От них не осталось никакого привкуса, никакого оттенка. Они сделались такими же аксессуарами истории, как римский Колизей или ассирийские армии, и почему-то такими же далекими для меня. Ностальгия, которая временами, в тихие часы, овладевала мною, терзала меня сильнее, чем само зрелище старого мира, лежащего в развалинах. Когда я бывал в полях далеко отсюда, я мог предаваться приятным воспоминаниям; но среди шершавых, медленно погибающих построек мне в голову лезли только суета, крушение надежд, бесцельные устремления, вездесущий металлический грохот, и я начинал сомневаться, так ли уж много мы потеряли...

Первую пробную вылазку в Лондон я предпринял в одиночку и вернулся с ящиками боеприпасов против триффидов, с бумагой, частями двигателей, а также с книгами и пишущей машинкой по системе Брайля для Денниса, с напитками, сладостями, патефонными пластинками и с новыми книгами для зрячих. Неделей позже со мной поехала Джозелла с более конкретной целью: за одеждой и бельем не только и не столько для взрослых, сколько для ребенка Мэри и для ребенка, которого ждала теперь она сама. Лондон произвел на нее угнетающее впечатление, и больше она туда не ездила.

Я продолжал набегать на Лондон в поисках различных вещей и, как правило, пользовался случаем, чтобы заодно прихватить и предметы роскоши. Ни разу не пришлось мне увидеть, чтобы на улицах что-нибудь двигалось, если не считать немногих воробьев или заблудившегося триффиды. Кошки и собаки дичали с каждым поколением, их можно было заметить на полях, но не здесь. Правда, иногда я наталкивался на свидетельства того, что не один я добываю припасы, но я никогда не видел этих людей.

Последнюю поездку я совершил в конце четвертого года. Где-то во внутреннем пригороде я обнаружил, что появилась опасность, пренебрегать которой я не имел права. Первым проявлением ее был громоподобный грохот позади меня. Я остановил грузовик и, оглянувшись, увидел поперек

улицы груду развалин и столб пыли над нею. Видимо, сотрясение от тяжелого грузовика dokonало непрочный уже фасад какого-то здания. Больше я не обрушил ни одного дома, но весь тот день я провел в напряженном ожидании потока кирпича и штукатурки, падающего мне на голову. С той поры я ограничил свои экспедиции небольшими городами, да и там ходил пешком.

Крупнейшим и наиболее удобным источником снабжения для нас мог стать Брайтон. Но от него мне пришлось отказаться. К тому времени когда я решил, что он безопасен для посещения, там были уже другие. Кто они и сколько их — узнать мне не удалось. Я затормозил перед грубой каменной стеной, возведенной поперек дороги. На ней красовались слова:

СТОЙ! НАЗАД

Этот совет был подкреплён треском ружейного выстрела, и передо мной взлетел фонтанчик пыли. Я не увидел никого, с кем можно было бы вступить в переговоры, да и начало переговоров не предвещало ничего хорошего.

Я развернул грузовик и задумчиво поехал прочь. А что, если наступит время, когда оборонительные приготовления моего друга Стефена все-таки окажутся не бесполезными? Для очистки совести я заехал в арсенал, где мы еще раньше взяли огнемёты против триффидов, и погрузил там несколько пулеметов и минометов.

В ноябре второго года у нас с Джозеллой родился первый ребенок. Мы назвали его Дэвидом. Моя радость сливалась временами с дурными предчувствиями: какое будущее создадим мы для него? Но Джозеллу это волновало меньше всего. Она его боготворила. Видимо, он был для нее компенсацией за все, что она утратила, и, как это ни странно, теперь она беспокоилась о состоянии мостов на нашем пути в будущее гораздо меньше, чем прежде. Как бы то ни было, это был крепкий мальчишка, и его здоровье позволяло надеяться, что он сможет постоять за себя, когда вырастет. Поэтому я подавил свои предчувствия и с удвоенным рвением взялся за работу на земле, которая в один прекрасный день будет содержать нас всех.

После этого прошло, должно быть, не очень много времени, и Джозелла заставила меня обратить более пристальное внимание на триффидов. За эти годы я так привык

принимать против них меры предосторожности, что их превращение в неперменную деталь пейзажа прошло для меня гораздо менее заметно, чем для остальных обитателей фермы. Кроме того, имея с ними дело, я привык носить проволочную маску и перчатки, так что, когда я выезжал в экспедиции, ничего нового в этом для меня не было. Короче говоря, я привык обращать на триффидов не больше внимания, чем на москитов в малярийной местности. Джозелла заговорила о них однажды вечером, когда мы лежали в постели. В тишине слышался только отдаленный перемежающийся треск твердых черенков, барабанищих по стеблям.

— В последнее время они трещат куда больше, — сказала она.

Сначала я не понял, о чем она говорит. Эти звуки были обычным фоном везде, где я так долго жил и работал, и если я не прислушивался к ним сознательно, я не мог даже сказать, есть они или нет. Теперь я прислушался.

— Не слышу, чтобы они трещали как-нибудь иначе, — сказал я.

— Я не сказала, что иначе. Я сказала, что они трещат больше, потому что их теперь больше, чем прежде.

— Не заметил, — проговорил я безразлично.

С тех пор как я соорудил ограду, мои интересы сосредоточились внутри нее, и мне было все равно, что делается снаружи. Во время поездок мне казалось, будто в большинстве мест триффидов столько же, сколько раньше. Я вспомнил, что их количество здесь поразило меня, еще когда я прибыл сюда впервые, и я предположил тогда, что где-то в окрестностях располагались крупные питомники.

— Много больше. Присмотрись к ним завтра, — предложила она.

Утром я вспомнил и, одеваясь, выглянул в окно. Я увидел, что Джозелла права. Позади совсем небольшого участка ограды можно было насчитать более сотни триффидов. За завтраком я сказал об этом. Сюзен удивилась.

— Их становится больше с каждым днем, — сказала она. — Разве ты не заметил?

— Мне и без того есть о чем беспокоиться, — сказал я. Ее тон слегка задел меня. — И вообще по ту сторону ограды они меня не интересуют. Достаточно выпалывать их ростки внутри ограды, а снаружи они могут делать все, что им угодно.

— Все равно, — проговорила Джозелла озабоченно, — с какой стати они сходятся сюда такими толпами? Я совер

шенно уверена, что они именно сходятся И мне хотелось бы знать почему

На лице Сюзен вновь появилось выражение удивления

— Да ведь он их приманивает, — сказала она

— Не показывай пальцем, — автоматически заметила Джозелла — Что ты имеешь в виду? Как это Билл их может приманивать?

— Очень просто Он создает шум, и они приходят

— Послушай, — сказал я — О чем ты болтаешь? Ты что, полагаешь, будто я во сне им подсвистываю?

Сюзен обиделась

— Ладно Раз ты мне не веришь, я покажу тебе после завтрака, — объявила она и надулась

Когда завтрак кончился, она выскользнула из-за стола и вернулась с моим дробовиком и с биноклем Мы вышли на лужайку Она оглядела горизонт, заметила вдали триффиды и подала мне бинокль. Триффид неторопливо ковылял через поля До него было больше мили, и он двигался на восток

— Следи за ним, — сказала она

Она выстрелила в воздух

Через несколько секунд триффид послушно изменил курс и двинулся в нашу сторону.

— Видишь? — сказала она, потирая плечо

— Да, это похоже на А ты уверена? Попробуй еще раз, — предложил я

Она покачала головой:

— Не стоит Все триффиды, которые слышали выстрел, идут сейчас сюда Минут через десять они остановятся и станут слушать Если они близко и им слышно, как трещат эти у ограды, они будут здесь Если они далеко, но мы выстрелим еще раз, они тоже будут здесь. Но если они ничего не услышат, то подождут еще немного и поплетутся дальше своей дорогой

Я вынужден был признать, что это открытие несколько ошарашило меня

— Ага э конечно, — сказал я — Ты, должно быть, следила за ними очень внимательно, Сюзен

— Я всегда слежу за ними Я их ненавижу, — сказала она, как если бы это все объясняло

К нам подошел Деннис

— Сюзен права, — сказал он — Мне это не нравится Мне это уже давно не нравится Эти проклятые твари что-то против нас затеяли

— Да бросьте вы — начал я

— А я вам говорю, они совсем не так просты, как мы думаем. Они ведь все знали. Они стали вырываться на свободу в тот же момент, когда не стало никого, кто мог бы остановить их. Они были возле нашего дома уже на следующий день. Можете вы объяснить это?

— Это для них обычное дело, — возразил я. — В джунглях они всегда слонялись возле тропинок. Часто они обступали деревни и врывались туда, если их не отбивали. В тропических странах они всегда были бичом Божьим.

— Но ведь не здесь, вот что я хочу сказать. Они не могли вытворять этого здесь, пока не изменилась обстановка. Они даже не пытались. Но как только возможность представилась, они воспользовались ею немедленно. Словно они узнали, что теперь можно.

— Слушайте, Деннис, будьте же благоразумны, — сказал я. — Подумайте, ну что вы говорите.

— Я отлично знаю, о чем я говорю. По крайней мере главное. Я не строю никаких определенных теорий, но я скажу вам вот что: они воспользовались нашей катастрофой с поразительной быстротой. Я скажу также, что в их нынешнем поведении чувствуется нечто очень похожее на систему. Вы были так погружены в работу, что не замечали, как они накапливаются и ждут здесь, за оградой. А Сюзен заметила, я сам слышал, как она об этом говорила. И как вы полагаете, чего они там ждут?

Я не стал отвечать немедленно. Я сказал:

— Вы считаете, что дробовик-их привлекает и мне лучше пользоваться триффидным ружьем?

— Дело не только в дробовике, дело вообще в шуме, — сказала Сюзен. — Хуже всего трактор, потому что он шумит громко и долго, так что им легко определить, куда нужно идти. Но они слышат и наш движок. Я видела, как они сворачивают сюда, едва он начинает тарыхтеть.

— Мне бы хотелось, — сердито заметил я, — чтобы ты не твердила «они слышат», как будто это животные. Они не животные. Они не слышат. Они всего лишь растения.

— Все равно как-то они слышат, — упрямо возразила Сюзен.

— Ну... ладно, мы что-нибудь сделаем, — пообещал я.

Мы стали делать. Первой ловушкой было грубое подобие ветряной мельницы, производящее энергичный стук. Мы установили ее в полумиле от фермы. Она сработала. Она оттянула от ограды и собрала со всей округи трифф-

фидов. Когда вокруг нее столпилось несколько сотен штук, мы с Сюзен поехали туда и взяли их с огнемёта. Ловушка отлично сработала и во второй раз... и после этого триффиды перестали обращать на нее внимание. Следующим нашим ходом было сооружение загона внутри ограды. Участок ограды перед загонем был заменен воротами. Место мы выбрали напротив движка и оставили ворота открытыми. Через пару дней мы захлопнули ворота и уничтожили пару сотен триффидов, забравшихся в загон. Второй раз на том же месте это не удалось, и даже в других местах число попадающих в такую ловушку триффидов быстро сокращалось.

Хорошие результаты мог бы дать обход границ с огнемётом раз в несколько дней, но это потребовало бы времени и скоро оставило бы нас без горючей смеси. Расход ее при использовании огнемётом очень велик, а запасы в армейском арсенале были ограничены. Если бы мы их исчерпали, наши драгоценные огнемёты стали бы железным ломом, потому что я не знал ни состава, ни способа приготовления эффективного горючего.

Два или три раза мы испробовали на скоплениях триффидов минометы, но результаты были плохими. Триффиды, как и деревья, могли выдержать без смертельного исхода множество механических повреждений.

Невзирая на ловушки и периодические избиения, число триффидов со временем все увеличивалось. Они ничего не предпринимали. Они просто зарывались корнями в землю и стояли. На расстоянии они ничем не отличались от мирной живой изгороди, и если бы не барабанный стук, производимый то одним, то другим, они были бы не более примечательны, чем любая другая ограда. Но тому, кто усомнился бы в их постоянной готовности, достаточно было проехать на машине по проселку. Это значило пройти сквозь строй такого свирепого бичевания жалами, что приходилось, достигнув шоссе, останавливаться и очищать заляпанное ядом ветровое стекло.

Время от времени кто-нибудь из нас выдвигал новый способ борьбы с ними; было предложено, например, опрыскивать почву за оградой крепким раствором мышьяка. Но во всех случаях отступление триффидов было временным.

Мы испробовали за год множество подобных уловок, и вот настал день, когда Сюзен утром влетела в нашу комнату и сообщила, что чудища прорвались и обступили дом. Она встала, как обычно, рано, чтобы подоить коров. Небо за

окном ее спальни уже светлело, но, когда она спустилась в холл, там царил крошечный мрак. Она сообразила, что так быть не должно, и включила свет. Едва разглядев прижавшиеся снаружи к окнам кожистые зеленые листья, она догадалась, что произошло.

Я на цыпочках пересек спальню и резко захлопнул окно. В тот же момент снизу в стекло хлестнуло жало. Мы увидели внизу чашу триффидов в десять или двенадцать рядов, обступивших дом вплотную. Огнеметы мы держали в сарае. Прежде чем отправиться за ними, я принял все меры предосторожности. В толстой куртке и рукавицах, в кожаном шлеме и шоферских очках под проволоочной маской, я врубился в толпу триффидов самым огромным мясницким ножом, какой у нас нашелся. Жала свистели и хлестали по проволоочной сетке так часто, что яд совершенно залил ее и стал проникать внутрь мелкими брызгами. Брызги затуманили стекла очков, так что, добравшись до сарая, я первым делом смыл яд с лица. Чтобы расчистить себе путь назад в дом, я решил всего на одну короткую, направленную понизу струю из огнемета, потому что боялся поджечь дверь и оконные рамы, но и этого оказалось достаточно, чтобы они задвигались, заволновались и беспрепятственно пропустили меня.

Джозелла и Сюзен стояли с огнетушителями наготове, а я, все еще похожий на помесь глубоководного водолаза с марсианином, высовывался поочередно из окон верхнего этажа и поливал огнем осаждающую толпу этих тварей. Потребовалось немного времени, чтобы поджечь большинство и погнать остальных. Сюзен, уже в маске и перчатках, схватила второй огнемет и принялась с упоением гоняться за ними, чтобы истребить до конца. Я направился через поле искать пролом. Это было нетрудно. С первой же возвышенности я увидел место, где триффиды продолжали вливаться внутрь ограды потоком качающихся стеблей и развевающихся листьев. Все они двигались по направлению к дому. Выпроводить их было просто. Струя по передним остановила их; еще две по сторонам заставили их устремиться назад. Струя поверху подстегнула их и обратила в бегство запоздавших. Метрах в двадцати лежал плашмя участок ограды с вывороченными столбами. Я поднял его и кое-как укрепил снова, а затем выпустил из огнемета еще несколько струй, чтобы предупредить новые неприятности хотя бы на ближайшие часы.

Почти весь день потратили мы с Джозеллой и Сюзен, заделывая пролом. Затем, пока мы с Сюзен обшаривали все уголки внутри ограды и добивали последних вторгшихся триффидов, прошло еще два дня. Мы обследовали все ограждение и укрепили все сомнительные участки. А через четыре месяца они прорвались вновь...

На этот раз мы нашли в проломе множество раздавленных триффидов. Впечатление было такое, будто на ограду навалились и давили, пока она не упала, и передние ряды тварей, повалившись вместе с нею, были растоптаны остальными.

Было ясно, что необходимо принимать новые оборонительные меры. Все участки ограды были примерно одинаковой прочности, все они могли быть прорваны подобным же образом. Наиболее подходящим способом держать триффидов на расстоянии представлялась электрификация. Я нашел армейский генератор, установленный на трейлере, и доставил его домой. Мы с Сюзен принялись монтировать проводку. Прежде чем мы успели закончить ее, мерзкие твари прорвались еще раз в другом месте.

Я уверен, что эта система полностью бы себя оправдала, если бы ограду можно было держать под напряжением непрерывно или хотя бы большую часть времени. Но для этого требовалось горючее. Бензин был для нас особенно ценен. Мы всегда могли обеспечить себя какой-нибудь пищей, но, когда кончатся запасы бензина и дизельного топлива, с ними кончится нечто большее, нежели какие-то удобства. Не будет больше экспедиций, следовательно, перестанут пополняться запасы. Первобытная жизнь начнется всерьез. Поэтому из соображений экономии мы пускали ток через ограду всего на несколько минут по два-три раза в сутки. Это вынудило триффидов отступить, теперь они не решались наваливаться на ограду. В качестве дополнительной предосторожности мы провели вдоль внутренней изгороди сигнальную проволоку, чтобы можно было вовремя управиться с любым прорывом.

Слабость системы была в том, что триффиды оказались способны учиться на опыте, по крайней мере в ограниченных пределах. Например, они стали привыкать к тому, что мы включаем ток только ночью и утром и только на короткое время. Мы стали включать генератор случайным образом, но Сюзен, для которой триффиды были постоянными объектами пристального наблюдения, вскоре начала утверж-

дать, будто время, на которое электрический удар удерживает их вдали от ограды, становится все короче.

Мы начали замечать, что они отступают от ограды, только когда запускается генератор, а едва он умолкает, они надвигаются снова. В то время мы не могли еще сказать, действительно ли они ассоциируют ток в ограде с шумом генератора, но позже у нас не осталось сомнений, что так оно и есть. Все же ограда под током и периодические нападения на их особенно густые скопления больше чем на год избавили нас от прорывов. Позже триффиды прорывались неоднократно, однако мы вовремя узнавали об этом, и прорывы перестали быть для нас серьезными осложнениями.

Защищенные нашей оградой, мы продолжали учиться сельскому хозяйству, и постепенно наша жизнь вошла в однообразный ритм.

Однажды летом шестого года мы с Джозеллой отправились вдвоем на морское побережье. Мы поехали в полугусеничном вездеходе, которым я обычно пользовался теперь, когда дороги сильно ухудшились. Для Джозеллы это был праздник. В последний раз она была за оградой несколько месяцев назад. Заботы по дому и о детях слишком утомляли ее, и она выезжала только изредка, когда это было совершенно необходимо. Но теперь дом можно было оставлять на Сюзен, и когда мы перевалили через гряду холмов, нас охватило чувство освобождения. На последнем южном склоне мы остановили машину, вышли и сели.

Был идеальный июньский день, в чистом синем небе белело несколько легких облачков. Солнце озаряло песчаные пляжи и море за ними так же ярко, как в прошлом, когда эти пляжи были усеяны купальщиками, а море пестрело лодочками. Несколько минут мы в молчании глядели на эту сцену. Потом Джозелла сказала:

— Тебе иногда не кажется, Билл, что стоит на некоторое время закрыть глаза, а потом снова открыть, и можно увидеть все, как было раньше?

— Теперь уже не так часто, — ответил я. — Но ведь мне довелось увидеть гораздо больше, чем тебе. Впрочем, иногда...

— Погляди на чаек... Они такие же, как раньше.

— В этом году стало гораздо больше птиц, — согласился я. — И я рад этому.

На расстоянии крошечный городок все еще представлялся россыпью домиков под красными крышами и бунгало, населенных по большей части буржуа, отошедшими от дел. Но такое впечатление могло продержаться всего несколько минут. Хотя виднелись еще черепичные крыши, но стен уже не было видно. Аккуратные садики потонули в буйно разросшейся зелени, испещренной яркими пятнами одичавших потомков тщательно культивировавшихся цветов. И даже дороги выглядели как полосы зеленых ковров. Вблизи же обнаруживалось, что впечатление мягкой зелени иллюзорно: дорога была выстлана грубыми жесткими ползунами.

— Всего несколько лет назад, — задумчиво проговорила Джозелла, — люди жаловались, что эти бунгало портят пейзаж. И посмотри на них теперь.

— Да, пейзаж отомщен, — сказал я. — Тогда казалось, что с природой покончено. Но кто мог подумать, что в старике так много крови?

— Меня это как-то пугает. Словно все сорвалось с цепи, все радуется, что нам пришел конец и что каждый волен идти своей дорогой. Хотелось бы мне знать... Может быть, мы все это время морочили себе голову? Как по-твоему, Билл, с нами действительно покончено?

В моих экспедициях у меня было больше времени подумать над этим, чем у нее.

— Если бы ты была не такой, какая ты есть, я бы мог ответить тебе в этаким героическом тоне — в духе бездумного волюнтаризма, который часто сходит за веру и решимость.

— Но поскольку я такая, какая я есть?..

— Я дам тебе честный ответ: с нами еще не покончено. И пока будет жизнь, будет и надежда.

Несколько секунд мы смотрели на пейзаж перед нами.

— Мне кажется, — пояснил я, — только кажется, заметить, что у нас есть крошечный шанс, такой крошечный, потребует много времени, чтобы он оправдался. Если бы не триффиды, я бы сказал, что у нас хорошие шансы, хотя и тут потребовалось бы время. Но триффиды являются реальным фактором. Это нечто такое, с чем никогда не приходилось бороться ни одной растущей цивилизации. Смогут они отобрать у нас планету или мы сможем остановить их?

Настоящая проблема состоит в том, чтобы найти против них простое средство. Мы держимся не так уж плохо — мы отбиваем их. Но наши внуки, что будут делать они? Не

придется ли им проводить жизнь в резервациях, отбивая триффидов ценой бесконечных тяжелых усилий?

Я уверен, что простой способ существует. Вся беда в том, что к простым способам идут через очень сложные исследования. А у нас для этого нет ресурсов.

— Да у нас же все ресурсы мира, — возразила Джозелла. — Только иди и бери.

— Материальные — да. Но умственных нет. Тут нужна группа, группа экспертов, которые все свое время отдавали бы проблеме, как разделаться с триффидами раз и навсегда. Что-то можно было бы сделать, я уверен. Какой-нибудь избирательный гербицид. Синтезировать необходимые гормоны, которые вызывали бы у триффидов состояние биологической неустойчивости... только у триффидов, не задевая ничего другого. Это было бы возможно, если сосредоточить на таком деле достаточно мозговых мощностей...

— Раз ты так думаешь, почему бы тебе не попытаться?

— Слишком много причин. Во-первых, я для этого не гожусь. Я всего лишь посредственный биохимик, и я в единственном числе. Затем нужны лаборатория и оборудование. Далее, необходимо время, а на мне сейчас слишком много неотложных дел. Но даже если бы я смог что-нибудь сделать, нужны средства производить эти синтетические гормоны в массовых масштабах. Для этого потребовалась бы фабрика. Но прежде всего нужна исследовательская группа.

— Людей можно обучить.

— Да... когда они свободны от необходимости ежечасно драться за существование. Я собрал множество книг по биохимии в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь сможет ими воспользоваться. Я научу Дэвида всему, что знаю, а он передаст это дальше. Но если не будет когда-нибудь свободного времени для работы в этой области, для людей останутся только резервации.

Джозелла, нахмурившись, следила за стадом из четырех триффидов, которые ковыляли через поле под нами.

— Когда-то говорили, что единственным серьезным соперником человека являются насекомые. Мне кажется, что в триффиде есть что-то общее с некоторыми видами насекомых. О, я знаю, что биологически это растения. Я хочу сказать, что они не заботятся о судьбе отдельной особи и отдельная особь не беспокоится о своей судьбе. Каждый в отдельности обладает чем-то отдаленно напоминающим разум; когда же они собираются толпой, это заметно особенно

Толпой они действуют целенаправленно, совсем как муравьи и пчелы, и можно утверждать, что каждый в отдельности не знает цели и плана, частью которого является. Все это очень странно; нам, во всяком случае, этого не понять. Слишком они другие. Мне кажется, это противоречит всем нашим идеям о наследственных признаках. Может быть, есть в пчеле или триффиде что-нибудь похожее на ген общественной организации? Может быть, муравей имеет ген архитектуры? И если у них это есть, то почему мы не выработали гены знания иностранных языков или поварского искусства? Как бы то ни было, у триффидов есть что-то в этом роде. Возможно, каждый триффид в отдельности не знает, для чего он трется возле нашей ограды, но вместе они знают, что их цель — добраться до нас. И что рано или поздно они доберутся.

— Может случиться еще очень многое, что предотвратит такой исход, — заметил я — Мне бы не хотелось, чтобы ты потеряла надежду

— А я и не теряю — разве что когда устаю. Обычно я слишком занята и не могу беспокоиться о том, что будет через много лет. Нет, как правило, мне просто немножко грустно — такая нежная меланхолия, которую столь ценили в восемнадцатом веке. Меня одолевает чувствительность, когда ты заводишь патефон, — страшно подумать, что огромный оркестр, уже давно исчезнувший, все еще играет для горстки людей, загнанной в угол и обреченной на постепенное одичание. Музыка уносит меня в прошлое, и я грущу о том, что ушло и никогда не вернется. У тебя не бывает такого чувства?

— Угу, — признался я. — Но я заметил, что со временем мне делается все легче принимать настоящее. Полагаю, если бы мне было дано исполнение желаний, я бы пожелал возродить наш старый мир, но с одним условием. Видишь ли, несмотря ни на что, внутренне я сейчас более счастлив, чем когда-либо раньше. Ты это знаешь, не правда ли, Джози?

Она положила ладонь на мою руку:

— Я тоже так чувствую. Нет, мне больно не за то, что потеряли мы, а за то, чего никогда не узнают наши дети.

— Будет нелегко внушить им надежды и цели, — признал я — Нам не уйти от нашего прошлого. Но им-то незачем будет все время оглядываться назад. Традиции погибшего золотого века и мифы о предках-волшебниках были бы для них сущим проклятием. Целые народы обла-

дали этим комплексом неполноценности, который вырос из плача по славному прошлому. Только вот как сделать, чтобы этого не случилось?

— Будь я сейчас ребенком, — сказала она задумчиво, — я бы, наверное, спросила, в чем причина. Если бы мне не ответили... то есть если бы мне разрешили думать, будто меня произвели на свет в мире, который был разрушен совершенно бессмысленно, я бы сочла бессмысленной и самое жизнь. Самое трудное здесь в том, что это так и представляется...

Она помолчала, размышляя, затем добавила:

— Ты не считаешь, что нам стоит... Ты не считаешь, что мы должны создать миф, чтобы помочь им? Сказку о мире, который был чудо каким разумным, но таким злым, что его пришлось разрушить... или он случайно разрушил себя? Снова что-нибудь вроде Великого потопа. Это не подавило бы их комплексом неполноценности; это могло бы побудить к тому, чтобы строить, и строить на этот раз что-нибудь лучшее.

— Да... — проговорил я, подумав. — Да. В большинстве случаев лучше всего говорить детям правду. Это как бы облегчает им жизненный путь... Только зачем притворяться, будто это миф?

Джозелла с сомнением взглянула на меня:

— Что ты имеешь в виду? Триффиды... ну, я признаю, триффиды были чьим-то злым умыслом или ошибкой. Но все остальное...

— За триффидов, мне кажется, никого винить не стоит. Триффидные масла были очень ценным продуктом. Никому не дано знать, к чему ведет великое открытие, все равно какое — новый вид двигателя или триффид, и до катастрофы мы управлялись с ними превосходно. Они являлись для нас благословением, пока обстоятельства не сложились в их пользу.

— Да, но обстоятельства изменились не по нашей вине. Это было... ну, вроде землетрясения, урагана — то, что страховые компании определили бы как стихийное бедствие. А возможно, это был Страшный суд. Ведь не сами же мы сотворили эту комету. Но ты прав, ошибок было много. Боже мой, сколько было ошибок! Об этом мы можем и должны предупредить наших детей.

— Гм... Ну что же... — сказал я. — Впрочем, когда они справятся с триффидами и выберутся из этого дрянного

положения, у них будет возможность делать свои собственные, новые, с иголки, ошибки.

— Бедные малыши, — пробормотала она, словно вглядываясь в бесконечные ряды прапраправнуков. — Как мало можем мы предложить им.

— Сказано: «Жизнь такова, какой ты ее делаешь».

— Это, мой милый Билл, почти во всех случаях всего лишь куча... ладно, не буду говорить гадостей. Помнится, эту поговорку любил повторять мой дядя Тед... пока с самолета не сбросили бомбу, которая оторвала ему обе ноги. Это изменило его мнение. Я вот ничего такого не сделала в своей жизни, что помогло бы мне остаться теперь в живых. — Она отбросила окурок. — Что мы такое совершили, Билл, почему нам выпало счастье выжить в этом ужасе? Иногда — то есть когда я не чувствую себя усталой и эгоистичной — я думаю, как нам действительно повезло, и мне хочется вознести благодарность кому-то или чему-то. Но мне сразу приходит в голову, что, если бы этот кто-то существовал, он выбрал бы гораздо более достойных, чем я. Простодушную девушку все это повергает в крайнее смущение.

— А мне кажется, — сказал я, — что будь кто-нибудь или что-нибудь за рулем Вселенной, многое в истории просто не могло бы случиться. Впрочем, не стоит особенно раздумывать над этим. Нам повезло, моя радость. И если счастье завтра нам изменит, пусть. Что бы ни случилось, у нас уже не отобрать времени, которое мы провели с тобой. Я получил больше, чем заслуживаю, и больше, чем большинство мужчин получало за всю свою жизнь.

Мы посидели еще немного, глядя в пустынное море, а затем спустились на вездеходе в городок.

Разыскав большинство предметов, обозначенных в нашем списке, мы отправились на пляж и устроили пикник, имея позади широкую полосу плавника, через который не смог бы перебраться неслышно ни один триффид.

— Надо выезжать так почаще, пока мы можем, — сказала Джозелла. — Сюзен выросла, и я немного освободилась.

— Ты заслужила право на передышку более, чем кто-либо другой, — согласился я.

Я произнес это, чувствуя, что пора бы, пока это еще возможно, поехать с нею и сказать последнее «прости» всем знакомым местам и вещам. С каждым годом все ближе надвигалась на нас перспектива тюремного заключения.

Уже приходилось, выезжая к северу от Ширнинга, делать многомильный крюк, чтобы миновать долину, которая снова превратилась в болото. Дороги быстро приходили в негодность, их покрытие разъедали дожди и разрушали корни растений. Все труднее становилось доставлять домой цистерны с горючим. Мог наступить день, когда одна такая цистерна застрянет на проселке и, возможно, закупорит его навсегда. В полугусеничном вездеходе еще можно будет разъезжать по достаточно сухой местности, но со временем все труднее будет находить свободный проезд даже для него.

— И надо будет в последний раз повеселиться, — сказал я. — Ты снова приоденешься, и мы отправимся...

— Ш-ш-ш! — прервала меня Джозелла. Она подняла палец, прислушиваясь.

Я затаил дыхание. Это было скорее ощущение пульсации в воздухе, чем звук. Оно было едва заметно, но оно постепенно нарастало.

— Это... это же самолет! — сказала Джозелла.

Мы глядели на запад, прикрыв глаза ладонями от солнца. Гул мотора был все еще не громче жужжания насекомого. Он усиливался так медленно, что речь могла идти только о вертолете: любая другая машина давно бы уже успела пролететь над нами.

Первой его увидела Джозелла. Крошечная точка над морем неподалеку от береговой линии, движущаяся явно в нашу сторону параллельно побережью. Мы вскочили на ноги и принялись махать. Точка росла, и мы махали все яростнее и кричали изо всех сил. Если бы пилот держался прежнего курса, он бы не мог не увидеть нас на открытом пляже, но за несколько миль от нас вертолет вдруг круто свернул в северном направлении и полетел над сушей. Мы продолжали бешено размахивать руками в надежде, что он все же заметит нас. Все было напрасно. Медленно и невозмутимо, он с гулом удалялся от моря и, наконец, скрылся за грядой холмов.

Мы опустили руки и поглядели друг на друга.

— Если он прилетел один раз, то может прилететь и снова, — стойко, но не очень убедительно сказала Джозелла.

Вертолет все же нарушил медленное течение нашего дня. Он нанес удар по смирению, которое мы так старательно укрепляли в наших душах. Мы говорили себе, что

кроме нас должны существовать и другие группы, однако они в таком же положении, как и мы, а может быть, и в худшем. Но когда, словно видение из прошлого, перед нашими глазами проплыл вертолет, он вызвал в нас не только воспоминания: он показал, что кто-то сумел наладить жизнь лучше, чем мы. Может быть, в этом был привкус зависти? И, кроме того, он заставил нас вспомнить, что мы все еще по природе своей стадные существа.

Беспокойное ощущение, которое вертолет оставил после себя, нарушило наше настроение и привычный ход мыслей. Не сговариваясь, мы стали собирать вещи, в глубоком раздумье вернулись к вездеходу и направились домой.

ГЛАВА 16

КОНТАКТ

Мы проехали, вероятно, половину расстояния до Ширнинга, когда Джозелла заметила дым. На первый взгляд это могло быть облако, но с вершины холма мы разглядели под расплывшейся шапкой плотный серый столб. Мы молча переглянулись. За все эти годы мы видели всего несколько случайных пожаров, самопроизвольно возникавших ранней осенью. И мы мгновенно поняли, что столб дыма впереди поднимается в районе Ширнинга.

Я пустил вездеход на полную скорость. Никогда еще он не мчался так по размытым, разрушенным дорогам. Нас кидало и швыряло на сиденье, но нам все равно казалось, будто мы едва ползем. Джозелла сидела молча, сжав губы, не спуская глаз со столба дыма. Она жадно искала признаки того, что горит где-нибудь либо ближе, либо дальше, только не в самом Ширнинге. Но сомневаться уже не приходилось. Мы с ревом промчались по последнему проселку, не замечая триффидов, хлеставших жалами в борта вездехода. Затем, после поворота, мы увидели, что горит не дом, а поленица дров.

На мой сигнал выбежала Сюзен и схватилась за веревку, которая распахивала ворота с безопасного расстояния. Она что-то прокричала, но мы не расслышали за лязгом гусениц. Ее свободная рука указывала не на пламя, а на дом. Только въехав во двор, мы поняли, в чем дело. Посредине нашей лужайки стоял вертолет.

Едва я остановил машину, из дома вышел человек в кожаной куртке и бриджах. Он был высокий, белокурый,

лицо его было обожжено солнцем. С первого же взгляда я почувствовал, что где-то уже видел его. Он помахал нам, весело улыбаясь.

— Мистер Билл Мэйсен, я полагаю, — сказал он, когда мы подошли к нему. — Меня зовут Симпсон. Айвен Симпсон.

— Помню, — сказала Джозелла. — Вы привели в тот вечер вертолет в университет.

— Совершенно верно. Вы молодец, что помните. Но чтобы доказать вам, что у меня тоже хорошая память, я скажу вам, кто вы. Вас зовут Джозелла Плэйтон, и вы автор...

— Вы ошибаетесь, — строго прервала его Джозелла. — Меня зовут Джозелла Мэйсен, и я автор «Дэвида Мэйсена».

— А, да! Я только что видел оригинальное издание и скажу, если мне будет позволено, что выполнено оно с отменным мастерством.

— Пойдите, — сказал я. — Этот пожар...

— Ничего страшного. Ветер дует от дома. Хотя боюсь, что запас ваших дров погиб.

— Что произошло?

— Это Сюзен. Она ни за что не желала, чтобы я пролетел мимо. Услыхав шум мотора, она схватила огнемёт и стала искать, как подать сигнал. Дрова были ближе всего — такой костер прозевать невозможно.

Мы вошли в дом и присоединились к остальным.

— Кстати, — сказал Симпсон, — Микаэль велел мне, чтобы я прежде всего принес извинения.

— Мне? — спросил я удивленно.

— Вы были единственным человеком, который усмотрел в триффидях опасность, и он вам не поверил.

— Но... вы хотите сказать, что вы знали, где я нахожусь?

— Несколько дней назад мы узнали примерный район вашего местонахождения. Нам рассказал парень, которого мы все очень хорошо помним, — Коукер.

— Значит, Коукер тоже спасся, — сказал я. — Я видел могильник в Тиншэме и решил, что он погиб от чумы.

Позже, когда мы поели и выставили наше лучшее бренди, он рассказал нам историю своей группы.

Оставив Тиншэм на милость и принципы мисс Дюрран, партия Микаэля Бидли направилась вовсе не в район

Биминстера. Она двинулась на север, в Оксфордшир. Мисс Дюрран сознательно обманула нас с Коукером: о Биминстере не было сказано ни слова.

Они нашли поместье, удовлетворявшее, как им сначала казалось, всем их требованиям, и они, несомненно, закрепились бы там, как мы закрепились в Ширнинге, но угроза со стороны триффидов все усиливалась и недостатки этого места обнаруживались со все большей очевидностью. Через год Микаэль и Полковник сочли, что оставаться там нецелесообразно. В это поместье уже было вложено немало труда, но к концу второго лета все согласились, что, чтобы построить общину, необходимо мыслить категориями десятков лет. Кроме того, необходимо было понять, что откладывать переезд нельзя, — позже будет труднее. Им нужно было место, которое бы обеспечивало дальнейшее развитие; район, окруженный естественными препятствиями так, чтобы достаточно было очистить его от триффидов всего один раз. Сооружение и укрепление изгородей требует больших усилий, а с увеличением общины пришлось бы увеличивать и их длину. Ясно было, что лучшим естественным препятствием, которое может заменить изгороди, является вода. Группа провела дискуссию относительно достоинств различных островов. В конце концов решено было выбрать остров Уайт, главным образом из-за климатических условий, хотя многие сомневались, удастся ли его очистить. И в марте они снова погрузились и отправились в путь.

— Когда мы туда прибыли, — рассказывал Айвэн, — нам показалось, что триффидов там еще больше, чем на старом месте. Едва мы устроились в одном старом помещицком доме возле Годшилла, как они стали тысячами скапливаться вокруг стен. Мы дали им недели две, а затем уничтожили их огнеметами.

Стерев в порошок первую партию, мы дали им накопиться снова, перебили их во второй раз и так далее. Там мы уже могли позволить себе не жалеть горючей смеси, потому что с полным уничтожением триффидов надобность в огнеметах отпадала. На острове их могло быть довольно ограниченное число, и чем больше их собиралось вокруг дома, тем больше это нам нравилось.

Нам пришлось проделать это десяток раз, прежде чем начали сказываться результаты. Все пространство вокруг стен покрылось обуглившимися головешками, и только тогда

они стали избегать нас. Черт возьми, их оказалось куда больше, чем мы ожидали...

— На вашем острове прежде было по меньшей мере полдюжины питомников, разводивших триффиды высших сортов, не говоря уже о тех, которых держали в частных садах, — заметил я.

— Это меня не удивляет. Судя по всему, этих питомников могла быть и целая сотня. Если бы меня спросили раньше, я бы сказал, что у нас в стране несколько тысяч этих тварей. В действительности же они, наверное, исчислялись сотнями тысяч.

— Да, примерно, — сказал я. — Они могут расти практически повсюду, и они давали большой доход. Когда они были огорожены в питомниках и на фермах, казалось, что их не так уж много. Впрочем, все равно, если учесть, сколько их здесь вокруг нас, то надо полагать, что целые области в стране должны быть сейчас свободны от них.

— Это точно, — согласился он. — Но поселитесь где-нибудь в такой области, и через несколько дней они начнут собираться там. Я и без пожара, который устроила Сюзен, догадался бы, что здесь живут люди. Вокруг каждого обитаемого места они образуют этакий темный бордюр.

Одним словом, через некоторое время толпы вокруг нашего дома сделались реже. Может быть, они нашли, что это вредно для их здоровья, или им не нравилось топтаться по обгорелым останкам своих родичей... ну и, конечно, их стало меньше. Тогда мы изменили тактику и сами вышли на охоту за ними. Это было нашим главным занятием в течение месяцев. Мы прочесали каждый дюйм острова — так нам, во всяком случае, казалось. Мы считали, что истребили всех триффидов до одного, маленьких и больших. И все-таки на следующий год они вновь ухитрились появиться, и еще через год после этого. С тех пор мы каждую весну проводим интенсивный поиск ростков из семян, которые заносятся к нам ветром, и уничтожаем их на месте.

Одновременно мы организовывались. Сначала нас было пятьдесят или шестьдесят человек. Я вылетал на вертолете, и когда я обнаруживал какую-нибудь группу, то садился и передавал всем приглашение присоединиться к нам. Некоторые соглашались... но очень многие отказывались: они избегали от одного правительства и, невзирая ни на какие трудности, не желают другого. В Южном Уэльсе есть несколько групп, которые создали нечто вроде племенных

общин; они отвергают любую форму организации сверхнеобходимого минимума, ими же самими установленного. Такие же общины имеются и в других каменноугольных районах. Обычно во главе их стоят шахтеры, которые в ночь катастрофы находились в смене под землей и не видели зеленых звезд... Бог знает, как им удалось потом выбраться из шахт на поверхность.

Некоторые столь решительно не желают никакого вмешательства извне, что стреляют по вертолету, такая компания есть в Брайтоне...

— Знаю, — сказал я. — Меня они тоже прогнали

— В последнее время я нашел еще несколько таких. В Мейдстоне, в Гилдфорде и в других местах. Из-за них мы и не нащупали вас раньше. Летать в этот район небезопасно. Уж не знаю, что они себе вообразили; возможно, завладели большими запасами продовольствия и боятся, что их заставят с кем-нибудь поделиться. Во всяком случае, рисковать не имело смысла, и я оставил их вариться в собственном соку.

Все же многие присоединились к нам. Через год нас было уже около трех сотен — не все, конечно, зрячие.

А месяц назад я наткнулся на Коукера и его компанию. Между прочим, одним из первых вопросов, которые он мне задал, был вопрос о вас. Им пришлось очень плохо, особенно вначале.

Через несколько дней после его возвращения в Тиншэм появились две женщины из Лондона и привезли с собой чуму. Коукер при первых же симптомах поместил их в карантин, но было уже поздно. Тогда он решил немедленно переехать. Мисс Дюрран не пожелала сдвинуться с места. Она останется и будет смотреть за больными. Коукера она нагонит позже, если сможет. Больше он ее не видел.

Инфекцию они увезли с собой. Прежде чем им удалось от нее избавиться, они трижды переезжали с места на место. К тому времени они забрались уже далеко на запад, в Девоншир, и сначала у них все пошло хорошо. Но затем они начали испытывать те же затруднения, что и мы и вы. Коукер продержался около трех лет, после чего стал рассуждать примерно так, как рассуждали мы. Только он не подумал об острове. Вместо этого он решил отгородить в Корнуэлле участок между рекой и морским побережьем. Прибыв туда, они потратили первые месяцы на сооружение изгороди, затем, как и мы на своем острове, взялись за

триффилов. У них была гораздо более тяжелая местность, и им так и не удалось очистить ее от триффилов полностью. Правда, ограда у них получилась на диво прочная, но они не могли положиться на нее так, как мы полагаемся на море, и у них много сил уходило на патрулирование.

Коукер считает, что им удалось бы выдержать до тех пор, пока вырастут и станут работать дети, но это потребовало бы огромного напряжения. Когда я их нашел, они колебались недолго. Они тут же стали грузиться на свои рыбацкие лодки, и все они были на острове через пару недель. Когда Коукер узнал, что вы не с нами, он высказал предположение, что вы, вероятно, до сих пор находитесь где-нибудь в этом районе.

— Передайте ему, что за это мы прощаем ему все, — сказала Джозелла.

— Он будет нам очень полезен, — сказал Айвен. — И, судя по тому, что он говорил о вас, вы тоже могли бы быть очень полезны, — добавил он, глядя на меня. — Вы ведь биохимик, да?

— Биолог, — сказал я. — И немного биохимик.

— Это уже тонкости. Главное в другом. Микаэль попытался проделать кое-какие исследования, которые бы дали способ разделаться с триффидами по-научному. Найти такой способ необходимо, если мы намерены вообще чего-нибудь добиться. Но беда в том, что работают у нас над этим несколько человек, которые едва помнят школьную биологию. Как вы думаете, что, если вам сделаться профессором? Это было бы стоящее дело.

— Не знаю дела более стоящего, — сказал я.

— Значит ли это, что вы приглашаете на свой остров нас всех? — спросил Деннис.

— Во всяком случае, для «взаимной оценки», — ответил Айвен. — Билл и Джозелла, наверное, помнят наши принципы, изложенные в тот вечер в университете. Эти принципы действуют и поныне. Мы не собираемся реставрировать старое, мы хотим построить нечто новое и лучшее. Некоторым это не нравится. Они для нас бесполезны. Мы просто не можем позволить себе иметь оппозицию, которая будет стараться увековечить старые, скверные черты прежнего мира. Мы предпочитаем, чтобы люди, которые этого хотят, жили где-нибудь в другом месте.

— В данных обстоятельствах «другое место» — это не очень щедрое предложение, — заметил Деннис.

— О, я вовсе не хочу сказать, будто мы вышвыриваем их назад на съедение триффидам. Но таких людей было много, для них нужно было найти отдельное место, и вот одна компания переправилась на острова Чэннел и принялась их чистить, как мы чистили свой Уайт. Сейчас там человек сто. Они живут тоже вполне благополучно.

У нас принята система взаимной оценки. Новоприбывшие проводят с нами шесть месяцев, затем их дело заслушивается в совете. Если им не нравятся наши обычаи, они так и говорят; если нам они не подходят, мы тоже так и говорим. Если они нам подходят, они остаются; если нет, мы провожаем их на острова Чэннел или обратно на Большую землю, если это им предпочтительнее.

— Что-то в этом есть от диктатуры, — сказал Деннис. — А как формируется этот ваш совет?

Айвен покачал головой:

— Долго рассказывать. Лучше приезжайте и посмотрите сами. Если мы вам понравимся, вы останетесь. Но если даже нет, то все равно, по-моему, на островах Чэннел вам будет лучше, чем здесь через несколько лет.

Вечером, когда Айвен попрощался с нами и его вертолет скрылся на юго-западе, я вышел и сел на свою излюбленную скамейку в углу сада.

Я глядел через долину, где когда-то зеленели аккуратные и ухоженные сады. Теперь они снова вернулись к первобытному состоянию. Необработанные поля заросли кустарником и тростниками, там и сям блестели застойные лужи. Крупные деревья медленно погружались в пропитанную водой почву.

Я вспоминал Коукера и его слова о руководителе, учителе и враче, и я думал об усилиях, которые потребуются, чтобы прокормить нас всех с этих немногих акров. О том, как подействуют на каждого из нас тюремное заключение и полная изоляция. О троих слепых, которые к старости будут все острее сознавать свою бесполезность и в конце концов впадут в отчаяние. О Сюзен, которой нужен будет муж и дети. О Дэвиде, и о дочке Мэри, и о будущих детях, которым суждено сделаться батраками, едва они окрепнут. О Джозелле и о себе, о том, как с годами нам придется гнуть спину все усерднее, чтобы прокормить тех, кто появится на свет, и о том, что все больше нужно будет трудиться вручную.

И были еще триффиды, которые терпеливо ждут своего часа. Я видел сотни их, стоящих плотной темно-зеленой стеной позади огады. Необходимо было открыть что-то, чтобы справиться с ними. Нужен какой-то естественный враг, какой-то яд, какой-то вирус. Для этого необходимо время, свободное от всякой другой деятельности. И как можно скорее. Время работало на триффидов. Им оставалось только ждать, а мы истощали свои ресурсы. Сначала горючее, затем не останется проволоки, чтобы чинить огады. А они или их потомки будут ждать и ждать, пока проволока проржавеет насквозь...

И все же Ширнинг стал нашим домом. Я вздохнул.

В траве зашелестели легкие шаги. Подошла Джозелла и села рядом. Я обнял ее за плечи.

— Что думают об этом они? — спросил я.

— Они очень переживают, бедняги. Им трудно понять, что триффиды ждут их, ведь они даже не видят их. Слепым, должно быть, ужасно переезжать в совершенно новое место. Они ведь знают только то, что мы говорим им. По-моему, они вряд ли представляют себе, что жить здесь скоро станет невозможно. Если бы не дети, они решительно бы отказались. — Она помолчала, затем добавила: — Понимаешь, это их дом, это все, что у них осталось. То есть это они так думают. В действительности это уже не только их дом, он и наш — не так ли? Мы много поработали для него. — Она положила ладонь на мою руку. — Ты его создал, Билл, и сохранил для нас. Как ты думаешь, может быть, нам подождать здесь еще год-другой?

— Нет, — сказал я. — Я работал потому, что все держалось на мне. А теперь это представляется мне напрасным.

— Милый, не надо! Подвиги странствующих рыцарей не бывают напрасны. Ты дрался за всех нас и отражал драконов.

— Главным образом из-за детей, — сказал я.

— Да... из-за детей, — согласилась она.

— И ты знаешь, меня все время преследовали слова Коукера: первое поколение — батраки; следующее — ди-кари... Надо, пока не поздно, признать поражение и немедленно уходить.

.. Она сжала мне руку:

— Не поражение, Билл, а всего лишь — как это называется? — стратегическое отступление. Мы отступаем,

чтобы работать и подготовить возвращение сюда. Мы ведь вернемся. Ты научишь нас, как стереть с лица земли этих гнусных триффидов, всех до единого, и отобрать у них нашу землю.

— Как ты веришь в меня, радость моя.

— Почему бы и нет?

— Что ж, я буду по крайней мере бороться. Но сначала мы переедем. Когда?

— Как по-твоему, нельзя ли нам провести лето здесь? Это было бы для всех нас вроде каникул... нам ведь не нужно теперь готовиться к зиме. А каникулы мы с тобой заслужили.

— Хорошо, — согласился я.

Мы сидели и смотрели, как долина растворяется в сумерках. Джозелла сказала:

— Как странно, Билл. Теперь, когда я могу бросить все это, мне не хочется уезжать. Иногда наш дом представлялся мне тюрьмой... а теперь я чувствую себя предателем. Понимаешь, я. Несмотря на все, я была здесь счастлива. Счастливее, чем когда-либо в моей жизни.

— Что до меня, родная, то я вообще раньше не жил. Но у нас будут еще лучшие времена. Это я тебе обещаю.

— Глупо, конечно, но я буду плакать, когда придет время уезжать. Я наплачу бочки слез. Ты не обращай на меня внимание.

Однако получилось так, что плакать нам было некогда.

ГЛАВА 17

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Джозелла была права: торопиться нужды не было. За лето я рассчитывал подыскать на острове подходящий дом и в несколько рейсов переправить туда самое ценное из собранных нами запасов и оборудования. Но между тем дрова наши пропали, а нам необходимо было топливо для кухни. На следующее утро мы с Сюзен отправились за углем.

Вездеход для этого не годился, и мы взяли грузовик с четырьмя ведущими колесами. Хотя ближайший угольный склад на железной дороге был от нас всего в десяти милях, нам пришлось из-за плохих дорог и объектов проездить почти весь день. Никаких неприятных происшествий с нами не случилось, но вернулись мы только к вечеру.

Миновав последний поворот на проселке (причем триффиды хлестали по грузовику с обеих сторон так же неумолимо, как всегда), мы в изумлении вытаращили глаза. Во дворе перед нашим домом стояла странная, чудовищного вида машина. Это зрелище так оглушило нас, что некоторое время мы сидели и глазели на нее с открытыми ртами. Затем Сюзен надела шлем и перчатки и вылезла открытыми воротами.

Мы поставили грузовик на место, подошли к диковинной машине и оглядели ее. Шасси у нее было на гусеницах, что свидетельствовало о ее военном происхождении. Она производила впечатление чего-то среднего между закрытым бронетранспортером и самодельным домиком на колесах. Мы с Сюзен переглянулись, подняв брови, и пошли в дом.

В холле мы обнаружили наших домочадцев и еще четырех незнакомых мужчин в одинаковых серо-зеленых лыжных костюмах. Двое из них были при пистолетах в кобурах на правом бедре; остальные двое были вооружены автоматами, которые они положили на пол рядом с собой.

Когда мы вошли, Джозелла повернулась к нам. Лицо у нее было каменное.

— Это мой муж. Билл, это мистер Торренс. Он сказал нам, что является официальным лицом. У него есть к нам предложение. — Мне никогда не приходилось слышать, чтобы она говорила таким ледяным тоном.

На секунду язык у меня прирос к гортани. Человек, на которого она указала, не узнал меня, но я-то запомнил его хорошо. Лицо, глядевшее на тебя через прорезь прицела, отпечатывается в памяти на всю жизнь. И вдобавок эти приметные рыжие волосы. Я отлично помнил, как этот деятельный молодой человек обошелся с моей командой в Хэмпстеде. Я кивнул ему. Он произнес, глядя на меня:

— Насколько я понимаю, вы здесь хозяин, мистер Мэйсен.

— Дом принадлежит мистеру Бренту, — ответил я.

— Я хочу сказать, что вы организатор этой группы.

— Пожалуй, — сказал я.

— Прекрасно. — На лице его было такое выражение, словно он говорил: «Ну вот, мы и достигли кое-чего». — Я являюсь командиром Юго-Восточного района, — заявил он.

Видимо, я должен был понять, что это значит. Но я не понял и сообщил ему об этом.

— Это означает, — пояснил он, — что я являюсь старшим должностным лицом чрезвычайного комитета для Юго-Восточного района Британских островов. В таком качестве на мне лежит обязанность надзора за распределением и размещением личного состава.

— Ну и ну, — сказал я. — Впервые слышу об этом... э... комитете.

— Возможно. Мы тоже не подозревали о существовании вашей группы, пока не заметили вчера дым пожара.

Я промолчал.

— Когда мы обнаруживаем такую группу, — продолжал он, — я обязан обследовать ее и определить сумму налогов, а также произвести необходимые изменения в ее составе. Таким образом, вы можете считать, что я здесь с официальным визитом.

— От официального комитета... — сказал Деннис. — Или, может быть, это самозванный комитет.

— Должен быть закон и порядок, — напыщенно произнес Торренс. Затем, изменив тон, он сказал: — У вас здесь удобное место, мистер Мэйсен.

— Это не у меня, а у мистера Брента, — поправил я.

— Оставим мистера Брента. Он здесь только потому, что вы согласились содержать его.

Я взглянул на Денниса. Лицо его застыло.

— Тем не менее это его собственность, — заметил я.

— Была, я так понимаю. Но общества, давшего ему санкцию на собственность, больше не существует. Поэтому право на владение исчезло. Более того, мистер Brent слепой и, таким образом, никак не может считаться достаточно компетентным.

— Ну и ну, — снова сказал я.

Этот молодой человек со своими решительными манерами не понравился мне еще в первую нашу встречу. И мое впечатление о нем не улучшилось в ходе нашего разговора. Он продолжал:

— Дело идет о жизни и смерти. Чувства не должны мешать необходимым практическим мероприятиям. Теперь так. Миссис Мэйсен сообщила мне, что здесь у вас восемь человек. Пятеро взрослых, вот этот подросток и двое детей. И за исключением этих трех, — он показал на Денниса, Мэри и Джойс, — все зрячие.

— Это так, — согласился я.

— Гм. Это, знаете ли, совершенно непропорционально. Боюсь, что здесь придется кое-что изменить. В наше время необходимо быть реалистами.

Джозелла поймала мой взгляд. В ее глазах я увидел предупреждение. Но я и без того не собирался бушевать. Я уже видел прямолинейные методы рыжеволосого человека в действии, и мне нужно было получше узнать, против чего придется бороться. Видимо, он понял, что я горю любопытством.

— Давайте лучше я посвящу вас во все подробности, — сказал он. — Вкратце дело обстоит так. Штаб района находится в Брайтоне. В Лондоне очень скоро стало слишком неудобно. В Брайтоне мы очистили часть города и установили там карантин. Брайтон достаточно велик. Когда прошла чума и мы получили возможность как следует оглядеться, оказалось, что в окрестностях имеется множество складов. Однако этот путь для нас теперь закрывается. Дороги сильно ухудшились: ездить приходится далеко. Этого следовало ожидать, разумеется. Правда, мы считали, что можем продержаться на несколько лет дольше, но получилось иначе. Возможно, мы с самого начала набрали слишком много людей. Как бы то ни было, мы должны расселиться. Единственный мыслимый путь — это жить на продукты с земли. Для этого нам нужно разбиться на мелкие группы. Стандартная группа установлена такая: один зрячий на десять слепых плюс неограниченное число детей.

У вас здесь удобное место, оно вполне может прокормить две группы. Мы закрепим за вами семнадцать слепых, тогда всего их у вас будет ровно двадцать плюс, конечно, дети, которые у них родятся.

Я с изумлением воззрился на него:

— И вы серьезно убеждены, что на продукты с этой земли могут прожить двадцать человек и их дети? Послушайте, да это же совершенно невозможно! Мы сомневались, проживем ли мы с этой земли сами.

Он уверенно кивнул:

— Очень даже возможно. Я предлагаю вам командование двойной группой, которую мы здесь разместим. Честно говоря, если вы откажетесь, мы поставим здесь кого-нибудь другого, кто не откажется. В такие времена нельзя позволить себе расточительность.

— Да взгляните вы на поле, — сказал я. — Оно просто не прокормит столько людей.

— Уверю вас, что прокормит, мистер Мэйсен. Разумеется, вам придется немного снизить жизненный уровень — всем нам придется на ближайшие несколько лет, но, когда подрастут дети, вы получите новые рабочие руки и сможете расширить хозяйство. Согласен, лично для вас это будет означать тяжелый труд в течение шести или семи лет, здесь уж ничего не поделаешь. Но затем вы станете постепенно освобождаться, и в конце концов за вами останутся только руководство и надзор. Это будет, несомненно, щедрой наградой за трудные годы, как вы считаете?

Какое будущее ждало бы вас, если бы вы остались в нынешнем положении? Только тяжелый труд, пока вы не умрете на борозде, а вашим детям придется продолжать тянуть ту же лямку, и все для того лишь, чтобы просто выжить. Откуда при такой системе возьмется будущие вожди и администраторы? На вашем прежнем пути вы будете выбиваться из сил и останетесь в том же положении еще двадцать лет, и все ваши дети вырастут деревенщиной. На нашем пути вы станете главою клана, который будет работать на вас, и вы передадите его в наследство вашим сыновьям.

До меня начало доходить. Я сказал с удивлением:

— То есть вы предлагаете мне что-то вроде... феодального владения?

— Ага, — сказал он, — вот вы и начали понимать. Для нынешнего положения вещей именно это является очевидной и совершенно естественной формой социальной и экономической организации.

Не было никакого сомнения в том, что этот человек говорит совершенно серьезно. Я не стал спорить и повторил снова:

— Но эта ферма просто не сможет прокормить столько человек.

— В течение нескольких лет вам придется, конечно, кормить их главным образом толчеными триффидами. Насколько можно судить, в этом сырье недостатка не будет.

— Пища для скота! — сказал я.

— Но зато очень питательная. Мне говорили, что она содержит массу витаминов. Нищим же — особенно слепым нищим — выбирать не приходится.

— И вы серьезно полагаете, что я должен взять этих людей и держать их на силосе?

— Послушайте, мистер Мэйсен. Если бы не мы с вами, никого из этих слепых не было бы сейчас в живых. И никого из этих детей. Им надлежит делать то, что мы им приказываем, брать, что мы им даем, и благодарить нас за все, что они получают. Если они откажутся от того, что мы им предлагаем... ну что ж, царство им небесное.

Я решил, что сейчас было бы неразумно высказывать ему свои чувства по поводу его философии. Я начал с другого конца:

— Я как-то не пойму... Скажите, а какую роль играете во всем этом вы и ваш комитет?

— В руках комитета верховная администрация и законодательная власть. Он будет править. Кроме того, он будет контролировать вооруженные силы.

— Вооруженные силы, — повторил я тупо.

— Разумеется. Когда это станет необходимо, мы создадим вооруженные силы путем рекрутского набора в феодальных владениях, как вы это называете. Взамен вы получите право взывать к комитету в случае нападения извне или внутренних мятежей.

Я почувствовал, что задыхаюсь.

— Армия! Конечно, это будет небольшой подвижной отряд полицейских сил?..

— Я вижу, вы узко мыслите, мистер Мэйсен. Бедствие, как вы знаете, не ограничилось нашими островами. Оно было всемирным. Всюду царит одинаковый хаос — это несомненно, иначе мы бы уже знали сейчас, что где-то положение иное, и в каждой стране, вероятно, есть свои уцелевшие. Ну так вот, рассудок подсказывает нам, что первая страна, которая вновь встанет на ноги и приведет себя в порядок, будет иметь наилучшие шансы привести в порядок и все остальные. Как по-вашему, можем мы оставить эту задачу какой-нибудь другой стране и дать ей сделаться новой доминирующей силой в Европе, а то и во всем мире? Очевидно, нет. Ясно, что нашим национальным долгом является как можно скорее встать на ноги и взять на себя статус ведущей державы, с тем чтобы противостоять возможной опасной оппозиции. Поэтому чем скорее мы создадим вооруженные силы, способные вселить страх в любого агрессора, тем будет лучше.

Несколько мгновений в комнате стояла тишина. Затем Деннис неестественно засмеялся:

— Всемогущий Боже! Мы пережили такое... а теперь этот человек предлагает начать войну!

Торренс резко возразил:

— Видимо, я выразился недостаточно ясно. Слово «война» является неоправданным преувеличением. Речь идет об умиротворении и должном наставлении племен, вернувшихся к первобытному беззаконию.

— Если только та же благодатная идея не пришла в голову этим самым племенам, — пробормотал Деннис.

Я заметил, что Джозелла и Сюзен очень пристально глядят на меня. Джозелла показала глазами на Сюзен, и я понял.

— Давайте поставим точки над «i», — сказал я. — Вы считаете, что мы, трое зрячих, можем взять на себя полную ответственность за двадцать взрослых слепых и за какое-то число их детей. Мне представляется...

— Слепые не совсем беспомощны. Они могут делать многое, в том числе для своих собственных детей, и они могут помогать готовить для себя пищу. При должной организации забота о них во многих отношениях сводится к надзору и руководству. Но вас будет здесь не трое, мистер Мэйсен, а двое: вы и ваша жена.

Я посмотрел на Сюзен, сидевшую очень прямо в своем голубом костюмчике, с красной ленточкой в волосах. Она переводила взгляд с меня на Джозеллу, и в глазах ее была горячая мольба.

— Трое, — сказал я.

— Мне очень жаль, мистер Мэйсен. На группу положено десять человек. Девочку мы возьмем в штаб. Мы подыщем для нее какую-нибудь полезную работу, а когда она подрастет, мы дадим ей группу.

— Мы с женой считаем Сюзен своей дочерью, — резко сказал я.

— Повторяю, мне очень жаль. Но таков закон.

Несколько секунд я глядел на него, а он твердо глядел на меня. И тогда я сказал:

— В таком случае мы требуем в отношении ее твердых гарантий и обязательств.

Мои домочадцы неслышно ахнули. Торренс немного смягчился:

— Естественно, вы получите все практически мыслимые гарантии, — сказал он.

Я кивнул:

— Мне нужно время, чтобы все это обдумать. Для меня это полная неожиданность. Кое-что приходит в голову уже сейчас. Оборудование у нас износилось. Найти новое, не поврежденное ржавчиной, теперь трудно. И я предвижу, что в ближайшее время мне понадобятся хорошие, сильные рабочие лошади.

— С лошадьми трудно. Сейчас их мало. Некоторое время вам придется в качестве тягла использовать людей.

— Далее, — продолжал я, — относительно жилья. Пристройки малы, а в одиночку я неспособен построить даже временные сооружения.

— В этом, кажется, мы можем вам помочь.

Мы обсуждали детали еще минут двадцать. Торренс сделался почти любезен, а затем я спровадил его вместе с его угрюмыми охранниками осматривать в сопровождении Сюзен наше хозяйство.

— Билл, как ты мог?.. — начала Джозелла, едва за ними закрылась дверь.

Я рассказал ей все, что знал о Торренсе и его методе устранять препятствия при помощи огнестрельного оружия.

— Это меня ничуть не удивляет, — заметил Деннис. — Меня удивляет совсем другое, и знаете что? Что я вдруг почувствовал симпатию к триффидам. По-моему, если бы не они, таких гадостей сейчас было бы гораздо больше. И если они смогут воспрепятствовать возрождению крепостного права, то я желаю им всяческой удачи.

— Вся эта идея абсурдна, — сказал я. — У них нет ни малейших шансов. Разве смогли бы мы с Джозеллой содержать такую кучу народа и одновременно еще отбиваться от триффидов? Однако, — добавил я, — мы не можем прямо отказываться от предложения, которое делают четверо вооруженных людей.

— Значит, ты не...

— Милая моя, — сказал я. — Неужели ты всерьез можешь представить меня феодальным сеньором, ударами бича понуждающим к работе крепостных и вилланов? Даже если триффиды не сомнут меня до этого...

— Но ты сказал...

— Послушайте, — сказал я. — Уже темнеет. Сегодня они не уедут. Им придется остаться здесь на ночь. Завтра они решат забрать Сюзен с собой — она будет заложницей, отвечающей за наше поведение. И они могут оставить здесь одного или двух охранников, чтобы присмат-

ривать за нами. Так вот, я думаю, нам это не подходит Верно?

— Конечно, однако...

— Мне кажется, я убедил его в том, что его идея начала мне импонировать. Сегодня вечером у нас будет ужин, который должен быть воспринят как знак взаимопонимания. Приготовьте хороший ужин. Все ешьте как можно больше. Накормите поплотнее детей. Подайте на стол нашу лучшую выпивку. Проследите, чтобы Торренс и его парни выпили как следует, но сами на спиртное не нажимайте. К концу ужина я на несколько минут выйду. Продолжайте увеселять компанию, чтобы это не бросалось в глаза. Поставьте пластинки с развеселыми песенками или что-либо в этом роде. И все хором подпевайте. Еще одно: ни слова о Микаэле Бидли и его группе. Торренс, должно быть, знает о колонии на Уайте, но незачем давать ему понять, что мы тоже знаем. А теперь мне нужен мешок сахару

— Сахару? — растерянно спросила Джозелла.

— Нет? Ну, тогда большой бидон меда. Мне кажется, мед тоже подойдет.

За ужином каждый сыграл свою роль прекрасно. Компания не только оттаяла, она по-настоящему оживилась. Джозелла в добавление к ортодоксальным напиткам выставила крепкую брагу собственного изготовления, которая была принята благосклонно. Когда я потихоньку вышел, гости были в состоянии приятной расслабленности.

Я подхватил узел с одеялами и одеждой и пакет с едой, лежавшие наготове, и поспешил через двор к сараю, где находился вездеход. При помощи шланга я доверху наполнил баки вездехода из цистерны, в которой мы держали наши основные запасы бензина. Затем я занялся диковинной машиной Торренса. Подсвечивая себе фонариком, я с некоторым трудом нашел крышку карбюратора и залил в бак литра полтора меду. Остальной мед из большого бидона я опростал в цистерну.

Мне было слышно, как поет и шумит компания. Добавив к вещам, уже уложенным в вездеход, кое-что из триффидного снаряжения и других мелочей, я вернулся в дом и присоединился к пирующим. Вечер закончился в атмосфере, которую даже внимательный наблюдатель принял бы за доброжелательную.

Мы дали им два часа, чтобы заснуть покрепче

Поднялась луна, и двор был залит белым светом. Я забыл смазать дверь в сарае, и она отчаянно заскрипела. Остальные уже гуськом двигались ко мне. Бренцы и Джойс хорошо знали двор, поэтому поводыр им не требовался. Следом за ними шли с детьми на руках Джозелла и Сюзен. Дэвид сонно захныкал, но Джозелла быстро прикрыла ему рот ладонью. Не выпуская его из рук, она вскарабкалась в кабину. Остальных я усадил позади и закрыл дверцу. Затем я забрался на водительское место, поцеловал Джозеллу и перевел дыхание.

На другой стороне двора триффиды теснились у самых ворот, как всегда, если их не трогали несколько часов.

Волею providения двигатель вездехода завелся моментально. Я включил первую передачу, объехал машину Торренса и двинулся прямо на ворота. Тяжелый бампер с треском ударил в створки. Мы рванулись вперед, волоча за собой фестоны из проволоки и сломанных досок, сбили дюжину триффидов и под градом яростных ударов жалами миновали остальных. Затем мы помчались по проселку.

Там, где поворот на подъеме давал возможность еще раз увидеть Ширнинг, я затормозил и выключил двигатель. В нескольких окнах горели огни, затем вспыхнули фары машины и залили дом ярким светом. Зарычал стартер. Послышались выхлопы, и у меня слегка екнуло сердце, хотя я знал, что скорость нашего вездехода в несколько раз превосходит скорость этого неуклюжего устройства. Машина начала рывками разворачиваться на гусеницах передом к воротам. Не успела она закончить разворот, как ее двигатель зафыркал и смолк. Снова зарычал стартер. Он рычал и рычал, раздраженно и безрезультатно.

Триффиды уже обнаружили, что ворота опрокинуты. В лунном сиянии и свете фар мы видели, как их высокие тонкие силуэты, раскачиваясь на ходу, торопливой процессией вливаются во двор; другие триффиды ковыляли вниз по склонам долины, чтобы последовать за ними...

Я поглядел на Джозеллу. Она не наплакала бочек слез: она вообще не плакала. Она посмотрела на меня, затем на Дэвида, спавшего у нее на руках.

— У меня есть все, что мне по-настоящему нужно, — сказала она. — И когда-нибудь ты приведешь нас сюда обратно, Билл.

— Это очень славно, когда жена так уверена в муже, радость моя, но... Нет, черт возьми, никаких «но». Я приведу вас сюда снова, — сказал я.

Я вышел, чтобы удалить с крыльев вездехода обломки ворот и стереть яд с ветрового стекла, чтобы мне видна была дорога прочь отсюда, через вершины холмов на юго-запад.

Здесь мой рассказ о себе объединяется с историей остальных. Вы найдете ее в великолепных хрониках колонии, принадлежащих перу Элспет Кэри.

Наши надежды сосредоточены теперь здесь. Вряд ли что-нибудь выйдет из неофеодалного плана Торренса, хотя несколько его феодальных владений сохранилось до сих пор. Насколько мы знаем, они влачат весьма жалкое существование. Их стало гораздо меньше, чем было. Айвен то и дело докладывает, что пало еще одно феодальное поместье и что осаждавшие его триффиды разбрелись, чтобы принять участие в других осадах.

Таким образом, задачу, стоявшую перед нами, будем выполнять мы сами, без посторонней помощи. Теперь уже виден путь, но придется затратить еще много усилий и выполнить много исследований. А потом наступит день, и мы (или наши дети) переправимся через узкие проливы и погоним триффидов, неустанно истребляя их, пока не сотрем последнего из них с лица земли, которую они у нас отняли.

КУКУШКИ МІДВИЧА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ВЪЕЗД В МИДВИЧ ЗАКРЫТ

Одним из счастливейших событий в жизни моей жены надо считать то, что она вышла замуж за человека, родившегося 26 сентября. Иначе мы, без сомнения, именно в Мидвиче провели бы ту самую ночь с 26 на 27 сентября, от последствий которой, к моей неизбывной радости, жена оказалась избавленной.

Поскольку это был мой день рождения, а также отчасти из-за того, что накануне я подписал контракт с американским издательством, еще утром 26-го мы отправились в Лондон, чтобы отпраздновать там в скромной обстановке оба указанных события. Все прошло очень мило: несколько приятных визитов, омар и шабли в «Кореннике», последняя постановка Устинова, ужин и возвращение в отель; Джанет отправилась в ванную, где нежилась с особым наслаждением, которое она почему-то испытывает при пользовании чужими «удобствами».

Утром мы, не торопясь, отправились в Мидвич.

Короткая остановка в Трайне — самом близком к нам торговом центре; там мы запаслись кое-какой бакалеей, а затем по главному шоссе — до деревни Стауч, правый поворот на дорогу второго класса и...

Как бы не так! Дорога наполовину оказалась блокированной барьером, на котором болталась табличка с надписью: «Проезд закрыт», а в оставленном проходе с поднятой рукой стоял полисмен.

Я остановил машину. Полисмен подошел к нам, и я узнал его — он был из Трайна.

— Простите, сэр, но проезд закрыт.

— Вы хотите сказать, что придется делать объезд через Оппли?

— Боюсь, что там тоже закрыто, сэр.

— Как же...

Позади прозвучал громкий сигнал.

— Будьте добры, сэр, подайте машину чуть влево.

— В Мидвиче что — революция?

— Маневры, — ответил полисмен. — Проезд закрыт

— Не могут же выйти из строя сразу обе дороги? Вы нас знаете, мы ведь живем в Мидвиче, констебль.

— Знаю, сэр. Только сейчас туда не проехать. На вашем месте, сэр, я бы вернулся в Трайн и обождал там, пока все наладится. А тут стоять тоже нельзя — мешает движению

Джанет открыла дверь с другой стороны машины и вытащила свою продовольственную сумку.

— Я пойду пешком, а ты догонишь меня, когда можно будет проехать.

Констебль помялся. Потом почти шепотом сказал:

— Раз уж вы там живете, мэм, я скажу, но вроде как бы конфиденциально... Не стоит и пробовать, мэм. В Мидвич никто попасть не может, точно.

Тут-то мы устали на него.

— Почему же? — удивилась Джанет.

— А вот это как раз и пытаются выяснить, мэм. А пока, если вы вернетесь в Трайн и остановитесь в «Орле», я прослежу, чтобы вас уведомили, как только дорога откроется.

Мы с Джанет переглянулись.

— Ладно, — сказала она констеблю — Все это очень странно, но если вы уверены, что проехать никак нельзя

— Совершенно уверен, мэм. Да и приказ у меня есть. Мы вас известим сразу же.

Ну, если человек упрется, то спорить с ним бесполезно. Этот полисмен выполнял свой долг и к тому же был вежлив.

— Хорошо, — согласился я. — Скажу в «Орле», чтобы мне передали на случай, если отлучусь.

Я дал задний ход и ехал так, пока не выбрался на главное шоссе, но, учитывая слова полисмента, что вторая дорога тоже перекрыта, повернул обратно к Лондону. Как только мы проехали Стауч, я свернул с шоссе на одну из проселочных дорог.

— Все это, — сказал я, — очень странно пахнет. Давай-ка дернем пешком прямо через поля и посмотрим, что там такое.

— Да, полисмен вел себя крайне подозрительно. Попробуем, — согласилась Джанет, выбираясь из машины.

Особую загадочность истории придавало то, что Мидвич имел репутацию места, где никогда и ничего не происходит. Мы прожили там уже почти год и считали эту славу

главной чертой Мидвича. В самом деле, если бы у въезда в деревушку на столбах был вывешен знак в виде красного треугольника с надписью: «Мидвич. Не будить», он прекрасно подошел бы к местному колориту. И почему именно Мидвичу было оказано предпочтение перед тысячами других схожих с ним населенных пунктов, видимо, так навсегда и останется тайной.

Постарайтесь проникнуться обыденностью этого местечка.

Мидвич лежит примерно в восьми милях к северо-западу от Трайна. Главное шоссе от Трайна идет на запад и прорезает деревни Стауч и Оппли, причем в местах пересечений от него отходят две дороги на Мидвич. Сама деревушка образует как бы вершину треугольника, а Стауч и Оппли — два других его угла. Есть еще одна дорога, вернее, проселок, который, причудливо извиваясь на протяжении пяти миль, ведет в Хикхэм, расположенный всего в трех милях к северу от Мидвича.

В центре Мидвича находится треугольный сквер, его украшают пять прекрасных вязов и пруд, окруженный выкрашенной в белую краску оградой. Памятник погибшим воинам помещается в одном углу сквера, в том, что напротив церкви, а по краям сквера возвышается сама церковь, дом vicария, гостиница, кузница, почта, магазинчик миссис Велт и несколько коттеджей. Деревушка состоит из шестидесяти домов, здания муниципалитета, Кайл-мэнора и Грейнджа*.

Церковь подвергалась многочисленным перестройкам, но купель и западная дверь восходят чуть не ко временам норманнов. Дом vicария — образец георгианского стиля, Грейндж — викторианского, фундамент Кайл-мэнора заложен во времена Тюдоров, но верх особняка сильно изменен последующими перестройками. Что касается коттеджей, то спектр их стилей очень пестр и включает все, что возникло между правлениями обеих Елизавет. Самые молодые по возрасту строения — два коттеджа; принадлежащие муниципальному совету и два производственных крыла, сооруженных в Грейндже, когда некое министерство купило поместье для организации там научно-исследовательской лаборатории.

Истоки возникновения Мидвича скрыты во мраке истории. Его местоположение трудно было счесть стратегически важным с точки зрения рынка даже в эпоху выючного

* Поместье, ферма с пристройками.

транспорта. Впечатление такое, что поселок возник здесь сам собой, без всяких на то причин. Уже в Книге Судного дня* он числится в ранге «сёления», в том же качестве пребывает и до сих пор, поскольку железные дороги его обошли так же, как раньше дилижансные пути и судходные каналы.

Насколько известно, залежей полезных ископаемых под Мидвичем нет; никакой чиновничий глаз еще не уловил тут возможности построить аэродром, полигон для испытания бомб или военное училище. Только министерство вторглось сюда, но переоборудование Грейнджа фактически ничего не изменило в течении сельской жизни. Мидвич живет (вернее сказать, жил) и дремлет на своих плодоносных землях в сельском покое вот уже более тысячи лет, и до 26 сентября не было никаких оснований ожидать, что он не проведет в том же состоянии другую тысячу.

Не следует, однако, полагать, что из сказанного выше вытекает отсутствие у Мидвича собственной истории вообще. Она, конечно, существует. В 1931 году тут вспыхнула эпидемия ящура. В 1916 году сбившийся с курса цеппелин сбросил на Мидвич бомбу, которая упала на вспаханное поле, но, к счастью, не взорвалась. Да и раньше названию деревушки случалось попадать в заголовки газет или листовок, например, когда Черный Нэд — второразрядный дорожный грабитель — был застрелен на ступеньках «Косы и камня» Красоткой Полли Паркер.

Известно также сенсационное закрытие расположенного неподалеку аббатства святого Франсиска Ассизского и разгон его братии по причинам, ставшим поводом для многочисленных слухов и разговоров, последовавших после 1493 года.

Другие события включают в себя превращение церкви в конюшню солдатами Кромвеля, а также визит Уильяма Вордсворта**, коего развалины аббатства подвигли к написанию одного из его самых скучных и нравоучительных сонетов.

Но если все сказанное выше исключить, то время текло над Мидвичем спокойно и равномерно. Да и местные жители, кроме немногих юнцов и девиц, охваченных возрастной неврастенией, не испытывали желаний жить иначе. В самом деле, исключая викария и его жену, чету Зиллейби в Кайл-мэноре, доктора, фельдшерицу, нас с Джанет и, разу-

* Кадастровая книга — земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1085—1086 годах.

** Английский поэт (1770—1850).

меется, научный персонал Грейнджа, многие поколения аборигенов жили как бы в сонном царстве, ставшем нормой их жизни.

Днем 26 сентября, казалось, ни одна тучка не предвещала будущих бедствий. Возможно, миссис Брант, жена кузнеца, и почуяла что-то зловещее, узрев на своем поле девять сорок, как она впоследствии уверяла, а мисс Огл, почтмейстерша, может быть, и встревожилась зрелищем привидевшегося ей накануне во сне гигантского летучего вампира. Но даже если все это и имело место, то, к сожалению, дурные предчувствия у миссис Брант и страшные сны у мисс Огл случались слишком часто, чтобы сыграть роль надежного предвестника. Никаких других свидетельств, что в понедельник вечером Мидвичу предстояло нечто необычайное, не существовало. Совершенно нормальным он показался и нам с Джанет, когда мы уезжали в Лондон. И тем не менее во вторник 27-го...

Мы заперли машину, перелезли через калитку и пошли по стерне, стараясь держаться поближе к живой изгороди. Когда изгородь кончилась, перед нами открылось еще одно сжатое поле. Мы пересекли его наискосок и уперлись в следующую изгородь, причем столь высокую, что пришлось довольно долго идти вдоль нее, отыскивая, где перелезть. Наконец мы поднялись на холм, откуда был виден Мидвич. Точнее, сам Мидвич заслоняли деревья, но мы увидели несколько столбов серого дыма, лениво поднимающихся в воздух, а также церковный шпиль, торчащий над вязами. На соседнем поле виднелись четыре-пять коров, которые, как мне показалось, крепко спали, лежа на земле.

Я не сельский житель, я всего лишь заезжий обыватель, но помню, как в подсознании мелькнуло ощущение какой-то ошибки в этой мирной картине. Коровы, лежащие на брюхе и лениво пережевывающие жвачку, — дело обычное, а вот коровы, крепко спящие на боку, — уж извините! Но в тот момент мысль эта еще полностью не сформировалась, возникло только ощущение, что тут что-то не так.

Мы пошли дальше. Перелезли через изгородь того поля, где лежали коровы, и пересекли его. Вдруг кто-то окликнул нас — слева, издалека. Я оглянулся и увидел человека в хаки. Он кричал что-то неразборчивое, но по тому, как он размахивал своей палкой, было очевидно, что от нас требуют, чтобы мы убирались прочь. Я остановился.

— Пошли, Ричард! Он же далеко! — нетерпеливо крикнула Джанет, вырываясь вперед.

Я все еще колебался, продолжая рассматривать незнакомца, который потрясал палкой энергичней, чем прежде, а орал еще громче, хотя и ничуть не разборчивее. Потом решил последовать примеру Джанет. К этому времени она опередила меня ярдов на двадцать, но не успел я сделать и нескольких шагов, как Джанет вдруг закачалась и беззвучно рухнула на землю.

Я замер как вкопанный. Рефлекторно. Если бы она упала с вывихнутой коленкой или просто споткнулась, я бы побежал, кинулся к ней. Но все произошло так внезапно, так жутко, что на мгновение мной овладела идиотская мысль, будто Джанет застрелили. Ступор прошел так же быстро, как и возник. Я рванулся с места. Каким-то краем сознания я улавливал, что человек с палкой все еще кричит, но это не остановило меня. Я бежал к Джанет.

И не добежал.

Я вырубился так моментально, что даже не увидел, как вздыбилась земля, чтобы с силой ударить меня по лицу.

ГЛАВА 2

В МИДВИЧЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Как я уже говорил, 26 сентября в Мидвиче царило полное спокойствие. Позже я предпринял собственное расследование и узнал практически обо всех — где они были и что делали в тот вечер.

В «Косе и камне», например, обслуживали завсегдатаев, число которых, вообще говоря, было величиной постоянной. Кое-кто из молодежи отправился в Трайн в киношку; кстати, в большинстве своем это были те же люди, что ездили туда и в прошлый понедельник. Мисс Огл на почте вязала возле коммутатора, полагая, что бытовые разговоры горожан куда интереснее, чем то, что передается по радио. Мистер Таппер, работавший садовником до того, как выиграл фантастический приз в футбольном тотализаторе, был крайне раздражен непололадками в своем призовом телевизоре, у которого барахлил красный спектр, и поносил его такими словами, что миссис Таппер отправилась спать. В окнах нескольких комнат лабораторного крыла Грейнджа все еще горел свет, в чем не было ничего необычного: как правило, два-три

сотрудника продолжали свои таинственные исследования далеко за полночь.

Все было как обычно, но любой самый непримечательный день может стать для кого-то совершенно исключительным. Как я уже говорил, из-за моего дня рождения окна в нашем коттедже были закрыты и темны. А в Кайл-мэноре случилось так, что именно тогда мисс Феррилин Зиллейби доказала младшему лейтенанту Алану Хьюэсу, что помолвка фактически требует участия не двух персон, а большего числа людей и что было бы правильнее известить об этом событии и ее отца. Алан, после некоторых колебаний и возражений, позволил доставить себя к дверям кабинета Гордона Зиллейби, дабы ознакомить последнего со сложившейся ситуацией.

Он обнаружил седовласого, элегантного хозяина Кайл-мэнора в глубоком мягком кресле, с закрытыми глазами, откинувшимся на удобную спинку, так что с первого взгляда могло показаться, что он спит, усыпленный дивной музыкой, заполнявшей комнату.

Молча, не открывая глаз, Зиллейби разрушил это впечатление, легким движением руки указав на другое кресло, а затем приложил палец к губам, призывая соблюдать тишину.

Алан на цыпочках подошел к креслу и сел. Последовала интерлюдия, во время которой все заготовленные ранее фразы, уже державшиеся на самом кончике языка Алана, внезапно исчезли где-то в глотке, и в течение следующих минут десяти Алану пришлось посвятить себя исключительно созерцанию кабинета.

Стены от пола до потолка занимали книги, только дверь, через которую он вошел, нарушала стройность книжных рядов. Книги, книги, книги, расставленные в невысоких шкафах, заполняли комнату по всему периметру, прерываясь лишь широкими французскими окнами, камином, где поблескивал приятный, но не очень нужный в эту погоду огонь, и отличным проигрывателем.

Один из застекленных шкафов был полностью отведен под «Труды» Зиллейби — в разных изданиях и на всевозможных языках, причем на нижних полках предусмотрено было оставлено место для будущих поступлений.

Над этим шкафом висел набросок красной сангиной, изображавший красивого молодого человека, в котором легко узнавался Гордон Зиллейби, только моложе лет на сорок. На другом шкафу отличный бронзовый бюст отражал то

впечатление, которое двадцатью пятью годами позже Зиллейби произвел на Эпштейна. Несколько подписанных фотографий различных знаменитостей висели на стенах. Каминная полка и стена возле камина отводились домашним реликвиям. Рядом с портретами отца и матери Гордона, его брата и двух сестер располагался очень похожий портрет Феррилин и портрет ее матери (миссис Зиллейби Первой).

Портрет Анжелы — нынешней миссис Зиллейби — украшал центр кабинета — огромный, обитый кожей стол, на котором писались знаменитые «Труды»

Вспомнив о «Трудах», Алан подумал, что его визит, похоже, не совсем уместен — налицо было явное рождение нового «Труда». Этим, видимо, и объяснялся очевидный отрыв мистера Зиллейби от реальной жизни.

«Он всегда становится таким, когда его мысль начинает бурлить, — объясняла ему Феррилин. — Что-то в него вселяется. Он уходит в дальние прогулки, забывает, где находится, звонит, чтобы за ним приехали и забрали домой. В такие минуты с ним бывает очень трудно, но все налаживается, когда он садится за стол писать книгу. Однако до этого за ним приходится строго следить, а то он начисто забывает о еде. Вот так вот»

Комната с комфортабельными креслами, мягким освещением и толстым ковром показалась Алану практически воплощением взглядов ее хозяина на важность сбалансированного существования. Он вспомнил, что в «Пока мы живы» — единственной работе Зиллейби, которую он прочел, — тот рассматривает и аскетизм, и чрезмерное эпикурейство в духе проявлений низкого уровня общественной адаптации. Это была интересная, подумал Алан, но мрачноватая книга; автор, по его мнению, придавал слишком большое значение тому факту, что нынешнее поколение куда динамичнее и куда менее отягощено иллюзиями, чем все предшествующие.

Наконец, поднявшись креслендо, музыка оборвалась. Зиллейби выключил проигрыватель, щелкнув переключателем на подлокотнике кресла, открыл глаза и взглянул на Алана.

— Надеюсь, вы не скучали? У меня такое чувство, что уж если играют Баха, то прерывать грешно. Кроме того, — добавил он, бросив взгляд на проигрыватель, — у нас еще не выработался инстинкт обращения с такими новшествами. Делается ли, например, искусство музыканта менее достойным уважения, когда сам музыкант отсутствует? В чем заключается деликатность? В том, что я уступаю вам, вы —

мне, а мы вместе — гению, даже если это гений, так сказать, не из первого разряда. Кто знает? Вряд ли мы поймем это на нашем веку.

Мне кажется, нам плохо удастся интеграция технических новаций в общественную жизнь. Мир, который запечатлен в пособиях по этикету, распался на куски еще в конце прошлого столетия, а нового кодекса, определяющего отношение к новоизобретенным сущностям, еще не появилось. Нет даже правил, нарушение которых могло бы рассматриваться как еще один удар по свободе. Жаль, не правда ли?

— Э-э-э... да, конечно, — согласился Алан. — Я, э-э

— Хотя, заметьте, — продолжал Зиллейби, — считается *démode** признавать существование подобной проблемы. Истинное детище нашего столетия не заинтересовано в достижениях внутренней согласованности с этими новациями. Оно лишь жадно усваивает их по мере появления. И только когда сталкивается с чем-то очень большим; оно проникается сознанием существования социальных последствий, но и тогда, вместо того чтобы искать консенсус, только бросается на поиск несуществующего простого выхода из сложной ситуации: в виде ограничения, запрещения и тому подобного, как в случае с водородной бомбой.

— Э-э-э... Да, думаю, вы правы... Но я хотел...

Зиллейби уловил в голосе собеседника явное безразличие к его словам.

— Когда человек молод, — продолжал он задумчиво, — необычный, неформальный, стихийный образ жизни представляется ему весьма романтическим. Но не таковы, согласитесь, основы, на которых стоит этот очень сложный мир. К счастью, мы — люди Запада — все еще сохраняем определенный этический каркас, хотя и у нас появились признаки того, что этот скелет уже не может с прежней надежностью выдерживать груз новых знаний. Вы согласны со мной?

Алан тяжело вздохнул. Воспоминания о своих прежних барахтаниях в сетях логических построений Зиллейби заставили его избрать самый прямой путь.

— Видите ли, сэр, я хотел бы поговорить с вами о совершенно другом деле, — сказал он.

Когда Зиллейби встречался с препятствиями, прерывавшими плавное течение его речи, он старался воспринимать

* Устарелым (фр.).

их с должной снисходительностью. Поэтому он на время отложил анализ этического каркаса и ответил:

— Конечно, конечно, мой мальчик. Разумеется! О чем же?

— Это... это касается Феррилин...

— Феррилин? Ах да! Боюсь, что она уехала в Лондон на пару дней, чтобы навестить мать. Должна вернуться завтра.

— Э-э-э... но она только сегодня вернулась, мистер Зиллейби!

— Вот как! — воскликнул Зиллейби. Потом, подумав, добавил: — Конечно! Она же ужинала с нами! И вы — тоже! — сказал он с торжеством в голосе.

— Да, — ответил Алан и, продолжая настойчиво преследовать представившийся ему шанс, бросился в изложение своих проблем, с отчаянием ощущая, что от заготовленных фраз не осталось камня на камне.

Зиллейби терпеливо слушал, пока Алан продирался к концу своего повествования, завершив его словами:

— И я надеюсь, сэр, что у вас не будет возражений против нашего официального обручения...

Тут глаза Зиллейби округлились.

— Дорогой мой, вы, по-видимому, несколько преувеличиваете мою роль. Феррилин вполне разумная девочка, и у меня нет ни малейшего сомнения, что к настоящему времени и Феррилин, и ее мать знают о вас все, что нужно, и, надо думать, уже приняли глубоко обоснованное решение.

— Но я еще не встречался с миссис Холдер, — возразил Алан.

— Ну, если бы вы были знакомы, то ориентировались бы в ситуации куда лучше. Джейн — великий организатор, — ответил Зиллейби, благосклонно поглядывая на портрет на каминной полке. Затем он встал. — Что ж, свою роль вы сыграли вполне достойно. Значит, и мне следует вести себя так, как полагает нужным Феррилин. Не будете ли вы добры собрать здесь всю компанию, пока я распоряжусь насчет бутылки?

Через несколько минут, когда вокруг него собрались жена, дочь и будущий зять, Зиллейби поднял бокал.

— Выпьем же, — объявил он, — за соединение любящих душ. Правда, институт брака в том виде, в котором он поддерживается церковью и государством, представляет собой удручающе механистический подход к проблеме партнерства и практически мало чем отличается от взглядов Ноя. Человеческий дух, однако, могуч, и любви нередко удается выжить в окружении грубых социальных институтов и установок. Поэтому будем надеяться...

— Папочка, — прервала его Феррилин, — сейчас уже больше десяти, а Алан должен добраться до своего лагеря вовремя, а то его засунут «на губу» или еще куда-нибудь. Все, что тебе следует сказать, — это: «Долгой жизни и долгого счастья вам обоим!»

— О! — воскликнул мистер Зиллейби. — А ты уверена, что этого достаточно? Мне кажется, это слишком лаконично. Однако, если ты полагаешь, что подобное обращение более соответствует данным обстоятельствам, я так и скажу, дорогая. С большим удовольствием скажу.

Что он и сделал.

Алан поставил пустой бокал.

— Боюсь, слова Феррилин близки к истине, сэр. Мне действительно пора.

Зиллейби, соболезнуя, покачал головой:

— У вас сейчас тяжелое время. Как долго оно еще продлится?

Алан ответил, что надеется освободиться от службы месяца через три.

Зиллейби снова кивнул.

— Надеюсь, полученный опыт пойдет вам на пользу. Иногда мне жаль, что сам я им не обзавелся. Для первой войны был слишком молод, во вторую был откомандирован в министерство информации, хотя предпочел бы что-нибудь более интересное. Ну что ж, спокойной ночи, дружок. Это... — Тут он прервал речь, пораженный внезапной мыслью. — Боже мой!.. Мы так привыкли называть вас просто Аланом, что я, оказывается, даже не знаю вашей фамилии. Может, наведем порядок в этом деле?

Алан назвал, и они снова подали друг другу руки.

Выйдя с Феррилин в холл, Алан посмотрел на часы.

— Слушай, мне надо поторапливаться. Увидимся завтра, любимая. В шесть. Спокойной ночи, родная.

В дверях они горячо и торопливо поцеловались, и Алан сбежал по ступенькам к своей красной машине, стоявшей у подъезда. Зажигание сработало четко, мотор взревел. Алан дал газу и, выбросив фонтаны гравия из-под задних колес, умчался.

Феррилин долго смотрела на удаляющиеся красные огни машины. Постояла, прислушиваясь, пока рев мотора не превратился в едва слышный гул, затем закрыла парадную дверь. Входя в кабинет, она заметила, что часы в холле показывают 10 часов 15 минут.

Итак, в 10.15 в Мидвиче ничего неординарного еще не случилось.

С отъездом Алана мирная тишина снова распростёрлась над селением, только и мечтавшем поскорее завершить свой трудовой день и подготовиться к наступлению такого же мирного и лишённого потрясений дня завтрашнего.

Окна многих коттеджей еще отбрасывали в полумрак теплого вечера желтые полосы света, отражавшегося в каплях недавно прошедшего дождя. Внезапные взрывы голосов, раздававшиеся время от времени, были не местного происхождения. Они исходили из телевизоров и прочей звучащей аппаратуры. Эти звуки как бы создавали фон, при котором большая часть жителей Мидвича готовилась отойти ко сну. Многие — самые старые и самые юные — уже спали, а хозяйки торопились наполнить кипятком свои постельные грелки.

Из «Косы и камня» выпроваживали последних клиентов, которые оттягивали свой уход, выпрашивая «посошок на дорожку». К 18.15 все, кроме Гарри Кранкхарта и Альфреда Уатта, продолжавших спор о минеральных удобрениях, уже добрались до своих жилищ.

Истекающему дню предстояло завершиться еще одним событием — приездом автобуса, который должен был доставить в Мидвич его самых светских представителей, ездивших в Трайн. После этого у Мидвича откладывать свой сон уже не было оснований.

В доме викария мисс Полли Растон в 10.15 размышляла о том, что если бы она улеглась в постель полчаса назад, то сейчас наслаждалась бы книгой, бесполезно покоившейся у нее на коленях, а не играла бы роль свидетельницы соперничества между дядей и теткой. Ибо в одном углу комнаты дядя Губерт — преподобный Губерт Либоди — пытался участвовать в передававшейся по третьей программе дискуссии о дософокловой концепции эдипова комплекса, в то время как в другом углу тетя Дора беседовала по телефону. Дядя Губерт, справедливо считая, что наука не должна быть утоплена в чепухе, уже дважды увеличивал громкость, причем звуковые возможности телевизора были далеко не исчерпаны. Винить его в том, что он и не догадывался о важности живой телефонной беседы (она казалась ему лишь пустой женской болтовней), было никак нельзя. Об этом догадаться не смог бы никто.

Звонили из Северного Кенсингтона (Лондон), где миссис Ключи вдруг ощутила нужду в своей старинной подруге миссис Либоди. К 10.15 им, наконец, удалось добраться до сути дела.

— А теперь, Дора, скажи, — только помни, что мне нужен совершенно откровенный ответ, — как ты думаешь, в случае Кэтти, что лучше — белый шелк или белая парча?

Миссис Либоди «тянула резину». Ясно, что в таком контексте слово «откровенный» никак нельзя счесть случайностью, и, зная миссис Ключи, можно было, по меньшей мере, сожалеть, что она не сделала хотя бы легчайшего намека. Вероятно, сатин, думала миссис Либоди, но ей не хотелось ставить на карту столь долгую дружбу. Она попыталась нащупать верный ответ.

— Конечно, для столь юной новобрачной... Хотя Кэтти вряд ли можно считать очень юной, и поэтому...

— Разумеется, не очень юной, — согласилась миссис Ключи и замолчала.

Миссис Либоди мысленно предала анафеме как настойчивость своей подруги, так и третью программу супруга, мешавшую ей трезво мыслить и отыскивать верное решение.

— Что ж, — сказала она наконец. — И тот и другой материал очаровательны, разумеется, но для Кэтти я бы.

И в это мгновение ее голос в трубке прервался. Далеко отсюда, в Северном Кенсингтоне, миссис Ключи с нетерпением дожидалась ответа и поспатривала на часы. Не дождав-шись, она нажала на рычаг, а потом набрала ноль.

— Я хочу принести жалобу, — заявила миссис Ключи — Меня только что прервали в разгар очень важного разговора. Станция ответила, что попытается соединить ее снова. Через несколько минут миссис Ключи проинформировали о тщетности этих усилий.

— Безобразно работаете! — распалилась достойная дама. — Я подам на вас письменную жалобу! Отказываюсь оплачивать хотя бы минуту сверх фактического времени разговора. С какой это стати я стану платить за такую работу! Нас прервали точно в десять семнадцать.

Работник станции ответил с подобающим тактом и записал для отчета время окончания разговора: 22 часа 17 мин. 26 сент

ГЛАВА 3

МИДВИЧ

С 10 17 информация из Мидвича поступает эпизодически

Все телефоны отключились. Автобус, следовавший через Мидвич, до Стауча не добрался; грузовик, отправленный на розыски автобуса, тоже исчез. В Трайн поступило сообще-

ние от ВВС о каком-то неопознанном летающем объекте, не принадлежащем ВВС, который был засечен радаром вблизи Мидвича, возможно, в момент посадки. Позвонил некто, живущий в Оппли: в Мидвиче пожар, но противопожарных мер, видимо, не принято. Пожарная машина из Трайна выехала, однако дальнейших сведений о ней не поступило. Полиция Трайна выслала патрульный автомобиль с целью установить, что же случилось с пожарниками, но и полицейская машина канула в неизвестность. Из Оппли пришло известие о втором пожаре; видя, что его не тушат, позвонили по телефону констеблю Бобби в Стауче, который на велосипеде отправился в Мидвич. О нем тоже больше известий не было.

Рассвет 27 сентября больше всего напоминал кучу грязного тряпья, мокнувшего в корыте неба, с просачивающимся через него капля за каплей серым светом. Тем не менее и в Стауче, и в Оппли петухи уже пропели, а другие птицы приветствовали рассвет более мелодичными трелями. В Мидвиче, однако, петухи молчали.

К тому же в Оппли и Стауче, как и всюду, во всех домах уже тянулись из постелей руки, чтобы заглушить звон будильников, тогда как в Мидвиче будильники звенели, пока завод не иссяк.

В других поселках заспанные мужчины уже выходили из домов, приветствуя товарищей по несчастью сонным пожеланием доброго утра. В Мидвиче никто и никого не приветствовал.

Мидвич пребывал в трансе.

В то время как остальной мир уже принялся наполнять окружающее пространство шумом своей деятельности, Мидвич продолжал спать. Спали мужчины, спали женщины, спали лошади и коровы, спали овцы, спали куры, ласточки, кроты и мыши. Мидвич потонул в глубокой тишине, нарушаемой лишь шепотом листьев, боем церковных часов да плеском воды в речке Оппли, срывающейся с мельничной плотины.

Рассвет еще не окреп и только-только начинал разгораться, когда пикап оливкового цвета с плохо различимой в сумерках надписью: «Почта и телефон» выехал из Трайна с целью восстановить связь между Мидвичем и остальным миром.

В Стауче он ненадолго остановился у будки-автомата, чтобы проверить, не подал ли Мидвич признаков жизни.

Мидвич их не подал и продолжал находиться в глубокой летаргии, в коей пребывал с 10.17 прошлого вечера. Пикап снова двинулся вперед, дребезжа в неуверенном свете разгоравшегося утра.

— Бог ты мой! — сказал линейный мастер своему компаньону-шоферу. — Бог ты мой! Этой, значит, мисс Огл нынче уж не отвертеться от неприятностей с ее величеством королевой из-за ейных грехов.

— Непонятно мне это, — возразил шофер. — Если хочешь знать, то старушонка вечно подслушивает разговоры — и днем и ночью, было бы только кому разговаривать. Так оно и идет одно к одному, — несколько загадочно закончил он.

Выехав из Стауча, пикап круто свернул вправо и примерно полмили или около того трясся по окружному проселку. Затем свернул еще раз и столкнулся с ситуацией, потребовавшей от водителя напряжения всех умственных сил.

Первой обнаружилась почти опрокинувшаяся набок пожарная машина, колеса которой с одного борта глубоко погрузились в кювет; далее виднелся черный лимузин, наполовину въехавший на откос с другой стороны дороги. За ним лежали велосипед и неподвижное тело человека рядом.

Шофер резко вывернул руль, намереваясь описать нечто вроде латинского «S», чтобы избежать столкновения с одной из машин, но закончить этот маневр не смог — пикап вынесло на узенькую бровку, проволокло несколько ярдов, и машина боком застряла в зеленой изгороди.

Час спустя первый утренний автобус на большой скорости, так как пассажиры (ребятишки; учившиеся в школе Трайна) на него садились только в Мидвиче, с грохотом выехал на тот же поворот и аккуратно застрял в промежутке между пожарной машиной и пикапом, полностью заблокировав дорогу.

На другой мидвичской дороге, той, что соединяла его с Оппли, аналогичное скопление машин придавало ей некоторое сходство со свалкой изношенных механизмов, вдруг возникшей тут за ночь. На этой стороне первым, кому удалось избежать столкновения, был почтовый грузовичок.

Один из сидевших в нем мужчин вышел и зашагал вперед, чтобы выяснить причину катастрофы. Он уже подходил к задней двери неподвижного автобуса, когда, без всякого предупреждения, будто сломался и рухнул на землю У водителя отвисла челюсть, и он ошеломленно уставился в пространство. Тут его взгляд упал на лица пассажиров

автобуса, сидевших совершенно неподвижно. Водитель дал задний ход, развернулся и помчался в Оппли, чтобы оттуда позвонить по первому попавшемуся телефону.

Почти одновременно то же самое произошло с водителем хлебного фургона на дороге из Стауча, так что примерно через двадцать минут на обоих подходах к Мидвичу были предприняты сходные акции.

Первыми примчались машины «скорой помощи», чем-то смахивающие на механизированных сэров Галахадов*. Задние двери их распахнулись. Оттуда, на ходу застегивая пуговицы халатов и предусмотрительно гася огоньки сигарет, вышли форменно одетые мужчины. Они оглядели завалы профессиональным, уверенным взглядом, вытащили носилки и собрались идти вперед...

На дороге из Оппли первая пара санитаров достигла лежащего ничком почтальона, но, когда санитар, шедший впереди, поравнялся с телом, он вдруг закачался, согнулся и рухнул на ноги уже имевшейся жертвы. Санитар, что шел сзади, выпучил глаза. Из возгласов, раздавшихся за его спиной, он уловил только слово «газ», молниеносно, словно обжегся, бросил ручки носилок и быстро отступил назад.

Был устроен военный совет. Наконец водитель «скорой помощи», покачав головой, вынес вердикт.

— Не наша это работа, ребята, — заявил он с видом профсоюзного деятеля, вносящего важное предложение. — Я так считаю, нужны пожарники.

— А по мне — так уж лучше солдаты, — откликнулся санитар. — Тут противогазы требуются, а не просто маски от дыма, вот что.

ГЛАВА 4

ОПЕРАЦИЯ «МИДВИЧ»

Примерно в то время, когда мы с Джанет подъезжали к Трайну, лейтенант Алан Хьюэс стоял рядом со старшим пожарным Норрисом на дороге из Оппли. Они заинтересованно следили, как один из пожарных пытался достать длинным багром поверженного санитаря. Наконец крюк за что-то уцепился и потащил за собой тело. Оно проехало по асфальту ярда полтора, после чего внезапно село и выругалось.

* Сэр Галахад — один из рыцарей легендарного короля Артура.

Алану показалось, что он никогда не слышал ничего более прекрасного, чем эта брань. Та острая тревога, с которой он прибыл на место происшествия, несколько улеглась еще тогда, когда выяснилось, что жертвы этого невероятного события потихоньку, но достаточно отчетливо дышат. Теперь же стало ясно, что по крайней мере одна из предполагаемых жертв не обнаруживает никаких явных негативных последствий почти полуторачасового пребывания в бесчувственном состоянии.

— Отлично, — сказал Алан. — Если с ним все в порядке, то весьма вероятно, что и со всеми остальными — тоже, хотя это и не приближает нас к ответу на вопрос — что же все-таки произошло?

Следующим, кого выволокли из зоны, был почтальон. Он пробыл без сознания дольше, чем санитар, но его пробуждение было столь же внезапным и окончательным.

— Граница, видимо, очень четкая и стоит на месте, — добавил Алан. — А кто-нибудь слышал о неподвижном газе, да еще при ветреной погоде? Сущая нелепица!

— Испарением капель, разбрызганных по земле, тоже ничего не объяснишь, — отозвался старший пожарный. — Будто их по голове кто-то трахнул. Я о такой воздушно-капельной инфекции и не слыхивал, ей-Богу.

Алан утвердительно кивнул.

— Да, — согласился он, — летучее вещество давно уж унесло бы ветром. Тем более его должны были бы распылить еще прошлым вечером, чтобы оно могло воздействовать на пассажиров автобуса. Ведь автобус прибывает в Мидвич в 10.25, а я сам проехал этот отрезок шоссе несколькими минутами раньше. Тогда тут все было в порядке. Автобус я встретил, въезжая в Оппли.

— Интересно, как далеко вглубь простирается зона поражения? — задумчиво произнес пожарный. — Наверняка она довольно широка, иначе были бы и машины, ехавшие навстречу.

Они с любопытством взглянули на отрезок дороги, ведущей в Мидвич. За машинами дорога была чиста, девственно пустынная, сверкающий асфальт тянулся вплоть до первого поворота. Все было как на обычной дороге, уже почти высохшей после сильного ливня. Теперь, когда утренний туман разошелся, стала видна колокольня мидвичской церкви, возвышающаяся над зелеными изгородями. Если позабыть первый план картины, то ничем таинственным впереди и не пахло.

Пожарные с помощью солдат из взвода Алана продолжали вытаскивать тех, кто лежал поближе. Перенесенное, по-видимому, никаких следов на жертвах не оставило. Каждый, кого вытягивали за незримую черту, немедленно садился и уверенно заявлял, что в услугах «скорой помощи» не нуждается.

Теперь предстояло выволочь трактор, преградивший путь к автобусу с пассажирами. Алан оставил сержанта и старшего пожарного распоряжаться работами, а сам перелез через изгородь. Тропинка за ней взбиралась на небольшой холмик, позволявший получше рассмотреть окрестности Мидвича. Алан увидел несколько крыш, в том числе крыши Кайл-мэнора и Грейнджа, верхушку развалин аббатства, а также две струйки дыма. Мирная картина. Еще несколько шагов — и он достиг точки, откуда увидел валявшихся на земле четырех овец. Зрелище встревожило Алана, но не потому, что он опасался за овец, а потому, что это указывало на гораздо большую ширину зоны поражения, чем он рассчитывал. Алан задумчиво смотрел на овец и на ландшафт за ними и тут, чуть дальше, заметил двух коров, лежащих на боку. Минуту или две он пристально следил за ними — не шевельнутся ли, а затем повернулся и, погруженный в раздумье, пошел по дороге.

— Сержант Деккер! — позвал он.

Подошел сержант и отдал честь.

— Сержант, — сказал Алан, — я хочу, чтобы вы достали мне канарейку. В клетке, конечно.

Сержант мигнул.

— Э-э-э... канарейку, сэр? — с трудом выговорил он.

— Ну, я думаю, майна* тоже подойдет. Что-нибудь в этом духе найдется в Оппли, надо полагать. Возьмите джип. Владелец скажите, что в случае чего он получит компенсацию.

— Я, э-э-э...

— Поторапливайтесь, сержант. Мне она нужна немедленно.

— Слушаюсь, сэр. Э-э... канарейку? — добавил сержант, дабы убедиться, что не ослышался.

— Именно, — кивнул Алан

Я чувствовал, что меня волокут по земле, лицом вниз. Это было странно. Только что я бежал к Джанет, а затем, без передышки

* Разновидность скворца, хорошо обучающегося человеческой речи.

Движение прекратилось. Я сел и обнаружил, что окружен толпой народа. Какой-то пожарник отцеплял от моей одежды крюк весьма зловещего вида. На меня глядел санитар «скорой», и в глазах его светилось что-то нехорошее. Еще тут были: молоденький солдатик с ведром извести, другой — с картой в руках да еще юный капрал, вооруженный длинным шестом, на конце которого висела птичья клетка. И ничем не обремененный офицер. Дополняла эту сюрреалистическую картину Джанет, лежавшая на том же месте, где упала.

Я вскочил на ноги в ту самую минуту, когда пожарный, освободив свой багор, выдвинул его вперед и зацепил крюком пояс ее плаща. Он потащил, пояс, конечно, лопнул; пожарный снова протянул багор и попытался просто перекинуть Джанет к нам. Попытка удалась, и бедняжка села, очень растрепанная и сердитая.

— Как вы себя чувствуете, мистер Гейфорд? — раздался голос за моей спиной.

Я обернулся и узнал в молодом офицере Алана Хьюэса, с которым мы два раза встречались у Зиллейби.

— Нормально, — ответил я. — А что тут происходит?

Он ничего не ответил и помог Джанет подняться на ноги. Потом повернулся к капралу.

— Мне придется вернуться на дорогу. Продолжайте работать.

— Есть, сэр! — отозвался капрал.

Он наклонил горизонтально шест с висящей на конце клеткой и выдвинул его вперед. Птичка упала с жердочки на песчаное дно клетки. Капрал потянул клетку к себе — птичка раздраженно пискнула и тут же снова вспрыгнула на жердочку. Солдат, державший ведро, сделал шаг вперед и кистью провел полосу по траве, другой солдат что-то отметил на карте. Вся группа перешла на десяток ярдов дальше, и процедура повторилась.

На этот раз с требованием объяснить, что тут происходит, выступила Джанет. Алан рассказал все, что знал, и добавил:

— Совершенно очевидно, что, пока это продолжается, в Мидвич не попадешь. Самое лучшее для вас — вернуться в Трайн и ждать, пока все образуется.

Мы еще раз взглянули на капрала с его командой — как раз застав момент, когда птичка падала с жердочки, затем перевели взгляд на лежавший за мирными полями Мидвич. Приобретенный опыт говорил, что никакой разумной альтернативы предложению Алана нет.

Джанет кивнула. Мы поблагодарили молодого Хьюэса и, расставшись с ним, двинулись к машине.

В «Орле» Джанет настояла на том, чтобы на всякий случай снять номер, и тут же отправилась туда. Меня же манил бар. Для полудня он был слишком полон, причем явно преобладали приезжие. Большинство разговаривало как-то аффектированно, разбившись на пары или на маленькие группы, хотя некоторые пили в одиночестве, и весьма целеустремленно. Я с трудом пробился к стойке, а когда попытался пройти обратно, держа в руке свой стакан, кто-то буркнул сзади:

— Какого черта ты тут делаешь, Ричард?

Голос был знаком, да и лицо, когда я оглянулся, тоже. Однако мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто это, — пришлось не только рассеять пелену нескольких прошедших лет, но еще и заменить мысленно твидовый костюм военной формой. Когда я все это проделал, то так и подскочил от радости.

— Бернард, дорогой! — воскликнул я. — Вот уж поистине чудеса! Давай-ка выберемся из этой толкучки! — Я схватил его за руку и потащил в обеденный зал.

Этот человек возвратил меня в годы юности. Он вернул мне пляжи, Арденны, Рейхсвальд, Рейн. Приятная встреча. Я отправил официанта за новыми порциями выпивки. Потребовалось не менее получаса, чтобы наш энтузиазм поутих.

— Ты мне так и не ответил на вопрос, — напомнил он мне, внимательно приглядываясь. — Я ведь и понятия не имел, что ты связан с этими.

— С кем? — не понял я.

Он слегка кивнул головой в сторону бара.

— С прессой, — объяснил он.

— Ах, с этими! А я-то как раз гадал, кто они такие...

Одна бровь у Бернарда поползла вверх.

— Хорошо, если ты не с ними, тогда что ты тут делаешь?

— Да живу я здесь! — ответил я.

В этот момент в зал вошла Джанет, и я представил ей своего друга.

— Джанет, дорогая, это Бернард Уэсткотт. Был капитаном, когда мы вместе служили, потом я слышал, что он стал майором, а теперь?

— Полковник, — признался Бернард и вежливо поклонился.

— Очень приятно, — мило улыбнулась Джанет. — Я много слышала о вас, честное слово.

Она пригласила его позавтракать с нами, но он отказался, ответив, что у него дела и что он уже опаздывает. Сожаления Бернарда прозвучали вполне искренне, так что Джанет немедленно предложила:

— Тогда, может быть, вместе поужинаем? Или дома, если попадем туда, или тут, если все еще будем на положении ссыльных...

— Дома? — удивился Уэсткотт.

— В Мидвиче, — объяснила она. — Это милях в восьми отсюда.

Голос Бернарда чуточку изменился.

— Вы живете в Мидвиче? — спросил он, переводя взор с Джанет на меня. — И как давно?

— Да уж около года, — ответил я. — Нам бы давно полагалось вернуться, но...

Тут пришлось объяснять ему, каким образом мы оказались в «Орле». Когда я закончил рассказ, Уэсткотт немного поразмышлял, затем, похоже, принял решение и обратился к Джанет:

— Миссис Гейфорд, может быть, вы разрешите мне утащить вашего мужа с собой на некоторое время? Я прибыл сюда именно по делам Мидвича. Думаю, он может быть нам полезен, если захочет, конечно.

— Чтобы понять, что случилось, вы имеете в виду? — спросила Джанет.

— Ну, скажем, в связи с этим. Так каково ваше мнение?

— Если смогу быть полезным — конечно. Хотя и не вижу... А кто такие «вы»?

— Объясню по дороге, — ответил Бернард. — Честно говоря, мне полагалось быть там уже час назад. Я бы не умыкнул вашего супруга таким манером, если б это не было столь важно, миссис Гейфорд. Вы тут без него не пропадете?

Джанет заверила его, что не пропадет.

— Еще одно, — добавил он, перед тем как уйти. — Не позволяйте никому из этой банды в баре приставать к вам. Отшейте их, если полезут. Они тут обнаглели вконец, особенно когда узнали, что издателям запрещено касаться мидвичской истории. Поэтому — ни слова с ними. А вам я все расскажу потом.

— Идет. Умру от любопытства, но не сдамся. Можете на меня положиться, — согласилась Джанет, и мы ушли.

Командный пункт находился на дороге из Оппли, рядом с границей пораженной территории. У полицейской заставы

Бернард показал свой пропуск. Дежурный констебль отдал честь, и мы беспрепятственно проследовали дальше. Молоденький офицер с тремя звездочками, комфортабельно расположившийся в палатке, очень обрадовался нашему прибытию, решив, что раз полковник Лэтчер инспектирует войска, то его обязанность — ввести нас в курс дела.

Судя по всему, птички в клетках уже завершили свою работу и были возвращены любящим, хотя и не слишком патриотически настроенным хозяевам.

— Наверняка нам достанется от Общества защиты животных, да и в суд на нас могут подать, если пичуги схватят простуду или что-то еще, — сказал капитан. — Но результат есть. — И он показал крупномасштабную карту, на которой ясно виднелась правильная окружность диаметром около двух миль, с церковью чуть южнее и восточнее ее центра.

— Вот так, — хмыкнул капитан. — Насколько нам известно, это не пояс, а круг. С наблюдательного пункта на колокольне в Оппли нигде никакого движения не видно, к тому же прямо на дороге возле кабачка лежит пара мужских тел, которые тоже не двигаются. А вот что это такое, — мы так и не выяснили. Установлено, что преграда неподвижна, невидима, не имеет запаха, не регистрируется радаром или эхолотом, производит мгновенное действие на млекопитающих, птиц, рептилий и насекомых, причем это воздействие не оставляет побочных эффектов, во всяком случае прямых, хотя, разумеется, люди в автобусе и другие, которым пришлось пробыть без сознания долгое время, чувствуют себя неважно из-за переохлаждения. Вот пока и все. Откровенно говоря, что бы это могло значить, мы, увы, не знаем!

Бернард задал ему несколько вопросов, которые почти ничего не прояснили, а потом мы направились на поиски полковника Лэтчера. Тот обнаружился очень скоро в обществе пожилого мужчины — начальника полиции графства Уиншир. Оба, в сопровождении менее важных чинов, стояли на небольшом холмике, озирая окрестности. Вид сей группы напоминал гравюру XVIII века, изображающую генералов, наблюдающих за битвой, исход которой не слишком ясен. Только битва тут была невидимая.

Бернард представился и представил меня. Полковник внимательно оглядел Бернарда.

— А, — сказал он, — значит, это вы заявили мне по телефону, что все должно быть шито-крыто?

Прежде чем Бернард успел ответить, вмешался начальник полиции:

— Шито-крыто! Как бы не так! Часть территории графства — круг диаметром в пару миль — полностью изолирована этой штукой, а вы хотите, чтобы все держалось в секрете!

— Таков приказ, — ответил Бернард. — Служба безопасности...

— Да какого черта они думают...

Обмен мнениями прервал полковник Лэтчер, переведя разговор на деловые рельсы.

— Мы сделали все, что могли, объявив о начале тактических учений. Не очень надежное прикрытие, но на первое время сойдет. Что-то ведь надо сказать. Беда в том, что, возможно, это наше собственное устройство сработало не так, как положено. Теперь ведь все кругом засекречено, толком никто ничего не знает. Понятия не имеем, что творится у соседа, да и у нас самих — тоже. А все из-за этих ученых, которые в лабораториях занимаются какими-то своими делишками. Ну, как можно справиться с тем, о чем сам не ведаешь? Скоро военной службой будут заправлять одни технари да колдуны.

— Все агентства новостей уже тут как тут, — ворчал начальник полиции. — Кой-кого из них мы выпроводили, но вы-то знаете, что это за народ! Уж как-нибудь, будьте уверены, они сюда просочатся, начнут повсюду совать носы, и придется их гнать в шею. А разве им заткнешь глотку?

— Это как раз вас беспокоить не должно, — ответил ему Бернард. — Министерство внутренних дел уже высказалось по этому вопросу. Конечно, они недовольны, но я думаю, смирятся. Все зависит от того, насколько страсть к сенсациям сильнее боязни неприятностей.

— Гм-м, — отозвался полковник, глядя на простиравшийся перед ним мирный пейзаж. — Я полагаю, что это будет зависеть от того, покажется прессе наша таинственная Спящая Красавица занудой или же дамой с изюминкой.

В течение ближайших двух-трех часов появилось множество новых лиц, представлявших, видимо, интересы различных ведомств — военных и гражданских. Возле дороги в Оппли воздвигли еще одну большую палатку, где в 16.30 состоялось совещание. Открыл его полковник Лэтчер обзором ситуации. Времени это заняло немного. Как раз когда он заканчивал, прибыл командир эскадрильи. Он вошел с

перекошенным от злости лицом и шмякнул на стол прямо под нос полковнику большой фотоснимок.

— Получайте, господа, — произнес он угрюмо. — Его цена — жизнь двух отличных парней и самолет. Нам еще повезло, что она не оказалась выше. Надеюсь, снимок стоит того.

Мы окружили стол и стали сопоставлять фото с картой.

— А это что такое? — спросил майор из разведки, ткнув пальцем в снимок.

Объект, на который он показывал, представлял собой светлый овал, имевший, если судить по отбрасываемой им тени, форму перевернутой ложки. Начальник полиции наклонился, чтобы рассмотреть получше.

— Понятия не имею, — признался он. — Похоже на какое-то странное здание, только я лично был у руин аббатства всего лишь на прошлой неделе, и там ничего похожего не наблюдалось. Кроме того, аббатство — собственность Британской Исторической Ассоциации, а та ничего не строит — только реставрирует.

Кто-то, непрерывно переводя взгляд с карты на снимок и обратно, сказал:

— Чем бы ни был этот объект, он находится точно в центре пораженной зоны, и если его там не было несколько дней назад, значит, он там приземлился недавно.

— Если это только не скирда, покрытая брезентом, — вмешался другой.

Начальник полиции прокряхтел:

— Поглядите на масштаб, дружище, и на фото. По величине эта штукавина больше дюжины скирд, вместе взятых.

— Тогда что же это за чертовщина? — спросил майор.

Мы с помощью лупы по очереди изучали фотоснимок.

— А нельзя ли сделать снимок с меньшей высоты? — задал вопрос тот же майор.

— Именно так мы и потеряли самолет, — резко ответил ему командир эскадрильи.

— Как далеко эта... эта пораженная область простирается в высоту?

Командир эскадрильи пожал плечами.

— Чтобы понять, надо пролететь над Мидвичем. Вот это, — он постучал пальцем по фотоснимку, — снято с высоты десять тысяч футов. На этой высоте экипаж никакого влияния зоны не ощущал.

Полковник Лэтчер кашлянул.

— Двое моих офицеров выдвинули предположение, что область поражения имеет форму полусферы, — заметил он.

— Вполне возможно, — согласился командир эскадрильи, — а возможно, ромбоида или додекаэдра.

— Я так понимаю, — мягко продолжал полковник, — что они наблюдали за полетом птиц, пересекающих зону, и исходили из того, на какой высоте эти птицы теряли сознание. Они говорят, будто на границе круга зона поражения поднимается не вертикально, как стена, то есть это не цилиндр. Она закругляется к центру. Следовательно, это что-то вроде свода или конуса. По их мнению, скорее всего, полусфера, но наблюдения проводились на слишком небольшом сегменте, чтобы утверждать наверняка.

— Что ж, это первая реальная помощь, которую мы получили за последнее время, — признал командир эскадрильи. И задумчиво добавил: — Если они правы насчет полусферы, то высота над центром круга должна составить около пяти тысяч футов. А нет ли у них какой-нибудь идеи, как это выяснить, не подвергая опасности летчиков?

— Фактически, — сказал несколько неуверенно полковник Лэтчер, — у одного из них есть. Он предположил, что, возможно, вертолет со спущенной на тросе длиной в несколько сот футов птичьей клеткой с канарейкой мог бы... Ну, я понимаю, что звучит это...

— Нет, — возразил капитан, — это мысль! Вероятно, тот самый парень, благодаря которому установлены границы круга?

— Тот самый, — кивнул полковник Лэтчер.

— Ишь ты, какой спец по орнитологической войне, — прокомментировал командир эскадрильи. — Нам, вероятно, удастся придумать что-нибудь получше канарейки, но за идею спасибо. Однако сегодня уже поздно. Завтра утром сделаем снимок с меньшей высоты и в косых солнечных лучах.

Тут выступил майор разведки.

— А может, бомбы? — сказал он, просыпаясь. — Скажем, осколочные?

— Бомбы? — переспросил командир эскадрильи, заламывая бровь.

— Стоило бы продумать на всякий случай. Кто знает, чего можно ожидать от этих гостей? Может, все же стоит подготовиться? На случай, если они попробуют удрать? Трахнуть их хорошенько, но так, чтобы осталось что исследовать.

— Не слишком ли решительно? — поморщился начальник полиции. — Я так понимаю, объект лучше заполучить целым.

— Верно, — согласился майор, — но пока мы позволяем им делать то, ради чего они сюда заявились, а от нас они отгородились этой стеной.

— Не понимаю, зачем им понадобился Мидвич, — вмешался другой офицер. — Думаю, это вынужденная посадка и «завеса» используется для того, чтобы предотвратить наше вмешательство, пока не закончатся ремонтные работы.

— Но ведь там Грейндж, — сказал кто-то с намеком в голосе.

— В любом случае чем скорее мы получим полномочия вывести эту штуку из строя, тем лучше, — продолжал майор. — Нечего ей здесь болтаться! Главное, не дать им улизнуть. Слишком уж аппетитная штучка. Не говоря уже о самом объекте, эта защита может оказаться для нас весьма полезна. Я предлагаю принять меры для захвата объекта, если возможно — целым, а нет — так в любом виде.

Завязалась дискуссия, результаты которой были весьма скромны, поскольку все участники имели полномочия лишь наблюдать и сообщить начальству. Единственное решение, которое мне запомнилось, касалось пуска осветительных ракет на парашютах с часовым интервалом для наблюдения за Мидвичем ночью да еще подготовки вертолета к завтрашнему утру с целью получения информации. Других решений не последовало.

Я никак не мог взять в толк, зачем я тут болтаюсь, равно как и к чему здесь Бернارد, который не внес в работу совещания ни малейшего вклада. По дороге обратно я спросил:

— Слушай, а ты-то чего здесь делаешь?

— Ну, у меня тут интерес профессиональный.

— Грейндж? — осведомился я.

— Да, Грейндж входит в мою компетенцию, и, естественно, нас занимает все, что происходит вокруг лаборатории. А это происшествие нельзя назвать ординарным, не так ли?

«Нас», как я понял, еще когда он представлялся перед совещанием, означало либо военную разведку вообще, либо какой-то ее отдел.

— Я думал, — сказал я, — что подобными делами занимается Специальная служба*.

* Отдел Департамента уголовного розыска, осуществляющий функции политической полиции.

— Ну, тут многое зависит от обстоятельств, — туманно ответил он и перевел разговор на другое.

В «Орле» Бернарду удалось получить номер, и мы поужинали вдвоем. Я надеялся, что после ужина он выполнит свое обещание «пояснить все попозже», однако, хотя мы переговаривали о многом, включая Мидвич, Бернард явно избегал даже упоминания о своих профессиональных интересах. Тем не менее вечер получился приятный, и, когда ужин кончился, у меня осталось чувство недоумения, как можно столь легкомысленно позволять некоторым людям исчезать из твоей жизни?

В течение вечера я дважды звонил в полицию Трайна, чтобы узнать, не произошло ли изменений в мидвичской ситуации, но оба раза получил ответ, что все по-прежнему. После второго звонка мы решили больше не ждать и, выпив на посошок, разошлись по своим комнатам.

— Приятный человек, — подвела итог вечеру Джанет, закрывая дверь. — Я опасалась, не получится ли встреча ветеранов, как всегда, унылой для жен, но твой приятель не дал этому произойти. А зачем он брал тебя с собой днем?

— Это меня и интересует, — признался я. — Видимо, у него были какие-то свои соображения, но, когда дело дошло до них, он стал особенно сдержан.

— Как странно, — сказала Джанет так, будто эта мысль только сейчас пришла ей в голову, — неужели ему нечего было сказать нам об этом деле?

— Ни ему, ни остальным, — заверил я ее. — Собственно говоря, они узнали только то, что мы и сами могли бы им сказать: когда «завеса» ударяет по тебе, ты ничего не ощущаешь, зато потом никаких последствий не остается.

— Только это и утешает. Будем надеяться, что и в деревне никому не придется хуже, чем нам.

Утром, когда мы еще спали, офицер метеослужбы дал прогноз, что туман в Мидвиче развеется очень рано, и два летчика сели в вертолет. Им вручили провололочную клетку с двумя прытками, но крайне недовольными хорьками. Машина с ревом взмыла в воздух.

— Они считают, что на шести тысячах футов безопасно. Поэтому начнем с семи... так, на всякий случай. И если все о'кей, будем постепенно снижаться.

Наблюдатель уже кончил возиться со своим оборудованием и развлекался, дразня хорьков, пока пилот не командовал:

— Готов. Можешь спускать клетку. Сделаем попытку пересечения на семи тысячах.

Клетку просунули в дверь. Наблюдатель вытравил около трехсот футов троса. Машина развернулась, и пилот уведомил Землю, что к первому полету над Мидвичем готов. Наблюдатель лег на пол и стал наблюдать за хорьками в бинокль.

С теми все обстояло благополучно, они носились по клетке и прыгали друг через друга. Наблюдатель отвел бинокль от глаз и повернулся к пилоту:

— Эй, шкипер!

— Да?

— Эта штуковина, которую нам надо было снять возле аббатства...

— Ну?! Что с ней?

— Она либо мираж, либо куда-то смылась.

ГЛАВА 5

МИДВИЧ ВОСКРЕСАЕТ

Почти в то же время, когда на вертолете сделали свое открытие, пикет на дороге из Стауча в Мидвич осуществил приблизительное тестирование зоны. Командовавший здесь сержант швырнул кусок сахара через белую линию на земле и внимательно наблюдал, как псина, к ошейнику которой был пристегнут длинный поводок, кинулась за ним, схватила сахар и с хрустом сожрала.

Сержант с минуту глядел на пса, потом подошел к линии поближе. Здесь он в нерешительности задержался, а потом шагнул вперед и уже более уверенно сделал еще несколько шагов. Стайка грачей с громкими криками пролетела над его головой. Он проследил взглядом, как они исчезали в направлении Мидвича.

— Эй, связист! — крикнул сержант. — Доложи на командный пункт в Оппли. Пораженная зона сократилась, а может, и вовсе исчезла. Подтвердим, когда проведем дополнительную проверку.

За несколько минут до этого Гордон Зиллейби с трудом пошевелился и издал что-то похожее на стон. Он понимал, что лежит на полу, а комната, которая только что была ярко освещена и хорошо протоплена (может быть, даже

излишне хорошо), погружена во тьму и холод. В темноте слышалось какое-то шевеление. Потом раздался дрожащий голос Феррилин:

— Что случилось?... Папа? Анжела? Где вы все?..

Зиллейби попытался привести в движение закованную челюсть. Говорить было больно.

— Я здесь... прямо умираю от холода. Анжела, родная...

— И я здесь, Гордон, — раздался другой дрожащий голос где-то совсем рядом.

Он протянул руку и нащупал что-то, однако пальцы, онемевшие от холода, так и не смогли определить, что это такое. В другом конце комнаты кто-то шуршал.

— Господи, да я же совсем окоченела! О-о-ох! Боже! — жаловалась Феррилин. — О-о-ой! Даже ноги не мои! Эй! Это что еще за стук?!

— Это, кажется, мои з-з-зубы, — с усилием выговорил Зиллейби.

Еще шум, кто-то споткнулся. Потом звякнули портьерные кольца на окне и комнату осветил серый рассвет.

Взор Зиллейби обратился к камину. В глазах его читалось изумление. Всего минуту назад он сунул туда целое полено, а теперь там не было ничего, кроме стылого пепла. Анжела, сидевшая на ковре рядом с ним, и Феррилин у окна тоже уставились на камин.

— Какого... — начала было Феррилин.

— Может, шампанское виновато? — предположил Зиллейби.

— Ну, ты уж скажешь, папочка!

Хотя протестовал каждый сустав, Зиллейби попытался встать. Было больно, и на время он отказался от дальнейших попыток. Феррилин на негнувшихся ногах наконец добралась до камина. Прикоснулась к нему ладонью и постояла, дрожа.

— Давно остыл, — сказала она.

Теперь Феррилин потащила к стулу с лежащим на нем «Таймсом», но замерзшие пальцы никак не могли ухватить бумагу. Она с негодованием посмотрела на газету и все же умудрилась зажать ее между ладоней и сунуть в камин. Потом, действуя обеими руками, сумела взять из ведра несколько лучинок и бросить их поверх газеты. Попытка зажечь спичку довела ее почти до слез.

— Пальцы не слушаются, — хныкала Феррилин в полном расстройстве.

Пытаясь зажечь хоть одну спичку, она просыпала их на поддон. Наконец, когда она стала тереть об разбросанные спички весь коробок, какая-то спичка вспыхнула. От нее загорелась и другая. Феррилин подтолкнула их к торчащей из камина газете. Та тут же занялась, и пламя расцвело как восхитительный цветок.

Анжела встала и, волоча ноги, добралась до камина. Зиллейби проделал тот же путь на четвереньках. Затрещали лучинки. Все склонились над огнем, лоя руками живительный жар. Окоченевшие пальцы стало слегка покалывать.

Зиллейби возродился к жизни.

— Странно, — процедил он сквозь зубы, которые все еще срывались на стук. — Странно, что мне потребовалось дожить до такого возраста, чтобы понять причину незыблемости религии огнепоклонников.

На дорогах в Оппли и Стауч громко ревели моторы — их прогревали. Двумя потоками в Мидвич вливались машины «скорой», пожарные машины, джипы и военные грузовики. Гражданские транспортные средства останавливались, из них выскакивали пассажиры. Военные машины следовали к Хикхэм-лейн, направляясь к аббатству. Исключением из обеих категорий был маленький красный автомобильчик, который свернул и, подпрыгивая, помчался по подъездной дорожке Кайл-мэнора, где и замер у крыльца, подняв в воздух фонтаны гравия.

Алан Хьюэс ворвался в кабинет Зиллейби, выхватил Феррилин из группы сгрудившихся у огня людей и прижал к себе.

— Дорогая! — воскликнул он, все еще задыхаясь. — Дорогая! Ты жива?

— Дорогой! — отозвалась Феррилин, как будто это был ответ на вопрос.

После нескольких минут тишины Гордон Зиллейби заметил:

— С нами тоже все в порядке, хотя, надо сказать, мы поражены. И еще окоченели. Вам не кажется...

Алан обернулся и впервые осознал, что тут вся семья.

— Что... — начал он и замолчал, так как в это мгновение зажглось электричество. — Чудесно! — обрадовался он. — Сейчас попьем чего-нибудь горяченького! — И исчез, увлекая за собой Феррилин.

— Попьем горяченького. — пробормотал Зиллейби. — Сколько музыки в одной этой простенькой фразе!

Когда мы спустились к завтраку в восьми милях от Мидвича, нас ожидали новости, что полковник Уэсткотт отбыл два часа назад и что Мидвич проснулся, как то и положено делать утром.

ГЛАВА 6

МИДВИЧ ПРИХОДИТ В СЕБЯ

На дороге из Стауча все еще стоял полицейский пост, но, как жителей Мидвича, нас пропустили без задержки, и мы, миновав местность, которая выглядела вполне обыденно, без всяких приключений добрались наконец до своего коттеджа.

Мы уже гадали насчет того, в каком виде застанем дом, но оказалось, что тревожиться не было нужды. Коттедж стоял целехонький и выглядел точно таким же, каким мы его оставили. Мы вошли и принялись хозяйничать, как делали бы это накануне, не находя никаких изъянов, ну разве что молоко в холодильнике скисло, так как электричество отключалось.

Уже через полчаса вчерашние тревоги стали казаться приснившейся нелепицей, а когда мы вышли пройтись и переговорили с соседями, то обнаружили, что у тех, кто провел эти ночи в Мидвиче, ощущение нереальности происшедшего было еще более глубоким.

И ничего удивительного — как нам указал мистер Зиллейби, представления мидвичцев о происшедшем сводились к тому, что они почему-то вечером не легли в постель, а утром проснулись от холода. Все остальное — досужие вымыслы. Трудно поверить, что из-за провала в памяти они пропустили целый день; с другой стороны, не мог же весь мир ошибаться! Однако, что касается самих мидвичцев, они в этом не видели ничего интересного, поскольку обязательная предпосылка интереса — наличие интересующегося сознания.

Поэтому Мидвич решил просто не учитывать случившегося и как бы забыл об отнятом у него дне, который стал теперь рассматриваться как день, пролетевший с непривычной быстротой.

Впоследствии такая позиция оказалась исключительно удобной, поскольку происшествие — даже если оно и не находилось под прицелом закона о секретности — на данном отрезке времени вряд ли могло стать газетной сенсацией. В общем, ароматец-то от него исходил сенсационный, но начинки явно недоставало. Конечно, имели место одиннадцать смертельных исходов, а из этого кое-что можно было бы состряпать, но даже в них не хватало пикантных деталей; что же касается рассказов потерпевших, то они отличались прискорбным однообразием, ибо рассказывать, по сути дела, было нечего, кроме как о пробуждении в полусамерзшем виде.

Поэтому мы получили возможность подсчитать свои потери, зализать раны и вообще без всякого вмешательства со стороны приспособиться к последствиям того, что позже получило название Потерянного дня.

Вот наша убыль: мистер Уильям Транк, батрак, его жена и ребенок, сгоревшие вместе со своим домом; пожилая чета Стигфилдов, также погибшая в результате пожара; еще один батрак, Герберт Флэгг, найден умершим от переохлаждения в странной и подозрительной близости от коттеджа миссис Гарриман, чей муж в это время работал в пекарне; Гарри Кранкхарт — один из двух мужчин, замеченных наблюдателем с колокольни в Оппли у входа в «Косу и камень», — также погиб от холода, остальные четверо — старики, у которых ни сульфамиды, ни пенициллин не смогли предотвратить развития пневмонии.

Мистер Либоди на следующее воскресенье в переполненной церкви отслужил молебен во здравие всех остальных, и это, плюс последние по счету похороны, утвердило за всем, что произошло, ауру чего-то в действительности не имевшего места.

Правда, неделю или около того в Мидвиче околачивались военные, часто приезжали и уезжали служебные машины, но военные интересовались не самой деревней, а потому особого беспокойства не причиняли. Их внимание было сфокусировано на местности вблизи аббатства, где поставили пост, охранявший глубокую выемку в земле, выглядевшую так, будто недавно тут покоилось нечто очень тяжелое. Инженеры производили замеры, делали кроки, фотографировали. Техники разных специальностей ползали по выемке взад и вперед, таская миноискатели, счетчики Гейгера и другую сложную аппаратуру. Затем, совершенно неожиданно, военные потеряли к яме интерес и уехали.

Расследования в Грейндже продолжались немного дольше, и среди тех, кто их вел, был и Бернард Уэсткотт. Он несколько раз заглядывал к нам, но о том, что происходит, молчал, а мы никаких вопросов не задавали. Мы знали не больше других мидвичцев. «Интересы безопасности» наложили лапу на всю информацию.

Вплоть до того дня, когда работы были свернуты, а Бернард объявил о своем намерении утром отбыть в Лондон, он так и не обмолвился о Потерянном дне и его последствиях. И вдруг вечером, после минутной паузы в разговоре, он произнес:

— У меня есть предложение для вас обоих. Если, конечно, вы согласитесь меня выслушать до конца.

— Послушаем — поглядим, — ответил я.

— В общем, речь идет вот о чем: мы считаем нужным какое-то время присматривать за деревушкой, чтобы знать, что тут происходит. Можно было бы внедрить сюда своего человека, однако против этого есть возражения. Во-первых, ему бы пришлось начинать с нуля; во-вторых, для того чтобы чужаку войти в курс жизни деревни, требуется время; в-третьих, сомнительно, чтобы на данном этапе нам удалось доказать начальству необходимость посылки сюда опытного работника на полную ставку, а если он тут будет находиться не все время, то опять же сомнительно, сможет ли он собрать нужные данные. Если же, с другой стороны, нам удалось бы найти кого-то надежного и уже знакомого с местной жизнью и людьми, чтобы он сообщал нам о всех событиях, это было бы лучше во всех отношениях.

Я с минуту думал.

— Во всяком случае, на слух — звучит не очень, — ответил я. — Хотя многое зависит от важности прогнозируемых событий.

Джанет отозвалась с холодком в голосе:

— Звучит это так, будто нам предлагают следить за своими друзьями и соседями. Думаю, профессиональный шпион вам подойдет больше.

— Здесь, — поддержал я ее, — наш дом.

Бернард кивнул, будто ничего другого и не ждал.

— Вы считаете себя частью этой общины? — спросил он.

— Мы стараемся быть ею, и, кажется, нам это удастся.

— Это хорошо, — он снова кивнул, — то есть хорошо в том случае, если вы чувствуете, что у вас есть перед общиной определенные обязательства. Последнее совершенно необходимо. С такой работой может справиться лишь тот,

кто хочет деревне добра и готов активно добиваться этой цели.

— Не вижу связи. Деревня прожила вполне благополучно много столетий без подобного надзора. Я хочу сказать, что ей вполне хватало стараний самих жителей.

— Да, — признал Бернард, — верно. Но лишь до нынешнего дня. Теперь Мидвич нуждается в защите со стороны, и он ее получит. Мне кажется, шансы сделать эту защиту оптимальной полностью зависят от того, получим ли мы необходимую информацию.

— Какая еще защита? И от кого?

— Пока главным образом от любопытствующих, — ответил Бернард. — Ты же, надо думать, не считаешь случайностью, что мидвичский Потерянный день не был размазан на газетных страницах в тот же самый час, когда он потерялся? Или что набег журналистов всех мастей, которые бы принялись совать носы во все дыры Мидвича сразу после снятия «стен», не состоялся сам по себе?

— Нет, конечно, — ответил я. — Разумеется, я понимаю, что тут действовала Служба безопасности. Да ты и сам мне об этом говорил, так что я нисколько не удивился. Я ведь не знаю, чем занимаются в Грейндже, хотя полагаю, что это секрет.

— Но ведь не один Грейндж уснул, — уточнил Бернард, — заснуло все, что было в радиусе мили вокруг.

— Включая Грейндж! Лаборатория-то, вероятно, была главной целью! Наверное, штукавина, которая устроила все это, не могла действовать на меньшее расстояние, или эти люди — кто бы они там ни были — считали необходимым подстраховаться и заблокировать площадь побольше.

— Так считают в деревне? — спросил Бернард.

— Большинство — да, но есть варианты.

— Вот такие вещи меня и интересуют. Они все относят на счет Грейнджа, не так ли?

— Конечно. А какая же еще может быть причина? Не Мидвич же?

— Ну а если я скажу вам, что у меня есть основания считать, что Грейндж не имеет к делу ни малейшего отношения? И что наши очень тщательные расследования полностью это подтверждают?

— Тогда вся эта история оказывается полнейшей чепухой! — запротестовал я.

— Конечно, нет, если не считать несчастный случай видом чепухи.

— Несчастный случай? Ты говоришь о вынужденной посадке?

— Этого я не знаю. — Бернارد пожал плечами. — Возможно, случайность заключается в том, что Грейндж оказался там, где произошла посадка. Но я говорю о другом: почти все жители деревни подверглись странному и неизвестному воздействию. А теперь и вы, и все прочие считаете, что все кончилось и кануло в вечность без следа. Почему?

Мы с Джанет с удивлением уставились на Бернарда.

— Ну, — сказала она, — эта штука ведь возникла и исчезла, так почему бы и нет?

— Что ж, по-вашему, она просто прилетела, отдохнула и улетела, не оставив никаких последствий?

— Не знаю. Никакого видимого воздействия, кроме, разумеется, смертельных исходов, а сами погибшие, к счастью, тоже ничего не ощутили, — ответила Джанет.

— Никакого видимого воздействия, — повторил Бернارد. — В нашем обиходе это подразумевает многое. Вы можете, например, получить большую дозу рентгеновского облучения, или жесткого гамма-облучения, или еще какого-нибудь без всякого видимого внешнего эффекта. Не стоит особенно волноваться, но, похоже, это именно такой случай. Если бы упомянутые виды излучений были применены, мы бы это обязательно обнаружили. Однако есть нечто неизвестное нам, способное вызвать то, что я для простоты назову искусственным сном. Пока он кажется странным феноменом, необъяснимым и не вызывающим особого беспокойства. Неужели вы полагаете, что поверхностное мнение, будто столь важное событие просто произошло себе и не стоит ломать над ним голову, оправдано? Не правильнее ли понаблюдать за тем, что происходит, дабы убедиться, так это на самом деле или нет?

Джанет чуть смягчилась:

— Вы хотите, чтобы мы или кто-то другой именно этим и занялись для вас? Чтоб искали и отмечали какие-то последствия облучения?

— Мне нужны надежные источники информации о Мидвиче в целом. Я хочу знать во всех деталях о том, как тут идут дела. Для того чтобы, если возникнет необходимость предпринять какие-то шаги, я знал все обстоятельства и мог бы в нужный момент действовать с открытыми глазами.

— Это звучит так, будто речь идет о помощи в случае несчастья, — сказала Джанет.

— В некотором роде так и есть. Мне нужны регулярные отчеты о состоянии здоровья Мидвича, его разума и морали, чтобы я мог по-отцовски приглядывать за ним. Здесь нет ничего похожего на шпионаж. Мне нужны сведения, чтобы действовать в интересах Мидвича, когда это окажется необходимым.

С минуту Джанет смотрела ему прямо в глаза.

— Но все-таки вы чего-то боитесь, Бернард?

— Разве я стал бы делать вам такое предложение, если бы знал чего? — парировал он. — Я просто принимаю меры предосторожности. Мы не знаем, что это за штука и как она тикает. Мы не можем установить здесь карантин, не имея доказательств его необходимости. Но мы должны искать такие доказательства. Вы должны, во всяком случае. Итак, что скажете?

— Не знаю, — признался я. — Дай нам подумать денек другой, и я тебе сообщу.

— Ладно, — согласился Бернард. И мы заговорили о другом.

В течение нескольких последующих дней мы с Джанет не раз возвращались к этой проблеме. В позиции Джанет произошли заметные изменения.

— Что-то он не договаривает, я просто уверена, — говорила она. — Но что именно?

Я не знал.

— Но ведь это совсем не то, что следить за каким-то определенным лицом?

Я соглашался.

— Ведь, по существу, это та же работа, которую делают чиновники социальной службы министерства здравоохранения, не так ли?

Довольно близко, думал я.

— Если мы не согласимся, он начнет искать кого-то другого. В нашей деревне я лично не знаю никого подходящего. А если он внедрит сюда чужака, это будет и плохо, и неэффективно, не правда ли?

Я тоже считал, что так оно и будет. Поэтому, памятуя о стратегическом положении мисс Огл в почтовом отделении, я вместо телефонного звонка написал Бернарду, сообщив, что мы считаем дорогу к сотрудничеству открытой, если нас удовлетворят результаты обсуждения некоторых деталей. В ответе Бернарда предлагалось встретиться во время нашего очередного визита в Лондон. Письмо никак не свидетельство-

вало о спешке, оно просто выражало желание, чтобы мы держали ухо востро

Так мы и сделали. Но материала для ушей и глаз было маловато. Через полмесяца после Потерянного дня на глади мидвичского покоя остались лишь крошечные морщинки.

Ничтожное меньшинство, считавшее, что «интересы безопасности» украли у них общенациональную славу и фотографии в газетах, успокоилось. Остальные же только радовались, что вмешательство в их образ жизни извне оказалось не слишком заметным. Чаше всего общественное мнение связывало вторжение с наличием Грейнджа и его обитателей. Они полагали, что Потерянный день так или иначе увязан с лабораторией, что, если бы не ее таинственная деятельность, с Мидвичем такого вообще не произошло бы. Другие же расценивали влияние Грейнджа как нечто благословенное.

Мистер Артур Гримм, директор лаборатории, арендовал один из коттеджей, принадлежавших Зиллейби, и последний, встретив как-то директора, выразил мнение большинства, что деревня очень многим обязана ученым.

— Если бы не ваше присутствие и вытекающее из этого отношение Службы безопасности, — сказал Зиллейби, — мы безусловно претерпели бы больше неудобств от прессы, чем от самого Потерянного дня. В нашу личную жизнь вмешались бы, а наша деликатность подверглась бы давлению со стороны трех современных фурий — жуткого союза печатного слова, слова, записанного на пленку, и киношников. Итак, несмотря на испытанные вами неудобства, которые, я полагаю, весьма значительны, вы можете принять нашу благодарность за то, что стиль жизни Мидвича не только уцелел, но и почти не пострадал.

Мисс Полли Растон — почти единственная «чужестранка», ставшая участницей этих событий, завершив свой отдых у дяди с теткой, вернулась домой в Лондон. Алан Хьюэс, к своему неудовольствию, узнал, что он не только получил неожиданный перевод в Северную Шотландию, но и будет уволен со службы несколькими неделями позже, чем рассчитывал. Поэтому большую часть времени он был занят перепиской со своей полковой канцелярией, а остальные дни, по-видимому, посвящал обмену письмами с мисс Зиллейби. Миссис Гарриман — супруга пекаря — изобрела целую серию неубедительных версий касательно факта

пребывания тела Герберта Флэгга в ее палисаднике, после чего перешла в атаку и взвалила на мужа тяжкий груз как имевших место, так и воображаемых грехов. Почти все шло как обычно.

Таким образом, спустя три недели происшедшее стало достоянием истории. Даже новые могильные памятники на кладбище над телами усопших в результате известного события казались возникшими там в силу естественного хода вещей. Новоявленная вдова миссис Кранкхарт чувствовала себя превосходно и не давала повода считать, что новое положение тяготит или угнетает ее.

Сейчас я столкнулся с определенным техническим затруднением, поскольку, как я уже говорил, это не рассказ обо мне, а история Мидвича. Если бы я излагал информацию в том порядке, как она до меня доходила, пришлось бы скакать взад и вперед по ходу событий, в результате чего получилась бы недоступная для понимания каша из отдельных отрывочных эпизодов, где следствия предшествуют причинам. Поэтому мне придется переаранжировать свой рассказ, невзирая на время получения тех или иных сведений, и изложить все в хронологическом порядке. Если такой подход натолкнет кого-то на мысль о сверхъестественной проницательности рассказчика, читатель должен помнить, что все изложенное есть продукт умозаключений, сделанных задним числом.

Так, например, вовсе не сразу, а путем позднейшего анализа событий было установлено, что вскоре после возвращения деревушки к якобы нормальной жизни на фоне общего спокойствия возникли некие водовороты локального направления. Какие-то очаги тревоги, пока еще изолированные и никем не признанные. Это произошло где-то в ноябре, может быть, в начале декабря, хотя возможно, что в некоторых семьях и раньше. Появление этих очагов приблизительно совпадает со временем, когда мисс Феррилин Зиллейби в своей почти ежедневной переписке с Аланом Хьюэсом отметила, что ее казавшиеся необоснованными подозрения внезапно подтвердились.

В письме, не отличавшемся логичностью, она объясняла, или, вернее сказать, намекала, что не в силах понять, как это может быть, и, согласно тому, что ей известно, этого просто не могло произойти, потому что, как ни странно, но, по всей видимости, она каким-то таинственным способом

забеременела, хотя слово «по-видимому» тут неуместно, так как сомнений никаких нет. Поэтому не может ли Алан получить отпуск на уик-энд — ей кажется, что о таком развитии событий следует поговорить.

ГЛАВА 7

НАЧАЛО СОБЫТИЙ

Фактически, как показало дальнейшее расследование, Алан был не первым, кто выслушал исповедь Феррилин. Ее беспокойство и удивление возникли, разумеется, не в момент написания письма, и за два-три дня до того она решила, что настало время обсудить это дело в семье: во-первых, Феррилин нуждалась в совете и объяснении, которого она не смогла найти ни в одной из прочитанных ею книг, а во-вторых, это показалось ей более достойным, чем молчать до тех пор, пока кто-нибудь не заподозрит правду.

Анжела, решила она, лучше всех подойдет для того, чтобы поделиться... Мамочка, конечно, тоже, но с ней можно и попозже, когда все наладится, — события выглядели как раз такими, вокруг которых мамочка могла развить бешеную деятельность.

Решение было, однако, легче принять, чем выполнить. Утром в среду план Феррилин окончательно оформился: днем, выбрав спокойный часок, она тихонько отведет Анжелу в сторону и объяснит ей ситуацию..

К сожалению, в среду, по-видимому, члены семьи были так заняты, что спокойного часа не нашлось. Утро четверга по каким-то причинам тоже оказалось неудобным, а днем у Анжелы было собрание в Женском обществе, из-за которого она вечером выглядела чересчур усталой. В пятницу днем выпал было подходящий момент, но и он оказался не очень удобным для разговора, так как папочка водил по саду гостя, приехавшего к завтраку, и нужно было подготовиться к приему.

Вот так, одно за другим, и утром в субботу Феррилин встала с постели, так и не поделившись ни с кем своим секретом. «Обязательно надо поговорить с Анжелой сегодня, даже если время покажется и не совсем подходящим. А то так может продолжаться неделями», — сказала она себе твердо, завершая свой утренний туалет.

Гордон Зиллейби уже заканчивал завтрак, когда в столовую вошла дочь. Он рассеянно принял ее утренний поцелуй

и тут же удалился по своему обычному маршруту — быстрый обход сада, потом — кабинет, где шла работа над очередным «Трудом».

Феррилин съела корнфлекс, выпила кофе и принялась за яичницу с беконом. С трудом проглотив несколько маленьких кусочков, она отодвинула тарелку так резко, что вывела Анжелу из состояния глубокой задумчивости.

— В чем дело? — спросила Анжела со своего конца стола. — Яйца несвежие?

— О, с яйцами полный порядок, — ответила Феррилин. — Но сегодня они у меня как-то не идут.

Анжелу эти соображения, по-видимому, не заинтересовали, хотя Феррилин надеялась, что она спросит почему. Внутренний голос подсказывал Феррилин: «Давай сейчас! В конце концов, не все ли равно когда?» Она набрала в легкие побольше воздуха и, стараясь смягчить новость, произнесла:

— Знаешь, Анжела, меня сегодня утром стошнило.

— Вот как? — отозвалась мачеха и замолкла, потянувшись к масленке. Продолжая готовить бутерброд с мармеладом, она добавила: — Меня тоже. Ужасно, правда?

Теперь, раз дорога была проложена, Феррилин решила идти по ней до конца. Она продолжала, сжигая за собой мосты:

— Мне кажется, это не простая тошнота. У меня такая тошнота, которая бывает у женщин, когда они беременны. понимаешь ли?

Анжела бросила на нее долгий взгляд, осмотрела ее с задумчивым интересом и медленно кивнула.

— Понимаю, — сказала она, очень тщательно намазывая масло на хлеб и накладывая сверху мармелад. Затем снова глянула на Феррилин. — У меня то же самое.

У Феррилин приоткрылся рот, а глаза полезли на лоб. К собственному удивлению и стыду, она почувствовала себя шокированной. Но... собственно, почему бы и нет... Анжела только на шестнадцать лет старше ее самой... так что все естественно... Только... ну, как-то очень уж внезапно... В конце концов, папочка по первому браку уже трижды дед, и казалось бы... Анжела такая милочка и так нравится Феррилин... она ей как старшая сестра. Надо как-то привыкать к ситуации.

Феррилин все еще глядела на Анжелу, будучи не в состоянии придумать, о чем говорить дальше, так как события развивались в совершенно неожиданном направлении.

Анжела же Феррилин не видела. Она смотрела поверх ее головы куда-то за окно, разглядывая нечто гораздо более далекое, чем голые качающиеся ветви каштана. Ее темные глаза блестели, можно сказать, сияли. Сияние все усиливалось и вдруг превратилось в две капли, засверкавшие на ресницах. Капли набухли, перелились через край и побежали по щекам.

Феррилин оцепенела. Еще ни разу ей не приходилось видеть Анжелу плачущей. Не тот она человек, чтобы...

Анжела наклонилась и спрятала лицо в ладонях.

Феррилин вскочила, будто с нее сняли заклятие, побежала к мачехе, обняла ее и почувствовала, что та вся дрожит. Она прижала Анжелу к груди, гладила ее волосы и говорила тихие успокаивающие слова.

Во время последовавшей паузы Феррилин никак не могла освободиться от ощущения, что произошло нечто вроде сбоя в распределении ролей. Не то чтобы они полностью поменялись местами, ибо у нее не было ни малейшего намерения рыдать на груди Анжелы, но все происходило, как будто во сне.

Вскоре, однако, Анжела перестала вздрагивать. Дыхание ее стало спокойным, и наконец она принялась за поиски носового платка.

— Фу!.. Извини, я такая дура, но, понимаешь, я очень счастлива!

— О! — отозвалась Феррилин в полной растерянности.

Анжела высморкалась и вытерла глаза.

— Пойми, — сказала она, — я даже не смела в это поверить. А вот сказала другому человеку — и все приобрело черты реальности. Мне ведь всегда хотелось иметь ребенка, но ничего не получалось ни сначала, ни потом, и я стала думать... ну, в общем, решила, что надо об этом забыть навсегда и постараться примириться с мыслью... А теперь, когда это случилось, я... — и она снова заплакала — тихо и умиротворенно.

Через несколько минут она собралась с силами, в последний раз прижала к глазам скомканный платок и решительно убрала его.

— Ну, с этим покончено. Вот уж не думала, что мне понадобится хорошенько выплакаться, а ведь помогло, и еще как! — Она взглянула на Феррилин. — Какая же я все-таки эгоистка, ты уж извини меня, дорогая.

— Ох, это не важно. Я так рада за тебя, — сказала Феррилин, как ей казалось, от полноты души, ибо, в конце

концов, кто-то должен сохранять спокойствие. После небольшой паузы она продолжала: — Что касается меня, то плакать меня не тянет, но я немного испугана...

Это слово пробудило внимание Анжелы и отвлекло ее от мыслей о себе. От Феррилин она никак не ожидала подобной реакции. Анжела внимательно посмотрела на падчерицу, будто вся сложность положения только теперь дошла до нее.

— Испугана, дорогая? — повторила она. — Ну, я думаю, что для этого никаких оснований нет. Разумеется, то, что произошло, не совсем соответствует прежним правилам, но не станем же мы разыгрывать из себя пуритан. Первым делом надо убедиться, что ты не ошиблась.

— Я не ошиблась, — мрачно ответила Феррилин. — Хотя ничего не понимаю. С тобой все иначе — ты замужем, и все такое...

Анжела пропустила это мимо ушей. Она продолжала:

— А затем надо известить Алана...

— Да, я тоже так думаю, — ответила Феррилин без большого энтузиазма.

— Разумеется. И не нужно ничего бояться. Алан тебя не бросит. Он же обожает тебя!

— Ты в этом уверена, Анжела? — в голосе Феррилин звучало сомнение.

— Ну конечно же, дорогая. Стоит только взглянуть на него. Конечно, все это несколько нетрадиционно, но я не удивлюсь, если он придет в восторг. Да. Так и будет, безусловно... Ох! Феррилин, что с тобой?! — Она замолкла, увидев выражение лица Феррилин.

— Ты... ты не понимаешь, Анжела! Ребенок не от Алана!

Выражение симпатии исчезло с лица мачехи, оно стало ледяным. Медленно Анжела стала подниматься со стула.

— Нет! — вскрикнула в отчаянии Феррилин. — Ты не поняла! Это не так! Вообще никого не было! Вот почему я так боюсь!..

В течение двух последовавших недель три молодые обитательницы Мидвича попросили мистера Либоди о конфиденциальной встрече. В свое время он крестил этих девушек и хорошо знал их родителей. Это были хорошие, сметливые и вовсе не невежественные девушки. И каждая из них сказала ему: «Никого не было, викарий. Вот почему я боюсь...»

Когда Гарриман — пекарь — случайно узнал, что его жена побывала у доктора, он вспомнил, что тело Герберта Флэгга было найдено в палисадничке его дома, и избил свою жену, хотя та и отрицала со слезами, что Герберт Флэгг входил в ее дом и что она имела предосудительные отношения с ним или с какими-то другими мужчинами.

Молодой Том Дорри вернулся домой в отпуск со своего корабля после восемнадцатимесячного отсутствия. Когда он узнал о состоянии своей жены, то собрал вещи и переехал в коттедж матери. Но та велела ему возвратиться к жене и поддержать ее, так как она до смерти испугана. А когда это не подействовало, мать объявила ему, что она сама — почтенная вдова уже много лет — не то что испугана, но даже ради спасения собственной жизни не может объяснить, как это с ней самой произошло. Ничего не понимающий Том побежал к жене и нашел ее в кухне на полу, а возле нее пустую бутылочку аспирина. Том опрометью кинулся за доктором.

Еще одна далеко не юная женщина внезапно купила велосипед и с безумной скоростью носилась теперь на дальние дистанции, проявляя в этом невероятное упорство.

Две молодые женщины потеряли сознание в горячих ваннах.

Трое по странной случайности споткнулись и упали с лестницы.

У нескольких появились непонятные желудочные расстройства.

Даже мисс Огл из почтового отделения была замечена поедающей странное блюдо — паштет из копченой сельди, положенный на хлеб слоем в полтора дюйма, плюс полфунта маринованных корнишонов.

Кульминация наступила, когда растущая тревога заставила доктора Уиллера вступить в переговоры с мистером Либоди. Переговоры состоялись в доме викария. Подтверждением своевременности этих действий было то, что их разговор прервал гонец, срочно посланный за доктором.

Но обошлось лучше, чем могло бы. К счастью, надпись «яд» на бутылочке с жидкостью против комаров, сделанная в соответствии с законом, в буквальном смысле не означала того, что искала для себя Роза Платч. Это обстоятельство несколько не уменьшало серьезности намерений последней. Когда доктор Уиллерс закончил свою работу, он весь дрожал от бессильного гнева. Ведь бедной Розе Платч было всего семнадцать лет.

ГЛАВА 8

СОВЕЩАНИЕ

Спокойствие духа, которое с таким удовольствием восстанавливал Гордон Зиллейби на второй день после свадьбы Алана и Феррилин, было нарушено приходом доктора Уиллерса. Доктор, все еще потрясенный почти состоявшейся трагедией Розы Платч, был очень взволнован, и это обстоятельство долго мешало Зиллейби понять цель его визита.

Постепенно, однако, кое-что прояснилось, и он понял, что доктор и викарий решили просить его о помощи и, что еще важнее, о помощи его жены в каком-то неясном деле и что несчастье с Розой Платч заставило доктора Уиллерса приступить к осуществлению своей миссии раньше, чем предполагалось.

— До сих пор нам везло, — говорил Уиллерс, — но это уже вторая попытка самоубийства за неделю. В любой момент могут произойти другие и, возможно, более успешные. Нам нужно внести ясность и ослабить нынешнюю напряженность. Оттягивать дальше нельзя.

— Что касается меня, то я не против ясности. В чем, собственно, дело? — спросил Зиллейби.

Уиллерс посмотрел на него с удивлением, потом долго тер лоб.

— Извините, — сказал он. — Я за эти дни совсем заматался. Забыл, что вы можете и не знать. Речь идет о необъяснимых беременностях.

— Необъяснимых? — поднял брови Зиллейби.

Уиллерс постарался как можно проще изложить, почему они необъяснимы.

— Вся история настолько загадочна, что и мне, и викарию пришлось обратиться к гипотезе, будто они связаны с другим загадочным явлением, которое тут произошло, — с Потерянным днем.

Несколько секунд Зиллейби внимательно изучал лицо доктора. В чем нельзя было сомневаться, так это в неподдельности беспокойства последнего.

— По-моему, весьма странная гипотеза, — произнес он осторожно.

— А ситуация еще более странная, — ответил Уиллерс. — Однако с этим можно подождать. А вот кто не может ждать, так это множество женщин, находящихся на грани истерии. Некоторые из них — мои пациентки, другие станут ими в ближайшее время, и если нам не удастся

немедленно устранить состояние напряженности... — Он не закончил фразу и покачал головой.

— Множество женщин? — повторил Зиллейби. — Звучит немного туманно. Сколько?

— Точно сказать не могу, — признался Уиллерс.

— А примерно? Надо же знать, с чем мы имеем дело.

— Ну, от шестидесяти пяти до семидесяти.

— Что?! — Зиллейби ошеломленно уставился на врача.

— Я же сказал, что это чертовски сложная проблема.

— Но если вы не уверены, то откуда цифра шестьдесят пять?

— Потому что — готов согласиться, моя оценка очень приблизительна — она основана на числе проживающих в деревне женщин детородного возраста.

Позже вечером, когда Анжела Зиллейби, усталая и угнетенная, ушла спать, Уиллерс сказал:

— Очень сожалею, Зиллейби, что доставил вам столько неприятностей, но она все равно скоро узнала бы об этом. Надеюсь, другие примут подобное известие хоть вполтину столь мужественно, как приняла его ваша жена.

Зиллейби скромно потупился.

— Она молодчина, не правда ли? Интересно, как такой удар перенесли бы мы с вами?

— Чертовски тяжело, — согласился Уиллерс. — Пока большинство замужних женщин сохраняют спокойствие, но теперь, чтобы избавить незамужних от нервного потрясения, нам придется огорчить состоящих в браке. Впрочем, насколько я понимаю, другого выхода у нас нет.

— Еще одно, что меня беспокоило весь вечер: как много мы должны им открыть? — продолжил Зиллейби. — Следует ли нам оставить кое-что в тайне и предоставить им самим делать выводы или лучше поступить иначе?

— Да, черт побери, но ведь это и в самом деле тайна, даже для нас с вами, не так ли? — указал доктор.

— Согласен, причина беременности и в самом деле покрыта мраком неизвестности, — признал Зиллейби. — Однако я полагаю, что не может быть ничего таинственного в том, что именно произошло. Вы наверняка уже сделали какие-то выводы, но умышленно уходите от ответа.

— Начните вы, — предложил Уиллерс. — Ваши рассуждения могут привести к другим выводам, во всяком случае, я надеюсь на это.

Зиллейби покачал головой.

— Выводы... — начал он и вдруг замолчал, глядя на фотографию дочери. — Господи! — воскликнул он. — Феррилин тоже... — Он медленно повернулся к доктору. — Полагаю, что вы ответите просто «не знаю».

Уиллерс медлил с ответом.

— Я не уверен, — сказал он наконец.

Зиллейби отбросил назад снежно-белую шевелюру и снова опустился в кресло. Почти минуту он молча изучал узор ковра. Потом очнулся и с нарочитым спокойствием начал:

— Есть три, нет — четыре возможности, которые, так сказать, очевидны и которые приходят на ум в качестве наиболее вероятного. Я думаю, вы тоже упомянули бы их, если бы имели хоть сколько-нибудь доказательные объяснения. Замечу, что против этих версий тоже могут быть выдвинуты возражения, но к этому я вернусь потом.

— Согласен, — откликнулся доктор.

Зиллейби кивнул:

— Как известно, у некоторых, особенно у низших форм, можно вызвать партеногенез*, не правда ли?

— Да. Но, насколько я понимаю, это не касается высших форм, и уж, во всяком случае, не млекопитающих.

— Совершенно верно. Тогда есть еще искусственное осеменение.

— Есть, — кивнул доктор.

— Вам это представляется маловероятным?

— Точно так.

— Мне тоже. И тогда, — мрачно продолжил Зиллейби, — остается лишь возможность имплантации, которая способна вызвать то, что кто-то, кажется, Хаксли, назвал ксеногенезом, то есть появлением формы, совершенно лишенной сходства с приемными родителями. Впрочем, их вряд ли можно назвать родителями в точном смысле этого слова.

Доктор Уиллерс нахмурился.

— Надеюсь, им такое в голову не придет, — сказал он.

Зиллейби покачал головой:

— Лучше вам оставить эту надежду, дружище. Может, сразу оно и не придет в голову, но такая вещь неизбежно станет ясной для всякого интеллигентного человека. Потому что, видите ли, мы согласились, что партеногенез как объяс-

* Внеполовое размножение.

нение не годится, ибо ведь не существует ни единого задокументированного случая, не так ли?

Доктор утвердительно наклонил голову.

— Им вскоре станет ясно, как ясно мне сейчас, да и вам тоже, что и изнасилование, и искусственное осеменение также следует исключить, хотя бы из соображений математической статистики. И это, на мой взгляд, относилось бы и к партеногенезу, если бы он был возможен. По закону больших чисел просто нельзя представить, чтобы в достаточно большой группе женщин, взятых на выбор, больше 25% находились одновременно в одной и той же стадии беременности.

— Ну... — начал доктор с сомнением.

— В таком случае, если ваша оценка верна или почти верна, нынешняя ситуация статистически просто невероятна. Следовательно, хотим мы того или не хотим, мы снова оказываемся отброшенными к четвертой и последней возможности — имплантация уже осемененной яйцеклетки должна была произойти именно в наш Потерянный день.

Уиллерс выглядел несчастным, но еще сопротивлялся.

— Я бы поставил под вопрос слово «последняя». Ведь могут быть и другие возможности, которые нам просто не пришли в голову.

Зиллейби ответил слегка раздраженно:

— А вы можете предложить какую-нибудь форму зачатия, которая преодолела бы наш статистический барьер? Нет? Отлично. Отсюда следует, что мы имеем дело не с зачатием, а с инкубацией.

Доктор вздохнул.

— Хорошо. Согласен, — сказал он. — Что касается меня, то мне не так уж интересен вопрос, как это было сделано. Я беспокоюсь в первую очередь о здоровье моих пациенток.

— Да, вам не позавидуешь, — кивнул Зиллейби. — Если все женщины находятся в одной и той же стадии беременности, то и роды, исключая несчастные случаи, должны состояться примерно в одно и то же время: где-то в конце июня или в первой неделе июля, если дело пойдет нормально.

— Сейчас, — произнес доктор твердо, — моя главная задача — успокоить их тревогу, а не увеличивать ее. И поэтому нам следует постараться задержать распространение идеи насчет имплантации так долго, как это только будет возможно. Эта штука — динамит!

Ради них прошу вас аргументированно опровергать лютое суждение в этом духе, если вам доведется такое услышать.

— Да, — промолвил Зиллейби, обдумав слова доктора. — Да, я согласен с вами. Тут, как мне кажется, мы столкнулись с делом, которое требует введения цензуры. — Он нахмурился. — Очень трудно представить себе, как это воспримут сами женщины. Будь я призван даже при благоприятных условиях воспроизвести на свет жизнь, такая перспектива меня страшно напугала бы, а если б меня к тому же предупредили, что в результате появится какая-то чуждая форма жизни, то я, скорее всего, сошел бы с ума. Большинство женщин, конечно, выдержит, в психическом отношении они крепче нас, а потому аргументированное отрицание такой возможности будет, пожалуй, наилучшим решением.

Он помолчал, обдумывая, что предстояло сделать.

— А теперь нам следует наметить линию поведения моей жены. Тут ведь многое надо предусмотреть. Один из самых сложных вопросов — вопрос о гласности, вернее, об ее ограничении.

— Боже мой! Конечно же! — воскликнул Уиллерс. — Если только пресса пронюхает...

— Верно. Упаси нас Господь от этого. Начнут печатать ежедневные сводки, которые будут громоздиться друг на друга в течение оставшихся шести месяцев. И уж они-то не пропустят версии о ксеногенезе! Пожалуй, еще затеют тотализатор по прогнозированию результатов родов. Хорошо, что военной разведке удалось удержать газеты от сообщений о Потерянном дне, придется обратиться к ним еще раз и попросить помощи. А теперь подумаем, что делать Анжеле.

ГЛАВА 9

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Агитация за единодушную явку на Специальное и чрезвычайное собрание, жизненно важное для каждой женщины Мидвича, велась интенсивно. Нас самих посетил Гордон Зиллейби и внушил нам весьма драматическое чувство тревоги с помощью обильного словоизвержения, суть которого так и осталась туманной.

Когда люди убедились, что речь идет вовсе не о лекциях по гражданской обороне или о каких-то других, столь же опостылевших мероприятиях, возникло крайнее любопытство к тому, что могло объединить доктора, викария, их жен, окружную медсестру и чету Зиллейби — команду, посещающую каждую семью в Мидвиче и персонально приглашающую на собрание всех женщин деревеньки. Сама уклончивость визитеров, их заверения, что никому платить не придется, сбора пожертвований не будет, а наоборот, все получают бесплатный чай, привели к тому, что любопытство победило природную подозрительность и пустых мест в зале почти не оказалось.

Оба главных инициатора сидели на сцене за столом, по обеим сторонам от Анжелы Зиллейби, казавшейся бледной и изможденной. Доктор нервно курил, глубоко затягиваясь. Викарий казался погруженным в думы, из которых он время от времени всплывал на поверхность и что-то говорил миссис Зиллейби, рассеянно внимавшей его словам. Они прождали лишних десять минут, чтобы подошли опоздавшие, после чего доктор попросил закрыть двери и начал собрание кратким, лишенным всякой конкретики выступлением о важности данного мероприятия.

Викарий поддержал его. Закончил он так:

— Я убедительно прошу каждую из вас внимательно прислушаться к тому, что вам расскажет миссис Зиллейби. Мы глубоко признательны ей за согласие изложить перед нами эту проблему. И хочу, чтоб вы знали: мы с доктором Уиллерсом наперед одобряем все, что она скажет. Уверяю вас: только потому, что мы не сомневаемся в лучшем и более глубоком взаимопонимании, которое установится в случае, если одна женщина изложит дело другим, мы рискуем возложить на нее это тяжелое бремя.

Теперь мистер Уиллерс и я покинем зал собрания, но останемся неподалеку. Когда миссис Зиллейби закончит, мы, если таково будет ваше желание, вернемся и постараемся ответить на вопросы. А теперь прошу вас внимательно послушать миссис Зиллейби.

Жестом викарий предложил доктору идти первым, и оба вышли через дверь в боковой части сцены. Дверь закрылась за ними, но не совсем плотно.

Анжела Зиллейби отпила глоток из стоявшего перед ней стакана с водой. Бросила взгляд на свои руки, лежащие на листочках с записями. Потом подняла глаза, ожидая, чтобы

разговоры стихли, обвела долгим взглядом собрание, как будто хотела запомнить каждое лицо.

— Во-первых, — произнесла она, — я должна вас предупредить. То, что я скажу, мне будет трудно выговорить, вам будет трудно в это поверить, а некоторым, возможно, станет даже больно, когда они поймут, в чем дело. — Она замолчала, опустила глаза, потом вновь посмотрела в зал.

— Я жду ребенка. Я очень, очень рада этому и счастлива. Для женщины естественно желать ребенка и быть счастливой, ожидая его появления. Неестественно и недостойно бояться материнства. К сожалению, сейчас в Мидвиче есть много женщин, которые чувствуют себя иначе. Некоторые из них ощущают себя несчастными, опозоренными и испуганными. Именно ради них мы и организовали это собрание. Надо помочь тем, кто несчастен, надо уверить их в том, что их мысли и чувства ошибочны.

Она снова обвела взором собрание. Тут и там слышалось затрудненное дыхание.

— Произошло нечто странное, очень странное. И случилось это не с одной или двумя из нас, а почти со всеми нами, почти со всеми женщинами Мидвича, способными к деторождению.

Присутствующие сидели молча и неподвижно, глаза всех были устремлены на Анжелу, которая продолжала развертывать перед ними всю поразительность ситуации. Она еще не кончила, когда донесся какой-то шум в правой стороне зала. Взглянув туда, миссис Зиллейби увидела в центре очага беспокойства мисс Латтерли и ее неразлучную подругу мисс Лэмб.

Анжела остановилась на полуслове и подождала. Она слышала негодующий голос мисс Латтерли, хотя и не разбирала слов.

— Мисс Латтерли, — произнесла Анжела отчетливо, — правильно ли я поняла, что предмет нашего собрания лично вас не касается?

Мисс Латтерли встала и голосом, дрожащим от негодования, заявила:

— Разумеется, вы правы, миссис Зиллейби. За всю свою жизнь...

— Тогда, поскольку эта тема имеет огромное значение для многих присутствующих, надеюсь, вы удержитесь от дальнейшего вмешательства... А может быть, даже предпочтете покинуть нас?

Мисс Латтерли не собиралась отступить и без страха глядела в лицо Анжелы.

— Это... — начала она и вдруг изменила свое намерение. — Прекрасно, миссис Зиллейби, свой протест против клеветы, которую вы возвели на нашу общину, я заявлю позже.

Она с достоинством повернулась и смолкла, видимо, ожидая, чтобы мисс Лэмб встала и присоединилась к ее выходу из зала. Но мисс Лэмб даже не шелохнулась. Мисс Латтерли нетерпеливо взглянула на нее и нахмурилась. Мисс Лэмб продолжала сидеть. Мисс Латтерли открыла рот, чтобы что-то сказать, однако нечто в выражении лица подружки остановило ее. Мисс Лэмб избегала ее взгляда. Она смотрела прямо перед собой, в то время как волна краски медленно заливала ее лицо, пока оно не запылало огнем.

Станный тихий звук сорвался с уст мисс Латтерли. Она протянула руку и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Не в силах выговорить ни слова, она смотрела на свою неразлучную спутницу. За несколько секунд мисс Латтерли похудела и сделалась на много лет старше. С усилием она овладела собой, гордо подняла голову и огляделась кругом ничего не видящими глазами. Затем, стараясь держаться прямо, но слегка пошатываясь, добралась до прохода и в полном одиночестве пошла к выходу.

Анжела ждала. Она ожидала ропота осуждения, но его не последовало. Собрание выглядело ошеломленным. Потом все лица с надеждой обратились к ней. При гробовом молчании она начала с того места, на котором ее прервали, стараясь деловым тоном снизить эмоциональное напряжение аудитории, в которое мисс Латтерли внесла свою лепту. Жестким усилием воли Анжела заставила себя довести речь до конца и, обессилев, умолкла.

Ожидавшийся шум голосов возник немедленно. Анжела сделала глоток из стакана и покатила между влажными ладонями скомканный носовой платок, одновременно продолжая следить за аудиторией.

Она видела мисс Лэмб, нагнувшуюся вперед и прижимавшую платок к глазам, в то время как добрая миссис Брант, сидевшая рядом, пыталась ее успокоить. Мисс Лэмб была далеко не единственной, кто нашел облегчение в слезах. Над опущенными головами в зале разносился становившийся все громче гул голосов, изумленных, гневных и жалобных. Некоторые женщины были близки к истерическому припадку. По счастью, взрыва эмоций, которого опасалась

Анжела, удалось избежать. В какой-то степени, думала она, обращение к разуму смягчило действие шока.

С чувством облегчения и с растущей верой в собственные силы она несколько минут наблюдала за собравшимися женщинами. Когда же решила, что первая часть выступления достаточно прочно запечатлелась в их сознании, Анжела постучала по столу.

Ропот голосов стих, еще звучали всхлипывания, но ожидающие лица уже повернулись к ней. Миссис Зиллейби набрала в грудь побольше воздуха и снова заговорила:

— Никто, никто, кроме ребенка или человека с детским умом, не может ждать от жизни справедливости. Она не такова, и для одних она будет тяжелее, чем для других. Тем не менее, справедлива она или несправедлива, хотим мы этого или не хотим, но все мы — замужние и незамужние — находимся в одной лодке. Нет никаких оснований для того, чтобы одни из нас смотрели на других свысока. Все мы оказались в нелегкой ситуации, и если какая-нибудь замужняя женщина соблазнится счесть себя достойней незамужней соседки, ей следует подумать, каким способом, если потребуется, она докажет, что ребенок — от ее мужа.

Это произошло со всеми, и это должно объединить нас ради нашего же блага. Никто из нас не несет бремя греха, а потому между нами не должно быть и различий, за исключением... — Тут Анжела сделала паузу. — За исключением того, что те женщины, что лишены поддержки любящих мужей, которые помогут им выстоять, требуют к себе максимума симпатии и заботы.

Она продолжала развивать эту мысль до тех пор, пока не решила, что цель достигнута. Тогда обратилась к другому аспекту проблемы.

— Вот в чем, — сказала Анжела с нажимом, — наша проблема. И нет у нас сейчас дела более важного и интимного. Я уверена, и, думаю, вы согласитесь со мной, что так оно и должно остаться. С этим мы должны разобраться сами, без посторонней помощи.

Вы знаете, как жадно накидываются дешевые газетенки на все, что имеет отношение к деторождению, особенно в случаях, когда в нем есть что-то необычное. Они селятся нарисовать пошлое зрелище, будто люди, связанные с этим, — ярмарочные уроды. Жизнь семьи перестает быть частным делом.

Мы все знаем, например, о некоторых случаях, подхваченных прессой, к которой затем присоединились и медики, подкрепленные авторитетом государственных учреждений, а в результате — родители практически лишились

своих детей сразу же после их рождения. Я ни за что не хочу потерять своего ребенка таким образом и думаю и надеюсь, что вы придерживаетесь того же мнения. Поэтому, если мы не желаем, во-первых, иметь множество неприятностей — а я предупреждаю вас, что если все происходящее станет широко известно, то нас станут обсуждать в каждом клубе и каждом кабаке с добавлением грязных инсинуаций, — и, во-вторых, если мы не хотим «выставиться» и в итоге наверняка лишиться своих детей, которых под тем или иным предлогом заберут доктора и ученые, то мы — каждая из нас — должны решиться не только не говорить, но даже не намекать за пределами Мидвича на теперешнее положение. В наших силах сделать так, чтобы это стало внутренним делом Мидвича, чтобы им занимались не какие-нибудь газетные писаки или министерства, а только сами жители Мидвича.

Если люди из Трайна или откуда-нибудь еще начнут любопытствовать, если тут появятся чужаки, задающие нескромные вопросы, мы ради наших собственных детей и ради самих себя не станем им ничего отвечать. Но просто молчать и уклоняться, будто мы что-то скрываем, мало. Необходимо показать им, что в Мидвиче вообще ничего странного не происходит. Если мы объединимся и убедим наших мужей, что они тоже должны действовать в наших интересах, то никакого нездорового вынюхивания не будет и нас оставят в покое, как это и должно быть в цивилизованном обществе. Это не их дело, это наше дело. Нет никого на всем свете, кто имел бы большее право или долг защитить наших детей от эксплуатации, чем мы — те, кто станет их матерями.

Анжела внимательно следила за залом, почти за каждым лицом и его выражением в отдельности. Затем она добавила:

— А теперь я приглашу к нам викария и доктора Уиллерса. Если разрешите, я отлучусь на несколько минут, а потом снова вернусь. Я знаю, у вас есть множество вопросов, которые ждут ответа.

И Анжела ускользнула в маленькую комнату за сценой.

— Великолепно, миссис Зиллейби. Просто великолепно! — сказал мистер Либоди.

Доктор Уиллерс взял ее руку и пожал.

— Мне кажется, вы свое дело сделали, дорогая, — произнес он, уже выходя с викарием на сцену.

Зиллейби подвел жену к креслу. Она села, прикрыла глаза и откинулась на спинку. Лицо было бледное, выглядела она опустошенной.

— Лучше бы пойти домой, — сказал он ей.

Анжела покачала головой:

— Нет. Через несколько минут все пройдет. Мне надо вернуться.

— Они справятся сами. Ты свою роль сыграла, и сыграла прекрасно.

— Понимаешь, я ведь знаю, как они себя чувствуют. Это исключительно важно, Гордон. Мы должны дать им полную возможность спрашивать и говорить сколько угодно. Им нужно к тому времени, как они начнут расходиться по домам, преодолеть полученный удар. Что им необходимо, так это чувство взаимной поддержки. Я это знаю, мне нужно то же самое.

Она положила руку на лоб, потом откинула волосы назад.

— Знаешь, Гордон, это ведь неправда — то, что я только что говорила.

— Что именно, родная? Ты ведь говорила о многом.

— Да о том, что я рада и счастлива. Два дня назад это было чистой правдой, а сейчас я боюсь. Боюсь, Гордон.

Его рука, обнимавшая плечи жены, напряглась. Вздыхнув, Анжела склонила голову и прижалась к его плечу.

— Дорогая, дорогая, — говорил он тихо, поглаживая ее волосы. — Все обойдется. Мы будем заботиться о тебе.

— Не знать!.. — воскликнула она. — Вернее, знать, что нечто развивается в тебе, и гадать — что и как. Это ведь так унижительно, Гордон! Чувствуешь себя каким-то животным.

Он поцеловал ее в щеку и продолжал гладить волосы.

— Не надо волноваться. Я готов биться об заклад, что, когда он или она появится на свет, ты только взглянешь и тут же скажешь: «Господи, нос совсем как у Зиллейби!» А если нет, что ж, мы встретим это вдвоем, плечом к плечу. Ты не одинока, родная, ты никогда не должна думать, что ты одинока. Здесь я, здесь Уиллерс. Мы все тут, чтобы помочь тебе, всегда, круглые сутки.

Анжела повернула голову и поцеловала его.

— Гордон, милый, — сказала она, собралась с силами и встала. — Надо идти!

Зиллейби долго смотрел ей вслед. Потом пододвинул кресло к неплотно закрытой двери, зажег сигарету и устроился получше, чтобы в потоке вопросов уловить истинное настроение деревни.

МИДВИЧ ДОГОВАРИВАЕТСЯ

На долю января выпала задача смягчить последствия удара, перестроить эмоции в нужном направлении и, таким образом, выработать единое отношение к создавшейся ситуации. Описанное выше собрание можно было рассматривать как успех. Оно очистило атмосферу и разрядило напряженность; его участники, психологическая обработка которых продолжалась и позже, пока не было наконец достигнуто согласие в мыслях, восприняли идею солидарности и взаимной помощи.

Можно было ожидать, что немногочисленные заядлые индивидуалисты займут обособленную позицию, однако и они, подобно большинству, не были заинтересованы в том, чтобы кто-то начал копаться в их частной жизни и вытаскивать ее на всеобщее обозрение; как следствие, улицы деревушки окажутся забиты машинами, а толпы идиотов-туристов будут пялиться в окна. Более того, тем двум-трем, что продолжали тосковать о сенсационной славе, вскоре стало ясно, что мидвичцы не преминут ответить на их действия всеобщим бойкотом. И если мистер Уилфред Уильямс даже и подумывал о тех барышах, которые могли бы сорвать «Коса и камень», он оказался вполне достойным членом общины, ибо был очень чувствителен к соображениям о явных преимуществах устойчивой прибыли своего кабачка.

Как только потрясение, вызванное внезапностью удара, сменилось ощущением, что штурвал находится в надежных руках, а маятник настроения незамужней молодежи качнулся от ощущения страха к почти нескрываемой бравade и возникло предчувствие перемен, похожее на то, что предшествует началу ежегодного фестиваля или открытию выставки цветов, самочинно организованный комитет смог успокоиться, решив, что ему как минимум удалось ввести события в нужное русло.

Первоначальный состав комитета, сложившегося из супружеских пар Уиллерсов, Либоди, Зиллейби, а также окружной медсестры Даниельсон, был пополнен нами и мистером Гриммом, кооптированным, чтобы представлять интересы нескольких перевозбужденных женщин — сотрудниц Грейнджа, которые волей-неволей обнаружили себя тесно повязанными проблемами Мидвича.

Хотя мнение большинства на заседании комитета, состоявшемся спустя пять дней после собрания, можно было

выразить словами: «Пока все идет как по маслу», члены его понимали, что дальнейшее никак нельзя пустить на самотек. Атмосфера, которую так успешно удалось создать, могла — это чувствовали все собравшиеся — смениться обычными предрассудками и предубеждениями. Было ясно, что достигнутое надлежит хотя бы какое-то время подпитывать и укреплять.

— Что нам необходимо, — подвела итог Анжела, — так это создать нечто вроде братства, противостоящего всеобщему несчастью, причем то, что это действительно несчастье, нам придется тщательно скрывать.

Это мнение было одобрено всеми, за исключением миссис Либоди, явно пребывавшей в глубоком сомнении.

— Но, — сказала она неуверенно, — мне кажется, мы должны стараться быть честными, не правда ли?

Мы смотрели на нее, не понимая, что последует за таким началом.

Она продолжала:

— Ведь это же действительно наказание, верно? Такое не могло случиться с нами без причины! Причина обязательно должна быть. И разве наша обязанность не в том, чтобы понять, в чем она состоит?

Анжела внимательно посмотрела на миссис Либоди, недоуменно наморщив лоб.

— Кажется, я не вполне вас понимаю.

— Хорошо, — объяснила супруга викария, — когда события — такие странные события — внезапно обрушиваются на жителей какой-то общины, то для этого всегда находится причина. Я имею в виду казни египетские, Содом и Гоморру и прочее.

Наступило молчание. Зиллейби первым ощутил необходимость разрядить обстановку.

— Что касается меня, — заявил он, — то я всегда считал казни египетские примером совершенно ничем не оправданного религиозного эгоцентризма. Вроде того, что сейчас именуется «политикой с позиции силы». Что же до Содома... — Тут он замолк на полуслове, так как поймал взгляд жены.

— Э-э-э... — начал было викарий, поскольку все, казалось, ждали от него чего-то. — Э-э-э...

Анжела поспешила ему на помощь:

— Мне кажется, из-за этого не стоит волноваться, миссис Либоди. Если бесплодие безусловно может считаться типичным проклятием, то я не припомню случая, чтобы

наказание выражалось в форме повышенного плодородия. В конце концов, такая кара была бы просто неразумной, не правда ли?

— Все зависит от того, каков плод, — мрачно ответила миссис Либоди.

Опять воцарилось неловкое молчание. Взгляды всех присутствующих, исключая викария, были обращены на миссис Либоди. Глаза доктора Уиллерса встретились с глазами сестры Даниельсон, затем снова вернулись к Доре Либоди, которая, по-видимому, не ощущала особого неудобства, став центром всеобщего внимания. Она смотрела на нас, как будто моля о прощении.

— Мне очень жаль, но боюсь, что причина всего тут происходящего — я, — сказала она.

— Миссис Либоди... — начал быстро доктор.

Она подняла руку, как бы останавливая его.

— Вы очень добры ко мне, и я знаю, что вы желаете мне только блага. Но пришло время покаяния. Вы видите: я — грешница. Если бы я двенадцать лет назад родила собственного ребенка, ничего подобного не произошло бы! А теперь я искупаю грех, нося в чреве ребенка, зачатого не от мужа. Все это так очевидно! Мне жаль, что я навлекла несчастье на вас всех. Однако такова кара, и вы должны понять это. Как казни египетские...

Викарий, весь красный и сконфуженный, прервал ее:

— Я надеюсь, вы извините нас...

Раздался стук отодвигаемых стульев. Сестра Даниельсон подошла к миссис Либоди и заговорила с ней. Доктор Уиллерс сначала смотрел на них, потом, заметив, что рядом с ним стоит викарий и хочет о чем-то спросить, успокаивающе положил руку на плечо мистера Либоди.

— Для нее это слишком сильный удар. Еще бы! Я давно уже опасаясь чего-нибудь в таком роде. Попрошу сестру Даниельсон проводить ее домой и дать успокоительного. Надеюсь, после крепкого сна все пройдет.

Через несколько минут мы разошлись все — задумчивые и подавленные.

Политика, предложенная Анжелой Зиллейби, приносила свои плоды. Конец января ознаменовался разработкой такой обширной программы общественной деятельности и соседской взаимопомощи, что, по нашему разумению, лишь самые

оголтелые индивидуалисты могли бы остаться в стороне от наших начинаний, где им бы грозила опасность в скором времени вымереть от скуки.

В конце февраля я известил Бернарда, что дела в целом идут гладко, во всяком случае куда лучше, чем мы могли надеяться вначале. Имели место, конечно, кой-какие провалы в кривой, которой можно было бы изобразить настроение местных жителей; без сомнения, такие провалы неизбежны и в будущем, но в целом обстановка быстро улучшалась. Я сообщил ему о наших делах в дополнение к моему последнему сообщению, но ничем не сумел пополнить информацию о взглядах и настроениях, царивших в Грейндже, о которой он меня запрашивал. То ли научные работники считали, что это дело подпадает под действие их подписки о неразглашении, то ли им казалось, что лучше притвориться, будто они считают именно так, но только попытка извлечь из них сведения для Бернарда оказалась пустым номером.

Поскольку мистер Гримм продолжал оставаться единственным связующим звеном между Грейнджем и деревней, мне представлялось, что для получения более полной информации я должен или получить полномочия открыть Гримму официальную подоплеку своего любопытства, или Бернарду придется обратиться к нему лично. Бернард предпочел второй вариант, и встреча с мистером Гриммом была назначена на время очередного визита последнего в Лондон.

Мистер Гримм зашел к нам по возвращении оттуда, видимо, считая себя теперь вправе поделиться с нами частью своих неприятностей, которые преимущественно касались его взаимоотношений с отделом кадров.

— Они там просто помешались на дисциплине и пунктуальности, — жаловался он. — Ума не приложу, что я буду делать, когда шесть моих сотрудниц заявят претензии насчет денежной помощи, освобождения от работы по состоянию здоровья и превратят черт знает во что такие аккуратненькие графики отпусков. А все это скажется на выполнении плана работ! Я сказал полковнику Уэсткотту, что, если его департамент желает сохранить ситуацию в тайне, это можно сделать лишь официально, причем на очень высоком уровне. Иначе в самом близком времени нам придется давать объяснения. Но я никак не могу понять, почему данный частный аспект проблемы представляет такой интерес для военной разведки. А вы как думаете?

— Какая жалость, — ответила ему Джанет. — Когда мы слышали, что у вас назначена встреча с Бернардом, мы обрадовались, решив, что, может быть, вам удастся просветить в этом отношении нас самих.

Жизнь Мидвича, казалось, катилась по привычной колее, но через несколько дней один из подземных ключей выбился на поверхность и причинил нам немало беспокойства.

После того заседания комитета, который завершился столь преждевременно по вине миссис Либоди, последняя перестала, что, в общем, понятно, играть сколько-нибудь активную роль в деле налаживания гармонии в жизни Мидвича. Когда Дора появилась после нескольких дней отдыха, нам показалось, что она пришла в норму и решила относиться ко всей ситуации так, как относятся к тому, о чем в приличном обществе просто не говорят.

Однако в первых числах марта настоятель церкви святой Мэри в Трайне и его жена доставили в Мидвич миссис Либоди в своем автомобиле. Они нашли ее, как с некоторым смущением сообщил мистеру Либоди настоятель, проповедующей на трайнском рынке, стоя на перевернутом ящике.

— Э-э... проповедующей? — Боязнь за жену сочеталась у нашего викария с беспокойством другого рода. — Я... э-э... Не можете ли вы сказать о чем?

— Ах, о... о... Боюсь, о чем-то совершенно фантастическом... — уклончиво ответил настоятель.

— Но ведь я должен знать. Доктор меня наверняка спросит!

— Ну, э-э... Это был как бы призыв к покаянию. В духе евангелического учения о фатуме... Люди Трайна должны смириться и молить о прощении в страхе перед гневом Господним, возмездием и адским пламенем... Боюсь, это несколько не совпадает со взглядами нашей церкви... Излишне мрачно, знаете ли. И, по-видимому, жители Трайна должны особенно избегать какого-либо общения с людьми из Мидвича, которые уже несут на себе бремя Божьего наказания. Если жители Трайна не внемлют, не исправятся, то возмездие падет и на них...

— О, — сказал мистер Либоди, стараясь сохранять спокойствие, — а она не говорила, какую форму приняли наши страдания?

— Кара, — ответил настоятель церкви святой Мэри, — приняла специфическую форму нашествия... э-э, детей. Это,

разумеется, вызвало взрыв грубых насмешек. В высшей степени прискорбное событие. Конечно, когда жена обратила мое внимание на... э-э... состояние миссис Либоди, происшествие стало более понятным, хотя и не менее огорчительным. Я... О, вот и доктор Уиллерс! — Настоятель явно почувствовал облегчение.

Примерно через неделю, где-то около полудня, миссис Либоди поднялась на нижнюю ступеньку Мемориала павшим воинам и приготовилась произнести речь. Для этого случая она оделась в рубище, сняла туфли и намазала лоб золой. К счастью, в это время на улице было мало народу, и миссис Брант удалось уговорить ее уйти домой, так ничего и не сказав. В течение часа слухи об этом разнеслись по всей деревне, но само слово миссис Либоди — каково бы оно там ни было — осталось произнесенным.

Вслед за этим пошли разговоры, что доктор Уиллерс порекомендовал миссис Либоди провести некоторое время в больнице, что было встречено в Мидвиче скорее с сожалением, чем с удовлетворением.

В середине марта, впервые после свадьбы, в гости к Зиллейби приехали Феррилин и Алан. Поскольку Феррилин до времени увольнения Алана из армии жила в крошечном шотландском городишке среди совершенно чужих людей, Анжела не хотела тревожить ее письмами, рассказывающими о положении в Мидвиче во всех подробностях. Но теперь вся информация стала достоянием Феррилин.

Выражение тревоги на лице Алана, когда перед ним развернулась во всей красе картина этого сложного дела, заметно выросло. Феррилин выслушала все молча, лишь время от времени бросая быстрые взгляды на Алана. Она же первой нарушила наступившее молчание.

— Знаете, у меня все время было ощущение, что тут что-то не так. Я имею в виду, не должно же... — Здесь она замолчала, как будто пораженная пришедшей ей в голову мыслью. — Боже ты мой, какой ужас! А я чуть ли не силой завладела Аланом! Он же вправе предъявить мне обвинение в понуждении, противозаконном заявлении и прочих прелестях! Чем плохое основание для развода?! Бог мой! Ты не хочешь развестись со мной, милый?

В уголках глаз наблюдавшего за ней Зиллейби собрались мелкие морщинки.

Алан положил ладонь на руку Феррилин

— Думаю, нам не следует торопиться с этим, не так ли? — ответил он.

— Любимый! — шепнула Феррилин, сжимая руку мужа

Обменявшись с Аланом долгим взглядом, она, случайно повернув голову, уловила выражение лица Гордона Бросив в его сторону намеренно равнодушный взгляд, Феррилин задала Анжеле какой-то незначительный вопрос, касавшийся поведения мидвичцев Через полчаса обе дамы вышли, оставив мужчин в одиночестве Алан заговорил сразу же, как только закрылась дверь.

— Позволю себе заметить, сэр, что удар слишком силен, верно?

— Боюсь, что вы правы, — согласился Зиллейби — Могу предложить только одно утешение — последствия удара со временем станут ощущаться слабее Самое болезненное — открытый вызов нашим предрассудкам (я имею в виду мужские предрассудки) — уже позади Для женщин, к сожалению, это лишь первый барьер из тех, что им придется преодолеть.

Алан покачал головой:

— Боюсь, что для Феррилин это страшный удар Так же как и для Анжелы, — спохватился он — Все это свалилось на них неожиданно А такие вещи требуют, так сказать, постепенного привыкания

— Дорогой мой, — сказал Зиллейби, — как муж Феррилин, вы вправе думать о ней что угодно, но вот чего вы не должны делать, хотя бы ради вашего собственного спокойствия, так это недооценивать ее Я сомневаюсь, чтобы от ее внимания ускользнула хоть какая-нибудь мелочь О том, что она сама уже давно все сообразила, достаточно ясно говорит последняя, наигранно легкомысленная реплика Феррилин, ибо она знала, что, если покажется вам испуганной, вы тут же начнете о ней беспокоиться

— Вы так думаете? — недоверчиво спросил Алан

— Уверен, — ответил Зиллейби — И она совершенно права. От беспомощного, взволнованного мужчины толку никакого Самое лучшее, что может сделать муж, — это скрыть свою тревогу и непоколебимо стать рядом с женой, олицетворяя мощь и разум и тихонько выполняя кой-какие мелкие организационные функции В данном случае я дарю вам плоды собственного достаточно богатого опыта

Он может также выполнять роль представителя современной науки и здравого смысла, но при этом должен действовать исключительно тактично. Вы же не имеете никакого представления о мудреных пословицах, важных приметах, старушечьих наговорах, цыганских предсказаниях и Бог знает о чем еще, что завоевало такую популярность в нашей деревушке за последние дни? Мы стали просто кладом для любителей фольклора. Знаете ли вы, что теперь у нас по пятницам считается опасным проходить мимо церковных врат? Что ношение зеленого платья почти приравнивается к самоубийству? Что есть тминное печенье очень опасно? Известно ли вам, что если нож, иглолка или спица упадут на пол острым концом, то родится мальчик? Нет? Я так и предполагал. Но это не имеет значения. Я собрал целый ворох такой человеческой мудрости, надеясь, что она поможет мне утихомирить моих издателей.

Алан с запоздалой учтивостью осведомился о том, как движется очередной «Труд».

Зиллейби печально вздохнул.

— Предполагалось, что я сдам окончательный вариант «Сумерек Великобритании» к концу следующего месяца. Но пока написаны только три главы этой остросовременной в будущем работы. И если бы я мог вспомнить, о чем там идет речь, то наверняка нашел бы, что они безнадежно устарели. Трудно сосредоточиться, когда над головой у тебя, как дамклов меч, висит *cresche**.

— Вот что меня удивляет — как вам удалось удержать все это в тайне? Мне казалось, что на это не было никаких шансов, — заявил Алан.

— И я так считал, — признался Зиллейби. — И не перестаю удивляться до сих пор. Я думаю, что это своего рода вариация на тему сказки о голом короле, а может быть, своеобразная инверсия гитлеровской большой лжи: правда слишком велика, чтобы поверить в нее. Но заметьте, Оппли и Стауч распускают о нас весьма нелестные слухи, хотя и не имеют ни малейшего представления о реальных масштабах того, что тут происходит. Мне говорили, что в обоих поселках в ходу гипотеза, будто мы все тут предаемся каким-то древним разнузданным обрядам. Во всяком случае, тамошние обитательницы буквально подбирают юбки, когда мы проходим мимо. Должен сказать, что мидвичцы ведут

* Колыбель (*фр*).

себя перед лицом подобных провокаций с большим достоинством.

— Иначе говоря, вы хотите сказать, что всего лишь в миле-другой отсюда никто не подозревает о том, что случилось у нас? — недоверчиво спросил Алан

— Пожалуй, они просто не хотят этому верить. Слышали они наверняка немало, но предпочли думать, что это сказка, которая прикрывает нечто гораздо более простое, хотя и более безнравственное. Уиллерс был прав, сказав, что нечто вроде рефлекса самозащиты обороняет среднего мужчину или женщину от представлений, вызывающих тревогу, — разумеется, в том случае, если эти представления не попали в печать. Одно слово в газете — и все кончено: восемьдесят—девяносто процентов немедленно кинутся в противоположную крайность и поверят чему угодно. Грязные мысли жителей других поселков нам даже на руку. Ведь газетчикам просто не за что будет ухватиться, если они не получат информации прямо из Мидвича.

Внутренняя напряженность — вот что было самым тяжелым в течение первых двух недель, последовавших за собранием. С несколькими мужьями возникли затруднения, но, когда нам удалось выбить из их голов мысль, что все это лишь хитроумная уловка, чтобы скрыть супружескую измену, и когда они поняли, что нет никого, кто бы мог поиздеваться над ними, они стали гораздо разумнее и перестали обращать внимание на мелкие условности.

Примирение мисс Лэмб и мисс Латтерли произошло через несколько дней, когда мисс Латтерли оправилась от шока, и теперь мисс Лэмб окружена заботой, которая очень смахивает на тиранство.

Нашим главным бунтовщиком долгое время была Тилли. О, вы же наверняка видели Тилли Форшем — бриджи, одолазка, куртка для верховой езды и постоянно сопровождающая ее свита из трех золотистых ретриверов*. Она долго негодовала, заявляя, что ладно бы она еще любила детей, но раз она всегда предпочитала щенят, то все это в высшей степени несправедливо. Однако и Тилли хоть и без довольствия, но сдалась...

Зиллейби еще долго забавлял гостя анекдотами, связанными с мидвичским бедствием, закончив их рассказом о мисс Огл, которую еле-еле успели уберечь от огласки,

* Порода охотничьих собак.

перехватив в момент, когда она собиралась внести первый взнос, причем на собственное имя, за самую роскошную детскую коляску, которую только можно было найти в Трайне.

После недолгой паузы Алан спросил:

— Вы, кажется, говорили, что с десятью женщинами, которые тоже могли бы стать жертвами, ничего не случилось?

— Да, из них пять находились в автобусе, ехавшем из Оппли, и поэтому оказались под наблюдением с самого Потерянного дня. Это, во всяком случае, позволило опровергнуть гипотезу об «оплодотворяющем газе», каковую кое-кто уже был готов принять на веру в качестве еще одного научного кошмара нашего времени, — ответил ему Зиллейби.

ГЛАВА 11

БРАВО, МИДВИЧ!

«Я очень сожалею, — писал мне Бернард Уэсткотт в начале мая, — что обстоятельства не позволяют передать Мидвичу вполне заслуженные им официальные поздравления по поводу успеха действий вашей программы. Все проведено столь скрытно и с такой бережностью в отношении заинтересованных лиц, что, признаюсь, мы просто поражены. Теперь же, когда до “дня икс” осталось лишь семь недель, мы надеемся, что вообще все обойдется без огласки, хотя многие из нас были уверены, что рано или поздно придется прибегнуть к официальным шагам.

Наибольшие затруднения нам причинила мисс Фрезер, входящая в штат мистера Гримма. Но здесь не повинны ни Мидвич, ни сама вышеуказанная леди.

Ее отец — отставной морской офицер, характер которого в высшей степени отвратителен, — собрался подстроить нам изрядную пакость, требуя парламентского запроса насчет чересчур свободных нравов и непристойных оргий в государственных учреждениях. Явно хотел сделать из своей дочки подарок для Флит-стрит*. К счастью, нам удалось организовать ему встречу с кое-какими влиятельными лицами, и они наставили его на путь истинный.

* Улица в Лондоне, где расположены редакции крупных газет.

А каковы ваши впечатления? Выстоит ли Мидвич до конца?»

Дать четкий ответ на этот вопрос нам было трудновато. Если никакой неожиданности не произойдет, то шансы «за» достаточно высоки; с другой стороны, постоянно присутствовала опасность появления чего-то неизвестного, подкарауливающего нас за каждым углом, — любой, самый крохотный детонатор мог привести к колоссальному взрыву.

Пока же, невзирая на подъемы и спады, мы продвигались вперед. Самый неприятный случай, который грозил началом паники, был ликвидирован доктором Уиллерсом, быстро организовавшим рентгеноскопический осмотр, с помощью которого было установлено, что все идет нормально.

Общее настроение в мае можно описать как бодрое, хотя то тут, то там проглядывало с трудом сдерживаемое ожидание конца затянувшейся кампании. Доктор Уиллерс, ранее горячий приверженец того, чтобы детей принимали в клинике Трайна, пересмотрел свое мнение.

Во-первых, в том случае, если с детьми оказалось бы что-то неладно, все попытки удержать события в тайне были бы обречены на провал. Во-вторых, в Трайне не нашлось бы коек, чтобы справиться с одновременной госпитализацией практически всего женского населения Мидвича, а это одно уже дало бы пищу для прессы. Поэтому он совершенно загнал себя, стараясь создать наилучшие условия на месте. Сестра Даниельсон также трудилась без устали, и вся деревушка благодарила Бога за то, что в Потерянный день сестра случайно оказалась в отъезде.

Уиллерс, как стало известно, договорился насчет временного помощника на первую неделю июня, а также организовал целую команду акушеров на более поздний срок. Маленькая комнатуха в мэрии, выделенная для комитета, превратилась в склад, куда уже прибыло несколько контейнеров с лекарствами, присланных фармацевтическими фирмами.

Мистер Либоди тоже до смерти устал. Его очень жалели из-за состояния супруги и относились к нему с большим уважением, чем когда бы то ни было. Миссис Зиллейби твердо придерживалась курса на укрепление духа солидарности и с помощью Джанет продолжала развивать идею, что Мидвич встретит свое неизвестное будущее мужественно и единым фронтом. Полагаю, именно благодаря их деятельности мы до сих пор почти не имели случаев психологических

срывов, если не считать миссис Либоди и еще нескольких происшествий.

Сам Зиллейби имел менее четко очерченный круг обязанностей. Главной он считал обязанность, по его выражению, руководителя бригады по борьбе с распространением суеверий, причем в этой области он обнаружил особый талант пробуждать здравый смысл, не вызывая раздражения собеседников. Кое-кто подозревал, что мистер Зиллейби оказывал и материальную поддержку тем, кто страдал от бедности или от жизненных неурядиц.

Неприятности мистера Гримма в его взаимоотношениях с отделом кадров не кончились. Он обращался со все более настойчивыми требованиями к Бернарду Уэсткотту и уже дошел до того, что заявил, будто единственный способ избежать скандала в министерстве внутренних дел заключается в передаче его исследовательской лаборатории в ведение министерства обороны. Бернард, по-видимому, пытался этому способствовать, но одновременно просил, чтобы секретность соблюдалась на протяжении всего периода переговоров, как бы долго последние ни продолжались.

— С точки зрения Мидвича, — говорил, пожимая плечами, мистер Гримм, — все это к лучшему. Но вот какого черта вмешивается военная разведка, я совершенно не понимаю.

К середине мая наметились кое-какие изменения.

До сих пор подъем духа Мидвича, в общем, шел в ногу с весенним расцветом природы. Было бы преувеличением сказать, что согласие теперь полностью нарушилось, хотя некоторые струны стали звучать явно приглушеннее. Ощущалось некое отчуждение, в выражении лица Мидвича появилась скрытая печаль.

— Скоро, — заметил Уиллерс Гордону Зиллейби, — скоро нам придется поднапрячься.

— Некоторые изречения, как известно, звучат лучше вне контекста, но вашу мысль я понял. Что сильно портит дело, так это дурацкие нашептывания выживших из ума старух. Тут и без них тяжело, а уж с ними — прямая дорога в сумасшедший дом. Как бы заткнуть им рты?

— Что там старухи! Неприятностей и без них по горло.

Зиллейби подумал и, нахмурившись, добавил:

— Тем не менее проблему надо решать. Думаю, мы кое-чего добились в этом отношении, раз затруднения возникли только теперь.

— Конечно, мы даже и предполагать не могли, что все пойдет так гладко. И этим мы обязаны в первую очередь миссис Зиллейби.

Зиллейби промолчал, но наконец, видимо, решился:

— Я очень беспокоюсь за нее, Уиллерс. И хотел бы, чтобы вы с ней поговорили.

— Поговорить? О чем?

— Она напугана гораздо больше, чем мы думаем. Я обнаружил это несколько дней назад, причем вспышка произошла без всякой внешней причины. Я как-то случайно поднял глаза и увидел, что она не отрываясь, с ненавистью смотрит на меня. Но ведь она относится ко мне совсем иначе... А потом, как будто я сказал ей что-то обидное, ее прорвало: «Мужчине, конечно, просто, ему не приходится выносить все это, и он обо всем осведомлен заранее. Разве он может понять? Даже если намерения у него самые наилучшие, он все равно остается в стороне! По-настоящему он никогда не узнает, каково нам приходится, даже когда все нормально. А что же говорить о том, что выпало на нашу долю сейчас? О том, каково лежать по ночам без сна и чувствовать всю глубину унижения от того, что тебя просто используют! Будто ты вовсе не человек, а какой-то механизм, вроде инкубатора... А потом час за часом и ночь за ночью гадать, что именно тебя заставляют вынашивать. Конечно же, ты неспособен понять, каково это, — где уж тебе! Как это непереносимо, как разъедает душу! Нет, я больше не выдержу! Знаю, что не выдержу. Дальше так жить нельзя!»

Зиллейби помолчал и встряхнул головой.

— И ведь ничего нельзя сделать. Я даже не пытался остановить ее. Решил, будет лучше дать ей выговориться. Мне только хочется, чтобы вы с ней поговорили и попробовали ее разубедить. Она знает, что все анализы и рентгеноскопия говорят о нормальном развитии плода, тем не менее вбила себе в голову, что вы обязаны так говорить из соображений профессиональной этики. Хотя тут я с ней не могу не согласиться.

— Клянусь Богом, я говорил правду! — ответил доктор. — Скажу по чести, не знаю, что бы я сказал, если бы это было не так, но знаю, что вряд ли нам тогда удалось бы пройти наш путь без больших потерь. Уверю вас, никто, включая и моих пациентов, не радуется этому больше меня. Не волнуйтесь! Я с чистой совестью могу успокоить вашу жену, во всяком случае в этом вопросе. Она не первая, кто сходит с ума из-за этих мыслей, и уж, конечно, не последняя.

Однако только мы справимся с этой проблемой, как женщины тут же найдут себе новый повод для беспокойства.

— Да уж, нелегкое времечко нам предстоит, что и говорить.

Уже через неделю стало ясно, что прогноз Уиллерса имеет шансы оказаться бледной тенью действительности. Ощущение предгрозового состояния не только не пропадало, а почти зримо усиливалось со дня на день. К концу следующей недели единый фронт Мидвича пошатнулся. Взаимопомощь явно сдавала позиции, и мистеру Либоди пришлось принять на свои плечи груз растущей тревоги общины. Он трудился, не жалея сил, организовывал специальные дневные службы, а в остальное время ходил из дома в дом, ободряя своих прихожан как мог.

Зиллейби обнаружил, что спрос на его услуги резко упал. Рационализм явно пришел в немилость. Зиллейби был странно молчалив, и, верно, охотно превратился бы в невидимку, если бы представилась такая возможность.

— Вы заметили, — спросил он, зайдя вечером в коттедж мистера Гримма, — вы заметили, как злобно они смотрят на мужчин? Как будто мы дали взятку Господу Богу, чтобы при рождении обрести свой пол. Иногда это начинает раздражать. У вас в Грейндже то же самое?

— Началось было, — признался мистер Гримм, — но мы пару дней назад отправили всех женщин в отпуск. Кто захотел уехать домой — уехал. Остальные разместились на квартирах, рекомендованных доктором. В результате работа идет лучше, чем раньше. А то дела было совсем пошли наперекосяк.

— Мягко сказано, — отозвался Зиллейби. — Мне лично никогда не приходилось работать на заводе взрывчатых веществ, но теперь я отлично представляю себе, каково там. Чувствуешь, что в любой момент может произойти нечто ужасное и непоправимое. А сделать ничего нельзя. Остается лишь сидеть да молиться, чтобы ничего не случилось. Откровенно говоря, не знаю, как мы протянем месяц или сколько там еще осталось. — Он пожал плечами и покачал головой.

Но именно в тот самый момент, когда Зиллейби печально покачивал головой, ситуация неожиданно улучшилась. Дело в том, что с мисс Лэмб, которая приобрела привычку

медленно прогуливаться по вечерам под зорким присмотром мисс Латтерли, в этот вечер произошел несчастный случай. Одна из молочных бутылок, аккуратно поставленных у задней двери коттеджа, каким-то образом опрокинулась, и, выходя из дома, мисс Лэмб наступила на нее. Бутылка покатилась, мисс Лэмб упала.

Мисс Латтерли втащила ее в дом и бросилась к телефону.

Миссис Уиллерс еще не легла спать, когда часов пять спустя после вызова доктор вернулся домой. Она услышала, как подъехал автомобиль, и, открыв дверь, увидела мужа, стоящего на пороге, растрепанного и жмуращегося от света. За все время супружеской жизни миссис Уиллерс видела его в таком виде не больше двух раз и теперь в тревоге схватила за руку.

— Чарли! Чарли, дорогой, что случилось? Неужели?..

— Я пьян, Милли. Извини. Не обращай внимания.

— Ох, Чарли! А ребенок?

— Реакция, родная. Пр'сто реакция. Ребенок в полном п'рядке. В полном п'рядке. Абс'лютно. П'рядок!

— Благодарю тебя, Господи! — воскликнула миссис Уиллерс, вкладывая в эти слова больше, чем когда-либо вкладывала в молитву.

— У него золотые глаза, — отозвался ее супруг. — Странно... Но что можно возразить против золотых глаз? Верно?

— Ничего, мой родной, конечно, ничего.

— Все в п'рядке, кроме золотых глаз. А без них — все в п'рядке.

Миссис Уиллерс помогла мужу снять пальто и довела до гостиной. Он рухнул в кресло и долго сидел согнувшись и тупо глядя перед собой.

— Г-г-глупо, правда? — сказал доктор. — Сколько потрачено нервов! А теперь полный порядок. Я... я... я... — И внезапно он зарыдал, спрятав лицо в ладони.

Миссис Уиллерс присела на ручку кресла и обняла мужа за плечи.

— Ну-ну, мой родной. Теперь все хорошо. Самое страшное позади. — Она наклонилась и поцеловала его.

— Мог ведь оказаться и черным, и желтым, и зеленым, и похожим на обезьяну! Рентген-то этого не показывает, —

сказал он. — Мидвичские дамы просто обязаны заказать для церкви витраж в честь мисс Лэмб.

— Верно, верно, дорогой. Ты только не волнуйся. Сам же сказал, что ребенок отличный.

Доктор Уиллерс несколько раз кивнул в подтверждение.

— Это правильно! Отличный! — повторял он после каждого кивка. — Исключая золотые глаза. Но ведь золотые глаза — это ничего? Согласна? Овечки... овечки, моя дорогая, могут теперь пощипывать травку без опаски... Без опаски... Без опаски... Господи, до чего же я устал, Милли...

А месяц спустя Гордон Зиллейби задумчиво прохаживался по приемной комнате лучшего родильного дома в Трайне. Усилием воли он заставил себя остановиться и сесть в кресло. Очень глупо так вести себя в столь почтенном возрасте! Для молодого человека подобное поведение еще приемлемо, но несколько последних недель весомо довели до его сведения тот факт, что он уже далеко не юн. Сейчас Зиллейби чувствовал себя раза в два старше, чем год назад. И тем не менее, когда через десять минут сестра, шурша накрахмаленным халатом, вплыла в комнату, она увидела, что он снова ходит по паркетному полу, меряя комнату из конца в конец.

— Мальчик, мистер Зиллейби, — сказала она. — И мне особо поручено передать вам, что у него и в самом деле наследственный нос семейства Зиллейби.

ГЛАВА 12

УРОЖАЙ В ЗАКРОМАХ

Во второй половине чудесного дня последней недели июля Гордон Зиллейби, выйдя с почты, наткнулся на небольшую семейную процессию, появившуюся из церковных дверей. Центром процессии была девушка, которая несла на руках новорожденного, завернутого в белую шерстяную шаль. Девушка выглядела слишком юной, чтобы быть матерью, — вряд ли она успела окончить школу: Зиллейби благосклонно улыбнулся этой группе и с поклоном принял ответные улыбки, но, когда процессия миновала его, он долго провожал ее глазами, наблюдая, как один ребенок несет другого. Глаза Зиллейби подернула грусть. Когда он

поравнялся с калиткой в церковной ограде, на дорожку вышел преподобный Губерт Либоди.

— Привет, викарий! Все еще вербуете рекрутов, как погляжу? — усмехнулся Гордон.

Мистер Либоди поздоровался, и они пошли рядом.

— Теперь полегчало, — промолвил мистер Либоди — Еще двое-трое, и все.

— Значит, успех стопроцентный?

— Выходит, так. Должен сознаться, что я не ожидал такого результата, но они, кажется, если и не считают, что дело полностью уладилось, то уверены, что во всяком случае находятся на пути к этому. И я очень рад. — Викарий на мгновение замолк, потом продолжил: — Вот, например, эта девица — Мэри Хисти. Она выбрала для сына имя Теодор. Выбор, как я считаю, принадлежит только ей. И мне он нравится.

Зиллейби, обдумав сказанное, кивнул:

— Мне тоже, викарий. Мне он очень нравится. И знаете, заслуга в этом главным образом ваша.

Мистер Либоди явно был польщен, но не согласился.

— Нет-нет. То, что такой ребенок, как Мэри, захотела назвать свое дитя Божьим Даром, вместо того чтобы стыдиться его, — заслуга всей деревни.

— Но деревня-то нуждалась в том, чтобы ей показали, как она должна себя вести по законам человечности.

— А это уж результат общей работы под начальством такого славного капитана, как миссис Зиллейби.

Некоторое время они шли молча, потом Зиллейби сказал:

— Однако факт остается фактом: как бы к этому ни относилась девушка, она все равно ограблена. Сразу и неожиданно ее перенесли из детства в материнство. Мне это кажется очень грустным. Ей не дали ни единого шанса, так сказать, расправить собственные крылья. Ее лишили радости ощутить всю поэтичность перехода из одного состояния в другое.

— С этим, пожалуй, можно согласиться, хотя у меня и есть кое-какие сомнения. Во-первых, поэты, как настоящие, так и неосуществившиеся, встречаются редко, а во-вторых, в стране гораздо больше людей, чем того хотелось бы нашему обществу, обладающих темпераментом, который влечет за собой немедленный переход от кукол к детям.

Зиллейби сокрушенно покачал головой:

— Пожалуй, вы правы. Всю свою жизнь я разоблачаю тевтонский взгляд на женщину, и всю жизнь девяносто процентов женщин доказывают мне, что они против него ничуть не возражают.

— А кроме того, — указал мистер Либоди, — найдется немало и таких, о ком никак не скажешь, что их ограбили.

— Верно. Я только что видел мисс Огл. Может быть, она все еще пребывает в изумлении, но определенно в ней уже преобладает чувство восхищения. Можно подумать, что все произошедшее — какой-то волшебный фокус, который она сама придумала, и только не знает, как это у нее получилось так здорово. — Он помолчал, потом продолжил: — Жена сказала, что миссис Либоди через несколько дней возвращается домой. Мы рады за нее.

— Доктора вполне удовлетворены ее состоянием. Она совершенно поправилась.

— А как ребенок? Хорошо?

— Да, — ответил мистер Либоди с некоторым колебанием в голосе. — Дора его прямо-таки обожает.

Он остановился у калитки, ведущей в сад, откуда был виден большой коттедж, расположенный в некотором удалении от дороги.

— Ах да! — кивнул Зиллейби. — Ну, и как же чувствует себя мисс Форшем?

— В настоящее время она очень занята. У нее новый помет ретриверов. Она продолжает уверять, что щенки куда интереснее, чем дети, но, кажется, эта убежденность дает трещину.

— Точно такие же признаки наблюдаются даже у самых ожесточенных, — согласился Зиллейби. — Что до меня, то есть с точки зрения мужчины, то сегодняшнее состояние деревни представляется мне отдыхом после битвы.

— Не мудрено. Это была настоящая битва, — согласился мистер Либоди, — но ведь битвы, в конце концов, лишь часть большой кампании. Нам предстоит еще многое.

Зиллейби выжидательно смотрел на него.

Мистер Либоди продолжал:

— Кто эти дети? Есть нечто странное в том, как они смотрят на нас своими удивительными глазами. Они... Они, знаете ли, пришельцы, чужаки — Он помолчал. — Я понимаю, у меня не тот тип мышления, который вам импонирует, тем не менее я постоянно возвращаюсь к мысли, что все это есть ниспосланное нам испытание.

— Кем и кому? — задал вопрос Зиллейби.

Мистер Либоди покачал головой:

— Этого, возможно, мы никогда не узнаем, хотя испытание, конечно, для всего Мидвича. Мы ведь могли отрицать навязанную нам ситуацию, а мы ее приняли и вышли из нее с честью.

— Что ж, — грустно улыбнулся Зиллейби, — будем надеяться, что мы не совершили ошибки.

Мистер Либоди, казалось, удивился.

— Так, а как же иначе?..

— Не знаю. Разве можно что-либо знать наперед, если имеешь дело с чужаками?

На том они и расстались. Мистер Либоди отправился по своим делам, а Зиллейби — в глубокой задумчивости — продолжал прогулку.

Из задумчивости он вышел, лишь когда оказался на площади. Его внимание привлекла миссис Бринкман, которую он увидел еще издалека. Только что она толкала перед собой новенькую, сверкающую лаком коляску и вдруг внезапно остановилась, с беспомощной растерянностью глядя на ребенка. Вынула его из коляски и отошла к Мемориалу. Там уселась на ступеньку, расстегнула блузку и дала ребенку грудь.

Зиллейби продолжал идти вперед. Приблизившись к миссис Бринкман, он вежливо приподнял свою изрядно поношенную шляпу. На лице миссис Бринкман появилось выражение негодования. Она покраснела, но не шевельнулась. Затем, как если бы Зиллейби сказал ей что-то, она заговорила, будто оправдываясь:

— Это же естественно, не правда ли?

— Моя дорогая леди, это классика! Один из величайших символов жизни, — заверил ее Зиллейби.

— Тогда поскорее убирайтесь отсюда! — выкрикнула миссис Бринкман и заплакала.

Зиллейби колебался.

— Не могу ли я быть чем-либо...

— Можете! Убирайтесь! — повторила она. — И уж не думаете ли вы, что я по своей воле устроила для вас это представление? — Голос ее прерывался от слез.

Зиллейби по-прежнему никак не мог решиться уйти.

— Она голодна, — сказала миссис Бринкман. — Вы бы поняли, каково это, если бы ваш ребенок был ребенком Потерянного дня. А теперь, умоляю вас, уходите.

Для продолжения разговора время было явно неподходящее. Зиллейби еще раз приподнял шляпу и исполнил

наконец просьбу миссис Бринкман. Он шел, в удивлении морща лоб, чувствуя, что какая-то информация явно прошла стороной — что-то от него скрыли.

Когда Зиллейби одолел половину подъездной дорожки к Кайл-мэнору, внезапный гудок автомобиля заставил его отступить на обочину, чтобы пропустить машину. Та, однако, не промчалась мимо, а остановилась. Повернувшись, Зиллейби увидел не пикап торговца, как ожидал, а маленький черный автомобиль, за рулем которого сидела Феррилин.

— Дорогая! — воскликнул Зиллейби. — Очень рад тебя видеть! А я и не знал, что ты собиралась к нам. И почему мне никогда ничего не говорят...

Но Феррилин не ответила на его улыбку. Лицо ее было бледным и усталым.

— Никто и не знал, что я приезжаю. Включая и меня. Я совсем не собиралась ехать. — Она поглядела на ребенка, лежавшего в складной кровати на сиденье рядом с ней. — Он заставил меня приехать, — тяжело вздохнула Феррилин.

ГЛАВА 13

ОДНО К ОДНОМУ

Первой на следующий день в Мидвич из Норвича вернулась со своим ребенком доктор Маргарет Хэксби. К этому времени мисс Хэксби уже не числилась в штате Грейнджа, она уволилась оттуда два месяца назад, но тем не менее явилась именно в Грейндж и потребовала, чтобы ее приютили. Двумя часами позже приехала мисс Диана Даусон — откуда-то из окрестностей Глостера, тоже с ребенком и с требованием приюта и заботы. С ней было легче, чем с мисс Хэксби, так как она все еще состояла в штате лаборатории, хотя до конца ее отпуска оставалось несколько недель. Третьей прибыла мисс Полли Растон из Лондона, тоже с ребенком, тоже в полном расстройстве чувств, и обрела пристанище у своего дяди — преподобного Губерта Либоди.

Через день примчались еще две бывших сотрудницы Грейнджа, с детьми, разумеется. Они, хотя уже и расстались с этой службой, без обиняков дали понять, что считают Грейндж обязанным обеспечить им жилье в Мидвиче. В полдень того же дня прибыла с ребенком молодая

мисс Дорри, проживавшая в Давенпорте, где служил ее муж. Она заняла собственный пустующий коттедж.

А на следующий день из Дарема, захватив ребенка, приехала последняя из числа пострадавших в Потерянный день сотрудница Грейнджа. Официально она находилась в отпуске и потребовала немедленно предоставить ей помещение. Самой последней вернулась мисс Латтерли с ребенком мисс Лэмб, срочно покинувшая Истберн, куда она в свое время вывезла мисс Лэмб на поправку.

Отношение к этому потоку мам с детишками было сложным. Мистер Либоди тепло встретил племянницу, хотя ее приезд и повлек за собой некоторые изменения в образе жизни викария. Доктор Уиллерс был ошарашен и огорчен, равно как и миссис Уиллерс — та боялась, что такой поворот событий заставит доктора отложить столь нужный ему отпуск, об организации которого она уже начала хлопотать. Гордон Зиллейби хранил вид человека, с завидным спокойствием изучающего интересный феномен. Без сомнения, лицом, на которое такое развитие событий оказало наибольшее воздействие, был мистер Гримм. На его физиономии поселилось выражение постоянной тревоги.

На Бернарда посыпались отчеты, требовавшие принятия срочных мер. Джанет и я считали, что первый и, вероятно, самый трудный период уже позади, что дети появились на свет, не вызвав всеобщего любопытства к обстоятельствам их рождения, однако, если Бернард по-прежнему заинтересован в сохранении тайны, то нынешнее развитие событий требует немедленного вмешательства. Необходимо разработать планы организации ухода за детьми, их воспитания и так далее, причем все это должно быть поставлено на прочную официальную основу.

Мистер Гримм сообщил, что отклонения от нормы у его сотрудниц достигли такого размаха, что без вмешательства в это дело высших сфер может завариться ужаснейшая каша.

Доктор Уиллерс посчитал необходимым изложить свои соображения в трех докладных записках. Первая была переполнена медицинской терминологией и носила сугубо официальный характер. Вторая выражала его мнение, изложенное человеческим языком, и предназначалась для лиц без медицинского образования. Среди главных положений этой записки было следующее:

«Родились живыми — 100%, в результате чего на свет появились тридцать один мальчик и тридцать девочек данного

типа. Хотя наблюдения по необходимости имеют поверхностный характер, можно отметить следующие общие для всех детей черты:

Самое поразительное — глаза. По своему строению они, по-видимому, не отличаются от наших. Однако радужная, как мне кажется, имеет совершенно уникальную окраску — она яркого, можно сказать, светящегося золотого цвета, причем этот цвет у всех детей имеет совершенно одинаковый тон.

Волосы отменно мягкие и тонкие, по цвету приближаются к светло-русым. Под микроскопом, в сечении, волос плоский с одной стороны и выпуклый с другой — форма, близкая к латинской букве. Образчики, взятые у восьми детей, идентичны. В специальной литературе мне не удалось обнаружить упоминания о таких волосах. Ногти на руках и ногах чуть более узкие, чем обычно, но ничего похожего на когтистость не наблюдается. Насколько я могу судить, они более уплощены, чем у нормальных детей. Форма затылка, возможно, несколько необычна, но об этом пока рано судить с уверенностью.

В предыдущем отчете высказывалось мнение, что происхождение детей может быть связано с ксеногенезом. Удивительное сходство детей между собой доказывает, что они не являются гибридами каких-либо известных человеческих типов, да и все обстоятельства, сопровождавшие беременность, подтверждают эту гипотезу. Дополнительные доказательства могут быть получены при определении группы крови.

Мне не удалось найти никаких сведений о возможности ксеногенеза у людей, но мне неизвестны и причины, которые сделали бы такое явление невозможным. Эта гипотеза зародилась, естественно, и у многих пострадавших женщин. Наиболее образованные из них полностью приняли версию, что они являются приемными, а не настоящими матерями. Менее образованные видят в этом нечто унизительное, а потому всячески гонят от себя мысли подобного сорта.

Примечание: все дети кажутся вполне здоровыми, хотя у них отсутствует та “пухловатость”, которую было бы естественно ожидать в их возрасте. Отношение размеров головы к размерам тела у них такое, какое обычно бывает у более взрослых детей. Станный серебристый отсвет кожи вызывает тревогу некоторых матерей, но обнаружен у всех детей и, вероятно, свойственен данному типу».

Прочтя этот доклад в полном виде, Джанет отнеслась к нему весьма критически.

— Послушайте, — заявила она, — а где же тут насчет возвращения в Мидвич матерей с детьми? И вообще, где анализ известных нам случаев вынужденных действий родителей? Нельзя проходить мимо них!

— Все это просто форма истерии, дающая начало коллективным галлюцинациям, возможно, скоротечным, — ответил Уиллерс.

— Тем не менее все матери, как образованные, так и необразованные, единодушны в том, что дети могут понуждать и понуждают взрослых к различным поступкам. Те, которые уехали из Мидвича, вовсе не собирались сюда возвращаться. Они вернулись потому, что их заставили вернуться. Я разговаривала со всеми прибывшими, и все они показали, что у них внезапно возникло чувство тревоги, ощущение какой-то пустоты, которая, как это почему-то им было ясно, исчезнет только в том случае, если они вернутся. Их попытки описать свои ощущения дают разные результаты, поскольку и сила воздействия, видимо, была тоже различной. Одни чувствовали удушье, другие что-то похожее на голод или жажду, третьи вроде бы слышали неприятный непрекращающийся ни на минуту шум. Феррилин утверждает, что она страдала труднопереносимым ознобом. Но при всех различиях матери понимали: их ощущения как-то связаны с детьми и единственный путь облегчить страдания — это приехать в Мидвич.

Мисс Лэмб испытывала то же самое, однако она была прикована к постели и вернуться в Мидвич не могла. И что ж? Давление переключилось на мисс Латтерли, которая не мела покоя, пока не взяла на себя роль заместительницы мисс Лэмб и не вернулась с ребенком в Мидвич. Как только мисс Латтерли прибыла сюда и передала дитя миссис Брант; возбуждение прошло, и она смогла отправиться к мисс Лэмб Истберн.

— Если, — внушительно сказал доктор Уиллерс, — если станем принимать рассказы старух и даже молодых за истину, если мы вспомним, что большинство домашних обязанностей смертельно однообразны и не дают пищи уму, так что любое семя, попавшее туда, может произвести на свет целые джунгли, тогда вряд ли нам стоит удивляться, что все искажено, лишено логики, как в ночном кошмаре, что вещи предстают скорее как символы, чем как сущности

С чем мы столкнулись? С определенным числом женщин, ставших жертвами неслыханного и до сих пор не объясненного феномена, и с определенным числом детей, не вполне схожих с обычными детьми, появившихся в результате этого феномена. Согласно хорошо известной логике, женщина хочет, чтобы ее ребенок был совершенно нормален и в то же время лучше остальных детей. И когда какая-то из этих женщин оказывается изолированной вместе со своим ребенком от товарищей по несчастью, то в ней неизбежно растет опасение, что ее золотоглазое чадо не вполне нормально по сравнению с ребятишками, которых она видит кругом. Ее подсознание возбуждено, и возбуждение достигает той точки, когда приходится либо признать данный факт, либо как-то его сублимировать. Самый простой способ — перенести Необычайное в такую обстановку, где оно перестает казаться Необычайным, если, конечно, таковая обстановка существует. В нашем случае такое место есть — это Мидвич. Поэтому они хватают своих детишек и возвращаются сюда, где все совершенно прелестно улаживается, во всяком случае на какое-то время.

— Мне кажется, что именно такое прелестное успокоительное мы и получаем в данную минуту, — откликнулась Джанет. — А что вы скажете насчет миссис Велт?

Случай, на который намекала Джанет, произошел, когда однажды утром миссис Брант, зайдя в лавочку миссис Велт, застала странную картину: хозяйка втыкала в себя булавку и горько плакала от боли. Миссис Брант это показалось странным, и она почти насильно отвела миссис Велт к доктору Уиллерсу. Тот дал миссис Велт успокоительное, и, когда ей стало лучше, она объяснила, что, меняя ребенку пеленки, нечаянно уколола его булавкой. И тогда, согласно ее словам, ребенок взглянул на нее в упор своими золотыми глазами и заставил втыкать булавку в собственное тело.

— Ну уж! — возразил Уиллерс. — Если у вас есть в запасе лучшее описание истерического раскаяния вроде власяниц и тому подобного, я был бы рад его услышать.

— А Гарриман? — настаивала Джанет.

Гарриман однажды ввалился в хирургический кабинет Уиллерса в жутком виде: нос сломан, выбиты несколько зубов, подбиты оба глаза. На него напали, объяснил он, трое неизвестных мужчин. Правда, кроме него, никто этих мужчин не видел. Зато двое мальчишек, случайно заглянувших в окно, болтали, что будто бы видели Гарримана в бешенстве бьющим кулаком по собственному лицу. А на

следующий день кто-то заметил на щечке гарримановского ребенка свежий кровоподтек.

Доктор Уиллерс пожал плечами.

— Если бы Гарриман объявил, что на него напало стадо розовых слонов, я бы и тут не удивился, — хмыкнул он.

— Ладно, если вы не собираетесь вносить это в свою докладную записку, я отмечу свое особое мнение, — ответила Джанет.

Что она и сделала. Ее записка кончалась так: «По моему мнению, равно как и по мнению других лиц, исключая доктора Уилдерса, это не проявление истерии, а объективные факты. Эту ситуацию необходимо учитывать, а не отбрасывать как несущественную. Ее нужно исследовать и искать ей объяснения. Среди слабонервных людей уже наблюдается тенденция приписывать ее сверхъестественным силам и наделять детей магическими свойствами. Такая чушь пользы не принесет и может повлечь за собой то, что Зиллейби называет “синдром сумасшедшего дома”. Следует провести непредвзятое исследование».

Организация исследований, хотя и более обширного характера, была темой и третьей докладной записки Уиллерса, носившей характер явного протеста.

«Во-первых, я не понимаю, почему в это дело вмешивается военная разведка. Во-вторых, если такое вмешательство необходимо, то почему она присвоила право быть единственной заинтересованной стороной?»

Подобные действия ошибочны в своей основе. Кто-то же обязан организовать детальное изучение этих детей! Я, конечно, записываю свои наблюдения, но это всего лишь наблюдения рядового практикующего врача. Здесь нужна большая группа экспертов. Я молчал до рождения детей, так как думал (и думаю сейчас), что так будет лучше для всех замешанных в этом деле и, в первую очередь, для матерей. Однако ныне нужда в молчании отпала.

Мы уже свыклись с фактами вмешательства военных в самые различные области науки, хотя в большинстве случаев оно ни к чему хорошему не ведет, однако нынешняя ситуация — случай, выходящий из ряда вон.

Просто позор, что такие события будут и дальше скрыты от общественности, а их изучение останется практически брошенным.

Если это не пример обструкционизма, то тогда это скандал чистой воды! Что-то должно быть предпринято, хотя бы

и в рамках закона о сохранении государственной тайны, если уж это так необходимо! Пока же потрясающая возможность сравнительного изучения близнецов просто отбрасывается.

Вспомните, сколько труда вложено в изучение простых "четверней" и "пятерней" близнецов, и взгляните на тот материал, которым мы располагаем в данном случае. Шестьдесят один близнец — все похожи так, что большинство матерей не может их различить (матери это отрицают, и тем не менее это так). Подумайте об исследованиях, которые можно провести в области сравнительного изучения воздействия окружающей среды, закаливания, общения, диеты и прочего. То, что происходит сейчас, можно уподобить сожжению еще не написанных книг. Необходимо что-то делать, пока шанс не утерян».

Обвинения вызвали немедленное появление Бернарда и длительную и весьма желчную дискуссию. Последняя закончилась тем, что доктор Уиллерс частично удовлетворился обещанием Бернарда побудить министерство здравоохранения к быстрым и решительным действиям.

После того как все разошлись, Бернард сказал:

— Теперь, когда официальная заинтересованность Мидвичем стала более явной, может оказаться полезным (и даже позволит избежать в будущем многих осложнений) привлечение на нашу сторону симпатий Зиллейби. Как вы думаете, нельзя ли организовать встречу с ним?

Я тотчас позвонил Зиллейби, тот сразу же согласился, и после обеда я проводил Бернарда в Кайл-мэнор и оставил их наедине. Когда через два часа Бернард вернулся в наш коттедж, он был очень задумчив.

— Ну, — спросила Джанет, — что же вы думаете о нашей мидвичской достопримечательности?

Бернард покачал головой и посмотрел на меня.

— Просто поражаюсь Зиллейби, — сказал он. — Ваши докладные, Ричард, великолепны, но я сомневаюсь, что его персону получила в них правильное освещение. О, конечно, ему свойственно излишнее многословие, которое может показаться иногда, как я представляю, пустопорожним, однако вы слишком много места отвели описанию манеры и слишком мало — сути.

— Сожалею, что навел вас на ложный след, — согласился я. — Беда Зиллейби в том, что суть его речей трудно

ухватить, а иногда она совершенно ускользает. Очень малая часть того, что он говорит, годится для включения в докладную записку. Он зачастую упоминает о чем-то *en passant**, и к тому времени, когда вы начинаете обдумывать сказанное, вы уже не знаете, упомянул он это с серьезным намерением или просто проигрывал возможные гипотезы. Уж если на то пошло, то вы не уверены и в том, он ли вам на что-то намекнул, или вы сами это вообразили. Вот ведь в чем тут проблема.

Бернард понимающе кивнул:

— Да, против этого трудно возразить. У меня сложилось такое же впечатление. В конце разговора Зиллейби чуть ли не десять минут потратил на то, чтобы сообщить, будто он недавно пришел к мысли, что с биологической точки зрения цивилизация есть форма социального упадка. От этого он перешел к рассуждениям, что разрыв между *homo sapiens* и другими видами не так уж велик. Затем высказал предположение, что для нашего развития было бы лучше, если бы нам пришлось в свое время бороться за первенство с другими разумными или, по крайней мере, с полуразумными видами. Я уверен, что все это говорилось с каким-то подтекстом, но будь я проклят, если знаю — с каким!

Ясно одно — при всей своей рассеянности Зиллейби почти ничего не упускает из поля зрения... Кстати, он, так же как и доктор, твердо стоит на позициях необходимости экспертного наблюдения, особенно в отношении способности детей понуждать взрослых к действиям. При этом исходит из совершенно иных предпосылок. Он не считает эти проявления следствием истерии и очень интересуется тем, что же это такое. Между прочим, вы, видимо, пропустили один факт: вам известно, что дочь Зиллейби вчера попыталась увести своего ребенка на автомобиле?

— Нет, — ответил я. — А что значит «попыталась»?

— Только то, что, проехав шесть миль, ей пришлось вернуться обратно, отказавшись от этой затеи. Ребенку ее намерение явно не понравилось. Феррилин выразилась так: «Очень плохо, если ребенок постоянно держится за материнский передник, но еще хуже, если мать оказывается привязанной к слюнвячку своего дитяти». Зиллейби считает, что ему придется принять меры.

* Мимоходом (фр.)

ПРОБЛЕМЫ ОСЛОЖНЯЮТСЯ

Прошло не меньше трех недель, прежде чем Алану Хьюэсу удалось вырваться на уик-энд, так что намерение Зиллейби «принять меры» пришлось отложить на этот срок.

К тому времени нежелание Детей (упомяная их, местные жители стали как бы применять прописное Д, чтобы отличить их от собственных детишек) покидать ближайшие окрестности деревушки стало общеизвестным фактом. С этим обстоятельством были связаны довольно большие неудобства, так как матери, если ей надо было поехать в Трайн или куда-нибудь еще, приходилось искать человека для ухода за ребенком. Впрочем, теперь на подобные неудобства внимания не обращали, рассматривая их как причуду или просто как еще одно затруднение в ряду других, возникающих после рождения ребенка.

Зиллейби, однако, отнесся к делу серьезнее, хотя все же потерпел до вечера воскресенья, чтобы изложить свое мнение зятю. Уверенный в необходимости откровенного разговора, он отвел Алана к шезлонгам, расставленным под кедром на лужайке, где никто не мог им помешать. Как только они уселись, Зиллейби приступил к делу с неприкрытой для него прямоотой.

— Вот что я хочу тебе сказать, мой мальчик: я был бы счастлив, если бы ты забрал Феррилин с собой. И чем скорее, тем лучше.

Алан посмотрел на тестя с удивлением, а затем нахмурился.

— Для меня нет ничего более желанного, чем жизнь вместе с Феррилин.

— Конечно, конечно, дружок! В этом никто не сомневается. Сейчас меня занимает нечто гораздо более серьезное, чем удобства вашей личной жизни. Я думаю не о том, чего хочется кому-то из вас, а о том, что должно быть сделано, причем не столько ради тебя, Алан, сколько ради Феррилин.

— Она и сама хочет уехать. Она же пыталась сделать это однажды, — напомнил ему Алан.

— Знаю. Но она попыталась взять с собой ребенка, а тот заставил ее вернуться точно так же, как раньше заставил приехать сюда, и точно так же, как, по-видимому, снова принудит возвратиться, если Феррилин повторит свою попытку. Если бы тебе удалось уговорить ее, мы смогли бы

обеспечить здесь прекрасный уход за ребенком. Есть признаки того, что, если ребенка разлучить с матерью, он не будет пытаться, а фактически не сможет возбудить в ней эмоции более сильные, чем обычное чувство привязанности.

— Однако, если верить Уиллерсу...

— Уиллерс всего лишь пытается отпугнуть одолевающий его страх. Он отказывается видеть то, чего видеть не желает. Думаю, не имеет смысла опровергать ту казуистику, которой он надеется успокоить себя, поскольку она не выдерживает никакой критики.

— Вы предполагаете, что истерия, на которую ссылается доктор Уиллерс, не есть реальная причина возвращения Феррилин и других матерей?

— А что такое истерия? Функциональное нарушение нервной системы. Естественной, нервной системы большинства этих женщин находилась под сильным стрессом, но беда Уиллерса в том, что он остановился как раз там, откуда должен был начать. Вместо того чтобы взглянуть проблеме прямо в лицо и честно спросить у себя, почему реакция матерей принимает столь причудливые формы, Уиллерс прячется за дымовой завесой околичностей вроде «долгого периода подавляемой тревоги». Я его не обвиняю. Он за это время многое перенес и так переутомился, что нуждается в отдыхе. Однако отсюда не следует, что мы вправе позволить ему извращать факты, чем именно он и занимается сейчас. Например, хотя он все видел собственными глазами, ему тем не менее не хочется признать факт, что все проявления «истерии» происходят лишь в непосредственной близости от Детей.

— А это так? — в удивлении воскликнул Алан.

— Без исключения. Ощущение «давления» возникает только вблизи Детей. Изолируйте ребенка от матери, освободите мать от контакта с любым из Детей, и «давление» тут же снижается, постепенно сходя на нет. У одних женщин на это уходит больше времени, у других меньше, но исключений не бывает.

— Тогда я не понимаю... Я хочу сказать, каков же механизм действия?

— Понятия не имею. Можно предположить, что здесь действует что-то сходное с гипнозом. Каков бы ни был этот механизм, я совершенно уверен, что он приводится в действие сознательно и направляется самим ребенком. Возьми, например, случай с мисс Лэмб. Когда оказалось, что она физически не в состоянии подняться с постели, давление

было немедленно перенесено на мисс Латтерли, которая до этого его совершенно не ощущала, и в результате ребенок получил то, чего добивался: вернулся в Мидвич, подобно всем остальным. А раз уж они сюда попали, то никому не удастся увести их дальше, чем на шесть миль от деревни.

Уиллерс утверждает, что истерия начинается у одной женщины, а другие бессознательно подхватывают ее и демонстрируют одинаковые симптомы. Однако если ребенка оставляют с соседкой, то мать может спокойно ехать в Трайн или куда ей надо, не испытывая никаких неприятных ощущений. Это, согласно Уиллерсу, происходит просто-напросто потому, что ее подсознание не ожидает ничего такого, что могло бы повредить ребенку в ее отсутствие. Вот и все.

Я говорю вот о чем: Феррилин не может взять с собой Дитя, но если она решит уехать, оставив его здесь, то ничто ее не задержит. Твоя обязанность — помочь ей принять такое решение.

Алан задумался.

— А не выйдет что-то вроде ультиматума — выбор между мной и ребенком? Вам не кажется, что такое средство слишком жестоко?

— Мой дорогой мальчик, ребенок-то уже предъявил свой ультиматум. То, что сделаешь ты, лишь прояснит ситуацию. Единственный возможный компромисс для тебя означает полную сдачу на милость ребенка, а в результате — неизбежность собственного переезда к нам.

— Это совершенно исключается.

— Тем лучше. Феррилин, как мне кажется, вот уже несколько недель избегает думать об этой проблеме, но рано или поздно ей придется посмотреть правде в глаза. Твой долг состоит в том, чтобы помочь ей разглядеть стоящую перед ней преграду, а потом оказать содействие в ее преодолении.

Алан медленно выговорил:

— Не слишком ли много мы от нее требуем?

— А не слишком ли много требуют от мужа, если вдовцов он не отец ребенка?

— Гм-м, — отозвался Алан.

Зиллейби продолжал:

— Кроме того, по-настоящему этот ребенок и не ее, иначе бы я не стал говорить с тобой так, как говорю. Феррилин и все прочие — жертвы мошенничества: их обманом вовлекли в совершенно немыслимое положение. Был

применен тщательно продуманный жульнический прием, превративший их в то, что в ветеринарной науке именуется «матерями-хозяйками» — родство лишь чуть более интимное, чем у обыкновенных приемных матерей, но, в общем, того же порядка. Этот ребенок не имеет ничего общего ни с тобой, ни с Феррилин, за исключением того, что с помощью какого-то пока не объяснимого приема Феррилин была поставлена в ситуацию, заставившую ее вынашивать и вскармливать чужого ребенка. Он не только не родствен вам с Феррилин, но не принадлежит ни к какой известной человеческой расе. Даже Уиллерс вынужден признать это.

Но если данный человеческий тип неизвестен, то сам феномен хорошо знаком — наши предки, не имевшие святой веры Уиллерса в научные каноны, изобрели для него особый термин. Они называли такие существа «подменщиками», «оборотнями». И наши здешние дела не показались бы им, в отличие от нас, странными, поскольку предки страдали лишь религиозным догматизмом, который куда менее догматичен, чем научный.

Идея подмены вовсе не нова, наоборот, она очень стара и имеет весьма широкое распространение, ибо вряд ли могла зародиться без повода и сохраняться так долго без подкормки время от времени новыми фактами. Правда, случаи, когда воплощение этой идеи принимало бы такие масштабы, как у нас, неизвестны. Но количество в данном случае несколько не влияет на качество явления, оно лишь подтверждает его. Все эти золотоглазые Дети в количестве шестидесяти одного есть чужаки и оборотни. Точнее, просто кукушата.

Дальше. Самое важное в феномене кукушки не то, каким образом яйцо попадает в гнездо, и не то, почему выбрано именно это гнездо. Настоящая проблема возникает лишь после того, как кукушонок вылупится из яйца. Она состоит в том, как кукушонок поведет себя дальше. И каковы бы ни были его действия, они продиктованы инстинктом борьбы за существование, инстинктом, проявления которого всегда беспощадны.

Алан задумался.

— Вы и в самом деле уверены в правильности этой аналогии? — спросил он, чувствуя нарастающее беспокойство.

— Совершенно уверен, — заверил его Зиллейби.

Некоторое время оба сидели молча, Зиллейби — откинувшись на спинку шезлонга, с заложенными за голову руками, Алан — глядя невидящими глазами в голубую даль.

— Хорошо, — наконец произнес Алан. — Большинство из нас, наверное, полагало, что после рождения детей все пойдет гладко. Признаюсь, сейчас картина выглядит иначе. Но что вы ожидаете в будущем?

— Я не предвижу ничего определенного, однако, по моим представлениям, приятного ждать не приходится, — ответил Зиллейби. — Кукушка выживает потому, что она безжалостна и у нее — лишь одна цель. Вот почему я надеюсь, что ты заберешь отсюда Феррилин и будешь держать ее подальше от нас.

В лучшем случае из нынешней ситуации не получится ничего хорошего. Ты должен помочь ей забыть этого оборотня, чтобы Феррилин смогла зажить нормальной жизнью. Сначала, без сомнения, ей будет трудно, но все равно не так, как если бы это было ее родное дитя.

Алан с силой разгладил ладонью морщины на лбу.

— Это очень тяжело, — сказал он. — Несмотря на известные обстоятельства, Феррилин питает к нему материнские чувства. Одновременно и чувство физической близости, и чувство ответственности, что ли...

— О, конечно! Именно так и работает этот механизм. Потому-то несчастная пичужка и доводит себя до смерти, пытаясь прокормить прожорливого кукушонка. Это и есть тот жульнический трюк, о котором я тебе говорил, — наглая эксплуатация естественного чувства.

Существование такого естественного чувства необходимо для сохранения вида, но и в цивилизованном обществе мы ведь не можем давать волю всем нашим естественным побуждениям, не так ли? В данном случае Феррилин должна воспротивиться шантажу.

— Если бы, — медленно заговорил Алан, — если бы дитя Анжелы оказалось одним из них, что бы вы сделали?

— То же самое, что я советую сделать тебе ради Феррилин. Забрал бы ее отсюда. Я разорвал бы связи с Мидвичем и продал бы свой дом, хотя мы оба горячо его любим. Может быть, мне еще и придется это сделать, хотя Анжела, к счастью, не связана со здешними обстоятельствами. Много будет зависеть от развития событий. Подождем — увидим. В деталях, конечно, будущее трудно предугадать, но я не собираюсь полагаться на логические построения. Чем скорее Феррилин уедет отсюда, тем уверенней я буду чувствовать себя.

Разговаривать с ней об этом я не считаю возможным. Во-первых, это такое дело, которое вам нужно решить самим;

во-вторых, есть риск, что я, проясняя еще не вполне отчетливо видимую опасность, совершу ошибку и, например, подам ее как вызов, который следует принять. Ты же предложишь ей альтернативу. Однако, если тебе трудно и ты нуждаешься в чем-то, что нужно бросить на чашу весов, мы с Анжелой готовы поддержать тебя во всем.

Алан задумчиво кивнул:

— Надеюсь, в этом не будет необходимости. Мне кажется, помощь не потребуется. Нам обоим ясно, что долго так продолжаться не может. Теперь, когда вы меня подтолкнули, мы примем решение.

Они сидели погруженные в глубокую задумчивость. Алан испытывал чувство освобождения благодаря тому, что его обрывочные предчувствия и подозрения были сведены в форму, требующую немедленного действия. Сильное впечатление на него произвело и то обстоятельство, что он не мог припомнить до сего дня ни одного разговора с тестем, где бы Зиллейби не смаковал одну соблазнительную гипотезу за другой, а так неуклонно придерживался бы главной темы. Такая богатая почва для множества интереснейших вопросов! Алан был уже готов задать кой-какие из них, но его остановило появление Анжелы, шедшей к ним через лужайку.

Она села в кресло рядом с мужем и попросила сигарету. Зиллейби протянул ей одну и зажег спичку. Он внимательно наблюдал, как Анжела пускает клубы дыма.

— Какие-нибудь неприятности?

— Трудно сказать. Я только что говорила по телефону с Маргарет Хэксби. Она улизила.

Зиллейби выгнул бровь.

— Ты хочешь сказать, что она уехала?

— Да. Позвонила мне из Лондона.

— О! — воскликнул Зиллейби и погрузился в молчание.

Алан спросил, кто такая Маргарет Хэксби.

— Ох, извините. Вы же с ней наверняка не знакомы. Это одна из молодых сотрудниц Гримма. Вернее, была ею. Из числа самых способных, как говорят. Доктор философии Маргарет Хэксби, из Лондона.

— Одна из... э-э... пострадавших? — поинтересовался Алан.

— Да. И к тому же одна из самых разгневанных этим обстоятельством, — ответила Анжела. — В общем, она решила

сбежать, оставив Дитя в буквальном смысле на коленях у Мидвича.

— Но откуда же ты узнала об этом, дорогая? — спросил Зиллейби.

— Ох, она просто решила, что я наиболее подходящий объект для официального уведомления. Заявила, что звонила мистеру Гримму, но его сегодня нет. Хотела договориться насчет ребенка.

— А где ребенок сейчас?

— Там, где она квартировала. В коттедже старшей миссис Дорри.

— А Маргарет, значит, просто сбежала?

— Именно. Миссис Дорри еще ничего не знает. Придется идти и разговаривать с ней.

— Все это может повлечь большие неприятности, — сказал Зиллейби. — Предвижу панику, которая охватит женщин, приютивших этих сотрудниц. Хозяйки вышвырнут их сегодня же вечером. Как бы оттянуть разглашение?.. Надо дать время Гримму добраться до дому и что-то предпринять. В конечном счете, деревня за его девиц не отвечает, во всяком случае непосредственно... А может, она вернется?

Анжела отрицательно покачала головой:

— Нет, эта, я думаю, никогда не вернется. Она приняла решение не под влиянием минуты, она все отлично спланировала. Ее аргументация такова: она никого не просила о переводе в Мидвич, ее сюда просто назначили. Если бы ее назначили в район, где распространена желтая лихорадка, то администрация несла бы ответственность за возможные последствия. Что ж, раз ее назначили сюда и она не по своей вине подцепила тут это, то пусть администрация и расхлебывает кашу.

— Гм-м, — произнес Зиллейби, — у меня ощущение, что такая параллель вряд ли будет принята официальными кругами без возражений. Однако...

— Хэксби, во всяком случае, считает именно так. Она наотрез отказывается от ребенка. Говорит, что несет за него не большую ответственность, чем за обычного подкидыша, а потому нет причин, чтобы она мирилась с его присутствием, как нет оснований требовать этого от нее, нарушая порядок ее жизни и работы.

— И при этом она собирается бросить Дитя на попечение прихода, если, конечно, не предполагает платить за него?

— Естественно, я спросила ее об этом. Она ответила, что деревня и Грейндж пусть хоть передерутся из-за ребенка, она, во всяком случае, за собой прав на него не признает. Она отказывается дать за него даже медный грош, так как с юридической точки зрения такая плата может быть расценена как признание ответственности. Тем не менее миссис Дорри или другое достойное лицо, которое захочет взять ребенка к себе, будет получать в среднем два фунта в неделю, высылаемых анонимно и нерегулярно.

— Ты права, дорогая. Хэксби все глубоко продумала, и нам придется с этим считаться. Но может ли это остаться безнаказанным? Мне представляется, что юридическая ответственность за Детей должна быть за кем-то закреплена. Другое дело — как? Может быть, следует обратиться к Службе социального обеспечения, и та через суд получит постановление о выплате алиментов?

— Не знаю. Но Хэксби, по-видимому, уже подумала о чем-то вроде этого. Если будут предприняты подобные шаги, она станет судиться. Утверждает, будто медицинское обследование покажет, что ребенок не ее, а отсюда вытекает следующее: раз она поставлена в ситуацию *in loco parentis** без ее согласия и ведома, то никакая ответственность за Дитя на нее не может быть возложена. Если же она проиграет дело, то у нее еще останется возможность начать процесс против министерства за непринятие мер защиты, что нанесло ущерб ее личности. А может быть, за попустительство насилию или даже за сводничество. Она еще не решила, что предпочтет.

— Еще бы, — сказал Зиллейби. — Стоило бы посмотреть, какой она получит приговор по такому иску.

— Ну, по-видимому, Хэксби считает, что так далеко дело не зайдет, — призналась Анжела.

— Что ж, тут она, полагаю, права, — согласился Зиллейби. — У нас самих есть некоторый опыт в подобных делах, и мы знаем, что администрация, стремясь удержать все в тайне, иногда бывает весьма решительна и дальновидна. Даже простые свидетельские показания в суде явились бы манной небесной для тысяч журналистов во всем мире. Надо думать, одно известие о таком суде сделало бы доктора Хэксби очень богатой женщиной. Бедный мистер Гримм, бедный полковник Уэсткотт! Боюсь, у них будут

* В положение приемного родителя (лат.).

крупные неприятности! Интересно, достаточным ли влиянием они располагают в своих сферах?

Зиллейби погрузился на некоторое время в размышлений, а потом заговорил опять:

— Дорогая, я только что разговаривал с Аланом насчет того, чтобы увезти отсюда Феррилин. Последние события делают это еще более необходимым. Если о них станет известно, то найдутся и другие, которые последуют примеру Маргарет Хэксби, не так ли?

— Да. На некоторых это может повлиять, — согласилась Анжела.

— В таком случае, особенно если предположить, что число последовательниц может быть значительным, не кажется ли тебе, что возможны контрдействия для прекращения подобного дезертирства?

— Но ведь ты сам говоришь, что они не захотят разглашать...

— Я имею в виду не власти, родная; нет, я думаю, что может произойти, если Дети так же настроены против того, чтобы их бросали, как были настроены против отъезда отсюда.

— Неужели ты допускаешь?..

— Не знаю. Я просто пытаюсь поставить себя на место кукушонка. В его положении я бы возмущился против любой попытки ослабить внимание к собственному комфорту и благополучию. Впрочем, для этого даже не надо быть кукушонком. Я, как ты понимаешь, только высказываю предположения, но мне кажется, следовало бы принять меры, чтобы Феррилин не оказалась в ловушке, если нечто подобное произойдет.

— Произойдет или нет, все равно ей лучше уехать, — согласилась Анжела. — Вы могли бы начать с предложения уехать на две-три недели, а там посмотрим, как станут разворачиваться события, — обратилась она к Алану.

— Отлично! — ответил Алан. — Пожалуй, это дает мне неплохую отправную точку. Где Феррилин сейчас?

— Я оставила ее на веранде.

Супруги смотрели, как Алан пересекает лужайку и исчезает за углом дома. Гордон Зиллейби вопросительно поднял бровь.

— Думаю, это будет нетрудно, — сказала Анжела. — Естественно, ей тоскливо без мужа. Препятствует же отъезду сознание долга. Этот конфликт мучает Феррилин. Она очень устала.

— А как ты думаешь, насколько глубока ее привязанность к ребенку?

— Трудно сказать. В таких случаях женщина испытывает сильное давление социальных обычаев и традиций. Инстинкт самозащиты вынуждает приспосабливаться к общепринятым нормам. Что же касается личной порядочности, то для того, чтобы она заговорила, требуется какое-то время, если, конечно, ей вообще дадут право голоса.

— Но ведь ты же не Феррилин имеешь в виду? — Зиллейби, казалось, немного обиделся.

— О, она в полном порядке, я уверена. Однако до нужной кондиции еще не дошла. Взглянуть правде в глаза — дело нелегкое. Она претерпела много тягот и страданий, вынашивая Дитя, ровно столько же, как если бы оно было ее кровным, и теперь, после всего перенесенного, ей надо свыкнуться с мыслью, что Дитя это чужое, а она — всего-навсего приемная мать. Это мучительно тяжело, и нужно время, чтобы привыкнуть к такой мысли. — Анжела помолчала, задумчиво глядя на лужайку. — Я каждый вечер читаю благодарственную молитву. Не знаю, куда она возносится, но мне просто хочется, чтобы где-то знали, как глубоко я благодарна.

Зиллейби взял жену за руку. После нескольких минут молчания он произнес:

— Интересно, существует ли более глупая и безграмотная катахреза*, чем выражение «Мать-Природа»? Ведь именно потому, что Природа сурова, безжалостна и жестока — гораздо больше, чем это можно себе представить, — возникла необходимость создать цивилизацию. Про диких животных говорят, что они жестоки, но самое свирепое животное кажется почти домашним в сравнении с жестокостью человека, скажем, потерпевшего кораблекрушение. Жизнь насекомых — бесконечный процесс воспроизводства невообразимого ужаса. Нет более лживой концепции, нежели восхваление чувства покоя, навеваемого на нас Матерью-Природой. Ведь каждый вид стремится выжить и добивается этой цели всеми доступными ему средствами, как бы жестоки они ни были, разве что инстинкт самосохранения почему-либо слабеет в борьбе с другими инстинктами.

Анжела воспользовалась паузой, чтобы с некоторым нетерпением в голосе перебить мужа.

* Сочетание двух противоречивых друг другу понятий.

— Надеюсь, что ты ведешь разговор к чему-то определенному, Гордон?

— Да, — согласился Зиллейби. — Я опять возвращаюсь к кукушкам. Кукушки — беспощадные борцы за существование. Они сражаются столь безжалостно, что, если гнездо «заражено» ими, с ним нужно поступать однозначно. Я гуманист. Думаю, что меня можно назвать и человеком добрым по натуре.

— Без сомнения, Гордон!

— К этому следует добавить еще, что я — человек цивилизованный. По всем вышеуказанным причинам я не могу заставить себя одобрить то, что должно быть сделано. И также, даже с учетом правильности этого поступка, не сможет одобрить это и большинство людей. Поэтому, подобно бедной самочке-зарянке, мы будем кормить и выращивать чудовище, предавая таким образом свой собственный биологический вид. Странно, не правда ли? Утопить помет котят, ничуть не опасных для нас, мы можем, а этих кукушат будем вскармливать со всей добросовестностью, на какую только способны.

Несколько секунд Анжела сидела словно окаменевшая. Потом повернула голову к мужу и окинула его долгим внимательным взглядом.

— Ты имеешь в виду... Ты хочешь сказать, что нам следовало бы...

— Да, родная.

— Гордон, это же на тебя совсем не похоже!

— Об этом я уже говорил. Но и с такой ситуацией мне еще не приходилось сталкиваться. Я вдруг понял, что выражение «живи и давай жить другим» отражает ту беззаботность, которую могут позволить себе лишь люди, живущие в полной безопасности. Оказывается, когда я ощущаю — с той остротой, которую не ожидал ощутить никогда, — что моему положению «венца творения» угрожают, мне это совсем не по душе.

— Но, Гордон, милый, я уверена, что ты преувеличиваешь. В конце концов, всего лишь несколько не совсем обычных детей...

— Которые могут по своей воле вызывать невроты у взрослых женщин — да не забудь еще и Гарримана, — чтобы те выполняли их желания!

— Но эта способность может исчезнуть, когда они повзрослеют. Мы же нередко слышим о странных проникновениях в чужую психику, о внезапно возникающих симпатиях...

— В отдельных случаях — возможно. Но не в шести-десяти одном. Нет, тут и не пахнет нежной симпатией, тут нет и намека на будущее безоблачное счастье. Это самые расчетливые, самые эгоистичные и самые практичные дети, каких кто-либо когда-либо встречал. И в то же время самые очаровательные с виду, что неудивительно, ведь они могут получить все, что им нужно. Сейчас они в том возрасте, когда их потребности очень ограничены, зато потом... Ладно, увидим.

— Доктор Уиллерс говорит... — начала Анжела, но Зиллейби нетерпеливо прервал ее.

— Уиллерс безукоризненно выполнял свою роль на первом этапе, так безукоризненно, что позволил себе распутиться и теперь прячет голову в песок, как страус. Его вера в гипотезу истерии приобрела патологический характер. Надеюсь, отдых пойдет ему на пользу.

— Но, Гордон, он, по крайней мере, хоть пытается что-то объяснить.

— Дорогая моя, я — человек терпеливый, однако не следует испытывать мое терпение так долго. Уиллерс никогда не пытался что-либо объяснить. Он смирился с определенными фактами, когда их уже нельзя было отрицать, но все остальное просто отбросил прочь, а это уж с наукой ничего общего не имеет.

— Должно же быть объяснение?

— Безусловно.

— У тебя на этот счет есть какие-нибудь мысли?

— Боюсь, что не особенно утешительные.

— Какие же?

Зиллейби покачал головой.

— Я еще не готов, — сказал он. — Но поскольку ты относишься к женщинам, умеющим держать язык за зубами, я задам тебе вопрос. Если бы ты решила бросить вызов верхушке общества, отличающегося высокой стабильностью и отлично вооруженного, что бы ты сделала? Пошла бы на столкновение с ним, так сказать, на его условиях, атавав, вероятно, очень дорогую и безусловно разрушительную войну? Или если время не играет большой роли, ты предпочла бы воспользоваться какой-то другой, более тонкой тактикой? И не попробовала ли бы ты в таком случае внедрить своего рода пятую колонну, чтобы атаковать это общество изнутри?

НАЗРЕВАЮТ НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В течение нескольких следующих месяцев в Мидвиче произошло немало перемен.

Доктор Уиллерс временно передал свою практику заместителю — молодому человеку, который помогал ему в дни кризиса, а сам в сопровождении миссис Уиллерс, в состоянии нервного истощения и полностью разочарованный действиями администрации, отбыл в длительный отпуск, который, как поговаривали, мог обернуться кругосветным путешествием.

В ноябре вспыхнула эпидемия гриппа, унесшая трех взрослых жителей деревушки и трех Детей. Одним из них был сын Феррилин. За ней послали, она немедленно примчалась, но было поздно — сына в живых не застала. Двумя другими умершими были девочки.

Задолго до того произошла сенсационная эвакуация Грейнджа. Это был великолепный образец функционирования закрытой организации. Научные работники узнали о предстоящем отъезде в понедельник, фургоны прибыли в среду, а к уик-энду главное здание и новые дорожки лаборатории смотрели на деревню окнами без занавесей, были совершенно пусты и оставляли у селян впечатление, что они стали свидетелями волшебной пантомимы, ибо мистер Гримм и его штат тоже исчезли без следа, оставив после себя лишь четверых золотоглазых детишек, которым еще предстояло найти себе приемных родителей.

Неделей позже какая-то костлявая супружеская пара по фамилии Фримены въехала в коттедж, освобожденный мистером Гриммом. Фримен представился врачом, интересующимся социальной психологией, а жена его, как оказалось, была доктором медицины. Нам осторожно дали понять, что в задачу четы входит изучение развития Детей по заданию какой-то таинственной государственной организации. Этим они, видимо, и занимались, причем в весьма своеобразной манере: высматривали и подглядывали, шляясь по деревне и нередко напрашиваясь в коттеджи. Частенько их видели в сквере, всегда одинаково бодрых и бдящих. Фримены отличались какой-то агрессивной сдержанностью, граничившей с конспиративностью. Их тактика уже спустя неделю вызвала к ним всеобщее недоброжелательство и заслужила им кличку «проныры». Другой присущей Фрименам чертой было безграничное упорство: они держались очень насто-

роженно и, несмотря на полное отсутствие какого-либо поощрения со стороны мидвичцев, все же добились определенного статуса, основанного на признании невозможности от них отделаться.

Я проверил их у Бернарда. Он сказал, что с его департаментом они не связаны, но действительно имеют официальное задание. Мы решили, что если Фримены есть единственный результат требования Уиллерса глубоко исследовать феномен Детей, то отрадно сознавать, что Уиллерсу удалось покинуть Мидвич до их приезда.

Зиллейби предложил Фрименам, как и некоторым другим лицам, кооперировать усилия, но успеха не добился. Какой бы департамент ни абонировал Фрименов, он имел в их лице неоспоримых чемпионов по таинственности; нам же казалось, что как бы высоко ни ценилась сдержанность в высших сферах, хоть некоторая общительность принесла бы агентам куда более ценную информацию при затрате гораздо меньших усилий. И все же, насколько мы понимали, они могли передавать куда-то весьма ценные наблюдения. Так что нам оставалось только предоставить им и впредь вынюхивать в избранной ими манере. Как бы ни были интересны для науки Дети в первый год своей жизни, они почти не давали пищи для новых опасений. Исключая стойкое сопротивление любым попыткам увезти их из Мидвича, новые свидетельства их способности к внушению были редки и слабы. По словам Зиллейби, Детишки были удивительно разумны и самостоятельны, но только до тех пор, пока за ними хорошо ухаживали и выполняли все их желания.

На этой стадии в них не замечалось почти ничего, что могло подкрепить зловещие предсказания старух или выраженные более пространно и красиво, но почти такие же мрачные прогнозы самого Зиллейби. Убаюканные мирным течением времени, Джанет и я, равно как и многие другие, стали думать, не ошиблись ли мы и не угасают ли необыкновенные свойства Детей, чтобы исчезнуть совсем, когда те повзрослеют.

И вот тогда-то, в начале лета следующего года, Зиллейби сделал открытие, по-видимому, ускользнувшее от внимания Фрименов, несмотря на их неустанное вынюхивание.

В один прекрасный солнечный день Зиллейби появился в нашем коттедже и стал безжалостно тащить нас на улицу. Я протестовал против нарушения моего рабочего распорядка, однако от Зиллейби не так-то легко отделаться.

— Знаю, дружище, знаю. У меня у самого перед глазами маячит лицо моего издателя, орошенное потоками слез. Но то, что я хочу вам показать, очень важно. Мне нужны надежные свидетели.

— Свидетели чего? — спросила Джанет без всякого энтузиазма.

Зиллейби только головой помотал:

— Никаких предварительных объяснений не будет. Я просто хочу, чтобы вы присутствовали при опыте, а выводы сделаете сами. Вот здесь, — он стал рыться в карманах, — наша аппаратура.

На стол легли маленькая, украшенная изящной инкрустацией деревянная шкатулочка размером в половину спичечного коробка, а также простенькая головоломка, составленная из двух толстых проволок, изогнутых так, что они образовали, казалось, нерасторжимое целое, хотя, поставленные в определенное положение, легко разъединялись. Зиллейби взял деревянную шкатулочку и потряс ее. Внутри что-то забренчало.

— Там внутри леденец. Все это — бесполезный продукт изобретательного гения японцев. Никаких внешних следов, что шкатулочка открывается, нет, но, если сдвинуть этот кусочек инкрустации, она легко откроется и в награду вы получите леденец. Зачем нужна такая игрушка, поистине могут знать только японцы. Однако для нас, я полагаю, она может оказаться весьма полезной. Ну, кого из Детей мужского пола мы навестим первым?

— Ни один из Детишек не достиг еще и года, — холодно указала Джанет.

— Во всех отношениях, исключая, так сказать, календарный возраст, Дети, как вам известно, соответствуют хорошо развитым двухлеткам, — возразил Зиллейби. — Да к тому же то, что я хочу сделать, не является в полном смысле тестом на интеллект. Хотя, возможно... — Зиллейби не закончил фразу. — Должен сказать, что я не вполне уверен в точном значении теста. Впрочем, это не важно. Назовите ребенка.

— Ладно. Пусть будет ребенок миссис Брант. — И мы отправились к ней.

Миссис Брант провела нас в маленький садик, где ребенок играл на газоне в манежике. Выглядел он, как и говорил Зиллейби, крупным двухлеткой, причем очень сообразительным. Зиллейби протянул ему деревянную коробочку. Ребенок взял ее, осмотрел, обнаружил, что в ней что-то стучит, и в

восторге принялся трясти. Мы с интересом наблюдали, как он пытался ее открыть. Зиллейби дал ему поиграть немного и отобрал все еще не открытую коробочку, в обмен протянув леденец.

— Не понимаю, что нам это дает, — сказала Джанет, когда мы вышли.

— Терпение, дорогая, — с упреком откликнулся Зиллейби. — Кого мы навестим теперь? Только тоже мальчика.

Джанет предложила дом викария.

— Не годится. Там наверняка будет и девочка Полли Растон.

— Ну и что? Уж очень вы сегодня таинственны, — сказала Джанет.

— Просто хочу, чтобы мои эксперты ни в чем не сомневались, — отозвался Зиллейби. — Выбирайте другого.

Мы остановились на старшей миссис Дорри. Там Зиллейби повторил всю процедуру, но ребенок, поиграв немного коробочкой, протянул ее Зиллейби обратно и выжидающе посмотрел на него. Зиллейби, однако, коробочку не взял, а показал, как она открывается, после чего позволил ребенку открыть ее самому и взять леденец. Затем положил в коробочку новый леденец и опять протянул ребенку.

— Попробуй-ка еще раз, — предложил он, и мы увидели, как ребенок легко открыл ее, получив в награду вторую конфету.

— Теперь, — сказал Зиллейби, — пойдем обратно к экземпляру номер один — к ребенку Брантов.

В садике миссис Брант он снова предложил сидящему в манежике ребенку шкатулочку — точно так же, как сделал это в первый раз. Ребенок охотно ее взял. Ни минуты не колеблясь, он нашел нужный кусочек инкрустации, сдвинул его и достал леденец, как будто проделывал это уже десятки раз.

Зиллейби поглядел на наши удивленные лица и чуть заметно подмигнул. Потом мы вышли на улицу, где он перезарядил» игрушку.

— Хорошо, назовите еще какого-нибудь мальчика.

Мы навестили еще трех в разных концах деревни. Ни один из них не выразил удивления при виде коробочки, все они открывали ее так, будто давно были знакомы с ней, и без промедления уверенно извлекали содержимое.

— Любопытно, не правда ли? — заметил Зиллейби. — Теперь проверим девочек.

Мы повторили ту же процедуру, за исключением того, что секрет коробочки был показан не второй, а третьей девочке, после чего все пошло так же, как в первой серии опытов.

— Поразительно, да? — ухмылялся Зиллейби. — Не хотите ли теперь воспользоваться проволоочной головоломкой?

— Может быть, потом, — ответила Джанет. — Я сейчас попила бы чайку — И мы с Зиллейби вернулись в наш коттедж.

— Идея с коробочкой очень хороша, — скромно похвалил себя Зиллейби, поглощая сандвич с огурцом. — Простенькая, неопровержимая и работает как часы.

— Означает ли это, что вы испытывали на них и другие идеи? — спросила Джанет.

— О, очень многие. Одни из них были чрезмерно сложны, другие не очень убедительны. Кроме того, сначала я исходил из не вполне правильных предпосылок.

— А сейчас вы уверены в их правильности? Дело в том, что я в своих выводах сомневаюсь, — сказала Джанет.

Он взглянул на нее.

— Думаю, что и у вас, да и у Ричарда тоже, они есть, и не надо бояться выразить их вслух.

Зиллейби взял другой сандвич и бросил на меня вопросительный взгляд.

— Полагаю, — ответил я ему, — вам угодно, чтобы я сказал: эксперимент, мол, доказывает, будто то, что известно одному мальчику, становится известным всем остальным мальчикам, но остается тайной для девочек. И наоборот. Ну ладно. Эксперимент демонстрирует, по-видимому, именно это, если тут нет какого-нибудь подвоха.

— Дорогой друг!..

— Ладно, ладно, но согласитесь — то, что, по-видимому, он доказывает, слишком значительно, чтобы проглотить одним глотком.

— Понимаю. Разумеется, я-то приближался к этому выводу постепенно, — кивнул Зиллейби.

— Но вы ожидали от нас именно этого вывода?

— Конечно, дружище. Это же яснее ясного. — Он вытащил из кармана проволоочную головоломку и бросил ее на стол. — Возьмите ее и попытайтесь сами повторить тот же опыт, а еще лучше разработайте собственный тест и проведите его. Вы обнаружите, что выводы, во всяком случае предварительные, будут так же неопровержимы.

— Проглотить всегда легче, чем переварить, — сказал я. — Будем рассматривать это как гипотезу.

— Подожди, — вмешалась Джанет. — Мистер Зиллейби, неужели вы утверждаете, будто все, что я скажу одному мальчику, станет тут же известно всем остальным?

— Естественно, однако лишь в том случае, если это будет нечто достаточно простое и понятное для данного возраста.

Джанет отнеслась к сказанному в высшей степени скептически.

— Всегда одно и то же, — вздохнул Зиллейби. — Линчуйте Дарвина — и этим вы опровергнете теорию эволюции. Но повторяю, можете воспользоваться собственными тестами. — Он повернулся в мою сторону. — Вы что-то говорили о гипотезе?

— Да, — отозвался я. — Вот вы сказали, что эти выводы носят предварительный характер, а что же дальше?

— Ну, один из этих выводов может иметь последствия, способные опрокинуть всю нашу социальную систему.

— А вдруг это просто более высокая форма взаимопонимания, которое иногда наблюдается у близнецов? — спросила Джанет.

Зиллейби отрицательно покачал головой:

— Вряд ли. Разве что развитие зашло столь далеко, что это чувство приобрело совершенно иное качество. Кроме того, здесь мы имеем не одну-единственную группу *en гаррот**; перед нами две отдельных группы, явно не контактирующие друг с другом. Если это так, а мы видели, что это так, немедленно возникает вопрос: в какой степени каждый из Детей является личностью? Физически каждый из них индивидуален, ясно, но как обстоит дело в других отношениях? Если он имеет общее сознание с другими членами группы, вместо того чтобы общаться с ними при помощи гораздо менее совершенных средств, как это делаем мы, то можно ли считать, что он наделен собственным разумом, то есть индивидуальностью в том виде, в котором мы ее понимаем? Представляется вполне очевидным, что если А, Б и В имеют общее сознание, то все, что говорит А, одновременно с ним думают Б и В. И точно так же действия, предпринятые Б в определенных условиях, есть те самые действия, которые произвели бы в тех же условиях А и В, лишь с теми вариациями, которые могут возникнуть

* Взаимосвязанный, находящийся в гармонии (фр.).

из-за физических различий между ними. Последние же могут оказаться и весьма значительными, ибо, как известно, поведение во многом зависит от работы желез и других факторов физиологического порядка.

Другими словами, когда я обращаюсь с вопросом к одному из Детей, ответ я могу получить от любого из них. Если я попрошу его что-то сделать, то все мальчики выполнят работу одинаково, хотя, возможно, несколько лучший результат будет у того, у которого физическая координация выше. Однако при таком близком сходстве, как у Детей, физические различия должны быть незначительны. Я клоню вот к чему: мне будет отвечать не личность, и мою просьбу выполнит не личность, а лишь какая-то часть целого. И в этом факте заключена возможность постановки многих вопросов и определения многих последствий для будущего.

Джанет нахмурилась:

— И все же я не вполне...

— Тогда попробуем подойти с другой стороны, — ответил Зиллейби. — Нам кажется, что перед нами пятьдесят восемь крошечных личностей. Но внешность обманчива, и мы обнаруживаем, что на самом деле перед нами лишь две личности, два существа — мальчик и девочка, причем мальчик состоит из тридцати комплектующих деталей, имеющих физическую структуру и внешность мальчиков, а девочка имеет двадцать восемь таких частей.

Наступила пауза.

— Мне это трудно понять, — сказала Джанет, тщательно выбирая самое мягкое определение из всех возможных.

— Еще бы! — согласился Зиллейби. — Мне тоже да-лось нелегко!

— Послушайте, — произнес я после новой паузы. — Вы это всерьез? Не пытаетесь ли вы внести в разговор своего рода драматизирующую образность?

— Нет, я говорю о фактах, причем сначала я представил вам все доказательства.

Я покачал головой:

— Вы показали лишь то, что они могут сноситься друг с другом, пользуясь средствами, которые нам неизвестны. Переход от этого к вашей теории отсутствия индивидуальности, по-моему, логически плохо обоснован.

— Если учитывать только одно доказательство, то, возможно, вы и правы. Однако следует помнить, что вы видели лишь один тест, я же провел их множество и не обнаружил

никаких противоречий теории, которую я назвал теорией коллективной индивидуальности. Более того, она вовсе не такая странная *per se**, как это кажется на первый взгляд. Просто хорошо известная уловка эволюции, дабы обойти возникшее препятствие на пути развития. Существует немало форм, которые с первого взгляда кажутся индивидуальными, а на деле оказываются колониями. Некоторые же формы вообще не могут существовать, если не создадут колоний, действующих как единое целое.

Разумеется, наиболее яркие примеры можно найти только среди низших организмов. Но почему, собственно, таким способностям не возникнуть и у высших видов? Очень близки к подобному феномену некоторые насекомые. Законы физики мешают увеличению размеров последних, и они компенсируют это, взаимодействуя в группах. Мы и сами сознательно, а не инстинктивно объединяемся в группы в тех же целях. Так почему бы природе не разработать более эффективный метод, чем тот, с помощью которого мы неуключе пытаемся преодолеть нашу индивидуальную слабость? Возможно, это еще один случай, когда природа копирует искусство.

В конце концов, мы же и сами столкнулись с преградой для нашего дальнейшего развития, причем столкнулись уже довольно давно. И если мы не хотим, чтобы началась настоящая стагнация, нужны какие-то обходные пути. Одним из них могло бы быть, как считают некоторые специалисты, увеличение продолжительности жизни человека лет этак до трехсот. Без сомнения, продление жизни индивидуума весьма привлекательно с точки зрения такого детерминированного существа, как человек. Однако могут быть и другие пути, возможно, не совпадающие с той линией эволюции, которая свойственна низшим животным, но вероятность которых тем не менее нельзя исключить полностью. Разумеется, предположить с полной уверенностью, что такой путь будет успешно реализован, невозможно...

По выражению лица Джанет я понял, что она уже отключилась. Когда Джанет приходит к выводу, что собеседник несет чепуху, она мгновенно, дабы не тратить бесполезных усилий разобраться в болтовне, опускает непроницаемый мысленный занавес. Я же, поглядывая время от времени в окно, все еще пытался понять суть высказываний Зиллейби

* По сути (лат.).

— Мне кажется, — сказал я наконец, — я чувствую себя хамелеоном, помещенным в среду, цвет которой он никак не может симитировать. Если я правильно понял, вы хотите сказать, что в каждой из этих групп сознание каким-то образом словно замкнуто. Значит ли это, что мозговая деятельность «мальчика» усилена в тридцать раз, а «девочки» — в двадцать восемь?

— Думаю, нет, — вполне серьезно ответил Зиллейби. — Конечно, их способности, благодарение Богу, не усилены в тридцать раз — подобную штуку просто невозможно вообразить. Вероятно, какое-то развитие интеллекта происходит, хотя на данной стадии исследования установить темп роста не представляется возможным. Не уверен, можно ли это будет сделать в дальнейшем. Если подобный рост существует, он грозит нам чудовищными переменами. Но что мне кажется более важным для непосредственного будущего, так это уже продемонстрированная нам способность повышать напряжение воли, потенциальные последствия которой представляются мне в высшей степени серьезными. Пока нам неизвестен механизм, при помощи которого Дети навязывают людям свою волю, но, думаю, изучив его, мы обнаружили бы, что когда определенное волевое усилие сконцентрировано в одном «сосуде», то происходит осуществление знаменитого гегелевского закона — по достижении какого-то порога количество дает новое качество. В данном случае — порабощение чужой воли. Я предвижу, что тут откроется обширное поле для опытов и размышлений.

— Все это представляется мне невероятно сложным, разумеется, в том случае, если вы правы.

— В деталях, в механике — да, — согласился Зиллейби, — но в принципе, я полагаю, сложность не так велика, как кажется на первый взгляд. В конце концов, согласитесь, главное качественное отличие человека — наличие сознания.

— Разумеется, — кивнул я.

— Что ж, дух, сознание — они ведь живые, они не могут быть статичны, это нечто либо постепенно развивающееся по восходящей, либо постепенно исчезающее. Эволюция духа предполагает неизбежное появление духа еще большего. Предположим, что этот еще больший дух, это суперсознание, попытается появиться на жизненной сцене. Такая конструкция, как организм обычного человека, не годится для его воплощения. Супермена же, чтобы вместить

такое сознание, пока не существует. Разве не может быть, что из-за отсутствия единого «помещения» его место займет группа людей? Ну, представьте, будто энциклопедия переросла границы одного тома. Если это возможно, то вполне вероятно и два суперсознания, обитающие в двух разнородных группах.

Зиллейби помолчал, наблюдая в открытое окно, как шмель перелетает с одного цветка лаванды на другой. Потом задумчиво добавил:

— Я много думал об этих группах. Мне даже показалось, что было бы полезно найти какие-то названия для этих суперсознаний. Естественно, выбор имен обширен, но из всего множества только два прочно и хорошо легли в мою память. Я все время думаю об Адаме и Еве.

Через два или три дня после этого разговора я получил письмо с извещением, что работа в Канаде, о которой я давно мечтал, ждет меня, если я приеду туда без промедления. Я отбыл, оставив Джанет в Англии заканчивать дела, после чего она должна была приехать ко мне.

Прибыв в Канаду, она привезла из Мидвича очень мало новостей, если не считать внезапно вспыхнувшую войну между Фрименами и Зиллейби.

Похоже, Зиллейби познакомил Бернарда со своими наблюдениями. К Фрименам обратились с запросом, и они инстинктивно заняли по отношению к его гипотезе отрицательную позицию. Потом Фримены, видимо, провели несколько собственных тестов, и все заметили, что настроение этой парочки стало портиться день ото дня.

— Предполагаю, однако, что до мысли об Адаме и Еве они все же не додумались, — добавила Джанет. — Бедный старичок Зиллейби! За что вечно буду благодарить Провидение, так это за нашу в высшей степени своевременную поездку в Лондон. Ты только вообрази, ведь я могла стать мамашей одной тридцатой части Адама или одной двадцать восьмой — Евы! Так возблагодарим же Господа Бога за то что мы выбрались из этой катавасии. Хватит с меня Мидвича! Надеюсь, я никогда больше не услышу о нем ни единого слова!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 16

НАМ УЖЕ ДЕВЯТЬ

На протяжении последних нескольких лет те визиты на родину, которые нам удалось нанести, были коротки, проходили в спешке и заключались преимущественно в беготне от одного родственника к другому, причем в перерывах приходилось еще выкраивать время для деловых встреч. В Мидвиче я не бывал, да и, по правде говоря, почти не вспоминал о нем. Но на восьмой год после нашего отъезда из Англии мне удалось выбраться на родину на целых шесть недель, и однажды на Пиккадилли я столкнулся нос к носу с Бернардом Уэсткоттом.

Мы зашли в его клуб, чтобы отметить встречу. Во время разговора я спросил его о Мидвиче. Признаюсь, я ожидал услышать, что все дело кончилось полным провалом, ибо в тех редких случаях, когда я вспоминал деревушку, она и ее обитатели казались мне столь же нереальными, как рассказ, представляющий в детстве чистой правдой, а потом обнаруживший свою полную надуманность. Я был готов услышать, что за Детьми больше не тянется шлейф чего-то необычайного, что, как это нередко бывает с вундеркиндами, ожидания не принесли плодов и что, несмотря на многообещающее начало и обнадеживающие признаки, они превратились в ватагу обычных деревенских ребятишек, от которых отличаются разве что внешностью.

Бернард помолчал с минуту, а потом сказал:

— Случилось так, что я завтра как раз должен побывать там. Хочешь, съездим вместе, навестишь старых друзей, ну и так далее?

Джанет гостила в Шотландии у старинной подруги, бросив меня на произвол судьбы, а никаких особых планов у меня не было.

— Значит, ты все же приглядываешь за деревушкой? Пожалуй, я бы съездил и перекинулся парой слов с ними со всеми. Как там Зиллейби? Жив, здоров?

— Еще как! Он принадлежит к категории «законсервированных», способных жить вечно, ничуть не меняясь.

— Последний раз, когда я его видел, если, конечно, не считать прощания перед отъездом, он находился в плену сумасброднейшей гипотезы коллективной индивидуальности, — вспомнил я. — Старый фокусник! Ему удастся заставить самые экзотические концепции звучать вполне убедительно. Если мне не изменяет память, что-то такое насчет Адама и Евы.

— Вряд ли он изменился, — ответил мне Бернард, но дальнейшего разговора на эту тему не поддержал. — Боюсь, мне предстоит довольно мрачная поездка — коронерское следствие. Впрочем, тебе это не помешает.

— Кто-нибудь из Детей? — спросил я.

— Нет, — покачал он головой. — Транспортное происшествие с одним из местных парней по фамилии Паули.

— Паули? — повторил я. — Ах да, помню. У них ферма за деревней, по направлению к Оппли.

— Именно так. Очень печальная история.

Мне показалось бестактным выспрашивать у него, какое отношение он имеет к следствию, поэтому я не возразил, когда он перевел разговор на мою канадскую жизнь.

Утром следующего прелестного летнего дня мы, позавтракав, отправились в Мидвич. В машине Бернард почувствовал себя свободнее, чем в клубе, и говорил откровеннее.

— В Мидвиче ты увидишь кой-какие изменения, — предупредил он меня. — В вашем бывшем коттедже теперь живет супружеская пара по фамилии Уэлтоны. Он — резчик, она занимается керамикой. Не помню, кто живет сейчас в коттедже Гримма, после Фрименов там сменились несколько жильцов. А вот что тебя удивит, так это Грейндж. У входа висит новая вывеска: «Грейндж — особая школа министерства образования».

— Вот как! Неужели для Детей? — спросил я.

— Вот именно, — подтвердил он. — «Экзотическая концепция» Зиллейби выглядит сейчас куда менее странной, чем казалась когда-то. Фактически она обернулась своего рода сенсацией, к стыду Фрименов, и выставила их в истинном свете, так что им пришлось уехать и спрятаться в какой-то дыре.

— Ты имеешь в виду эту бредятину об Адаме и Еве? — спросил я, не веря своим ушам.

— Не вполне. Я имею в виду две ментальные группы. Наличие этих двух внутренне связанных групп тогда полностью подтвердилось. Они существуют и по сей день. При-

мерно в два года один из мальчишек научился читать несложные слова...

— В два года! — вскричал я.

— ...А на следующий день оказалось, что все мальчики умеют делать то же. С тех пор прогресс удивителен. Прошло несколько недель, научили читать одну из девочек, и тут выяснилось, что читают все. Потом один малыш узнал, как надо ездить на велосипеде, и тут же все мальчики великолепно, с первой же попытки, освоили это дело. Миссис Бринкман обучила свою девочку плавать, все прочие девчонки немедленно обнаружили такое же умение, а мальчишки не могли до тех пор, пока не обучился один из них, тогда заплывали все. С той минуты, как Зиллейби указал на эту способность, сомнений ни у кого не осталось. Явление это было и будет, а непрекращающиеся споры на всех уровнях происходят, скорее, из-за утверждения Зиллейби, будто каждая группа представляет собой целостную личность. Такое мало кто может переварить. Что-то вроде передачи мыслей — пожалуйста; высокая степень взаимопонимания — извольте; некоторое число особей с какой-то пока неизвестной формой связи — сколько угодно! Только ни в коем случае не цельность, состоящая из физически отдельных частей. Идея почти ни у кого не находит поддержки.

Я не выказывал удивления, и он продолжал:

— Как бы там ни было, дебаты носят преимущественно академический характер. Бесспорно, что у Детей действительно существует тесный внутригрупповой контакт. Поэтому отдавать их в обычную школу было бессмысленно — через несколько дней после их появления в Оппли или Стауче повсюду разнеслись бы слухи. Пришлось впутать в дело министерство образования и министерство здравоохранения, в результате чего Грейндж снова открылся, но уже в виде симбиоза школы и Центра социальной защиты и изучения Детей.

Дело пошло лучше, чем можно было ожидать. Даже при вас уже было ясно, что Дети скоро доставят немало хлопот. У них совсем иное чувство общности, их поведение по природным особенностям отличается от нашего. Узы между собой для них намного важнее чувств, которые они испытывали к своим семьям. В некоторых семьях детей и не любили вовсе — они не вписались в семейные отношения не стали членами семьи, ибо были совсем другими.

В компании с обыкновенными ребятами из тех же семей они тоже смотрелись плохо. Напряженность явно нарастала. Кто-то из Грейнджа выдвинул идею устроить пансионат для Детей. Не потребовалось ни нажима, ни уговоров — туда могли переселяться те, кто хотел, и очень скоро там оказалось около десятка Детей. Постепенно к ним переехали остальные. Похоже, они сами осознавали, что с жителями деревни у них мало общего, и, естественно, тяготели к своим.

— Очень неординарная ситуация. А что думают по этому поводу мидвичцы?

— Поначалу кое-кто возражал, причем скорее из моральных соображений, чем по делу. Большая часть вздохнула с облегчением, что с них сняли ответственность, которая их в общем-то страшила, хотя они в этом и не признавались. Некоторые же искренне любили своих Детей и сейчас еще любят, а потому огорчились. Но большинство выносили их с трудом. Никто, конечно, и не пытался отговаривать их от переезда в Грейндж — это было безнадежно. Там, где матери любили своих Детей, Дети сохранили с ними хорошие отношения и появляются в прежних семьях, когда захотят. Но в основном Дети окончательно разорвали все былые контакты.

— Ничего более удивительного в жизни своей не слышал, — сказал я.

Бернард улыбнулся.

— Ну, если ты поднатужишься, то вспомнишь, что начало истории тоже было не из обыкновенных, — напомнил он.

— А чем с ними занимаются в Грейндже? — спросил я.

— Во-первых, это, как написано на вывеске, прежде всего школа. Там большой штат учителей, воспитателей, специалистов по социальной психологии и так далее. Кроме того, к ним приезжают очень известные ученые и читают небольшие курсы по разным предметам. Классы сначала были организованы по типу обычных школ, но потом кто-то сообразил, что в этом нет никакой надобности. Теперь на каждый урок ходит один мальчик и одна девочка, а остальные через них узнают все то, о чем говорится на уроке. Таким образом оказалось возможным одновременно вести не один урок, а несколько. Можно обучать одновременно, скажем, шесть пар шести разным предметам, а остальные будут спокойно отсортировывать и поглощать поступающие знания, так что все получается как надо.

— Господи! Они, должно быть, впитывают в себя знания, как промокашка, при таких темпах обучения!

— Вот именно. Кое у кого из учителей прямо мурашки по spineм бегут..

— И все же вам как-то удастся держать это в тайне?

— На уровне масс — да. У нас еще до сих пор сохраняется в силе соглашение с прессой, да и сама история, с точки зрения газетчиков, уже не имеет привкуса той сенсационности, которая была в свое время. Что до ближайшего окружения Мидвича, то тут потребовалась некоторая подпольная подготовка. Репутация Мидвича никогда не блистала — мягко говоря, жители соседних селений называли мидвичцев олухами. Ну, пришлось приложить усилия, чтобы репутация стала еще чернее. Сейчас в ближайших деревушках, во всяком случае, так заверяет Зиллейби, на Мидвич смотрят как на нечто вроде сумасшедшего дома, только без решеток. Мидвичцы, как всем известно, пострадали от Потерянного дня, особенно Дети, о которых говорят, что они, «днем ударенные почти как мешком ударенные», а потому так умственно деградировали, что наше гуманное правительство сочло необходимым организовать для них спецшколу. Да-да, нам удалось создать ей имидж школы для умственно отсталых. К Детям относятся так же, как в обычных семьях относятся к родственнику-психопату. Время от времени на поверхность всплывает какой-нибудь слушок, но на него смотрят как на нечто постыдное, а не как на событие, которое стоило бы предать широкой огласке. Даже протесты со стороны обозленных мидвичцев всерьез никем не принимаются, ибо поскольку все жители деревушки испытывали в свое время одно и то же, то все они считаются «днем ударенными».

— Тот самый Потерянный день, — сказал я, — без сомнения, говорит об очень высокой технической оснащенности тех, кто все это устроил, и предполагает огромную работу по подготовке и обеспечению операции. Чего я никогда не понимал, да и теперь не понимаю, так это почему ты требовал и явно требуешь до сих пор столь жесткого соблюдения секретности. Поведение Службы безопасности в Потерянный день понятно — ведь «нечто» совершило здесь вынужденную посадку. Такое дело действительно входит в круг обязанностей Службы. Но сейчас? Столько ухищрений, и все только для того, чтобы понадежнее упрятать Детей! Ведь такая школа небось обходится побольше пары фунтов в год?

— А ты не думаешь, что государство, имеющее хорошо развитую систему социального обеспечения, может просто-напросто проявить бескорыстный интерес к тому, как эта система функционирует?

— Брось трепаться, Бернард, — остановил я его.

Но он не бросил. Он еще многое рассказал мне о Детях и о положении в Мидвиче, однако от ответа все же уклонился.

Из Трайна мы выехали сразу после ленча и добрались до Мидвича к двум часам дня. Как мне показалось, деревушка ничуть не изменилась, как будто прошла только неделя, а не восемь лет. На площади у муниципалитета, где должно было состояться следствие, уже собрался народ.

— Похоже, — сказал Бернард, останавливая машину, — тебе придется перенести свои визиты на более поздний час. Тут собрался весь Мидвич.

— Думаешь, это надолго? — спросил я.

— Полагаю, чистая формальность. Возможно, все кончится через полчаса.

— Ты будешь свидетелем? — спросил я, удивляясь про себя, зачем ему надо было тащиться из Лондона, если все это пустая формальность.

— Нет. Так, понаблюдаю... — ответил он.

Я решил, что насчет отсрочки визитов он прав, и последовал за ним.

Зал наполнялся; как много было знакомых лиц! Без сомнения, все жители деревушки, разве что кроме неспособных двигаться, пришли на следствие. Этого я понять никак не мог. Все они, конечно, знали жертву — молодого Джима Паули, но вряд ли этого было достаточно, чтобы собраться здесь всем, и уж совсем мало для объяснения той напряженности, которая пронизывала воздух. После нескольких минут я уже не верил, что все пройдет так гладко и формально, как предрекал Бернард. Я просто кожей ощущал, что взрыв неизбежен, и только оставалось неясным, кто подожжет запал.

И... ровным счетом ничего не произошло. Следствие действительно велось формально и закончилось быстро, через полчаса.

Я заметил, что Зиллейби немедленно вышел из зала. Он поджидал нас у входа и поздоровался со мной так, будто мы расстались всего два дня назад.

— А вы-то как тут оказались? Я считал, что вы в Индии.

— В Канаде, — ответил я. — А тут случайно. — И объяснил, что это Бернард захватил меня с собой.

Зиллейби повернулся к Бернарду.

— Удовлетворены? — спросил он.

Бернард еле заметно пожал плечами:

— А как же иначе?

В эту минуту, лавируя между расходящимися зрителями, мимо прошли юноша и девушка. Я успел бросить беглый взгляд на их лица и теперь с удивлением смотрел им вслед.

— Но не может же быть, чтобы...

— Да, это они, — ответил Зиллейби. — Разве вы не обратили внимание на их глаза?

— Но ведь это невероятно! Им же только девять лет!

— Календарных, — согласился Зиллейби.

Я продолжал смотреть им в спину.

— Это... этого не может быть!

— Невероятное, позволю себе вам напомнить, более склонно случаться в Мидвиче, чем в других местах, — заметил Зиллейби. — Мы его тут как семечки лузгаем. Раз — и готово! На невозможное времени требуется чуть побольше, но мы научились справляться и с этим. Разве полковник вас не предупредил?

— Отчасти, — признал я. — Но эти двое! Они выглядят лет на шестнадцать-семнадцать!

— Физиологически, я уверен, так оно и есть.

Я продолжал глядеть им вслед, не веря своим глазам.

— Если вы не торопитесь, зайдем к нам, выпьем чаю, — предложил Зиллейби.

Бернард, поглядев на меня, предложил воспользоваться его машиной.

— Хорошо, — согласился Зиллейби, — только ведите осторожно, помните, что слышали сегодня в зале.

— Как водитель, я не склонен к авантюрам, — отозвался Бернард.

— Молодой Паули был такой же и к тому же отлично чувствовал машину.

Проехав немного, я увидел Кайл-мэнор, купающийся в послепопуденном солнечном сиянии, и сказал:

— Когда я был здесь впервые, он выглядел точно так же. Помню, мне еще подумалось, что, если подойти поближе, можно услышать, как дом мурлычет от удовольствия.

Зиллейби согласно кивнул головой.

— А когда я его увидел в первый раз, он показался мне чудесным местом, просто идеальным для того, чтобы окончить

свои дни в покое, хотя теперь, как выяснилось, покой как раз под большим вопросом.

Я пропустил это замечание мимо ушей. Мы поехали вдоль фасада дома и припарковались за углом, у конюшни. Зиллейби подвел нас к веранде и показал на камышовые кресла с подушками.

— Анжела вышла куда-то, но к чаю обещала вернуться.

Он откинулся на спинку кресла, долго и молча всматривался во что-то за лужайкой. Девять лет, истекших со времени Потерянного дня, были милостивы к нему. Прекрасные серебряные волосы, светящиеся в лучах августовского солнца, были еще густыми. Морщинок вокруг глаз стало чуть больше, лицо, пожалуй, немного высохло, но сам он был все так же строен и подтянут.

Вдруг он повернулся к Бернарду:

— Итак, вы удовлетворены? Вы думаете, на этом все кончится?

— Надеюсь. Поделаться-то ничего нельзя. Самое разумное — вынести тот вердикт, который вынесли они, — ответил Бернард.

— Гм-м, — хмыкнул Зиллейби и повернулся ко мне. — А что вы — независимый наблюдатель — думаете о нашей маленькой шараде, разыгранной сегодня днем?

— Что? Ах, вы имеете в виду следствие! Мне показалось, что в атмосфере царило нечто такое... Но само расследование шло, с моей точки зрения, вполне нормально. Парень вел машину неосторожно. Задел пешехода. Затем, что было очень глупо, струхнул и попытался сбежать. Слишком сильно газанул, огибая угол церковной ограды, и в результате врезался в стену. А вам кажется, что заключение «смерть в результате несчастного случая» не соответствует истине? Пусть будет «убийство по неосторожности», что то же самое.

— Несчастный случай действительно имел место, — ответил Зиллейби, — и это вовсе не одно и то же, поскольку произошел он за несколько секунд до настоящего умышленного преступления. Разрешите мне рассказать вам, что произошло, так как полковнику я дал лишь краткую картину происшествия.

Зиллейби возвращался по дороге из Оппли со своей обычной послеобеденной прогулки. Когда он приблизился к повороту на Хикхэм-лейн, оттуда вышли четверо Детей,

которые повернули к Мидвичу, идя друг за другом цепочкой прямо перед Зиллейби.

Это были три мальчика и девочка. Мальчики были так похожи, что он не смог бы их различить, даже если бы очень постарался. Зиллейби давно считал подобные попытки зряшной тратой времени. Большинство селян, за исключением нескольких женщин, которые, видно, искренне считали себя непогрешимыми, разделяли с ним это мнение, и Дети, кажется, уже привыкли.

Как всегда, Зиллейби поразился тому, как быстро растут Дети и как повзрослели они за такое короткое время. Одно это ставило их вне общества как представителей совершенно другого вида. И дело тут было не в раннем созревании — ведь темп развития превышал нормальный почти вдвое. Может быть, физически они были чуть субличнее обычных детей, хотя облегченность костяка и худоба отнюдь не являлись следствием болезни или чересчур быстрого роста.

И опять же, как всегда, Зиллейби захотелось узнать их поближе и получше. Надо сказать, что отсутствие прогресса в этом отношении зависело не от отсутствия стараний с его стороны. Наоборот, он прилагал все усилия, был терпелив и настойчив еще в те времена, когда Дети были совсем малышами. Они принимали его лучше, чем других, а он со своей стороны понимал их так же хорошо, если не лучше, чем учителя из Грейнджа. Если судить по поведению, они были с ним дружелюбны, а так они относились далеко не к каждому, охотно с ним разговаривали, слушали, смеялись его шуткам, учились у него. Но все это было лишь на поверхности, и Зиллейби знал, что так будет всегда. Где-то сразу за поверхностью лежал жесткий барьер. Все, что он видел, все, что слышал, было лишь результатом их адаптации к новым условиям среды; их истинная сущность, истинное естество скрывались по ту сторону барьера. Ощущение пропасти, разделяющей его и Детей, было до странности органичным и неперсонифицированным. В нем отсутствовали векторы чувств и симпатий. Реальная жизнь Детей протекала в каком-то недоступном людям мире, отделенном от окружающего внешнего потока событий так же, как отделена от европейцев жизнь амазонских племен с их совершенно иными ценностями и этикой. Детям было интересно, они охотно учились, но чувствовалось, что они просто накапливают знания. Они напоминали фигляра, осваивающего ремесло, которое не окажет никакого влияния ни на его

характер, ни на его дальнейшую судьбу. А может ли, думал Зиллейби, кто-нибудь вообще стать для них близким? Ведь люди, работающие в Грейндже, отнюдь не заурядны; однако, насколько было известно, даже самые лучшие из них застыли перед тем же барьером.

Глядя на шагнувших впереди Детей, которые о чем-то болтали между собой, Зиллейби неожиданно поймал себя на мысли о Феррилин. Она не вернулась домой, хотя он неоднократно звал ее. Вид Детей чересчур волновал Феррилин. Зиллейби старался утешаться мыслями о том, что она счастлива там, у себя, со своими двумя сыновьями.

Ему казалась странной мысль, что, если бы мальчик Феррилин, родившийся после Потерянного дня, выжил, Зиллейби сейчас все равно не смог бы отличить его среди тех ребят, что вышагивали впереди, точно так же, как он не может узнать, «кто есть кто» в данную минуту. Эта мысль как-то унижала его, поскольку ставила в один ряд с такими, как мисс Огл, только та преодолевала трудность тем, что уверяла себя, будто любой встречный мальчик и есть ее сын, причем, как ни странно, никто из мальчишек эту иллюзию не разрушал.

В эту минуту четверо шедших впереди Детей завернули за угол и исчезли из поля зрения Зиллейби. Он сам как раз успел дойти до того же угла, когда его обогнала машина, и поэтому ясно видел все, что случилось дальше.

Маленький открытый двухместный автомобиль шел на небольшой скорости, но все произошло сразу же за поворотом, где Дети, не видевшие, что сзади идет машина, остановились. Они стояли поперек дороги, видимо, споря, каким путем идти дальше.

Водитель сделал все, что мог. Он круто свернул вправо, пытаясь избежать столкновения, и это ему почти удалось. Еще два дюйма — и он проехал бы, никого не задев. Но этих дюймов ему не хватило. Левым крылом машина ударила стоявшего с краю мальчика в бедро и швырнула через дорогу прямо на палисадник коттеджа.

Вся картина запечатлелась в мозгу Зиллейби наподобие фотографии: мальчик, лежащий у забора, трое других Детей, замерших там, где они стояли, шофер, пытающийся вывернуть руль и все еще жмущий на тормоз.

Остановилась машина или нет, Зиллейби так и не уяснил. Если да, то лишь на одно мгновение, а затем мотор тут же взревел. Автомобиль рванулся вперед, водитель переключил скорость, нажал на педаль газа и помчался по

прямой Машина все еще набирала скорость, когда врезалась в стену церковной ограды, — водитель не сделал даже попытки свернуть налево, где был новый поворот. Она разбилась вдребезги, водитель взлетел в воздух и тяжело шлепнулся о стену

Закричали люди Кто был поблизости, побежал к обломкам Зиллейби не мог даже шевельнуться. Он стоял, как будто его оглушили; видел, как взметнулось желтое пламя, как повалили вверх клубы черного дыма. Затем усилием воли он заставил себя перевести взгляд на Детей. Они тоже глядели на обломки, и на их лицах отчетливо проступало выражение сильного напряжения. Зиллейби успел заметить это выражение, хотя оно тут же исчезло, и все трое повернулись к мальчику, лежавшему у забора и тихо стоявшему

Внезапно Зиллейби обнаружил, что его бьет озноб. Пошатываясь, он прошел несколько ярдов и наконец добрался до скамьи, стоявшей на краю сквера. Он сел на нее и откинулся на спинку — бледный и тяжело дышащий.

Все остальное, относящееся к этому инциденту, я узнал позже уже не от Зиллейби, а от миссис Уильямс из «Косы и камня»

— Я услышала рев мчащейся машины и громкий удар, выглянула из окна и увидела бегущих людей, — говорила она — Потом заметила мистера Зиллейби, идущего к скамейке в сквере какой-то заплетающейся походкой. Он сел и откинулся на спинку, но голова его тут же упала на грудь, как будто он потерял сознание Я тут же подбежала к нему через дорогу, а когда подошла ближе, то оказалось, что он или действительно без сознания, или очень близок к тому. С трудом, почти шепотом, он пробормотал что-то насчет «пилюль» Я нашла их в его нагрудном кармане, он велел дать ему две, но выглядел так плохо, что я дала четыре. Никто не обращал на нас внимания Все бежали туда, где произошло несчастье Ну, от таблеток мистеру Зиллейби стало лучше, и минут через пять я помогла ему войти в дом и уложила на диван в баре Он сказал, что теперь все хорошо, что ему нужен лишь маленький отдых, и тогда я пошла узнать, что там с машиной

Когда я вернулась, лицо у него было уже не такое серое, но он еще лежал и выглядел очень слабым.

— Чрезвычайно сожалею, что причинил вам столько хлопот, миссис Уильямс, — сказал он

— Давайте я приведу вам доктора, мистер Зиллейби, — предложила я, однако он покачал головой.

— Нет, не надо. Еще несколько минут — и все пройдет.

— А все-таки будет лучше, если вы повидаете его. Вы меня крепко напугали.

— Очень сожалею, — сказал мистер Зиллейби и после паузы добавил: — Миссис Уильямс, я уверен, что вы умеете хранить тайны.

— Думаю, не хуже других, — ответила я.

— Хорошо. Тогда я был бы очень признателен, если бы вы никому не говорили о моем... моем дурном поведении.

— Ну, не знаю, — ответила я. — По моему разумению, так вы должны обратиться к врачу.

Он снова покачал головой:

— Я уже обращался ко многим врачам, миссис Уильямс, дорогим и известным, но ведь никто не может, знаете ли, снова помолодеть. Я просто старею, мой мотор быстро изнашивается, вот и все.

— О, мистер Зиллейби... — начала я.

— Не огорчайтесь, миссис Уильямс, во многих отношениях я еще вполне здоров, так что в ближайшее время мне ничто не угрожает. Пока же, я думаю, не имеет смысла тревожить тех людей, которых любите, больше, чем это необходимо. Верно? Уверен, вы согласитесь со мной, что причинять им беспокойство — ненужная жестокость.

— Что ж, сэр, если вы считаете...

— Да, я так считаю. Я и без того у вас в долгу, миссис Уильямс, но не смогу считать это услугой, если не буду твердо уверен в вашем молчании. Можно мне надеяться?

— Конечно. Как вам будет угодно, мистер Зиллейби.

— Благодарю вас, миссис Уильямс. Благодарю от всей души, — сказал он.

Потом я спросила его:

— Вы видели, как это случилось, сэр? Такое зрелище вполне могло вызвать шок!

— Да, — ответил мистер Зиллейби. — Я все видел, только не знаю, кто был в машине.

— Джим Паули, — сказала я. — Тот, что с фермы.

Он кивнул:

— Знаю его. Славный парень.

— Да, сэр. Очень хороший мальчик, не то что эти «дикие». Просто представить себе не могу, чтобы он гонял

на машине, как сумасшедший. Уж никак это на него не похоже.

Тогда наступила пауза. И мистер Зиллейби сказал каким-то странным голосом:

— Перед этим он сшиб одного из Детей — мальчика. Тот, надеюсь, пострадал не очень сильно, хотя и перелетел через шоссе.

— Одного из Детей! — вскричала я. И тут же поняла, что он хочет сказать. — О нет, сэр! Не могли же они... — И остановилась, увидев, как он смотрит на меня.

— Есть еще свидетели. Вот если бы... тогда, может быть, и шок был бы слабее... Вероятно, я не воспринял бы это так остро, если бы на каком-то предшествующем этапе моей долгой-долгой жизни мне довелось стать свидетелем умышленного убийства.

Рассказ, которым поделился с нами Зиллейби, завершился описанием того, как он с трудом сел на скамью. Когда он кончил, я посмотрел на Бернарда. Не обнаружив в его лице даже намека на ответ, я произнес:

— Вы намекаете, что Дети... заставили его налететь на стену?

— Я не намекаю, — ответил Зиллейби, печально покачивая головой. — Я это утверждаю. Они сделали это точно так же, как когда-то заставили своих матерей вернуться в Мидвич.

— Но свидетели... те, что давали показания?..

— Все они прекрасно знали, что произошло в действительности, но от них требовалось другое — рассказать, что они видели.

— Но если они, как вы утверждаете, знали...

— И что? Что бы сказали вы? Если бы знали то, что известно им? И были бы вызваны давать показания? В подобных делах вердикт должен быть приемлем для властей, что означает, что он должен быть приемлем для нашей общеизвестной фикции — здравого смысла. Предположим, что каким-то образом удалось бы вынести вердикт, будто юношу заставили покончить с собой Дети усилием воли. Вы думаете, кто-нибудь поверил бы в это? Разумеется, нет. Тогда пришлось бы проводить новое расследование специально для того, чтобы получить «разумный» вердикт, который и был бы тем самым, что получен сегодня. Так

зачем же свидетелям рисковать, что их сочтут ненадежными или суеверными из-за таких пустяков?

Если вам нужны показания, так сказать, истинные, то взгляните на вашу собственную реакцию. Вам известно, что я обладаю кое-какой репутацией, как автор многих книг. Вы знаете меня лично, но разве это стоит чего-нибудь в свете привычного мышления «человека здравого смысла»? Когда я говорю вам о том, что произошло в действительности, ваша первая реакция — найти способ превратить то, что я видел на самом деле, в нечто такое, чего на самом деле не было.

Знаете, мой друг, надо же все-таки думать хоть иногда. Вы как-никак жили тут, когда Дети заставили своих матерей вернуться в Мидвич!

— Ну, это весьма далеко от того, о чем вы нам только что рассказали, — возразил я.

— В самом деле? А не возьмете ли вы на себя труд осветить нам принципиальные различия между тем, когда вас принуждают сделать нечто неприятное для вас лично или фатальное для другого? Бросьте, бросьте, дружище! Просто за время долгого отсутствия вы потеряли способность вступать в контакт с Невероятным. Рационализм вас оглушил, а у нас тут неортодоксальное чуть ли не каждый день можно найти на пороге собственного дома.

Я воспользовался возможностью на время уйти от темы сегодняшнего расследования.

— До такой степени, что Уиллерсу пришлось отказаться от достославной гипотезы истерии? — спросил я.

— Он отказался от нее незадолго до своей смерти, — ответил Зиллейби.

Я был просто ошарашен. Я еще по пути в Мидвич собирался расспросить Бернарда о докторе, но наш разговор почему-то ушел в сторону.

— А я и не знал, что он умер! Ему же только недавно перевалило за пятьдесят! Как это случилось?

— Он принял слишком большую дозу снотворного.

— Вы хотите сказать... Уиллерс же не был таким, чтобы...

— Согласен, — кивнул Зиллейби. — Официальный вердикт: «расстройство нервной системы». Сформулировано, конечно, с лучшими намерениями, но мало что объясняет, ибо нетрудно представить себе столь уравновешенную нервную систему, которой небольшое расстройство даже пошло бы на пользу. А правда-то заключается в том, что никто не знал, зачем доктор Уиллерс это сделал. И меньше всех бедная миссис Уиллерс. — Зиллейби помолчал, потом добавил: —

Уже после того как я понял, каков будет вердикт по делу Паули, я перестал задумываться насчет вердикта по делу Уиллерса.

— Неужели вы действительно полагаете... — воскликнул я.

— Не уверен. Но вы же сами сказали, что Уиллерс был человеком другого склада. Теперь мы неожиданно для себя уяснили, что живем среди несравненно больших опасностей, чем считали прежде. Это вызвало у многих настоящий шок.

Пришлось, знаете ли, понять, что, хотя в данном случае именно Паули выехал в эту ужасную минуту из-за угла, с тем же успехом это могла быть Анжела или кто-то другой. Стало беспощадно ясно, что она, я, каждый из нас может в любую минуту сделать нечто, наносящее ущерб или способное рассердить кого-то из Детей... Ведь несчастный юноша ни в чем не виноват. Он сделал все возможное, чтобы избежать наезда, но это было ему не по силам. И то ли от вспышки гнева, то ли из жажды мести они убили его.

Приходит время принимать решения. Что касается лично меня, то все происходящее — самое интересное из того, с чем мне пришлось столкнуться в жизни. И я ужасно хочу увидеть, что же будет дальше. Но Анжела еще молода, а Майкл пока нуждается в ней. Его мы уже отправили. Все время ищу предлог, чтобы уговорить Анжелу тоже уехать отсюда. Не хотелось бы делать этого без крайней необходимости, но теперь я далеко не убежден, что нужный момент уже не наступил.

Несколько последних лет прожиты нами как на склоне действующего вулкана. Разум говорит, что в глубине вулкана накапливаются могучие силы и что рано или поздно извержение все же произойдет. Однако проходит время, ничего глобального не случается, только редкие сотрясения почвы, и ты начинаешь уговаривать себя, что на самом деле неизбежное извержение, может быть, и не состоится. И ты снова в растерянности. Я спрашиваю себя: что есть случай с Паули — подземный гул или сигнал, предвещающий начало извержения? И ответа не нахожу.

Уже много лет назад я остро ощутил появление опасности и даже начал разрабатывать планы, которые позднее показались ненужными. Теперь мне грубо и внезапно напомнили о существовании угрозы. Но пришла ли уже та активная стадия вулканического процесса, которая оправ-

дала бы разрушение моего домашнего очага, или она еще впереди — я сказать не берусь.

Зиллейби был заметно и искренне встревожен, да и в поведении Бернарда я не видел признаков скепсиса. Я почувствовал себя неловко и произнес:

— Действительно, по-видимому, все эти мидвичские дела изрядно поблекли в моей памяти и требуется определенная адаптация. Прекрасный пример работы подсознания: оно стремится обойти неприятности, утверждая, что сложности будут уменьшаться по мере роста Детей.

— Мы все приучали себя думать так, — ответил Зиллейби. — Даже придумывали доказательства, что это уже происходит, но на самом деле ничего подобного не случилось.

— И вы до сих пор не продвинулись в понимании того, как это делается? Я имею в виду «давление».

— Нет. Мне кажется, это все равно что искать средство, с помощью которого одна личность подчиняет себе другие. Нам всем известны ораторы, быстро завладевающие вниманием любой аудитории. Возможно, Дети значительно усилили это качество путем внутренней кооперации и могут пользоваться им направленно. Однако это ни на йоту не проясняет механизм воздействия.

Анжела Зиллейби, почти не изменившаяся с того времени, когда я видел ее в последний раз, через несколько минут вышла на веранду из внутренних комнат. Ее мысли, совершенно очевидно, были заняты чем-то очень важным, ибо она сделала заметное усилие, чтобы переключить внимание на нас, и после короткого обмена обычными учтивыми фразами снова погрузилась в свои думы. Напряженность отчасти смягчилась, когда принесли поднос с чайными принадлежностями. Зиллейби старался изо всех сил, чтобы температура общества не упала до нуля.

— Ричард и полковник тоже присутствовали на следствии, — сказал он. — Вердикт вынесли такой, как и ожидалось. Полагаю, ты уже слышала об этом?

Анжела кивнула:

— Да, я была на ферме у миссис Паули. Бедняжка просто не в себе. Она боготворила своего Джима. С большим трудом удалось удержать ее дома. Она рвалась на следствие, чтобы обвинить Детей. Публично обвинить их в убийстве! Мистеру Паули и мне еле удалось отговорить ее

и доказать, что этим она только навлечет на себя и на свою семью новые неприятности, а толку не добьется. Я оставалась с ней все время, пока шло следствие.

— Там присутствовал другой их сын — Дэвид, — заметил Зиллейби. — Похоже, он не раз готов был сорваться, но отец каждый раз останавливал его.

— Теперь я начинаю думать, что, может быть, было бы лучше, если кто-нибудь высказал наконец чистую правду, — продолжала Анжела. — Должна же она когда-нибудь выйти наружу — не сейчас, так очень скоро! Речь нынче идет уже не о собаке или о быке!

— Собака или бык? Я об этом не слышал, — вмешался я.

— Собака укусила одного из них за руку, а через минуту или две попала под трактор. Бык погнался за группой Детей, а потом резко свернул в сторону, проломил две изгороди и утонул в мельничном пруду, — объяснил Зиллейби с непривычной для него лаконичностью.

— Но в данном случае мы имеем дело с настоящим убийством, — вмешалась Анжела. — О, я не хочу сказать, что они хотели его убить! Очень вероятно, они испугались и разозлились, а их обычай таков: если кто-то из них пострадал, ответный удар наносится быстро и не раздумывая. Тем не менее это было убийство, о чем известно всей деревне. А теперь известно и то, что Детям за это ничего не будет. Нет, мы просто не можем оставить дело в таком виде! Ведь Дети не проявляют даже признаков раскаяния! Никаких! Вот что меня пугает больше всего. Они просто убили, и все тут! А теперь, после сегодняшнего следствия, они знают, что, во всяком случае применительно к ним, убийство не влечет наказания. Так что же будет с тем, кто когда-нибудь всерьез встанет на их пути?

Зиллейби задумчиво поднес чашку к губам.

— Ты знаешь, дорогая, хотя у нас и есть основания для беспокойства, но в наши права не входит ответственность за принятие решений. Если когда-нибудь у нас и было такое право, то власти уже давно присвоили его себе. Вот перед нами полковник, который представляет какую-то часть этой власти — Бог его знает, по какой причине... Да и люди из Грейнджа — не могут же они не знать того, что известно всей деревне. Все пошлют свои докладные и рапорты, так что, несмотря на вердикт, власти получают представление об истинном положении дел. Хотя что они смогут сделать, действуя в рамках закона и под давлением здравого смысла, ей-Богу, не могу себе представить. И все же мы должны

ждать действий с их стороны. А главное, я со всей серьезностью прошу тебя не делать ничего такого, что могло бы вовлечь тебя в конфликт с Детьми.

— Не буду, дорогой, — кивнула Анжела. — Я испытываю перед ними панический ужас.

— Если голубка боится ястреба, это вовсе не означает, что она трусиха, — отозвался Зиллейби и перевел разговор на другую тему.

Я намеревался посетить семейство Либоди и еще одного-двух знакомых, но, когда мы собрались уходить от Зиллейби, оказалось, что, если мы не хотим попасть в Лондон за полночь, придется отложить эти визиты до следующего приезда. Не знаю, что испытывал Бернارد, распрощавшись с супругами, — он вообще мало разговаривал с тех пор, как мы приехали в деревню, и едва ли хоть чем-то выдал свои истинные чувства, — я же лично ощущал только облегчение от того, что возвращаюсь в нормальный мир. Мидвичская система ценностей казалась весьма далекой от реальности. Если несколько часов назад мне было трудно адаптироваться к существованию Детей и я удивленно таращился, когда мне о них говорили, то для Зиллейби все это стало давно привычным. Для них элемент невероятного просто не существовал. Они сжились с Детьми. К тому же за последних, к добру ли, к худу ли, они в известной степени несли ответственность. Теперешние заботы имели для мидвичцев общественный характер, заставлявший их опасаться крушения привычного *modus vivendi**. Ощущение тревоги, которое я вынес из напряженной атмосферы зала собрания, все еще не покинуло меня.

Думаю, что и Бернارد не избежал того же чувства. Во всяком случае, у меня сложилось впечатление, что машину через деревню и особенно мимо того места, где произошел несчастный случай с Паули, он вел гораздо осторожнее, чем обычно. Нарастив понемногу скорость он стал лишь после того, как мы миновали поворот на Оппли, где и увидели четыре приближающиеся фигуры.

Даже с такого расстояния было видно, что это Дети. Импульсивно я воскликнул:

— Остановись, Бернارد! Мне хочется рассмотреть их поближе.

* Образ жизни (лат.).

Он снова сбавил ход, и мы остановились прямо у поворота на Хикхэм-лейн.

Дети шли нам навстречу. В их одежде чувствовался легкий намек на форму — мальчики были в голубых хлопчатобумажных рубашках и в серых фланелевых брюках, девочки — в коротких плиссированных серых юбках и светло-желтых блузках. До сих пор я видел только тех двух, возле муниципалитета, да и то плохо — так, общий абрис лиц, а уж потом и вообще одни спины. Когда эти четверо подошли, я отметил, что сходство между ними было даже большим, нежели я предполагал. Их лица покрывал густой загар. Странный отсвет кожи, очень заметный в детском возрасте, теперь скрылся под загаром, но что-то все же осталось, это сразу же бросилось в глаза. Волосы у всех были темно-золотого цвета, носы — прямые и узкие, рты довольно маленькие. Но, пожалуй, именно положение глаз больше, чем что-либо другое, вызывало ощущение «чужеродности». Это была какая-то абстрактная чужеродность, не вызывавшая в памяти определенную расу или регион. Я не видел ничего, что помогло бы отличить одного мальчика от другого, и сомневаюсь, что, если бы не различия в прическах, смог бы отличить мальчиков от девочек.

Теперь я уже видел и глаза. Я совсем позабыл, какими удивительными они были у маленьких Детишек. Помнилось только, что желтые. Сейчас же они выглядели будто расплавленное золото. Очень странные. Если же отвлечься от этой странности, то удивительно красивые. Точно живые драгоценные камни.

Я продолжал рассматривать Детей, пока они не поравнялись с нами. Не обратив на нас ни малейшего внимания, во всяком случае не больше, чем на любую другую машину, они свернули на Хикхэм-лейн.

Находясь от них на столь близком расстоянии, я вдруг почувствовал какую-то ничем не объяснимую тревогу, но зато мне стало ясно, почему столько семей без всяких уговоров отпустили Детей жить в Грейндж.

Мы проводили взглядом удаляющиеся фигуры, и Бернард потянулся к старту.

Внезапный выстрел прогремел где-то рядом, заставив нас вздрогнуть. Я повернул голову и увидел, как один из мальчиков падает навзничь на дорогу. Остальные трое словно остоленбенили...

Бернард открыл дверцу и стал вылезать из машины. Один из мальчиков оглянулся на нас. Его золотые глаза

сверкали, взор был тверд. Мне показалось, будто через меня пропустили ток, несущий смятение и слабость... Потом мальчик отвернулся, его взгляд скользнул в сторону.

Из-за зеленой изгороди напротив долетел звук второго выстрела, более глухой, чем первый, а потом откуда-то чуть подальше раздался пронзительный вопль.

Бернард выскочил из машины, а я переместился на сиденье, чтобы последовать за ним. Одна из девочек опустилась на колени рядом с упавшим мальчуганом, и, когда она дотронулась до него, он застонал и судорожно дернулся. Лицо мальчика, стоявшего рядом, исказилось от боли. Он тоже застонал, как будто сам умирал. Обе девочки рыдали.

Затем откуда-то с другого конца тропинки, из-за деревьев, скрывавших Грейндж, раздался стон, словно повторенный стоустым эхом жалующихся и рыдающих голосов.

Бернард остановился. Я чувствовал, как по спине у меня бегут мурашки и начинают шевелиться волосы на голове.

Снова раздался тот же звук — стон множества голосов, исполненных боли и поднимающихся до пронзительного рыдания. Затем топот многих ног, бегущих по тропинке.

Ни я, ни Бернард даже не шелохнулись. Меня удерживал на месте пронизывающий ужас.

Мы стояли и смотрели, как полдюжины мальчиков, пугающе похожих друг на друга, подбежали к лежащему и подняли его. Только когда они понесли его, я услышал какой-то плач, доносившийся из-за живой изгороди, окаймлявшей тропинку справа. Я поднялся по откосу и заглянул через изгородь. В нескольких ярдах от меня стояла на коленях девушка в летнем платье. Ее ладони были прижаты к лицу, а тело сотрясало от рыданий.

Бернард вскарабкался следом за мной, и мы, кое-как протиснувшись между кустами, вышли в поле. Теперь я увидел тело мужчины, навзничь лежащего на коленях девушки. Из-под тела торчал приклад охотничьего ружья.

Мы подошли еще ближе; девушка, услышав наши шаги, обернулась. Рыдания смолкли, лицо исказилось ужасом. Но когда она увидела нас, ужас постепенно исчез, а безнадежные рыдания возобновились.

Бернард наклонился к девушке и поднял ее на ноги. Я бросил взгляд на мужчину. Это было страшное зрелище. Я нагнулся и подтянул его пиджак вверх, стараясь скрыть то, что осталось от головы. Бернард уводил девушку, почти неся на руках.

На дороге послышались голоса. Когда мы подошли к изгороди, двое каких-то мужчин заглянули через нее и увидели нас.

— Это вы тут палили? — спросил один из них.

Мы смогли только отрицательно покачать головами.

— Там остался труп, — сказал Бернард.

Девушку бил озноб. Временами она стонала.

— Кто? — спросил тот же мужчина.

Девушка истерически выкрикнула:

— Это Дэвид! Они убили его! Они убили Джима, а теперь и Дэвида! — И задохнулась в новом приступе рыданий.

Один из мужчин вскарабкался на откос.

— Ох, да никак это ты, Элси? — воскликнул он.

— Я пыталась остановить его, Джо... Пыталась остановить его, но он ничего не хотел слышать, — говорила она, перемешивая слова с рыданиями. — Я знала, что они убьют его, а он и слышать ничего не хотел.

Дальнейших слов было не разобрать, девушка уткнулась в грудь Бернарду. Ее трясло как в лихорадке.

— Надо отвести бедняжку домой, — сказал я. — Вы знаете, где она живет?

— Конечно, — ответил мужчина; решительно поднимая девушку на руки, как будто она была ребенком.

Он спустился с откоса и понес ее — плачущую и дрожащую — к нашей машине. Бернард повернулся к другому мужчине:

— Не останетесь ли вы тут посторожить, пока не явится полиция?

— Ладно... Это молодой Дэвид Паули? — спросил мужчина, тоже поднимаясь на откос.

— Она назвала его Дэвидом. По-видимому, тот самый юноша, — подтвердил Бернард.

— Он самый и есть... Проклятые ублюдки! — Мужчина прорвался сквозь кусты изгороди. — Лучше вызывайте полицейских из Трайна. У них там есть машина. — Он поглядел на труп. — Проклятые подонки!.. Убийцы малолетние!

Меня высадили у Кайл-мэнора, и я воспользовался телефоном Зиллейби, чтобы вызвать полицию. Когда я по-

ложил трубку, то увидел, что Гордон стоит рядом со стаканом в руке.

— Похоже, вам это не повредит, — сказал он.

— Еще бы! — согласился я. — Все так неожиданно.. Такое кровавое месиво!

— А как это произошло? — задал он вопрос.

Я дал ему полный отчет о событиях, разумеется, со своей довольно ограниченной точки зрения. Минут через двадцать вернулся Бернард, который смог рассказать побольше.

— Братья Паули, вероятно, очень любили друг друга, — начал он. Зиллейби кивнул в знак подтверждения. — Ну так вот. Видимо, для младшего, Дэвида, вердикт по делу брата стал последней каплей, и он решил, что, если никто не стремится к тому, чтобы правосудие восторжествовало, он возьмет отомщение в свои руки. Эта Элси — его девушка. Она зашла за ним на ферму как раз, когда он собрался уходить. Увидев, что Дэвид несет ружье, Элси сразу поняла, куда дует ветер, и попробовала остановить парня. Но он не хотел ничего слушать и, чтобы отделаться от нее, запер девушку в сарае, а сам ушел.

Элси потребовалось немало времени, чтобы выбраться, но она, решив, что он отправился в Грейндж, пошла туда прямо через поля. Подходя к тому самому полю, где потом разыгралась трагедия, она уже думала, что ошиблась. Вероятно, Дэвид лежал, прячась. Увидела она его, когда он уже встал из укрытия и прицеливался. Прогремел выстрел. Пока она к нему бежала, он повернул ружье дулом к себе и нажал на спусковой крючок.

Зиллейби некоторое время пребывал в глубоком раздумье, потом пробудился.

— С точки зрения полиции — дело чистое. Дэвид, уверенный, что в смерти его брата виновны Дети, убивает из мести одного из них, а затем, чтобы избежать наказания, стреляется сам. Понятно — человек с нарушенной психикой... Что же еще может увидеть тут «здравомыслящий»?

— Совсем недавно я был настроен весьма скептически, — признался я, — но только не теперь. Как этот мальчишка смотрел на нас! Уверен, какое-то мгновение он думал, что виновен кто-то из нас двоих, пока не пришел к выводу, что это невозможно. Словами свое ощущение я передать не могу. Но те секунды, пока оно длилось, мне запомнились как бесконечное давление ледящего ужаса. Ты тоже чув-

ствовал что-то в этом роде? — спросил я, обращаясь к Бернаду.

Он кивнул:

— Какую-то странную слабость, будто растекаешься в нечто желеобразное. И тоскливый холод...

— Это было словно... — Я замолчал, вдруг припомнив кое-что. — Господи! Все эти дела так задурили мне голову, что я забыл сказать полиции о раненом мальчике. Нам надо вызвать «скорую» в Грейндж!

Зиллейби отрицательно покачал головой.

— У них там есть в штате собственный врач, — сказал он нам. Почти минуту он о чем-то размышлял в установившейся тишине, потом вздохнул и опять покачал головой. — Не нравятся мне эти дела, полковник, совсем не нравятся. Как вы думаете, я не ошибусь, сказав, что именно так начинается кровная месть?

ГЛАВА 17

МИДВИЧ ПРОТЕСТУЕТ

Начало ужина в Кайл-мэноре задержали, чтобы Бернард и я могли дать показания полиции, и к тому времени, когда мы с этим покончили, я здорово проголодался. Я был очень признателен обоим Зиллейби за их предложение устроить нас с Бернардом на ночь у себя.

Стрельба заставила Бернарда отказаться от намерения вернуться в Лондон. Он решил остаться поблизости, если уж не в самом Мидвиче, то никак не дальше Трайна, так что, если не остаться с ним, у меня была альтернатива — пуститься в длинный путь по железной дороге. Кроме того, я чувствовал, что мой скепсис по отношению к Зиллейби днем почти граничил с грубостью, и я с удовольствием воспользовался бы шансом загладить свою вину.

Я попивал бренди, чувствуя себя немного не в своей тарелке. «Ты не можешь, — говорил я себе, — оспорить ни существование Детей, ни наличие у них необыкновенных качеств. И поскольку такие качества реальные, должно быть какое-то реалистичное их объяснение. Ни одна из твоих общепризнанных концепций таких объяснений не дает. Поэтому если когда-нибудь объяснения будут найдены, то какими бы неприемлемыми они тебе лично ни казались, они будут основываться на принципах и концепциях, которые ты сейчас не приемлешь. Помни это и прячь поглубже свои

инстинктивные предубеждения, когда они снова вылезут на поверхность».

За ужином, однако, мне не пришлось так уж свирепо грызть себя. Оба Зиллейби, понимая, что мы прошли через испытания, которых вполне достаточно для одного дня, изо всех сил старались направлять разговор на темы, далекие от Мидвича. У Бернарда был отсутствующий вид, но я высоко оценил такт хозяев и закончил ужин, слушая рассуждения Зиллейби о причинах синусоидального характера развития моды, а также о необходимости перерывов в политике социальной жесткости, дабы сдерживать разрушительную энергию новых поколений. Эти разговоры привели меня к концу ужина в совершенно уравновешенное состояние духа.

Однако не успели мы перебраться в гостиную, как острые проблемы Мидвича тут же вторглись в уют вечера, возникнув в образе зашедшего к Зиллейби мистера Либоди. Преподобный Губерт выглядел очень встревоженным и показался мне более постаревшим, чем это можно было объяснить прошедшими восемью годами.

Анжела Зиллейби велела принести еще один прибор и налила ему чашку кофе. Попытки Либоди поддержать обычный застольный разговор, пока он пил кофе, были героичны, но не долги: пустую чашку он отставил с таким видом, что стало ясно — больше он уже не в состоянии сдерживаться — Что-то следует предпринять!

Зиллейби задумчиво посмотрел на викария.

— Мой дорогой викарий, — напомнил он мягко, — каждый из нас говорит это уже много лет.

— Я имею в виду немедленные и решительные действия. Мы сделали что могли, чтобы найти для Детей место в обществе и сохранить вид какого-то равновесия. Учитывая обстоятельства, думаю, нам удалось это не так уж плохо — и все же сделанное было всего лишь паллиативом, импровизацией, эмпирикой. Дальше так продолжаться не может. Необходимо кодекс правил, который будет определять поведение Детей, и меры, при помощи которых они могут быть привлечены к ответственности перед законом точно так же, как привлекают к ней нас самих. Если закон оказывается не в состоянии обеспечить соблюдение правосудия, его начинают презирать, и люди понимают: ничто не может гарантировать им спокойствие и защиту. Остается месть. Даже если мы выйдем из нынешнего кризиса без серьезных потерь, следующий кризис неизбежен и наступит очень скоро. Властям не следует прибегать к таким правовым

формам, которые завершаются вынесением заведомо ложных вердиктов. Сегодня днем было принято решение, которое иначе как фарсом не назовешь. Никто в деревне не сомневается, что расследование смерти Дэвида Паули обернется таким же фарсом. Поэтому нам необходимо немедленно предпринять такие шаги, которые поставят Детей в рамки закона до того, как начнутся еще более крупные беспорядки.

— Мы ведь предвидели, как вы помните, трудности такого рода, — напомнил ему Зиллейби, — и по этому поводу послали меморандум присутствующему здесь полковнику. Должен признаться, что мы не ожидали столь мрачных событий, но указали на желательность мер и средств, кои обеспечили бы подчинение Детей обычным общественным и правовым нормам. И что же? Вы, полковник, передили меморандум в более высокие сферы, и в должном порядке мы получили ответ, признающий правомерность нашего беспокойства и заверяющий нас, что заинтересованный департамент полностью доверяет специалистам по социальной психологии, присланным обучать Детей и направлять их действия. Иными словами, власти сами не видят средств, с помощью которых можно обеспечить контроль за действиями Детей, и просто надеются, что при соответствующем обучении и тренировке критическая ситуация не возникнет.

Тут, должен сознаться, я сочувствую департаменту, так как сам не вижу, как можно заставить Детей подчиняться тем или иным правилам, если они не желают этого делать.

Мистер Либоди захрустел суставами пальцев. Выглядел он жалким и бессильным.

— Но что-то же надо делать! — вновь и вновь повторял он. — Произошли ужасные события, доведшие напряженность до точки кипения, теперь нам угрожает взрыв в любую минуту! Вот и сейчас почти все мужчины деревни собрались в «Косе и камне». Никто их туда специально не созывал. Они пришли в трактир по собственному почину, а женщины в это время бегают из дома в дом, собираются группами, шепчутся. Мужчины-то всегда ждали только предлога, вроде сегодняшнего.

— Предлога? — вмешался я. — Признаться, не вполне понимаю...

— Кукушата, — объяснил Зиллейби. — Неужели вам не ясно, что мужчины с самого начала невзлюбили Детей? Личина доброжелательства, которую они носили, — это ведь только ради женщин. Если учитывать, что где-то в

подсознании у мужчин накрепко застряла идея насилия, совершенного над их женами, то такая личина даже делает им честь, хотя, возможно, подобные чувства еще подкреплялись и личным опытом в духе Гарримана, что заставило их страшиться Детей, как огня.

Женщины — во всяком случае большинство — чувствуют себя иначе. Теперь они уже не сомневаются, что с биологической точки зрения Дети вовсе не их дети, но все женщины претерпели тяготы и муки, вынашивая их, так что даже если они с отвращением относятся к факту имплантации (а с некоторыми дело обстоит именно так), то все равно между женщинами и Детями существуют некие узы, которые не могут быть так просто разорваны и позабыты. Есть и другие женщины — возьмите, например, мисс Огл. Даже если бы у Детей были рога, хвосты и раздвоенные копыта, мисс Огл, мисс Лэмб и еще кое-кто все равно боготворили бы их. От мужчин же в наилучшем случае можно ожидать лишь снисходительного терпения.

— Все это очень сложно, — сказал мистер Либоди. — Тут ведь по живому режутся установившиеся семейные связи. Вряд ли найдется хоть один мужчина, которому сам факт существования Детей не был бы противен. Мы все время старались сглаживать острые углы, и, пожалуй, только этого нам удалось добиться. А в глубине все время что-то тлело.

— И вы думаете, что случай с этим Паули сыграет роль сквозняка, раздувающего огонь?

— Очень может быть. А если не этот случай, то какой-нибудь другой, — глухо сказал мистер Либоди. — Надо что-то предпринять, пока еще не поздно.

— Ничего не поделаешь, старина, — отозвался Зиллейби. — Я говорил вам это и раньше, теперь пришло время убедиться в моей правоте. Вы творили чудеса, стараясь добиться худого мира, который лучше доброй ссоры, однако ничего прочного ни вы, ни мы сделать не смогли и не сможем, ибо инициатива находится не в наших руках — она в руках Детей. Думаю, я понимаю их не хуже любого другого. Я учил их и изо всех сил старался понять их психологию еще с тех времен, когда они были ползунками, но практически почти ничего не достиг; тот же результат у преподавателей в Грейндже, хотя они всячески скрывают это из самолюбия. Мы даже не можем предвосхитить реакцию Детей, ибо не понимаем — разве что в самом общем виде, — чего они хотят и о чем думают. Между прочим, а

что с тем парнишкой, в которого стреляли? Ведь его состояние может сыграть ключевую роль в дальнейшем развитии событий.

— Дети не разрешили его увезти. Машину «скорой» отослали обратно. За ним ухаживает доктор Андерби. Предстоит извлечь довольно много картечин, но доктор думает, что все обойдется, — ответил викарий.

— Надеюсь, мнение доктора подтвердится. Если же нет — боюсь, на нас обрушится кровавая вендетта, — промолвил Зиллейби.

— У меня такое впечатление, что это уже случилось, — мрачно заявил мистер Либоди.

— Еще нет, — стоял на своем Зиллейби. — Для вендетты требуются две стороны, пока же агрессия исходит только от деревни.

— Уж не собираетесь ли вы отрицать тот факт, что Дети убили двух мальчиков Паули?

— Не собираюсь. Но это не агрессия. У меня ведь есть кое-какой опыт общения с Детями. В первом случае, когда был ранен один из них, их действия были автоматической реакцией — ударом на удар. Во втором — самозащита. Не забывайте, что у Дэвида была двустволка, то есть один патрон в запасе. В обоих случаях реакция Детей была слишком жесткой, я согласен, но по сути своей это было ответное, а не преднамеренное убийство. Оба раза Детей спровоцировали, а вовсе не они выступили в роли агрессора. Если говорить по правде, то именно Дэвид Паули пытался совершить преднамеренное убийство.

— Если кто-то собьет вас машиной и вы в отместку его убьете, — воскликнул викарий, — это, я полагаю, и будет предумышленным убийством, которое, как мне кажется, можно рассматривать и как провокацию. Ведь Дэвид Паули был спровоцирован. Он ждал от закона правосудия; когда закон обманул его надежды, он взял отомщение в свои руки. Разве это предумышленное убийство? А может, попытка добиться справедливости?

— Нет, — твердо стоял на своем Зиллейби, — тут была вендетта, а не правосудие. Дэвид пытался убить одного из Детей, выбрав его наугад, за дело, совершенное коллективом. Что все эти инциденты показывают четко, мой дорогой викарий, так это то, что законы, разработанные одним видом существ для удобства этого вида, по своей природе исходят из возможностей, присущих данному виду, и, значит,

против видов с другими характеристиками они применяться не могут.

Викарий уныло покачал головой:

— Не знаю, Зиллейби, просто не знаю... Я в полной растерянности. Не уверен даже в том, можно ли вообще кого-либо обвинять в убийстве Детей.

Зиллейби вопросительно поднял брови.

— «И решил Господь, — цитировал мистер Либоди, — сотворить человека по образу и подобию своему». Хорошо. Но кто же тогда эти Дети? Кто они такие? «Образ» не означает лишь внешнее сходство, иначе любая статуя могла бы считаться человеком. Под этим словом подразумевается внутренний образ — дух, душа. Но вы доказали мне, и ваши доказательства были убедительны, что Дети не имеют индивидуальной души, они обладают одной женской душой и одной мужской, причем каждая из них гораздо сильнее, чем мы можем себе представить, и каждая обитает в отдельных членах этих двух групп. Так что же они в таком случае?

Они не могут быть тем, кого мы именуем человеком — их внутренний облик совершенно иной. С *genus homo** они сходны лишь внешне, но не по своей внутренней природе. И поскольку они принадлежат к другому роду, а убийство, по определению, есть уничтожение кого-то, принадлежащего к тому же роду, что и убийца, то может ли уничтожение одного из «них» одним из «нас» считаться убийством? По-видимому, нет.

Отсюда можно пойти и дальше. Поскольку Дети не попадают под запрет убийства, то каково должно быть наше отношение к ним? Сейчас мы дали им привилегии подлинного *homo sapiens***. Правы ли мы, поступая таким образом? Раз они относятся к совершенно другому роду, разве мы не имеем законного права, а может быть, даже и долга бороться с ними, чтобы защитить наш собственный род? В конце концов, если бы мы обнаружили, что нам угрожают опасные дикие животные, наш долг был бы очевиден. Не знаю... Я уже сказал вам, что я в полном смятении...

— Вы действительно растерялись, дорогой друг, — согласился Зиллейби. — Всего лишь несколько минут назад вы с жаром доказывали мне, что Дети убили обоих мальчиков

* Род человеческий (лат.)

** Человек разумный (лат.)

Паули. Если рассматривать эти слова в свете ваших последних рассуждений, получается, что, когда они уничтожают нас, это предумышленное убийство, а когда их уничтожаем мы, это нечто совершенно иное. Любой юрист — гражданский или церковный, безразлично, — нашел бы такое утверждение этически несостоятельным.

Не могу полностью согласиться и с вашей аргументацией в отношении «сходства». Если ваш Бог — есть Бог земной, тогда вы полностью правы, ибо, невзирая на существующую оппозицию этому взгляду, вряд ли сейчас можно отрицать, что Дети были каким-то путем внедрены к нам извне. Ведь ясно, что ниоткуда с Земли они появиться не могли. Но если, как я понимаю, ваш Бог является Богом Вселенной, Богом всех солнц и всех планет, тогда должен ли он иметь универсальный облик? Не будет ли невероятным тщеславием с нашей стороны полагать, что он способен проявить себя только в форме, присущей лишь нашей весьма захудалой планете? Наши с вами подходы к данной проблеме могут, конечно, различаться, но...

Зиллейби замолчал, прерванный на середине фразы громкими голосами в холле, и вопросительно посмотрел на жену. Прежде чем он или она успели встать, дверь внезапно распахнулась и на пороге возникла миссис Брант. С взволнованным восклицанием: «Извините!», обращенным к Зиллейби, она бросилась к мистеру Либоди и схватила его за рукав.

— О, сэр! Нельзя терять ни минуты, — говорила она, задыхаясь.

— Дорогая миссис Брант... — начал было он.

— Вам надо идти, сэр, — перебила она его. — Они все пошли в Грейндж! Они хотят его сжечь! Вам надо их остановить!

Мистер Либоди смотрел на нее в недоумении, а она все еще цеплялась за его рукав.

— Они уже пошли! — кричала в отчаянии миссис Брант. — Вы должны остановить их, викарий! Должны! Они хотят сжечь Детей! Торопитесь! Пожалуйста, поторопитесь!

Мистер Либоди встал. Он повернулся к Анжеле Зиллейби:

— Извините. Думаю, мне следует... — начал он, но его извинения были прерваны миссис Брант, которая продолжала тянуть его к дверям.

— Кто-нибудь известил полицию? — спросил Зиллейби.

— Да... Нет... Не знаю... Полиция все равно не успеет... Ох, викарий, да не копайтесь же вы! — вопила миссис Брант, силой вытягивая его за порог.

Мы — четверо — обменялись взглядами. Анжела быстро пересекла комнату и закрыла дверь.

— Пойду-ка и я помогу ему, — сказал Бернард.

— Что ж, мы тоже можем пригодиться, — кивнул Зиллейби, обернувшись, а я сделал движение, чтобы присоединиться к ним.

Анжела с решительным видом загородила дверь.

— Нет! — сказала она твердо. — Если ты хочешь быть полезным — вызови полицию.

— Это можешь сделать ты, дорогая, а мы пойдем...

— Гордон! — заговорила она сурово, будто делая выговор ребенку. — Остановись и подумай. Полковник Уэсткотт, вы можете принести больше вреда, чем пользы. Здесь ведь хорошо известен ваш интерес к Детям.

Мы стояли перед ней, удивленные и обескураженные.

— Чего ты боишься, Анжела? — спросил Зиллейби.

— Не знаю. Откуда мне знать? Разве того, что полковника просто линчуют.

— Но происходящее может иметь большое значение, — протестовал Зиллейби. — Нам известно, как Дети способны воздействовать на отдельных людей, и мне хотелось бы увидеть, какие действия они предпримут в отношении толпы. Если допустить, что наши представления о них верны, им достаточно только пожелать — и толпа повернет вспять, кинется прочь. Было бы очень интересно понаблюдать...

— Чепуха, — отрезала спокойно Анжела с твердостью, заставившей Зиллейби дрогнуть. — Ты прекрасно знаешь, что их методы не таковы. Если бы дело обстояло так, как ты говоришь, они просто заставили бы старшего Паули остановить машину, а Дэвида — выпустить заряд из второго ствола в воздух. Но они этого не сделали. Они никогда не довольствуются предотвращением поступка. Они всегда контратакуют.

Зиллейби поморгал.

— А ты ведь права, Анжела, — сказал он с удивлением. — Мне это не приходило в голову. Их ответ всегда гораздо сильнее, чем того требуют обстоятельства.

— И как бы они там ни обращались с толпой, я не хочу, чтобы среди этой толпы был ты. Да и вы тоже, полковник, — добавила Анжела, повернув лицо к Бернарду. — Вы нам

еще пригодится — чтобы вытащить нас из того болота, в котором мы оказались по вашей вине. Я очень рада, что вы здесь. Во всяком случае, на месте происшествия будет кто-то, к кому прислушаются наверху.

— Я могу по крайней мере понаблюдать... с расстояния, — предложил я несколько неуверенно.

— Если у вас есть хоть капля ума, то постарайтесь держаться от греха подальше, — резко ответила Анжела и снова повернулась к мужу. — Гордон, ты теряешь время. Звони в Трайн, узнай, известил ли кто-нибудь полицию, и попроси обязательно вызвать машины «скорой».

— «Скорой помощи»? А не слишком ли это... преждевременно? — запротестовал Зиллейби.

— Ты высказал предположение, что Дети будут действовать, исходя из своей сущности, но, видимо, не додумал до конца. Я додумала, — ответила Анжела, — и говорю: вызови машины «скорой», а не хочешь — я сделаю это сама.

Зиллейби с видом ребенка, выполняющего неприятное задание, поднял телефонную трубку и шепнул мне:

— Мы даже не знаем... я имею в виду, что все это пока только домыслы миссис Брант...

— Насколько я помню, миссис Брант — надежнейший столп общества, — ответил я.

— Верно, — согласился он. — Пожалуй, рискнем.

Закончив разговор, Зиллейби задумчиво положил трубку и некоторое время внимательно разглядывал аппарат. Потом решил сделать еще одну попытку.

— Анжела, родная, ты не думаешь, что если с безопасного расстояния... В конце концов, я один из тех, кому Дети доверяют, они мои друзья и...

— Гордон, не пытайся обмануть меня с помощью такой нелепицы. Просто ты не в меру любопытен. И ты великолепно знаешь, что у Детей никаких друзей нет!

ГЛАВА 18

ИНТЕРВЬЮ С РЕБЕНКОМ

Начальник полиции графства Уиншир заглянул в Кайл-мэнор на следующее утро как раз вовремя, чтобы выпить стаканчик мадеры с бисквитом.

— Сожалею, что пришлось потревожить вас, Зиллейби. Жуткое дело, просто жуткое. И ничего не поймешь! В деревне

никто толком ничего не объясняет. Подумал, может, вы сможете рассказать повразумительней, чтобы было, так сказать, яснее.

Анжела наклонилась над столом.

— Каковы реальные цифры, сэр Джон? У нас пока нет официальных данных.

— Боюсь, они весьма неутешительны, — начальник полиции покачал головой. — Одна женщина и трое мужчин убиты. Тринадцать человек в больнице, трое из них в очень тяжелом состоянии. Несколько мужчин в госпиталь не попали, но выглядят так, будто их следовало бы туда отправить. По всем описаниям настоящий бунт — драка шла без разбора. Но почему? Ни от кого здорового ответа на этот вопрос получить не могу. — Он снова повернулся к Зиллейби. — Поскольку это вы вызвали полицию и заявили, что у вас тут возможны беспорядки, нам хотелось бы узнать мотивы ваших действий.

— Хорошо, — осторожно начал Зиллейби. — Ситуация сложилась несколько необычная...

Анжела прервала его, вмешавшись в разговор:

— Это была миссис Брант — жена кузнеца, — сказала она и стала живописать уход викария. — Я уверена, что мистер Либоди сможет рассказать вам больше, чем мы. Видите ли, он там был, а мы нет.

— Точно, он там был, даже умудрился как-то добраться до дому. Только сейчас он лежит в больнице в Трайне, — ответил начальник полиции.

— Ох, бедный мистер Либоди! Он тяжело ранен?

— Боюсь, на этот вопрос не смогу ответить. Врач из больницы сказал, что какое-то время его нельзя беспокоить. Однако продолжим. — Сэр Джон снова повернулся к Зиллейби. — Вы сказали, что толпа отправилась к Грейнджу с намерением поджечь школу. Каков источник этой информации?

Зиллейби посмотрел на него с удивлением:

— Миссис Брант, разумеется. Моя жена только что сказала вам...

— И это все? Вы что же, сами не пошли и не проверили?

— Э-э-э... нет, — признался Зиллейби.

— Вы хотите сказать, что ничем не подтвержденные слова женщины в полуистерическом состоянии послужили для вас достаточной причиной, чтобы поднять на ноги чуть

ли не всю полицию графства и потребовать присылки машин «скорой»?

— На этом настояла я, — вмешалась Анжела голосом, который был весьма далек от теплоты. — И я была совершенно права. Разве «скорая» не понадобилась?

— Неужели только из-за слов этой женщины...

— Я знаю миссис Брант много лет. Она очень благоразумный человек.

Тут вмешался Бернард:

— Если бы миссис Зиллейби не отговорила нас отправиться туда, я уверен, что сейчас мы лежали бы в больнице или в помещении еще хуже.

Начальник полиции графства оглядел его.

— Знаете, у меня была очень тяжелая ночь, — произнес он наконец. — Возможно, я чего-то недопонимаю. Вы, мне кажется, хотите сказать, что эта миссис Брант пришла сюда и заявила, будто селяне — простые английские мужчины и женщины — намереваются идти к школьному зданию, набитому ребятишками, к тому же их собственными ребятишками, и...

— Не совсем так, сэр Джон. Мужчины намеревались идти, возможно, и кое-кто из женщин, но, полагаю, большинство женщин было против, — возразила Анжела.

— Ладно, пусть. Значит, эти мужчины — обыкновенные деревенские честные парни — собирались поджечь школу, полную ребят!.. И вы в этом не усомнились. Вы тут же приняли это совершенно невероятное известие за истину. Вы не попытались проверить его, не пошли посмотреть своими глазами, что там происходит. Вы только позвонили в полицию — и все это на том основании, что миссис Брант очень благоразумная женщина?

— Да, — ледяным голосом подтвердила Анжела.

— Сэр Джон, — почти так же холодно сказал Зиллейби, — я понимаю, что вы пробыли почти всю ночь на ногах, я с уважением отношусь к занимаемой вами должности, но думаю, что если вы хотите продолжать разговор, то это возможно только в совсем ином тоне.

Начальник полиции покраснел. Он опустил глаза и стал с силой массировать лоб кулаком. Сначала сэр Джон извинился перед Анжелой, потом перед Зиллейби и наконец произнес чуть ли не со слезами в голосе:

— Но я ничего не понимаю! Уже несколько часов как я задаю вопросы, и ровно ничегошеньки не могу выяснить.

Нет никаких доказательств того, что эти люди пытались поджечь Грейндж, — они до него даже не дошли. Они просто передрались между собой, эти мужчины и женщины, но произошло это неподалеку от Грейнджа — уже на его территории. Почему?

Во всяком случае, не потому, что женщины пытались остановить мужчин или что часть мужчин хотела остановить своих товарищей. Нет, по-видимому, они все прямо из кабака отправились в Грейндж, никто никого не пробовал останавливать, за исключением священника, которого они не захотели выслушать, и нескольких женщин, поддержавших священника. Однако из-за чего заварилась каша? Видимо, из-за чего-то связанного с детьми из этой школы, но разве дети могут послужить поводом для такого бунта? Во всем этом никакого смысла нет, вот и все. — Он опять покачал головой и задумался. — Я помню, мой предшественник — Баджер — говорил, будто с Мидвичем связано нечто дьявольски странное... Клянусь, он был прав! Но что именно?

— Мне представляется, самое лучшее, что можно сделать, это переадресовать вас к полковнику Уэсткотту, — предложил Зиллейби, указывая на Бернарда. И с некоторой долей ехидства добавил: — Его департамент по причинам, о которых я так и не смог получить представления за все предыдущие девять лет, продолжает питать интерес к Мидвичу, так что полковник, надо думать, знает о нас гораздо больше, чем мы сами.

Сэр Джон перенес внимание на Бернарда.

— А из какого же департамента вы будете, сэр? — спросил он.

Когда он услышал ответ, глаза у него полезли на лоб.

— Я не ослышался? Военная разведка?

— Да, сэр, — ответил Бернард.

Начальник полиции затряс головой.

— Сдаюсь! — Он посмотрел на Зиллейби с выражением верблюда, ожидающего появления тех самых последних соломинок, что должны переломить ему спину. — Еще и военная разведка к тому же!

Примерно в то самое время, когда начальник полиции прибыл в Кайл-мэнор, один из Детей — мальчик — неторопливо шел по тропинке, что вела к подъездной дороге из Грейнджа в Мидвич. Двое полицейских, болтавших у

ворот, прервали свой разговор. Один из них пошел на встречу мальчугану.

— И куда ж ты наострился, сынок? — спросил он довольно дружелюбно.

Мальчик посмотрел на полицейского без всякого выражения, хотя взгляд его странных золотых глаз выдавал напряжение.

— В деревню.

— Лучше не ходи, — посоветовал полицейский. — Там к вам не слишком-то расположены, особенно после вчерашнего, это уж точно!

Мальчик не только ничего не ответил, но даже шага не замедлил. Он спокойно шел вперед.

Полицейский вернулся обратно к воротам. Напарник взглянул на него с удивлением.

— Ничего себе! — сказал он. — Про тебя не скажешь, что ты перегружаешь себя работой, а? Мне-то казалось, будто мы обязаны не позволять им шастать туда-сюда, чтоб чего не случилось.

Первый полицейский с выражением удивления на лице смотрел вслед уходящему по тропинке мальчику и недоуменно качал головой.

— Странно это, — с трудом выговорил он. — Чего-то я не пойму. Если будет еще один, займись им ты, Берт.

Минуты через две появилась одна из девочек. Она тоже шла уверенной, немного ленивой походкой.

— Ладно, — сказал второй полисмен, — сейчас она получит от папочки хороший совет, вот увидишь.

И он направился к девочке.

Сделав примерно шага четыре, он круто повернулся и пошел к воротам. Оба полицейских стояли рядом, глядя, как девушка проходит мимо и идет к дороге.

— Что за чертовщина! — воскликнул второй полисмен, не веря собственным глазам.

— Непонятно, верно? — сказал первый. — Идешь, чтобы сделать что-то, а вместо этого делаешь нечто противоположное. Знаешь, мне это совсем не по душе! Эй! — крикнул он вслед девочке. — Эй! Мисс!

Девочка даже не обернулась. Полисмен бросился за ней, пробежал несколько ярдов, затем резко затормозил. Девушка исчезла за поворотом. Страж закона пришел в себя, повернулся и зашагал обратно. Он тяжело дышал и был сильно встревожен.

— Не нравятся мне эти дела, — сказал он чуть слышно. — Тут что-то нечисто, уж поверь мне...

Автобус из Оппли на пути в Трайн через Стауч останавливался в Мидвиче как раз напротив лавочки миссис Велт. Десять—двенадцать женщин, дождавшись, пока выйдут приехавшие, двинулись к открытой двери, соблюдая подобие очереди. Мисс Латтерли, возглавлявшая ее, взялась рукой за поручень и попыталась было занести ногу на подножку. Из этого ничего не вышло, обе ноги будто приросли к асфальту.

— Потерпите, пожалуйста, — сказал кондуктор.

Мисс Латтерли сделала еще попытку, опять не увенчавшуюся успехом. Потом беспомощно посмотрела на кондуктора.

— Тогда встаньте в сторонку и дайте войти другим, мэм. Через минутку я вам помогу, — посоветовал он ей.

Недоумевая, мисс Латтерли послушалась совета.

Миссис Дорри шагнула вперед, чтобы занять ее место, и схватилась за поручень. И тоже не смогла продвинуться дальше. Кондуктор протянул ей руку, чтобы помочь, однако нога женщины категорически отказалась подняться до уровня ступеньки. Миссис Дорри отошла к мисс Латтерли, и обе стали свидетельницами третьей попытки войти в автобус, столь же безуспешной.

— Это еще что? Думаете, небось, что это забавно? — спросил кондуктор. Потом, увидев выражение лиц трех женщин, добавил: — Извините меня, дамы, не хотел вас обидеть. Да что это с вами?

Именно мисс Латтерли, отвлекшись от зрелища бесплодной четвертой попытки, первой заметила одного из Детей. Тот лениво уселся на тумбу, напротив «Косы и камня», — лицо его было обращено в сторону женщин, одна нога беспечно покачивалась в воздухе.

Мисс Латтерли отделилась от группы женщин и подошла к нему. Идя, она внимательно вглядывалась в лицо мальчика.

— Ты ведь не Джозеф, правда?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Мне нужно в Трайн, повидать маму Джозефа — мисс Форшем. Она сейчас лежит в больнице.

Мальчик не отрывал глаз от ее лица. Сделал легкое отрицательное движение головой. На глазах мисс Латтерли выступили слезы.

— Неужели вам мало того горя, которое вы причинили? Вы же просто какие-то чудовища! Ведь все, чего мы хотим, — это поехать и навестить наших друзей, раненных по вашей вине!

Мальчик ничего не ответил.

Мисс Латтерли сделала еще один быстрый шаг в его сторону, потом с трудом сдержала себя.

— Неужели ты не понимаешь? Неужели у тебя нет самых элементарных человеческих чувств? — спросила она дрожащим голосом.

Позади кондуктор то ли удивленно, то ли шутливо сказал:

— Поехали, что ли, дамы? Решайтесь же, наконец! Наша старушка не кусается, знаете ли. А ждать тут целый день нам расчета нет.

Кучка женщин стояла в нерешительности, у некоторых был явно испуганный вид. Миссис Дорри сделала еще одну попытку войти в автобус, но опять без толку. Две женщины повернулись к мальчику и со злобой посмотрели на него. Он ответил им ничего не выражающим взглядом и ни одним движением не выдал своих истинных чувств.

Мисс Латтерли нерешительно повернулась и пошла прочь. Кондуктор рассердился.

— Что ж, если никто не хочет садиться, мы отправляемся. Расписание, знаете ли, штука серьезная.

Никто из сбившихся в кучу женщин даже не шевельнулся. Кондуктор дал резкий звонок, автобус тронулся.

Кондуктор проводил взглядом исчезающих вдали женщин и недоуменно покачал головой. Пробираясь вперед, чтобы обменяться впечатлениями с шофером, он пробормотал местную поговорку: «В Оппли — молодцы, в Стауче — хитрецы, в Мидвиче — глупцы».

Полли Растон, драгоценная правая рука своего дяди по делам прихода с тех самых пор, как она преодолела, хотя и не до конца ликвидировала, разрыв между двумя семьями, везла на автомобиле миссис Либоди в Трайн навестить викария. Его ранения, полученные во время сражения, как сообщил по телефону врач, были болезненны, но не опасны — всего лишь перелом лучевой кости левой руки,

трещина в правой ключице и многочисленные кровоподтеки. Викарий нуждался в покое и отдыхе. Он был бы рад, если бы его навестили, так как хотел дать указания в связи с отсрочкой возвращения домой.

Отъехав ярдов на двести от Мидвича, Полли резко затормозила и начала разворачивать машину обратно.

— Ты что, забыла что-нибудь дома? — спросила миссис Либоди в полном изумлении.

— Ничего я не забыла, просто ехать не могу, вот и все, — ответила Полли.

— Не можешь? — повторила миссис Либоди.

— Не могу, — подтвердила Полли.

— Ну уж, знаешь! — сказала миссис Либоди. — Я полагала бы, что в такое время ты...

— Тетя Дора, я сказала «не могу», а не «не хочу».

— Просто не понимаю, что ты там болтаешь!

— Ладно, — ответила Полли. Она проехала несколько ярдов и снова стала разворачивать машину к Трайну. — Теперь поменяемся местами. Сами поведете!

Неохотно миссис Либоди заняла место за рулем. Она не любила водить машину, но тут пришлось подчиниться. Они поехали, однако точно на том же месте, где Полли нажала на тормоз в первый раз, на него теперь нажала миссис Либоди. Позади раздался сигнал, и пикап с рекламой торговца из Трайна на борту, чуть не задев их машину, проехал мимо. Они смотрели, как он исчезал за поворотом.

Миссис Либоди попробовала дотянуться ногой до акселератора, но нога никак не могла нащупать педаль — каждый раз ступня не дотягивалась до нее. Она еще раз попробовала добиться своего — нога, как и раньше, не ступала на педаль.

Полли огляделась и увидела девочку, почти незаметную среди кустов изгороди, внимательно наблюдавшую за обеими женщинами. Полли долго вглядывалась в нее, пытаясь отгадать, кто это.

— Джуди, — позвала Полли, с внезапным предчувствием чего-то дурного, — это твои шалости?

Кивок девочки был еле заметен.

— Перестань сейчас же, — рассердилась Полли. — Нам нужно в Трайн, навестить дядю Губерта. Он ранен. Лежит в больнице.

— Проезда нет, — ответила Джуди, хотя в голосе ее и прозвучала нотка сожаления.

— Но, Джуди! Ему надо согласовать со мной множество дел на то время, пока он будет находиться в больнице!

Вместо ответа девочка просто покачала головой. Полли почувствовала прилив гнева. Она было набрала в грудь побольше воздуха, но тут, занервничав, вмешалась миссис Либоди.

— Не надо сердить ее, Полли. Неужели вчерашний день не послужил тебе уроком?!

Ее совет даром не пропал. Полли больше не сказала ни слова. Она сидела, глядя на девочку, наполовину укрытую кустами, едва сдерживая слезы бессильной ярости.

Миссис Либоди удалось перевести машину на задний ход. Она нерешительно вытянула ногу и обнаружила, что легко дотягивается до акселератора. Несколько ярдов они проехали задним ходом, потом опять поменялись местами.

Полли в полном молчании довезла их до дома викария.

А в Кайл-мэноре мы все еще не могли найти общего языка с начальником полиции графства.

— Но, — протестовал он, поглядывая из-под нависших бровей, — имеющаяся у нас информация подтверждает ваше заявление, что селяне шли в Грейндж, чтобы его сжечь.

— Именно за этим они и шли, — согласился Зиллейби.

— Вы также говорили, а полковник Уэсткотт подтвердил, что настоящими виновниками были дети из Грейнджа, что именно они спровоцировали нападение?

— Совершенно верно, — кивнул Бернارد, — только боюсь, что с этим уже ничего не поделать.

— Вы имеете в виду, нет доказательств? Искать доказательства — это уж наше дело.

— Я имею в виду не отсутствие доказательств, я говорю о неподсудности Детей.

— Послушайте, — произнес начальник полиции с отлично натренированным терпением. — Четыре человека убиты, повторяю — убиты, тринадцать в больнице. Многие сильно пострадали. Это не такие события, по поводу которых можно сказать. «Ах, как жаль!» — и оставить все, как есть. Нам придется вытащить это дело на суд публики, придется решать, кто несет ответственность, и предъявлять обвинения. Поймите, вы!

— Это весьма необычные Дети, — начал было Бернارد.

— Слыхал! Слыхал! В наших краях, знаете ли, таких внебрачных полным-полно. Старина Баджер что-то такое

мне говорил, когда я вступал в должность... Ну, и у многих не все шарики-винтики на месте — отсюда и специальная школа, и все такое прочее...

Бернард подавил вздох.

— Сэр Джон, причина не в том, что они умственно отсталые. Специальная школа открыта только потому, что они иные. Морально Дети ответственны за вчерашнее происшествие, но это совсем не то, что можно подвести под ответственность перед законом. Здесь отсутствует почва для предъявления обвинений.

— Малолетним можно предъявлять обвинения, а также тем, кто несет за них ответственность. Уж не собираетесь ли вы мне доказать, что шайка девятилетних ребятишек способна — хотя будь я проклят, если понимаю как — спровоцировать бунт, в котором убивают взрослых, а потом улизнуть от ответственности и наказания? Фантастика!

— Но я уже несколько раз говорил, что эти Дети — иные. Их календарный возраст не имеет значения, за исключением того, что они все же остаются детьми, то есть могут быть в своих действиях куда более жестокими, чем в своих намерениях. Закон на них не распространяется, а мой департамент настоятельно требует, чтобы все дело держалось в строжайшем секрете.

— Чудовищно! — возопил начальник полиции. — Об этих закрытых школах мне уже приходилось слышать! Детей нельзя... как это называется... подавлять, что ли? Самовыражение, совместное обучение и тому подобная ересь! Чушь проклятая! Но в случае, если какой-нибудь департамент воображает, будто только по той причине, что школа такого типа случайно находится в ведении государства, ее ученики оказываются в особом положении по отношению к закону и могут считаться ему не подвластными, этому департаменту скоро придется пересмотреть кой-какие свои понятия!

Зиллейби и Бернард обменялись безнадежными взглядами. Тем не менее Бернард решил повторить попытку.

— Эти Дети, сэр Джон, обладают огромной силой воли — небывалой, настолько могучей, что может быть навязана другим людям. До сих пор закону не приходилось встречаться с подобной формой принуждения, а следовательно, не обладая таким знанием, он ее не признает. Поэтому, раз с точки зрения закона подобная форма принуждения не существует, Дети не могут быть обвинены в применении имеющейся у них силы. Следовательно, в глазах закона

преступление, приписываемое общественным мнением проявлению этой силы, или вообще не имеет места, или должно быть приписано либо другим лицам, либо другим средствам. И согласно букве закона, никакой связи между Детьми и имевшим место преступлением быть не может.

— За исключением того, что они эти преступления все же совершили, вы же сами признали это, — ответил сэр Джон.

— С точки зрения закона Дети ничего подобного не совершали. Больше того, если бы вам удалось найти формулировку, чтобы предъявить им обвинение, у вас ничего бы не вышло. Они обратили бы свою силу против ваших офицеров. Вы не сможете их даже арестовать, а уж тем более удержать под арестом.

— Давайте оставим подобные тонкости всяким там адвокатам, это их хлеб. Все, что нам нужно, — это добыть улики, на базе которых я получу основание выписать ордер на арест, — заверил его начальник полиции.

Зиллейби с совершенно невинным видом возвел глаза к потолку и стал задумчиво изучать нечто, видимо, находящееся в самом углу комнаты. Бернارد имел тот отстраненный вид, какой бывает у человека, пытающегося медленно считать до десяти. Я закашлялся.

— Этот директор Грейнджа — как его там... Торранс? — продолжал начальник полиции. — В общем, тамошний директор, он должен нести персональную ответственность за своих учеников, уж если больше никого нет! Видал я этого парня прошлой ночью — скользкий тип... Они все там скользкие, это уж точно. — Мы все старались не смотреть на начальника. — Нам он решительно ничем не помог.

— Доктор Торранс — очень известный психиатр, директорство в Грейндже — лишь временное его занятие, — объяснил Бернارد. — Полагаю, что у него были обоснованные сомнения в том, какого курса следует придерживаться, пока он не получит соответствующих указаний.

— Психиатр? — с подозрением переспросил сэр Джон. — А вы вроде сказали, что эта школа не для умственно отсталых.

— Так оно и есть, — повторил терпеливо Бернارد.

— Не могу взять в толк, чего он там сомневался? Какие могут быть сомнения, если речь идет о правде? Во время полицейского расследования всегда нужно говорить правду. Если вы поступите иначе, у вас будут неприятности, во всяком случае их следует ожидать.

— Все это не так просто, как кажется, — отозвался Бернард. — Доктор Торранс, вероятно, полагал, что он не вправе раскрывать некоторые аспекты своей работы. Я считаю, что, если вы разрешите мне сопровождать вас на встречу с ним, он будет больше расположен к беседе и сумеет гораздо лучше разъяснить ситуацию, чем это сделаю я.

Закончив свою речь, Бернард встал; правый глаз у него дергался. Начальник полиции распрощался с нами сухо. Мы остались вдвоем.

Зиллейби рухнул в кресло и тяжело вздохнул. С отсутствующим выражением лица он потянулся за портсигаром.

— Я не имею чести быть знакомым с доктором Торрансом, — сказал я, — но тем не менее глубоко ему сочувствую.

— В этом нет нужды, — отозвался Зиллейби. — Уклончивость полковника Уэсткотта раздражает, однако она, как бы сказать, пассивна, что ли. Что же до Торранса, то его стремление уйти от ответа всегда носит агрессивный характер. Если сейчас ему придется прояснять ситуацию для сэра Джона, то это будет вполне справедливым возмездием.

Что занимает меня в данную минуту, так это поведение вашего друга — полковника Уэсткотта. Вроде бы барьер секретности теперь куда ниже, чем был. Если полковник зашел так далеко, что попробовал сделать ситуацию ясной даже для сэра Джона, думаю, он смог бы и нам открыть побольше. Интересно, почему он этого не делает? Ведь возникли те самые обстоятельства, которые он так долго старался предотвратить. Мидвичский кот оказался слишком большим для своего мешка. Почему же полковник не проявляет никаких признаков волнения? — Зиллейби снова погрузился в раздумье, тихонько постукивая тонкими пальцами по подлокотнику кресла.

Тут в комнату вошла Анжела. Видно, Зиллейби ощутил ее присутствие даже в той дали, куда увлекли его мысли, так как ему потребовалось лишь небольшое усилие, чтобы вернуться в реальное время и пространство и заметить выражение лица своей жены.

— В чем дело, родная? — спросил он и добавил, вспомнив: — Я полагал, что ты уехала в Трайн, в госпиталь, отвезти гостинцы нашим больным.

— Отправилась, — ответила Анжела. — И тут же вернулась. По-видимому, нам запрещено покидать деревню.

Зиллейби резко выпрямился в кресле.

— Абсурд! Не может же этот старый дурень арестовать все население! Как мировой судья... — начал он возмущенно.

— Это не сэр Джон. Это Дети. Они пикетируют все дороги и никому не разрешают уехать.

— Вот как! — воскликнул Зиллейби. — В высшей степени интересно. Любопытно было бы узнать..

— Черта с два любопытно! — ответила ему жена. — Это в высшей степени неприятно и в той же степени нагло. Кроме того, это страшно, — добавила она, — потому что совершенно непонятно, что за всем этим кроется.

Зиллейби спросил, каким путем Дети добиваются своего, и Анжела объяснила, закончив так:

— Это касается только нас — я имею в виду жителей деревни. Посторонним разрешается уезжать и приезжать, когда им заблагорассудится.

— Но к насилию они не прибегают? — спросил Зиллейби с беспокойством.

— Нет. Просто приходится останавливаться. Кое-кто пробовал было обращаться к полиции, но, конечно, без толку. Дети их не останавливают, не беспокоят, так что полицейские просто не понимают, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Вообще-то результат есть: тот, кто лишь краем уха слышал, будто все мидвичцы — недоумки, теперь в этом полностью убежден.

— Наверняка у них есть причина — у Детей, я имею в виду, — сказал Зиллейби.

Анжела взглянула на него с неприязнью.

— Вполне возможно, и, вероятно, это может представлять большой научный интерес, однако в настоящую минуту меня занимает вовсе не это. Я хочу знать, каким образом блокада может быть прекращена.

— Дорогая, — стараясь успокоить ее, сказал Зиллейби, — твои чувства вполне понятны, но мы уже давно знаем, что, если Детям вздумается вмешаться в нашу жизнь, мы ничем им помешать не сможем. В данном случае, по причинам, о которых я не имею представления, они решили вмешаться.

— Гордон, ведь речь идет об этих несчастных, что лежат в Трайне и которых хотят навестить родственники!

— Дорогая, я не вижу ничего, что бы ты могла сделать, разве что поискать кого-нибудь из Детей и попытаться, исходя из гуманных позиций, объяснить ему свою точку зрения. Они, возможно, рассмотрят твою просьбу, но ре-

зультат будет зависеть от причин, толкнувших их на такую меру, не так ли?

Анжела смотрела на своего мужа без всякого удовольствия. Она уже готова была что-то ответить, затем передумала и вышла из комнаты с весьма мрачным видом.

Когда дверь закрылась, Зиллейби покачал головой:

— Высокомерие мужчины всегда имеет оттенок фанфаронства, женское же — куда тоньше. Мы — мужчины — порой, вспоминая о некогда могучих динозаврах, задумываемся над тем, когда, где и как закончится наше собственное бытие. Но не такова женщина. Бессмертие — вот фундамент ее веры. Войны и катастрофы могут приходить и уходить, народы — возвышаться и гибнуть, империи — рушиться в муках и потоках крови, но все это затрагивает лишь поверхность бытия. Только она — Женщина — вечна и значима, и она пребудет во веки веков. В динозавров она просто не верит. Она не верит даже в то, что мир мог существовать и до ее появления на Земле. Мужчины способны строить и разрушать, развлекаясь со своими игрушками. Да и кто они такие — просто резвунчики, шныряющие под ногами, приставалы, эфемерные домашние приспособления, тогда как Женщина в своей неразрывной мистической связи с самим Великим древом жизни знает, что нет ей замены... Так хочется иногда знать, была ли самка динозавра в те давние времена одарена такой же незыблемой уверенностью?

Он замолчал, но было видно, что это только преамбула.

— А какое отношение сказанное имеет к настоящему? — подыграл я.

— Такое, что если мужчина считает мысль о своем вероятном видовом вытеснении, скажем, отвратительной, то женщина полагает ее просто неосуществимой. А поскольку в этом случае о ней и думать не стоит, то соответствующая гипотеза есть не что иное, как полное неприличие.

Мне еще раз пришлось подыграть ему:

— Если вы пытаетесь заявить, что вам видно нечто остающееся невидимым для миссис Зиллейби, я...

— Дорогой друг, если не ослепляться чувством незаменимости, то надо признать, что мы, подобно другим властителям мироздания, нам предшествовавшим, в один прекрасный миг будем кем-то заменены. Существуют два пути, которыми это может осуществиться: либо благодаря нам самим, то есть путем самоистребления, либо вторжением каких-то новых видов, для борьбы с которыми мы недо-

статочно хорошо экипированы. Так вот, сейчас мы оказались лицом к лицу с умом и волей, превосходящими наши. И что мы можем им противопоставить?

— Это, — ответил я, — звучит пораженчески. Если, как я предполагаю, все сказанное выше говорилось всерьез, то не слишком ли грандиозные выводы вы делаете из столь скромных предпосылок?

— Очень похоже на то, что говорила моя жена, когда эти «предпосылки» были куда меньше и моложе, — отозвался Зиллейби. — Она даже зашла так далеко, что с презрением отвергла мысль, будто такие удивительные события вообще могут происходить здесь — в самой прозаичной английской деревушке. Тщетно пытался я убедить ее, что события не стали бы менее удивительными, случись они в другом месте. По мнению Анжелы, подобное явление было бы менее поразительным, произойди оно в неких экзотических далях, например в деревушке острова Бали или в мексиканском пуэбло. Она считала, что такая история может случиться только с другими людьми. К сожалению, происшествие имело место именно здесь и развивалось оно согласно законам весьма огорчительной логики.

— Меня беспокоит не то, где оно произошло, — настаивал я. — Меня тревожат ваши предположения. И больше всего то, что вы считаете непреложным фактом, будто Дети могут творить все, что захотят, и нет способа их остановить.

— Было бы глупо стоять на такой дидактической позиции. Остановить их можно, хотя сделать это довольно трудно. Физически мы куда слабее многих животных, но одержали над ними верх потому, что обладали разумом более высоким, чем они. Единственное, что может нас победить, — еще более мощный разум. Нам это никогда не казалось серьезной угрозой: с одной стороны, вероятность появления такого разума представлялась ничтожно малой, а с другой — еще более невероятной была мысль, что мы позволим ему развиваться до такой степени, что он станет угрожать нашему существованию.

И тем не менее вот он, еще один маленький трюк из ящика Пандоры, этого бездонного эволюционного процесса, — Коллективный Разум: две мозаики, одна из тридцати, другая из двадцати восьми кусочков. Что можем мы, с нашим индивидуализированным мозгом, мы, сносящиеся друг с другом при помощи самых примитивных средств,

противопоставить тридцати умам, работающим как единый Разум?

Я запротестовал: даже если это так, Дети вряд ли сумели бы аккумулировать столько знаний за какие-то жалкие девять лет, чтобы противостоять огромной сумме человеческого знания.

Зиллейби отрицательно покачал головой:

— У правительства были свои замыслы, благодаря чему Детей обеспечили лучшими преподавателями, так что сумма их знаний должна быть весьма значительной; я сужу по собственному опыту, ибо, как вы вероятно слышали, иногда читаю им лекции. Накопление знаний важно, хотя и не является само по себе главной причиной грозящей нам опасности. Помните, Фрэнсис Бэкон писал: «*Nam et ipsa scientia potestas est*», то есть знание — сила? Следует пожалеть, что столь знаменитый ученый нес иногда сухую чепуху. Энциклопедия набита знаниями, но не умеет ими пользоваться; у каждого из нас есть знакомые, обладающие прекрасной памятью на факты, но не умеющие хоть как-то применить эти факты на практике; компьютер может выдавать знания кипами и во многих экземплярах, но все эти знания никак не будут использованы, пока к ним не прикоснется понимание. Знание — всего лишь вид топлива, а нужен еще мотор понимания, чтобы превратить его в силу.

Больше всего меня тревожит мысль о мощи, производимой пониманием, работающим на небольших количествах топлива-знания с КПД, в тридцать раз превышающим КПД нашего мозга. Какова может быть производительность мозга у выросших Детей, я даже вообразить не могу.

Я нахмурился. Как обычно, я несколько недоверчиво относился к выкладкам Зиллейби.

— Значит, вы совершенно уверены, что мы не в силах помешать кучке из пятидесяти восьми Детей предпринять действия, какие они сочтут нужными? — настаивал я.

— Именно так. — Он сопроводил сказанное утвердительным кивком. — А как вы предложите нам поступить? Вам же известно, что случилось с толпой мидвичцев прошлой ночью: они намеревались атаковать Детей, а вместо этого их заставили сражаться друг с другом. Пошлете полицию — они сделают то же самое. Пошлете против них войска — и солдат принудят стрелять друг в друга.

— Возможно, — сдался я. — Но могут найтись и другие пути, чтобы сладить с ними. Из сказанного вами следует, что никто не знает Детей достаточно хорошо. Они, видимо,

полностью и очень рано разорвали эмоциональные связи со своими приемными матерями, если, разумеется, у них когда-нибудь были те эмоции, которые мы хотели в них видеть. Большинство из них избрали прогрессирующую сегрегацию, как только она им была предложена. В результате Мидвич знает о Детях ничтожно мало. Лишь короткое время здешний народ воспринимал их как личности. Детей было невозможно различать между собой, отсюда появилась привычка рассматривать их как нечто единое и представление о них как о не вполне реальных фигурах о двух измерениях.

Зиллейби отнесся к такой точке зрения с интересом.

— Вы совершенно правы, дорогой друг! Ощущается нехватка нормальных контактов, нехватка симпатии. Однако это отнюдь не результат ошибок, совершенных нами. Я, как мог, старался сблизиться с ними и все же остался для них чужим. Несмотря на все мои попытки, я все еще вижу их, как вы точно выразились, фигурами о двух измерениях. И я твердо убежден, что у людей из Грейнджа успехи ничуть не больше моих.

— Тогда остается вопрос, — сказал я, — как нам получить больше информации о Детях.

Мы размышляли над этим вопросом некоторое время, пока наконец Зиллейби не вернулся из глубины своих дум обратно на Землю:

— Не приходилось ли вам, друг мой, задумываться о том, каков сейчас ваш собственный статус в Мидвиче? Если бы вы решили попробовать покинуть Мидвич сегодня, то мы смогли бы выяснить: рассматривают вас Дети как мидвичца или нет?

Это мне в голову не приходило. Я нашел его предложение интересным и тут же захотел выяснить.

Бернард, как оказалось, уехал на машине начальника полиции, поэтому я решил воспользоваться его автомобилем для своего эксперимента.

Ответ я получил сразу же, как только выехал на дорогу, ведущую в Оппли. Очень странное ощущение. Руки и ноги объединились в усилие остановить машину без всякого участия моей воли. Одна из девочек сидела на обочине, покусывая стебелек и глядя на меня без всякого интереса. Я попытался завести мотор еще раз. Рука отказалась повиноваться. Заставить ногу опустить тормозную педаль я тоже не смог. Я взглянул на девочку и сказал ей, что живу не в Мидвиче и хочу уехать домой. Она просто качнула головой.

Я снова попытался привести мотор в действие и обнаружил, что могу ехать только задним ходом.

— Гм-м, — сказал Зиллейби, когда я вернулся, — итак, вы почетный гражданин Мидвича, верно? В общем-то я так и предполагал. Напомните мне сказать Анжеле, чтобы она предупредила кухарку, ладно?

В то время, когда мы в Кайл-мэноре беседовали с Зиллейби, в Грейндже шло другое совещание, хотя и сходное по теме, но совсем иное по форме.

Доктор Торранс, чувствуя себя свободнее в присутствии полковника Уэсткотта, счел возможным отвечать на вопросы начальника полиции гораздо более подробно, нежели в прошлый раз. Однако разговор вскоре зашел в тупик, так как взаимопонимание между сторонами никак не возникало, а напряженность заметно росла, что заставило доктора Торранса сказать с явным разочарованием:

— Боюсь, мне не удалось разъяснить вам как следует данную ситуацию, сэр Джон.

Начальник полиции даже засопел от раздражения.

— Каждый считает своим долгом говорить мне это, и я не собираюсь заниматься опровержением. Явно тут никто ничего разъяснять и не желает. Не приводя ни малейших доказательств, которые я мог бы принять, все упорно стараются внушить мне мысль, что эти распроклятые детишки в какой-то степени виноваты в событиях прошлой ночи. Это делаете даже вы, хотя, как мне дали понять, именно вы отвечаете за детей. Согласен, я не понимаю ситуации, где каким-то молокососам позволили до такой степени отбиться от рук, что они нарушили спокойствие всей округи, доведя людей до бунта. Не вижу, почему от меня можно ждать понимания всего этого? Как начальник полиции графства, я хочу допросить одного из главарей этой шайки и выяснить, что он может мне рассказать о случившемся безобразии.

— Сэр Джон, я уже объяснял вам, что здесь нет никаких главарей...

— Знаю, знаю. Вас я уже наслушался. Дескать, тут все равны и тому подобное... Все это, может, и хорошо в теории, но вам известно не хуже меня, что в каждой группе есть парни, которые чем-то выделяются. Вот они-то как раз и есть те, кого следует хватать в первую очередь. Управьтесь с ними — и вы управитесь с остальными!

Он замолчал, ожидая ответа.

Доктор Торранс безнадежно посмотрел на полковника Уэсткотта. Бернард пожал плечами и чуть заметно кивнул. Несчастное лицо доктора Торранса стало еще несчастнее. Он заговорил с явным принуждением:

— Хорошо, сэр Джон, поскольку вы как бы отдаете мне приказ, у меня не остается выбора, но я должен попросить вас тщательно выбирать выражения. Дети у нас очень... э-э-э... чувствительные.

Выбор последнего слова был не слишком удачен. В лексике доктора оно имело вполне техническое значение, и не более того; в понимании же начальника полиции это было слово из разряда тех, которым пользуются психованные мамы, говоря о своих испорченных до мозга костей детках, и, следовательно, никак не могло способствовать укреплению симпатии начальника к Детям. Он издал возглас возмущения, а доктор Торранс встал и вышел из кабинета. Бернард открыл было рот, чтобы поддержать предупреждение доктора, затем решил, что этим может лишь усилить раздражение начальника полиции и скорее повлечет за собой новые беды, чем принесет пользу. «Проклятый здравый смысл, — думал про себя Бернард, — бесценный дар, если его высадить на нужную почву, но в других условиях он может превратиться в заразу вроде полевого вьюнка».

Они сидели в полном молчании, пока наконец не вернулся доктор Торранс в сопровождении мальчика.

— Это Эрик, — сказал начальник школы, представляя мальчугана. Потом добавил: — Сэр Джон Тенби хочет задать тебе несколько вопросов. Видишь ли, в круг его обязанностей как начальника полиции графства входит составление доклада о происшествиях вчерашней ночи.

Мальчик кивнул и перевел взор на сэра Джона. Доктор Торранс занял свое место за письменным столом, наблюдая за обоими настроенно и с беспокойством.

Взгляд мальчика был тверд, внимателен и не выдавал его истинных чувств. Сэр Джон ответил ему не менее твердым взглядом. «Мальчик выглядит крепким, — думал он. — Немного, может быть, худощав, но не тощий, а вернее было бы сказать, тонкококстный — вот оно, правильное слово. Черты лица мало что говорят, лицо красивое, но без той внутренней слабости, которая нередко сопровождает красоту у мужчин. С другой стороны, и силы воли в лице не видно. Рот, пожалуй, несколько маловат, хотя и на бутончик не похож. В общем, такое лицо не содержит бога-

того материала для выводов о характере. Глаза, однако, еще более удивительны, чем говорили». Ему сообщили о странной золотистой окраске радужной, но никто не преуспел в описании их поразительного блеска и свойственного им удивительного эффекта — какого-то свечения изнутри. На мгновение эти глаза вообще выбили его из колеи, но сэр Джон тут же взял себя в руки, напомнив себе, что фактически имеет дело с недочеловеком: мальчику девять лет, а выглядит он на шестнадцать, да к тому же вскормлен на всяких дурацких теориях самовыражения, неподавления и прочего в том же духе.

Он решил обращаться с мальчиком так, будто ему действительно шестнадцать, избрав тон беседы умудренного мужчины с еще неопытным юнцом, который практиками этого дела почему-то считается показателем «мужского» разговора.

— Серьезное происшествие случилось тут прошлой ночью, — начал сэр Джон. — Наша задача — выяснить детали случившегося и узнать, что же произошло в действительности, кто виноват в этом и тому подобное. Люди говорили мне, что виноват в этом ты и другие ребята. Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Нет, — ответил не задумываясь мальчик.

Начальник полиции кивнул — в любом случае вряд ли можно ожидать немедленного признания.

— А что в действительности произошло?

— Жители деревни пришли сюда, чтобы сжечь Грейндж дотла, — ответил мальчик.

— Ты в этом уверен?

— Они сами говорили об этом, и вряд ли другая причина могла привести их сюда в столь позднее время, — парировал мальчик.

— Ладно, не будем пока вникать во все эти «почему» да «по какой причине». Давай начнем вот с чего: ты говоришь, что часть из них пришла с намерением сжечь школу. Тогда можно предположить, что другая часть явилась, чтобы остановить это дело, а в результате между ними началась драка?

— Да, — согласился мальчик, но уже менее решительно.

— Тогда, надо думать, ты и твои друзья ничего общего с дракой не имели? Просто оказались зрителями?

— Нет, — ответил мальчуган, — нам пришлось защищаться. Это было необходимо, иначе они сожгли бы здание.

— Ты хочешь сказать, что вы начали кричать, чтобы одни остановили других, или что-то в этом духе?

— Нет, — терпеливо сказал мальчик. — Мы заставили их драться между собой. Мы могли бы просто прогнать их прочь, но, если бы мы так поступили, они позже вернулись бы опять. Теперь этого уже не случится, они поняли, что лучше нас оставить в покое.

Начальник полиции помолчал, он явно был в замешательстве.

— «Заставили» их драться между собой... Как вы это сделали?

— Очень трудно объяснить. Думаю, вы не поймете, — сказал мальчик, как бы вынося окончательное решение.

Сэр Джон покраснел.

— И все же мне хотелось бы узнать, — произнес он, сохраняя имидж великодушного человека, прощающего незаслуженно нанесенный ему моральный ущерб.

— Бессмысленное занятие, — сказал ему мальчик. Он говорил спокойно, без презрения — просто сообщал непреложный факт.

Лицо начальника стало багровым. Доктор Торранс поспешил вмешаться:

— Это в высшей степени малопонятное явление, сэр Джон, причем такое, в котором мы все тут пытаемся разобраться уже много лет, но с очень скромным результатом. Может быть, ближе всего к истине будет сказать, что Дети «пожелали», чтобы люди в толпе набросились друг на друга.

Сэр Джон поглядел на доктора Торранса, потом на мальчика. Что-то пробормотал, но постарался взять себя в руки. Тяжело дыша, он обратился к мальчугану, теперь в его голосе явственно слышался гнев.

— Как бы это ни было сделано — этим мы займемся позже, — ты признаешь, что вы несете ответственность за то, что произошло?

— Мы ответственны лишь за то, что защищались, — ответил мальчик.

— Ценой четырех жизней и тринадцати покалеченных, в то время как вы могли, как ты говорил, просто отогнать их?

— Они хотели нас убить, — холодно ответил ребенок.

Начальник полиции долго глядел на него.

— Я не понимаю, как именно вы сделали это, но пока принимаю на веру ваше собственное признание. А также твои слова, что в этом не было необходимости.

— Тогда они снова явились бы сюда. И все равно пришлось бы прибегнуть к тому же средству, — сказал мальчик.

— Это только твое предположение. Все твое отношение к этому делу просто чудовищно! Неужели ты не чувствуешь жалость к пострадавшим людям?

— Нет, — ответил мальчик. — А с какой стати? Вчера один из них пытался застрелить одного из нас. Нам приходится защищаться.

— Но не с помощью вендетты же! Для вашей защиты существует закон, и для каждого...

— Закон не защитил Уилфреда от выстрела. Он не защитил бы и нас прошлой ночью. Закон наказывает преступника после того, как тот совершил преступление. Нам это не подходит — мы хотим остаться в живых.

— И тем не менее вы решаетесь — ты сам сказал — брать на себя смелость распоряжаться чужими жизнями?

— Стоит ли нам все время возвращаться к одному и тому же? — спросил ребенок. — Я ответил на ваши вопросы, поскольку считал, что будет лучше, если вы правильно оцените ситуацию. Раз вам не удалось уяснить ее суть, я попробую выразиться яснее.

Ситуация такова: если со стороны кого-бы то ни было будет сделана попытка вмешаться в нашу жизнь или нанести нам ущерб, мы станем защищаться. Мы показали, на что способны, и надеемся, что это послужит предупреждением для других и предотвратит дальнейшие неприятности.

Сэр Джон безмолвно смотрел на мальчика, костяшки его сжатых в кулак пальцев побелели, а лицо пошло пятнами. Он приподнялся со стула, будто хотел броситься на мальчишку, потом, раздумав, рухнул в свое кресло. Прошло несколько секунд, пока начальник полиции почувствовал себя снова в состоянии разговаривать. Наконец задыхающимся голосом он обратился к мальчику, который на протяжении всех этих секунд критически рассматривал его с каким-то холодным любопытством.

— Ах ты, дрянь такая! Ах ты, мерзкий паршивец! Да как ты смеешь со мной так разговаривать! Ты что, не понимаешь, что я представляю тут полицию страны! Если нет, так самое времечко понять, и, клянусь Богом, я тебе это разъясню! Ты как разговариваешь со взрослыми, ты, мелочь пузатая?! Ишь, он, видите ли, не желает, чтобы им наносили ущерб! Они, видите ли, будут защищать себя! Вот

оно как! Да ты подумал, где находишься? Тебе, парень, еще предстоит научиться...

Внезапно сэр Джон умолк и безмолвно уставился на мальчика.

Доктор Торранс приподнялся, наклонился над столом к мальчику и протестуяще произнес «Эрик...», однако не сделал ни единого движения, чтобы вмешаться.

Бернард Уэсткотт даже не шелохнулся на своем стуле и лишь впитывал в себя происходящее.

Губы начальника полиции затряслись, нижняя челюсть отвисла, глаза, вылезшие из орбит, выкатились еще больше. Волосы на голове слегка зашевелились. На лбу и висках выступил пот, струйки его текли по лицу. Неразборчивые икающие звуки вырывались из широко открытого рта. По щекам текли потоки слез. Он дрожал крупной дрожью, хотя не мог сделать ни малейшего движения. Потом, когда истекли долгие-долгие секунды, он смог шевельнуться. Подняв трясущиеся руки и неуклюже прижал их к лицу. Из-под ладоней неслись странные тонкие крики. Затем сэр Джон соскользнул с кресла на колени и рухнул на пол. Там, все еще продолжая дрожать, он распростерся, стараясь вжаться в пол, издавая при этом пронзительные вопли и царапая скрюченными пальцами ковер, в который, казалось, хотел зарыться. Потом его вырвало.

Мальчик отвел взгляд от сэра Джона. Доктору Торрансу он сказал, будто отвечая на заданный вопрос:

— Он не пострадал. Он хотел запугать меня, поэтому мы показали ему, каково это — быть испуганным. Теперь он кое-что понял. Когда вновь наладится работа его желез, он придет в себя.

Затем мальчик повернулся и вышел из комнаты, предоставив обоим мужчинам в молчании смотреть друг на друга.

Бернард вытащил носовой платок и вытер пот, крупными каплями выступивший у него на лбу. Доктор Торранс сидел не двигаясь, лицо у него было мертвенно-серого цвета. Оба одновременно глянули на начальника полиции. Сэр Джон лежал рыхлой грудой, видимо, без сознания и долгими жадными вздохами всасывал в себя воздух. Время от времени его сотрясала жуткая дрожь.

— Бог мой! — воскликнул Бернард, снова переведя взгляд на Торранса. — И вы провели тут три года!

— Никогда не было ничего похожего на это, — отозвался доктор. — Кое-какие возможности мы подозревали,

но Дети никогда не проявляли к нам вражды. Возблагодарим Бога за это!

— Да, для вас могло обернуться и похуже, — ответил Бернард и снова посмотрел на сэра Джона. — Нашего приятеля следовало бы удалить отсюда раньше, чем он придет в себя. Нам тоже лучше в это время ему не показываться на глаза — в таких ситуациях человек вряд ли захочет встретиться со свидетелями. Пошлите за его коллегами, пусть заберут. Скажите, что с ним случился приступ.

Через пять минут они уже сидели на ступеньках крыльца, наблюдая, как отбывает машина начальника полиции, который все еще был без сознания.

— Придет в себя, когда наладится деятельность желез!.. — пробормотал Бернард. — Пожалуй, они лучше разбираются в области физиологии, нежели в психологии. Этот человек сломлен, сломлен до конца своих дней!

ГЛАВА 19

В ТУПИКЕ

После пары стаканчиков неразбавленного виски с лица Бернарда начало сходить то выражение потрясения, с которым он вернулся из Грейнджа в Кайл-мэнор. Рассказав нам о жутком интервью начальника полиции, он закончил так:

— Знаете, одно из редких возрастных качеств Детей, которое меня поразило, это их неспособность правильно оценивать собственную силу. За исключением, пожалуй, объявленной ими блокады Мидвича, все, что они делали до сих пор, сделано с каким-то колоссальным перерасходом энергии. То, что может быть теоретически вполне оправдано, они на практике превращают в нечто совершенно непростительное. Они хотели припугнуть сэра Джона, чтобы тот оставил их в покое, но зашли куда дальше и ввергли беднягу в состояния панического ужаса, доведя его до безумия. Их действия привели к такой деградации личности, которая была омерзительна для окружающих и ничем не оправдывается. Это непростительно.

Зиллейби спросил своим тихим мелодичным голосом:

— А может быть, мы смотрим под неправильным углом зрения? Вот, полковник, вы говорите «непростительно», что подразумевает, будто они хотят быть прощенными. А почему? Разве нас интересует, прощают ли нас шакалы или волки за

то, что мы их убиваем? Нет, не интересует. Нам нужно только одно — обезвредить их, и все.

Фактически наше господство на планете стало столь полным, что волков нам приходится убивать очень редко, а большинство из нас вообще забыли, что значит противостоять в одиночку какому-либо другому виду. Но когда возникает нужда, мы, ни минуты не колеблясь, безоговорочно поддерживаем тех, кто борется с опасностью, от кого бы она ни исходила — от волков, насекомых, бактерий или фильтрующихся вирусов. Мы не даем врагу пощады, а следовательно, не ждем от него и прощения.

Особенность нашего противостояния с Детями заключается, видимо, в том, что мы с самого начала оказались не в состоянии понять, какую угрозу они несут нашему виду, тогда как у них не было никакого сомнения, что мы для них смертельно опасны. А они намерены выжить любой ценой. Нам следовало хотя бы вспомнить, к чему способна привести подобная целенаправленность. Ее результаты мы ежедневно можем наблюдать в наших собственных садах, где идет постоянная и свирепая война без соблюдения правил и законов, война без малейшего намека на жалость или милосердие.

Зиллейби говорил без всякой аффектации, и было ясно, что сказанное — результат глубокого анализа. Правда, как это бывало с Зиллейби и раньше, разрыв между его теоретическими построениями и реалиями жизни казался слишком велик, и слушатели не могли проникнуться уверенностью в безусловной правоте оратора.

Наконец Бернارد произнес:

— Дети, безусловно, резко изменили свою тактику. Раньше они время от времени пользовались внушением или давлением, но, если исключить несколько самых ранних инцидентов, почти не прибегали к насилию. И вдруг — взрыв! Можете ли вы сказать мне, когда, по вашему мнению, произошел перелом, или же этот процесс нарастал постепенно?

— Могу, и совершенно определенно, — отозвался Зиллейби. — Ни малейшего намека на что-либо подобное не возникало до случая с Джимом Паули и его машиной.

— А это случилось... подождите-ка... в последнюю среду, то есть третьего июля. Интересно... — начал Бернارد, но не закончил, так как гонг позвал нас к ленчу.

— Мой опыт в области инопланетных вторжений, — говорил Зиллейби, приступая к заправке знаменитого фирменного салата, — до сих пор обогащался из посторонних

источников, а потому может быть назван гипотетически-безличностным, или, еще лучше, безлично-гипотетическим. — Он задумался, как бы пробуя сказанное на вкус, и продолжил: — Во всяком случае, этот опыт достаточно обширен, и все же, как ни странно, я не могу припомнить ни одного случая, который мог бы оказаться хоть чем-то полезным для нас. Все без исключения примеры хоть и малоприятны, но скорее примитивны, чем коварны.

Возьмите марсиан Уэллса. В качестве изобретателей луча смерти они еще кое-как смотрятся, однако в остальном их поведение совершенно обыденно: они просто-напросто ведут примитивную кампанию, используя оружие, на порядок превосходящее оружие противника. Впрочем, там мы могли хоть отвечать ударом на удар, тогда как здесь...

— Только не клади кайенский перец, дорогой, — сказала Анжела.

— Чего не класть?

— Кайенский перец. От него икота бывает.

— Верно, верно, а где сахар?

— Слева от тебя, дорогой.

— Ах да... Так о чем это я?

— Об уэллсовских марсианах, — напомнил я.

— Ну разумеется. Так вот, перед вами прототип бесчисленных вторжений. Супероружие, против которого человек будет храбро сражаться до тех пор, пока его не спасет какой-нибудь из нескольких возможных вариантов развития событий. Естественно, в Америке все, как обычно, больше и лучше. Нечто совершает посадку. Из него вылезает Некто. Через десять минут, безусловно благодаря великолепным коммуникациям, столь характерным для великой страны, начинается паника на всем пространстве от океана до океана, дороги и города забиты бегущим населением. Кроме Вашингтона, разумеется. Там, по контрасту, колоссальные, неохватные глазом толпы стоят молча — бледные, но уповающие, устремившие взгляд к Белому Дому, в то время как где-то в горах Кэтскилл некий до поры до времени безвестный профессор с дочкой и грубоватым молодым ассистентом трудятся как безумные акушерки, обеспечивая появление на свет *deus ex laboratory**, который спасет мир в последний момент... Вернее, за минуту до наступления такого момента.

В нашей стране, полагаю, сообщение о таком вторжении было бы принято — во всяком случае в определенных

* Бог из лаборатории (лат.).

кругах — с оттенком известного скептицизма, но, думаю, вы согласитесь, что американские писатели знают свой собственный народ лучше, чем мы.

И каков же в конечном счете результат? Да просто еще одна война. Мотивации упрощены, оружие усложнено, но общий рисунок не нов. И, как следствие, ни один из прогнозов — ни спекулятивный, ни экстраполярный — ни в малейшей степени нам не подходит. Причем именно в тот самый момент, когда это явление произошло в действительности. Как подумаешь, так всех этих футурологов становится просто жаль, если учесть количество энергии, затраченной ими на прогнозы.

И Зиллейби с наслаждением принялся за салат собственного производства.

— Одна из моих вечных проблем, — заметил я ему, — заключается в том, чтобы угадать, когда именно вы говорите буквально, а когда — метафорически.

— На этот раз, уверяю тебя, можешь понимать все буквально, — вмешался Бернارد.

Зиллейби бросил на него косой взгляд.

— Вот, значит, как? И никаких возражений? — удивился он. — Скажите-ка мне, полковник, а сколько времени прошло с тех пор, как вы впервые поняли, что вторжение — реальный факт?

— Лет восемь, примерно, — ответил ему Бернارد. — А вы?

— Примерно столько же. Может, чуть-чуть побольше. Мне эта идея сразу же пришла не по душе, не нравится она мне и сейчас, а дальше, вероятно, будет нравиться еще меньше. Но пришлось принять. Хорошая старая аксиома Холмса, знаете ли: «Когда мы отбросим невозможное, то, что останется, каким бы невероятным оно ни казалось, и будет истиной». Я, однако, не знал, что так считают и в официальных кругах. И как вы решили поступить?

— Ну, мы постарались изолировать Детей, позаботились об их обучении.

— Н-да, и каким же чудным и полезным подарком для человечества это обернулось, смею сказать! А почему вы так поступили?

— Минуточку! — вмешался в разговор я. — Я опять запутался между буквальным и метафорическим. Вы что, оба всерьез полагаете, что Дети — вроде пришельцев? Что они происходят откуда-то извнеземных пространств?

— Видите! — оживился Зиллейби. — Никакой паники от океана до океана. Здоровый скептицизм. Я же вам говорил!

— Именно так, — ответил мне Бернард. — Это единственная гипотеза, которую мой департамент не смог опровергнуть, хоть материалов у нас было побольше, чем у мистера Зиллейби.

— Ах, — воскликнул Зиллейби, внезапно весь обратившись в слух; вилка с салатом застыла в воздухе. — А не приближаемся ли мы к вопросу о таинственном интересе военной разведки к нашим делам?

— Думаю, теперь уже нет причин удерживать эти сведения, — согласился Бернард. — Я знаю, что вначале вы сами проделали немалую работу, пытаясь разобраться в причинах нашего интереса, мистер Зиллейби. Но, думаю, вам не удалось подобрать к нему ключ.

— И каков же был этот ключ? — спросил Зиллейби.

— Да просто Мидвич не только не единственное, но даже и не первое место, где возник эффект Потерянного дня. Кроме того, в течение трех предшествовавших Дню недель было замечено значительное учащение случаев засечки НЛО нашими радарами.

— Ну, надо же! — воскликнул Зиллейби. — О тщеславие... Тщеславие! Следовательно, помимо нашей существуют и другие группы Детей? Где именно?

Но Бернард явно не хотел, чтобы его торопили, предпочитая вести рассказ по собственному плану.

— Один Потерянный день случился в крошечном поселке в Северной Австралии. Там явно вышла какая-то накладка. Всего было тридцать три беременных, однако все Дети умерли. Большинство — спустя несколько часов после рождения, а самый последний ребенок — в семидневном возрасте.

Затем Потерянный день был отмечен в поселке эскимосов на острове Виктория в северной части Канады. Местные жители хранят молчание о том, что там произошло; надо думать, они так разгневались или испугались, когда стали рождаться дети, столь отличные от родителей, что их сразу же выкинули на мороз. Во всяком случае, никто из них не выжил. И это, между прочим, если сопоставить с историей возвращения наших Детей в Мидвич, показывает, что их способность оказывать «давление» появляется не раньше двухнедельного возраста, так что до этого срока они — индивидуальности. Еще один Потерянный день...

Зиллейби поднял руку.

— Разрешите высказать предположение. Он имел место за «железным занавесом»?

— За «железным занавесом» было два Потерянных дня, насколько нам известно, — поправил его Бернард. — Один вблизи Иркутска, почти на границе с Монголией. Очень мрачное дело. Мужья, решив, что их жены прелюбодействовали с демонами, уничтожили и детей, и матерей. Второе место — еще дальше на восток — называется Гижинск. Лежит в горах к северо-востоку от Охотска. Возможно, были и другие, но мы о них ничего не знаем. Почти с уверенностью можно говорить об аналогичных случаях в Южной Америке и Африке, хотя проверить эти слухи трудно. Аборигены говорят о своих делах неохотно. Кроме того, вполне возможно, что изолированные поселения могли «потерять» день и даже не заметить этого, так что появление Детей не вызывало большого удивления. По доходящим до нас слухам, на таких Детей смотрят как на уродов и убивают, хотя мы не исключаем и того, что некоторых из них матери прячут в укромных местах.

— Как я полагаю, в Гижинске было не так? — ввернул Зиллейби.

Бернард взглянул на него, и краешки губ его дрогнули.

— Похоже, вы ничего не упускаете из виду, Зиллейби? Вы правы, в Гижинске вышло иначе. Потерянный день случился за неделю до Мидвича. Три-четырьмя днями позже мы получили донесение об этом. Русские были очень обеспокоены. И это послужило для нас некоторым утешением, когда начались мидвичские события. Они, надо полагать, тоже в свое время узнали о Мидвиче и вздохнули с облегчением. Между тем наш агент продолжал следить за Гижинском и своевременно доложил нам о странном эффекте — все женщины там оказались беременны. Сначала мы как-то не придали значения этому явлению, оно показалось нам не слишком важным, хотя и любопытным, но, когда поняли, что ситуация в Мидвиче развивается аналогично, — интерес немедленно возрос. Когда же родились Дети, положение русских оказалось лучше, чем наше: они просто-напросто «закрыли» Гижинск — городок в два раза крупнее Мидвича, и поступление информации к нам тут же прекратилось. Мы же «закрыть» Мидвич не могли, нам пришлось работать в иных условиях, и, как мне кажется, вышло это у нас не так уж плохо.

Зиллейби кивнул:

— Понятно. Министерство обороны сделало вид, будто ничего не знает ни о нас, ни о русских. Но если бы выяснилось, что у русских появился целый выводок потенциальных гениев, то было бы не вредно иметь возможность выставить против них свою собственную команду.

— Более или менее так. Ведь то, что Дети необыкновенны, выяснилось очень скоро.

— Я должен был сообразить, — грустно покачал головой Зиллейби. — Мне не пришло в голову, что Мидвич может оказаться не единственным. Но теперь меня посетила иная мысль: должно было произойти какое-то важное событие, заставившее вас раскрыть свои карты. Вряд ли наши дела могли повлечь за собой этот поступок, так что, надо думать, такие события имели место где-то еще, скажем, в Гижинске? Произошло ли там что-нибудь такое, повторения чего можно ожидать и от наших Детей?

Бернард аккуратно положил на тарелку нож и вилку, потом долго внимательно их рассматривал, после чего снова поднял глаза.

— Дальневосточная армия, — заговорил он не торопясь, — недавно получила на вооружение новый тип атомного оружия среднего радиуса поражения — что-то порядка миль пятидесяти—шестидесяти. На прошлой неделе они провели первые полевые испытания. Города Гижинска больше не существует.

Мы так и устали на него. С возгласом ужаса Анжела наклонилась вперед.

— Вы хотите сказать... все они...

Бернард кивнул:

— До единого человека. Весь город. Никого не предупредили, иначе могли бы узнать и Дети. Кроме того, все устроили так, что происшедшее можно списать на ошибку в расчетах, а если потребуется, то и на саботаж. — Он снова помолчал. — Такова официальная версия — и для внутреннего и для внешнего пользования. Мы, однако, получили из русских полуофициальных источников копию донесения, отправленного ими по особым каналам. В нем содержится мало конкретных сведений, но нет сомнений, что оно относится к Гижинску и появилось одновременно с осуществлением акции по уничтожению города. Мидвич в этом обращении даже не упомянут, хотя там есть предостережение, выраженное очень недвусмысленно.

О Детях там говорилось как о группах, представляющих не просто угрозу для страны проживания, но как о реальной

и серьезной опасности для существования всего человечества. Правительства призываются к тому, чтобы без промедления «нейтрализовать» все известные группы. Изложена суть дела очень четко, но чувствуется оттенок паники. В обращении повторяется несколько раз, чтобы все это было сделано быстро и не только ради блага наций или континентов, а именно потому, что Дети — угроза всему человечеству.

Зиллейби изучал узор на тканой скатерти, наконец поднял голову и спросил:

— И какова же позиция военной разведки? Надо полагать, она хочет разобраться, какие козни затевают русские на этот раз?

— Большинство — да, но некоторые — нет, — признался Бернард.

Зиллейби опять поднял глаза.

— С Гижинском разделались на прошлой неделе, не правда ли? В какой именно день?

— Во вторник, второго июля, — ответил Бернард.

Зиллейби опять кивнул, как бы подводя итог своим размышлениям.

— Любопытно, — сказал он. — Но как, хотелось бы понять, об этом узнали наши Дети? .

Вскоре после ужина Бернард объявил, что снова собирается в Грейндж.

— Мне не удалось поговорить с доктором Торрансом, пока там был сэр Джон, а уж после того, что с ним произошло, нам обоим стало не до разговоров.

— Думаю, вы не намерены раскрыть нам свои планы в отношении Детей? — спросила Анжела.

Он сделал отрицающий жест:

— Если бы у меня и были какие-то мысли, они представляли бы собой служебную тайну. А пока я хочу узнать у Торранса, нет ли у него каких-либо предложений, основанных на его опыте и знании Детей. Надеюсь вернуться через час или около того, — добавил он и вышел.

Покинув дом, Бернард автоматически направился к машине, но, уже протягивая руку к дверце, подумал, что небольшая прогулка ему не повредит, и двинулся по дорожке к шоссе.

Сразу же за калиткой какая-то незнакомая дама в голубоватом твидовом костюме взглянула на него, заколебалась,

а затем все же решилась подойти. На ее щеках возник слабый румянец, но приблизилась она решительно. Бернارد снял шляпу.

— Я мисс Лэмб, а кто вы такой, мы всегда знали, полковник Уэсткотт.

Бернارد ответил на ее слова легким поклоном, думая о том, кто же эти «мы». С успехом можно было предположить, что за словом «мы» скрывался весь Мидвич. Бернارد поинтересовался, чем может быть полезен.

— Я к вам насчет Детей, полковник. Что с ними будет?

Он ответил достаточно правдиво, что пока в отношении Детей никакого решения не принято. Она жадно слушала, глаза ее ни на секунду не отрывались от его лица, пальцы, затянутые в перчатки, намертво сцепились.

— Никакой жестокости не допустят, ведь правда? — умоляющим тоном произнесла мисс Лэмб. — О, я знаю, та ночь была ужасна, но это же не их вина! Они еще не ведают, что творят. Вы понимаете, они же совсем маленькие! Я знаю, они выглядят вдвое старше своего возраста, но что с того, правда? Они не хотели зла, которое причинили. Они испугались! А разве мы не испугались бы, явись к нам толпа, которая полна решимости сжечь наш дом? Конечно, испугались бы! Мы имели бы полное право защищаться, и никто не посмел бы нас осудить! Господи, да если бы мужчины пришли в мой дом, я бы стала защищаться первым попавшимся под руку — может быть, даже топором!

Бернارد в этом очень сомневался. Такая картина — маленькая хрупкая женщина, идущая против толпы с топором в руках, — как-то не укладывалась в его голове.

— Уж очень сильное средство они применили, — напомнил он ей мягко.

— Я знаю, но, когда вы молоды и напуганы, очень легко показаться более жестоким, чем вы есть на самом деле. Помню, когда я была ребенком, случалось так, что несправедливость заставляла меня внутренне кипеть. Если бы у меня были силы поступить так, как хотелось, это было бы ужасно, говорю вам, просто ужасно!

— К сожалению, — указал Бернارد, — у Детей есть такая сила, и вы должны согласиться, что применять ее они не имеют права.

— Да, — согласилась мисс Лэмб, — но все будет иначе, когда они подрастут и поймут. Я уверена! Больше они не будут! Люди кругом говорят, что их надо выслать отсюда, но

вы же так не сделаете, правда не сделаете? Они же не злые! Так получилось просто потому, что они испугались! Они раньше не были такими! Если они останутся здесь, мы сможем научить их любви и мягкости, сможем доказать, что люди не хотят им вреда...

Она заглядывала ему в глаза, заламывала руки, слезы готовы были хлынуть в любую минуту.

Бернард ответил ей ничего не выражающим взглядом, поражаясь преданности, позволившей оценить шестерых убитых и много тяжело раненных как результат ребячьей шалости. Он почти ощущал, как в ее мозгу возникает видение обожаемой тонкой фигурки с золотыми глазами, загораживающей весь остальной мир. Она никогда не проклянет, никогда не перестанет любить, никогда не поймет... Это ведь единственное удивительное, волшебное событие за всю ее бесцветную жизнь.

Сердце Бернарда обливало кровью от жалости к мисс Лэмб.

Он смог лишь объяснить ей, что решение находится вне его компетенции, и заверить, стараясь при этом не пробуждать несбыточных надежд, что все, сказанное ею, он включит в свой доклад. Затем он как можно вежливее распрощался и ушел, чувствуя спиной ее встревоженный, укоризненный взгляд.

Деревушка, по улице которой сейчас проходил Бернард, выглядела сонной и притихшей. Надо полагать, думал он, чувство протеста на установление Детьми блокады весьма сильно, но те немногие жители, которых он видел, за исключением нескольких беседующих пар, явно занимались сугубо личными делами. Единственный полисмен, патрулировавший сквер, зевал от скуки. Первый урок, преподанный Детьми и заключающийся в том, что собираться толпой опасно, очевидно, был усвоен прочно. Это был серьезный шаг к диктатуре — неудивительно, что русским так не понравился ход дел в Гижинске.

Пройдя яров двадцать по Хикхэм-лейн, Бернард набрел на двух Детей. Они сидели на обочине и смотрели на небо куда-то в западном направлении с таким вниманием, что даже не заметили, как он подошел.

Бернард остановился, посмотрел в ту сторону, куда были направлены их взгляды, и тут же услышал звук реактивного самолета. Самолет был хорошо виден — серебристый абрис на синем летнем небе, где-то на высоте пяти тысяч футов.

В тот самый момент, когда Бернард его увидел, под брюхом самолета возникло несколько черных точек. Затем появились белые купола парашютов — пять штук, которые плавно спускались вниз. Самолет же продолжал лететь дальше.

Бернард перевел взгляд на Детей как раз в то мгновение, когда они обменивались довольными улыбками. Он опять взглянул вверх на самолет и на пять медленно опускающихся куполов. Он не очень разбирался в самолетах, но был уверен, что это легкий бомбардировщик дальнего радиуса действия, обычно имеющий на борту экипаж из пяти человек. Он снова посмотрел на Детей, и тут они его заметили.

Все трое некоторое время рассматривали друг друга, а бомбардировщик продолжал гудеть где-то над головой.

— Между прочим, — заговорил Бернард, — машина была очень дорогая. Кое-кто сильно рассердится, когда узнает, что с ней случилось.

— Это предупреждение. Но им, вероятно, предстоит потерять еще несколько самолетов, прежде чем они поймут, в чем тут дело, — сказал мальчик.

— Вероятно. В ваши способности поверить не так-то легко. — Он помолчал, продолжая наблюдать за Детями. — Вам не нравится, когда они над вами летают, верно?

— Да, — согласился мальчик.

Бернард понимающе кивнул:

— Это я могу понять. Но скажите мне, почему вы всегда в качестве предупреждения прибегаете к столь сильным мерам? Разве нельзя было просто развернуть самолет?

— Но ведь мы могли и заставить его рухнуть вниз, — ответила девочка.

— Думаю, да. Мы должны быть признательны, что вы так не поступили. И все же нужный эффект был бы достигнут и в случае, если бы вы повернули его назад. Так? Почему же вы столь жестоки?

— Так эффективнее. Нам пришлось бы завернуть множество самолетов, прежде чем поверили бы, что это делаем мы. А если они будут терять самолет каждый раз, когда тот пролетает над нами, им придется отреагировать, — объяснил мальчик.

— Понятно. Предполагаю, что та же аргументация годится и для событий прошлой ночи? Если бы вы просто отослали толпу прочь, предупреждение выглядело бы не таким эффективным? — предположил Бернард.

— А вы думаете иначе? — спросил мальчик.

— Мне кажется, все зависит от того, как это сделано. Уверен, что не было нужды заставлять людей сражаться между собой с такой яростью. Я хочу сказать, что если смотреть на вещи практически, то с политической точки зрения неразумно делать каждый раз лишний шаг, который только усиливает неприязнь и ненависть к вам.

— Ну и страх тоже, — указал мальчик.

— О, так вы хотите нагнать на нас страху? Зачем?

— Только затем, чтобы вы оставили нас в покое, — ответил ребенок. — Это ведь лишь перемирие, а не конец. — Его золотые глаза были обращены на Бернарда, а взгляд — тверд и серьезен. — Рано или поздно вы попытаетесь нас убить. Как бы мы себя ни вели, вы все равно захотите стереть нас с лица Земли. Наши позиции могут быть укреплены лишь в том случае, если мы перехватим инициативу.

Мальчик говорил спокойно, но его слова с легкостью пробивали броню роли, разыгрываемой сейчас Бернардом. Каким-то внутренним оком он различал в словах мальчика, казавшегося шестнадцатилетним, голос совершенно взрослого человека.

— На минуту, — рассказывал нам позже Бернард, — это меня ошеломило. Никогда в жизни я еще не был так близок к панике, как в это мгновение. Комбинация из взрослого и ребенка казалась мне исполненной устрашающего смысла, угрожающего самому фундаменту установившегося порядка вещей... Сейчас это выглядит мелочью, но тогда было откровением и, клянусь Богом, привело меня в ужас. Внезапно я прозрел — вся их двойственность заключалась в том, что индивидуально это были дети, коллективно — взрослые. Они говорили со мной, приноравливаясь к моему уровню.

Бернарду потребовалось время, чтобы взять себя в руки. Потом он вспомнил сцену с начальником полиции, которая тоже ужаснула его, но в каком-то ином, гораздо более элементарном плане. Он внимательно всмотрелся в мальчика.

— Ты Эрик?

— Нет. Иногда я бываю Джозефом. Но сейчас я — мы все. Нам нужно поговорить с вами.

Бернард уже полностью овладел собой, не торопясь присел на обочину с детьми и заговорил с нарочитой серьезностью:

— Обвинения в намерении убить вас кажутся мне преувеличением. Разумеется, если вы будете продолжать так,

как начали себя вести в последние дни, мы возненавидим вас и отомстим вам, или, вернее сказать, нам придется защищать себя от вас. Однако, если вы измените свое поведение, — что ж, тогда посмотрим. Неужели вы так сильно ненавидите нас? Если нет, тогда какое-нибудь сосуществование, я уверен, вполне возможно.

Он посмотрел на мальчика, все еще питая слабую надежду, что с ним надо разговаривать попроще, как обычно говорят с детьми. Но тот быстро развеял иллюзии Бернарда. Он покачал головой и ответил:

— Вы рассуждаете не на том уровне. Вопрос стоит не о любви или ненависти. Они тут вообще ни при чем. И переговорами этот вопрос тоже не решается. Тут дело в биологической необходимости. Вы не можете себе позволить не убить нас, так как, если вы этого не сделаете, вы обречены... — Мальчик выдержал паузу, как бы давая Бернарду время оценить значение этих слов, а затем продолжил: — У проблемы есть еще и политическая сторона, требующая немедленного решения, причем последнее должно приниматься на базе логики. Уже сейчас ваши политики, которые знают о нашем существовании, вероятно, обсуждают вопрос, не принять ли им решение по русскому образцу.

— О, значит, вам известно о русских?!

— Да, конечно. Пока Дети в Гижинске были живы, нам не приходилось бояться за себя, но, когда они погибли, возникли два следствия: во-первых, нарушился баланс сил, а во-вторых, пришло понимание, что русские не решились бы на нарушение этого баланса, если бы не были абсолютно уверены в том, что колония Детей сулит не выгоды, а одни убытки.

Биологическую необходимость отрицать невозможно. Русские подчинились ей, исходя из политических мотивов, как наверняка захотите сделать и вы. Эскимосы подчинились ей, исходя из примитивного инстинкта. Результат тот же.

Вам, однако, будет труднее. Русским, когда они решили, что Дети Гижинска не пригодны для использования в разрабатываемом проекте, найти правильное решение было легко. В России ведь человек существует лишь для службы государству. Стоит ему поставить себя выше интересов государства — он уже предатель, а обязанность общества — защищать себя от предателей, будь то индивидум или группа людей. Следовательно, в этом случае биологический долг и политический долг совпадают. И если неизбежно, чтобы какое-то число ни в чем не повинных, но случайно

вовлеченных в это дело людей погибло, что ж, ничего не поделаешь: их обязанность — умереть ради своего государства.

Но вам эта проблема представляется куда менее ясной. Не только потому, что ваше стремление выжить обросло множеством условностей; у вас еще распространена весьма неудобная для вас же идея, что государство существует, чтобы служить людям, создавшим его. Поэтому вашу совесть будет грызть мысль, что у нас тоже есть «права».

Первый, самый острый момент опасности для нас прошел. Он возник, когда вы впервые слышали о русской акции в отношении Детей. Решительный человек мог бы быстро организовать «несчастный случай» и в Мидвиче. Вас устраивала возможность скрытно содержать нас здесь, а нас устраивала возможность быть спрятанными, так что с «несчастливым случаем» особых затруднений не возникло бы. Теперь, однако, уже поздно. Люди, которые лежат в больнице Трайна, надо думать, рассказывают о нас. Прошлая ночь вообще должна была вызвать массу слухов, распространившихся по всей округе. Шансов создать видимость «несчастливого случая» больше нет. Так как же вы намерены поступить, чтобы ликвидировать нас?

Бернард покачал головой.

— Послушайте, — сказал он, — попробуйте представить себе, что мы способны рассматривать ситуацию с более цивилизованных позиций — вы же все-таки находитесь в стране, которая известна своей способностью находить компромиссные решения. Я не убежден, что вы поступаете правильно, когда с легкостью отмахиваетесь возможность соглашения. История научила Великобританию быть более терпимой по отношению к меньшинствам, чем другие страны...

На этот раз ответ последовал от девочки.

— Цивилизованность ту ни при чем, — сказала она. — В сущности, дело очень простое. Если мы существуем — мы подчиняем вас, это ясно и неизбежно. Согласитесь ли вы на положение людей второго сорта и станете ли без борьбы на путь, ведущий к вымиранию? Вряд ли вы настроены столь декадентски, что примете такой вариант. А тогда — политически — вопрос стоит так: может ли любое государство, как бы оно ни было терпимо, позволить существовать непрерывно нарастающему мощь меньшинству, контрролировать действия которого оно не в состоянии? Ответ очевиден: не может.

Тогда как же вы поступите? Логично предположить, что мы будем в безопасности на время, пока ведутся ваши собственные дебаты. Самые примитивные из вас — ваши массы — будут руководствоваться темными инстинктами, пример которых мы уже видели прошлой ночью, и начнут охотиться на нас с целью уничтожить. Ваши более либеральные, ответственно мыслящие и религиозные круги будут встревожены этической стороной проблемы. Против применения любых жестких мер выступят ваши истинные идеалисты, а за ними потянутся ваши псевдоидеалисты. У вас ведь хватает людей, рассматривающих идеалы как своего рода премию вроде страховки, готовых переложить на плечи потомков и рабство, и нужду только ради того, чтобы самим предстать у райских врат с репутацией несгибаемых защитников высоких принципов.

Потом еще есть ваше консервативное правительство, тупо сопротивляющееся, когда его подталкивают к рассмотрению жестких мер, направленных против нас. И есть еще «левые», которые воспользуются шансом нажать партийный капитал и спровоцировать отставку правительства. Они будут защищать наши права, как права угнетенного меньшинства, как права детей и так далее. Их лидеры будут пылать праведным гневом, выступая в нашу защиту. Они без всякого референдума заявят, что представляют собой Справедливость, Сострадание и Большое Сердце Народа. Потом-то кое-кто из них поймет всю серьезность проблемы, поймет, что если они начнут форсировать проведение новых выборов, то может произойти раскол между проводниками официальной партийной политики Большого Народного Сердца и рядовыми членами партии, чей страх перед нами превратит их во фракцию трусов. Тогда вопли насчет абстрактной справедливости и попыток заткнуть рты ее поборникам заметно поутихнут...

— Судя по всему, ты не слишком уважаешь наши общественные институты, — прервал ее Бернард.

Девочка пожала плечами.

— Как безраздельно доминирующий вид планеты, вы могли позволить себе потерять чувство реальности и забавляться абстракциями, — ответила она. — Пока все эти люди будут ожесточенно препираться, до многих из них дойдет, что проблема взаимодействия с гораздо более развитым биологическим видом отнюдь не так проста и что она становится со временем все более сложной. Тогда неизбежно возникнут попытки расправиться с нами. Однако прошлой

ночью мы уже показали, что случится с солдатами, если вы бросите их против нас. Если вы пошлете самолеты, они разобьются. Ладно, вы вспомните, как это сделали русские, вспомните об артиллерии и управляемых ракетах, чья электроника нам неподвластна. Но если вы примените их, вы убьете не только нас. Вам придется уничтожить всех жителей Мидвича. Так что даже на обдумывание этой акции вам потребуется немало времени, а если она будет осуществлена, то какое правительство в этой стране сумеет пережить массовое убийство безвинных, даже оправданное ссылками на высокую социальную окупаемость этого мероприятия? Партия, которая санкционировала бы такое дело, не только стала бы политическим трупом, но, даже если бы действия по ликвидации опасности оказались успешными, ее лидеров линчевали бы на месте во имя справедливости и искупления.

Она умолкла, и тогда снова заговорил мальчик:

— Детали могут не совпадать, но что-то в этом роде неизбежно будет происходить по мере того, как информация об угрозе, вызванной нашим существованием, начнет становиться всеобщим достоянием. Возможна даже такая курьезная ситуация, когда обе ваши партии будут бороться между собой за то, чтобы потерпеть поражение на выборах, лишь бы не формировать правительство, которому придется принимать меры против нас. — Он замолчал, долгим взглядом окидывая лежащий перед ним мирный сельский пейзаж, и добавил: — Таково реальное положение вещей. Ни ваши, ни наши желания здесь роли не играют, хотя можно, пожалуй, сказать, что обеим сторонам даровано лишь одно стремление — выжить. Мы все, как видите, игрушки в руках жизни. Стремление выжить сделало вас многочисленными, но умственно недоразвитыми; оно же сделало нас могучими в умственном отношении, но слабыми физически. Теперь мы стоим друг против друга, и нам не дано знать, чем все это завершится. Жестокая ситуация для обеих сторон, но очень, очень древняя. Жестокость так же стара, как сама жизнь.

Да, мы видим робкие признаки смягчения жестокости — юмор и сострадание. Они-то, пожалуй, и есть важнейшие изобретения человеческого гения, но корни их пока очень слабы, хотя и обещают многое. — Он опять помолчал и улыбнулся. — Это мысль Зиллейби — нашего первого учителя, — заметил он как бы в скобках. — Стремление выжить, однако, куда сильнее этих чувств, так что кровавые игры вряд ли отменяются...

Тем не менее нам кажется возможным по меньшей мере отсрочить наступление острой стадии конфликта. Об этом мы и хотим с вами поговорить...

ГЛАВА 20

УЛЬТИМАТУМ

— Это, — заявил с упреком Зиллейби золотоглазой девочке, усевшейся на ветке дерева, что росло рядом с тропинкой, — это есть не что иное, как неоправданное ограничение моего права на передвижение. Вы прекрасно знаете: я в это время постоянно гуляю и так же постоянно возвращаюсь домой пить чай. Тиранию можно легко превратить в дурную привычку. Кроме того, у вас в качестве заложника остается моя жена.

Девочка, видимо, обдумала сказанное и сунула за щеку большой леденец.

— Ладно, мистер Зиллейби, — кивнула она.

Зиллейби сделал шаг вперед. На этот раз ничто не помешало ему переступить невидимый барьер, который только что задержал нас.

— Благодарю вас, милая, — проговорил он, вежливо склоняя голову. — Идемте, Гейфорд.

Мы двинулись в лес, оставив часового сидеть над тропой, лениво болтая ногами и наслаждаясь леденцом.

— Одним из интереснейших аспектов этой истории можно считать вопрос разграничения между коллективом и индивидуальностью, — заметил Зиллейби. — В определении этой границы мне далеко продвинуться не удалось. Наслаждение девочки леденцом носит бесспорно индивидуальный характер, вряд ли это удовольствие она разделяет с остальными. Данное нам разрешение переступить через барьер — явно коллективное решение, равно как и сам приказ, который нас остановил. И поскольку этот разум коллективен, то как быть с впечатлениями, которые он получает? Например, чувствуют ли все Дети вкус леденца, который сосет девочка? Вероятно, нет. Тем не менее все они должны знать о существовании леденца, а может быть, даже и об особенностях его вкуса! Аналогичная проблема возникает, когда я показываю им фильмы или читаю лекции. В теории, если в аудитории находятся двое — мальчик и девочка, — все остальные разделяют с ними полученный опыт. На этом основана разработанная для них организация обучения. Но

на практике, когда я прихожу в Грейндж, зал всегда бывает полон.

Насколько я понимаю, когда я кручу фильм в присутствии двух представителей противоположных полов, все остальные также воспринимают его, однако можно предположить, что при передаче часть ощущений, воспринимаемых зрением, теряется, а поэтому они предпочитают видеть все собственными глазами. Очень трудно побудить Детей рассказывать об этих способностях, но, кажется, индивидуальное восприятие картины передается остальным все же лучше, чем индивидуальные ощущения от сосания леденца. Все это вызывает, естественно, целый ряд вопросов...

— Могу себе представить, и все же эти вопросы, так сказать, аспирантского уровня. Что до меня, мне для начала хотелось бы выяснить причину их пребывания на Земле.

— О, — отозвался Зиллейби, — полагаю, причина эта стара как мир. Ведь то же самое касается и нашего пребывания тут.

— Не могу согласиться. Мы же возникли здесь, на Земле, а вот откуда тут появились Дети — неясно.

— Уж не собираетесь ли вы принимать теории за бесспорные факты, дорогой друг? Широко бытует представление, что мы зародились тут, и чтобы поддержать это представление, сделано предположение, будто когда-то существовал некто, кто был нашим прародителем и одновременно прародителем человекообразных обезьян, то есть тот, кого наши деды называли «исчезнувшим звеном». Однако нет сколько-нибудь надежного доказательства, что подобный некто существовал в действительности. А что касается «исчезнувшего звена», то, Господи Боже мой, представление, о котором я говорил, фактически состоит из одних исчезнувших звеньев, прошу извинить меня за плохой каламбур!

Можете вы, например, объяснить разнообразие человеческих рас с точки зрения существования этого единственного звена? Я, как бы ни напрягался, не могу. Не могу я представить и на более позднем этапе кочующее существо, которое порождает генетические линии, обладающие столь устойчивыми и отчетливыми расовыми признаками. На островах это еще могло произойти, но на континентах — никогда. На первый взгляд какое-то воздействие мог иметь климат, но тут же в голову приходит мысль, что монголоидные черты одинаковы от экватора до Северного полюса. Подумайте также о бесчисленных промежуточных типах, которые должны были бы существовать, а также о ничтожно

малом количестве обнаруженных ископаемых останков. Подумайте о числе поколений, которое нам пришлось бы отсчитать, чтобы проследить белокожих, чернокожих, краснокожих и желтокожих к их общему предку, и вы придете к выводу, что там, где должны были бы остаться неисчислимые палеонтологические свидетельства этого процесса, имеется почему-то лишь огромное «белое пятно». Господи, да об истории развития рептилий мы знаем больше, чем об истории развития человека! Много-много лет назад мы уже составили полное эволюционное генеалогическое древо лошади. Если бы подобное было возможно для отражения эволюции человека, это давно бы сделали. А что у нас есть? Всего лишь несколько — поразительно мало — разрозненных кусочков! Никто не знает, где и как они ложатся в общую картину эволюции человека, по той простой причине, что никакой общей картины и нет, а есть лишь одно предположение. Эти кусочки так же чужды нам, как мы — Детям.

В течение часа или около того я внимал разглагольствованиям по поводу обрывистой и туманной филогении человечества, каковую Зиллейби закончил извинением за примитивность изложения предмета, который никак не может быть уложен в ту полудюжину предложений, кои он только что попытался мне сформулировать.

— Надеюсь, — закончил он, — вы все же усвоили, что широко распространенное представление имеет куда больше лакун, чем твердо установленных фактов.

— Но если отбросить его, то что же останется? — спросил я.

— Не знаю, — сознался Зиллейби. — Но я отказываюсь принимать на веру плохую теорию только потому, что лучшей нет, и не считаю, что отсутствие доказательств — надежный аргумент для отрицания какой-либо другой теории, от кого бы это отрицание ни исходило. В результате я не расцениваю появление Детей как нечто более удивительное, чем существование разнообразных человеческих рас, которые, на мой взгляд, возникли уже полностью сформировавшимися или, во всяком случае, без четкой истории своего происхождения.

Столь жиденький вывод был настолько не характерен для Зиллейби, что я заподозрил наличие у него собственной теории.

Зиллейби покачал головой.

— Нет, — заскромничал он. Потом добавил: — Конечно, человек не может не думать... Боюсь только, что получается нечто совсем уж бездоказательное и далеко не всегда приемлемое даже для самого мыслителя. Например, для такого заядлого рационалиста, как я, крайне тревожно обнаружить вдруг, что ты начинаешь думать о существовании некой высшей силы, распоряжающейся у нас на Земле. Когда я размышляю о нашем шарике, мне начинает казаться, что в нем все более отчетливо проступают черты какого-то очень плохо организованного испытательного полигона. В общем, места, где то и дело на свободу выпускаются новые генетические линии, чтобы посмотреть, как будут они себя вести в нашем развале и беспределе. Наверно, наблюдение за тем, как подопытные существа реагируют на заданные им параметры, должно очень развлекать Изобретателя. Он изучает, удалось ли ему на этот раз произвести на свет безупречного разрывателя-на-части или же у него получился очередной разрываемый-на-кусочки. Он любит прогрессом более ранних моделей и видит, что они весьма преуспели в превращении жизни в кромешный ад для других обитателей планеты... Ах, я же говорю вам, что размышления никогда не укрепляют базу для оптимизма. Вы со мной согласны?

— Как мужчина мужчине, скажу вам, Зиллейби, что вы не только много болтаете, но еще и несете при этом уйму чепухи, которой иногда умудряетесь придать видимость здравого смысла. Случается, это здорово сбивает слушателя.

Зиллейби обиделся.

— Мой дорогой друг, я всегда говорю разумно! В социальном смысле это и есть мой главный недостаток. Надо же уметь различать форму и содержание. Вы что, предпочитаете высказывания с такой монотонно-догматической напористостью, которую наши слабоумные сограждане принимают, прости их Господи, за гарантию искренности? Даже если бы я попытался следовать подобной манере, все равно в первую очередь надо было бы оценивать содержание.

— Хотелось бы мне знать, — сказал я упрямо, — когда вы сокрушаете идею эволюции человека, имеете ли вы что-то взамен?

— Значит, мои размышления насчет Изобретателя вам не понравились? Мне — тоже, и даже очень. Но, по крайней мере, у этой гипотезы есть существенное достоинство — она не менее невероятна, зато гораздо более содержательна, нежели многие религиозные догматы. А когда я говорю

«Изобретатель», это вовсе не означает, что я имею в виду какое-то лицо. Гораздо более вероятна научная группа. Мне кажется, если бы группа наших биологов и генетиков выбрала для своих опытов какой-нибудь отдаленный остров, они обнаружили бы много интересного и поучительного, наблюдая за поведением своих подопечных в условиях острого экологического кризиса. А что такое планета, как не остров в космосе? Однако моя умозрительная спекуляция слишком далека от того, чтобы стать теорией...

Наш обходной путь вывел нас на дорогу в Оппли. Подходя к Мидвичу, мы увидели, как с Хикхэм-лейн вышел какой-то человек, по-видимому, пребывающий в глубокой задумчивости, и пошел впереди нас. Зиллейби окликнул его.

Бернард с трудом отвлекся от своих мыслей, остановился и подождал нас.

— У вас такой вид, — заметил Зиллейби, — что можно предположить, будто доктор Торранс вам решительно ни в чем не помог.

— До Торранса я так и не добрался, — объяснил Бернард. — А теперь, видимо, вообще нет смысла его беспокоить. Я тут разговорился с парочкой ваших Детишек.

— Значит, не с парочкой, — мягко поправил его Зиллейби. — Разговор может вестись лишь с коллективом мальчиков, с коллективом девочек или с обеими коллективными личностями одновременно.

— Ладно. Поправка принята. Итак, я разговаривал со всеми Детьми, во всяком случае, я так считаю, хотя мне показалось, что в стиле разговора как мальчика, так и девочки весьма сильно ощущался привкус манер известного нам Зиллейби.

Зиллейби выглядел весьма польщенным.

— Учитывая, что мы с ними нечто вроде льва с ягненком, мой контакт можно считать вполне удовлетворительным. Контакты на базе образования вообще весьма продуктивны, — сказал он. — Ну и как вы с ними поладили?

— Не думаю, что слово «поладили» точно отражает ситуацию, — ответил ему Бернард. — Меня информировали, мне прочли нотацию, мне дали поручение. Под конец же на меня возложили обязанность вручить ультиматум.

— Вот как! Кому же?

— Я, знаете ли, сам не уверен, кому именно. Грубо говоря, тому, кто может обеспечить Детей воздушным транспортом.

Зиллейби поднял брови:

— И куда же?

— Они не сообщили. Куда-то, где они, как я понимаю, будут избавлены от притеснений.

И Бернард познакомил нас с сокращенным вариантом аргументации Детей.

— В общем, все сводится вот к чему, — говорил Бернард. — Дальнейшее их пребывание в Мидвиче приобретает характер вызова властям, что не может продолжаться долго. Присутствие Детей нельзя игнорировать, но любое правительство, которое попытается как-то с ними взаимодействовать, взвалит на себя огромный груз политических тягот, если такое взаимодействие состоится, и ничуть не меньший, если оно не состоится. Сами Дети не собираются переходить в атаку и даже не хотели бы находиться в состоянии перманентной самообороны...

— Естественно, — промурлыкал Зиллейби, — в данный момент у них одно желание — выжить, чтобы потом господствовать.

— ...поэтому в интересах обеих сторон снабдить их средствами для эвакуации.

— Что означало бы, что они одержали победу, — прокомментировал Зиллейби.

— А с их точки зрения, ведь, пожалуй, рискованно всем оказаться в одном самолете... — вмешался я.

— О, поверьте, это-то они продумали! Они предусмотрели уйму деталей. Самолетов должно быть несколько. В их распоряжение передается взвод техников для проверки состояния машин, поиска бомб с часовым механизмом и прочих подобных приспособлений. Должны быть выданы парашюты, большая часть которых будет испытана по их выбору. Ну, и еще множество других условий. Они мгновенно учли все значение событий в Гижинске, учли куда быстрее нашего начальства. И не собираются пускать дело на самотек, боясь применения силы.

— Гм-м, — сказал я. — Ничего себе порученьице. Я тебе не завидую. А какова альтернатива?

Бернард пожал плечами:

— Никакой. Хотя, возможно, слово «ультиматум» тут тоже не вполне подходит. Требование — так, пожалуй,

будет точнее. Я сказал Детям, что меня вряд ли кто-нибудь воспримет серьезно. Они ответили, что предпочитают испытать сначала этот вариант — он сулит меньше неприятностей, если будет проводиться под покровом секретности. Если же из моей попытки ничего не выйдет, а совершенно ясно, что один я могу оказаться бессильным, тогда они предложат, чтобы во втором туре меня сопровождали двое Детей.

После того как нам на примере начальника полиции было наглядно продемонстрировано, что такое «давление», эта перспектива у меня особых восторгов не вызывает. Не вижу причин, которые смогли бы удержать Детей от применения силовых приемов на каждом новом уровне ведения переговоров, а если это покажется им необходимым, то и на самом верху. А что их может остановить?

— Да, уже некоторое время назад можно было предвидеть, что нечто подобное столь же неотвратимо, как смена времен года, — проговорил Зиллейби, пробуждаясь от своих раздумий. — Я не ожидал только, что все произойдет так быстро. Да, думаю, прошли бы еще многие годы, если бы русские не поторопили события. Все идет куда быстрее, чем того хотели бы сами Дети. Они знают, что еще не готовы к борьбе. Вот почему они горят желанием отправиться куда-то, где смогут подрасти, не встречая сопротивления.

Итак, перед нами моральная проблема, требующая величайшей осторожности в подходе. С одной стороны, долг перед человечеством, перед нашей культурой требует уничтожить Детей, ибо ясно, что, если этого не сделать, мы в лучшем случае попадем в положение угнетаемого вида и их культура, какой бы она ни была, вытеснит нашу, а потом и устранил ее вообще.

С другой стороны, именно наша культура отвращает нас от безжалостного истребления безоружного меньшинства, не говоря уже о наличии практических трудностей при реализации такого решения. С третьей — о Господи, как тяжело формулировать! — с третьей стороны, позволить Детям переложить проблему, которую они представляют, на территорию и плечи другого народа еще хуже — это просто трусость и желание любой ценой избежать моральной ответственности.

Невольно примитивных уэллсовских марсиан вспоминаешь просто с завистью. Мы в ужасной ситуации, где ни одно решение нельзя считать высокоморальным.

Бернард и я выслушали эту речь в полном молчании. Потом я почувствовал себя обязанным хоть что-то сказать:

— Все это представляется мне мастерским изложением сути самой скользкой проблемы, с которой когда-либо сталкивались в прошлом философы.

— Вы не правы, конечно, — запротестовал Зиллейби, — в затруднительных положениях, где все выходы аморальны, единственная возможность — действовать в интересах большинства. Следовательно, Дети должны быть ликвидированы с наименьшими социальными потерями и безотлагательно. Мне крайне тяжело дается такое заключение. За девять лет я к ним сильно привязался. И, несмотря на то, что говорит моя жена, мне кажется, что мои отношения с ними приближаются к дружеским — насколько это возможно. — Он выдержал длительную паузу и печально покачал головой. — Да, этот шаг — единственно верный. Но, конечно, наши власти не смогут сделать его, за что я лично благодарю Господа Бога, так как практически не вижу способа, который не повлек бы за собой гибели всех живущих в деревне. — Зиллейби остановился и оглядел панораму Мидвича, тихо нежащегося в послеполуденном солнце. — Я уже старик, мне в любом случае жить осталось недолго, но у меня есть жена, куда более молодая, и совсем маленький сын. Поэтому хочется думать, что принятие решения затянется на достаточно долгий срок. Власти, полагая, будут сопротивляться, но, если Дети решили покинуть Мидвич, они уедут. Гуманизм восторжествует над биологическим долгом. Что это такое — порядочность? декаданс? Кто знает. Ясно одно — день ужаса отодвинется. Вот только на сколько?

Когда мы вернулись в Кайл-мэнор, чай уже был готов. Чаепитие на этот раз вышло коротким. Выпив чашку, Бернард встал из-за стола и распрощался с четой Зиллейби.

— Оставаясь тут, я ничего нового не узнаю, — вздохнул он. — Чем скорее я передам требования Детей своим удивленным начальникам, тем больше шансов, что дело сдвинется с мертвой точки. Ничуть не сомневаюсь, что ваши аргументы в отношении Детей верны, мистер Зиллейби, однако лично я буду бороться за то, чтобы они убрались из нашей страны куда угодно и как можно скорее. Я за свою жизнь перевидал немало гнусностей, но ничто не произвело

на меня столь сильного впечатления, как мгновенная расправа с начальником полиции. Вас, разумеется, я постараюсь держать в курсе событий. — Он взглянул на меня. — Едешь со мной, Ричард?

Я колебался. Джанет все еще была в Шотландии, и ей предстояло появиться не раньше чем через пару дней. В Лондоне ничто не требовало моего присутствия, а мидвичская проблема казалась куда интереснее всего, что мог предоставить мне Лондон.

Анжела заметила мои колебания.

— Оставайтесь, если хотите, — предложила она. — Думаю, мы с мужем в такое время будем только рады гостю.

Я чувствовал, что она говорит искренне, и принял приглашение.

— Кроме того, — обратился я к Бернарду, — мы не знаем, включает ли твой новый статус право на компаньона. Если я поеду с тобой, мы, вероятно, обнаружим, что я все еще под запретом.

— Ох, уж этот чудовищный запрет, — поморщился Зиллейби. — Я должен серьезно потолковать с ними — это совершенно абсурдная паническая мера.

Мы проводили Бернарда до дверей и посмотрели, как он тронул машину, помахав нам рукой.

— Что ж, этот гейм Дети выиграли, — опять заговорил Зиллейби, когда автомобиль полковника исчез за поворотом. — А с ним, возможно, выиграют и весь сет... только чуть позже. — Он еле заметно пожал плечами.

ГЛАВА 21

ЗИЛЛЕЙБИ — МАКЕДОНИЯНИН

— Дорогая, — сказал Зиллейби, глядя через обеденный стол на жену, — если ты случайно выберешься этим утром в Трайн, может, ты купишь там большую банку леденцов «Бычий глаз»?

Анжела переключила свое внимание с тостера на мужа.

— Милый, — заявила она без особой нежности в голосе, — во-первых, если ты поднатужишься и вспомнишь, что было вчера, то поймешь, что никакой возможности поехать в Трайн нет. Во-вторых, я совершенно не горю желанием снабжать Детей сладостями. В-третьих, если ты предполагаешь пойти в Грейндж и показывать там свои фильмы сегодня вечером, то я решительно возражаю.

— Запрет на выезд снят, — ответил Зиллейби. — Вчера вечером я разъяснил им, как это глупо и нерационально. Их заложники все равно не смогут сбежать всем скопом без того, чтобы известие об этом не дошло до них через мисс Лэмб или мисс Огл. А сколько именно будет заложников, совершенно неважно — половина или четверть жителей образуют такой же прочный щит, как и все население. Более того, я объявил им, что отменю свою лекцию по Эгейскому архипелагу, если половина из них будет отсутствовать из-за своей постовой службы, валяя дурака на дорогах и тропинках.

— И они согласились? — спросила Анжела.

— Разумеется. Они, знаешь ли, вовсе не глупы. И прекрасно разбираются в аргументации, если она разумна.

— Вот как! После всего, что мы тут перенесли...

— Но это действительно так! — запротестовал Зиллейби. — Только когда они нервничают или испуганы, Дети делают глупости, но разве мы в подобных ситуациях поступаем иначе? А поскольку они совсем юные, их поступки несоразмерны намерениям, но разве не все в юности поступают так же? Кроме того, они встревожены, взвинчены, а разве мы не были бы взвинчены и встревожены, если бы над нами висел кошмар того, что произошло в Гижинске?

— Гордон! — воскликнула миссис Зиллейби. — Я просто отказываюсь понимать тебя. Дети повинны в смерти шести человек. Они убили их. И все это наши знакомые, а сколько еще покалеченных, причем сильно! В любой момент то же самое может произойти и с каждым из нас. А ты их защищаешь?!

— Конечно, нет, родная. Я просто объясняю тебе, что в случае опасности они делают ошибочные шаги, оберегая собственные жизни. Им это известно, и они нервничают, совершая ошибку за ошибкой, решив, что время уже наступило.

— Значит, мы должны сказать им: «Нам очень жаль, что вы по ошибке убили шестерых. Давайте забудем об этом»?

— А что предлагаешь ты? Предпочитаешь возбуждать в них чувство антагонизма? — спросил Зиллейби.

— Конечно, нет, но если закон, как ты доказываешь, не может быть к ним применен, — хотя я никак не возьму в толк, какая польза от законов, раз они не берут в расчет то, что известно каждому, — и дела действительно обстоят таким образом, это вовсе не значит, что мы должны ни на

что не обращать внимания и делать вид, будто ничего не случилось. Санкции могут быть не только правовыми, но и нравственными.

— Я бы на твоём месте был осторожнее, дорогая. Нам только что продемонстрировали, что санкции с позиции силы губительны для обеих сторон, — серьёзно ответил Зиллейби.

Анжела поглядела на него с удивлением.

— Гордон, я тебя не понимаю, — повторила она. — Мы с тобой о многом судим совершенно одинаково. У нас одни принципы, но сейчас я тебя не узнаю. Нельзя же игнорировать то, что произошло. Это было бы все равно что простить преступление.

— Ты и я, родная, пользуемся разными мерками. Ты судишь, исходя из социальных стандартов, и обнаруживаешь преступление. Я подхожу с позиций межвидовой борьбы и нахожу не преступление, а жуткую первозданную необходимость. — Тон, которым были сказаны последние слова, совсем не походил на обычный тон Зиллейби, что заставило нас пристально взглянуть в выражение его лица — в выражение лица человека, чья ирония и точность формулировок придавали «Трудам» гораздо большую весомость, чем мог воспринять поверхностный читатель, дилетантски схвативший лишь жонглирование словами. Впрочем, он тут же опустил забрало: — Мудрый ягненок никогда не станет дразнить льва, ягненок постарается умиротворить его, выиграть время и тем самым сохранит надежды на лучшее. Дети любят «Бычий глаз» и ждут леденцов с нетерпением.

Его глаза встретились с глазами Анжелы, и, казалось, они не могли оторваться друг от друга. Я видел, как недоумение и боль уходят из ее взора, уступая место вере и такому отчаянию, что мне стало страшно.

Зиллейби обратился ко мне:

— Боюсь, кой-какие дела требуют моего присутствия тут сегодня утром, дружище. Может быть, вы захотите проверить, снята ли блокада, и отвезете Анжелу в Трайн?

Когда мы незадолго до ленча вернулись в Кайл-мэнор, я нашел Зиллейби в кресле на кирпичной площадке перед верандой. Он не слышал, как я подошел, и, пока я рассматривал его, меня поразила происшедшая в нем перемена. За завтраком Зиллейби выглядел куда моложе и

сильнее. Сейчас это был старый и усталый человек, можно даже сказать, просто старик, каким я его раньше и вообразить бы не смог. Чувствовалось в этом дремлющем человеке с шелковистой снежно-белой шевелюрой, которой играл легкий ветерок, со взглядом, направленным на что-то лежащее далеко-далеко за горизонтом, нечто вневременное, вечное.

При скрипе моих туфель на кирпичном полу он мгновенно изменился. Исчезла апатия, пропало куда-то отсутствующее выражение глаз, и в лице, повернувшемся ко мне, я снова узнал прежнего Зиллейби, того самого, с которым познакомился десять лет назад.

Я сел в кресло, стоявшее рядом, и поставил на пол большую банку леденцов.

— Отлично, — сказал он. — Дети обожают именно этот сорт. В конце концов, они всего лишь дети, просто дети без всяких там прописных букв.

— Послушайте, — сказал я, — боюсь показаться навязчивым... все же разумно ли идти к ним сегодня вечером? Все равно время вспять не повернешь. Все изменилось. Теперь их и деревню разделяет вражда. Может быть, она лежит между ними и нами всеми. Дети подозревают, что против них что-то готовится. Их ультиматум Бернарду вряд ли будет принят сразу, если вообще его примут. Вы говорили, что они возбуждены, значит, они и сейчас взвинчены, а следовательно, опасны.

Зиллейби покачал головой:

— Только не для меня, старина. Я начал учить Детей еще до того, как этим занялись власти, я и до сих пор их учу. Не скажу, что хорошо понимаю Детей, но полагаю все же, что знаю их лучше, чем кто-либо другой, а самое главное — они мне верят.

Он погрузился в молчание, откинувшись на спинку кресла и глядя, как тополя раскачиваются на ветру.

— Доверие... — начал Зиллейби, но в эту минуту к нам подошла Анжела с графином шерри и стаканчиками на подносе, и он прервал начатую фразу, чтобы узнать, что болтают о нас в Трайне.

За ленчем он говорил меньше обычного, а затем скрылся в своем кабинете. Немного позже я увидел его идущим по дорожке. Он, как видно, отправлялся на свою обычную прогулку, но так как меня присоединиться не пригласил, я поудобнее устроился в шезлонге. К чаю Зиллейби вернулся

и посоветовал мне подзакусить поплотнее, так как обеда сегодня не будет, а подадут сразу поздний ужин, как это бывает в дни, когда он читает лекции Детям.

Анжела вмешалась, хоть и без всякой надежды:

— Дорогой, ты не думаешь?.. Я хочу сказать, что они видели все твои фильмы. Я знаю, что фильм об Эгейском архипелаге ты показывал им по меньшей мере дважды. Может быть, лучше отложить его показ и взять напрокат другой, поновее?

— Милая, это ведь очень хороший фильм. Его вполне можно смотреть и два раза, и больше, — объяснил с некоторой обидой в голосе Зиллейби. — А кроме того, меняется и сама лекция. Я всегда нахожу что-то новое, говоря о греческих островах.

Около половины седьмого мы начали грузить вещи Зиллейби в машину. Их было очень много. Многочисленные ящики содержали проектор, реостат, ламповый усилитель, динамик, коробки с фильмами, магнитофон для записи лекции, и все они были весьма тяжелы. К тому времени, как мы все это погрузили, положив сверху стационарный микрофон, стало казаться, будто идет подготовка к долгому сафари, а не к обыкновенной лекции.

Зиллейби слонялся вокруг, пока мы работали, пересчитывая и проверяя все, начиная от банки «Бычьего глаза», и, наконец, остался доволен. Он повернулся к Анжеле.

— Я попросил Гейфорда довезти меня до Грейнджа и помочь разгрузиться, — сказал он. — Не надо ни о чем тревожиться. — Он притянул ее к себе и поцеловал.

— Гордон, — начала она, — Гордон...

Все еще обнимая ее левой рукой, Зиллейби погладил ее правой по щеке, глядя прямо в глаза. Потом с мягким упреком покачал головой.

— Но, Гордон, я теперь так боюсь Детей... А вдруг они...

— Не тревожься, родная, я знаю, что делаю, — ответил он. Потом повернулся, сел в машину, и мы поехали, а Анжела осталась на ступеньках, провожая нас печальным взглядом.

Не скажу, что я подъезжал к воротам Грейнджа с легким сердцем. Однако ничто, казалось, не оправдывало моей тревоги. Это был просто большой, довольно безобразный дом викторианской эпохи, с пристроенными по бокам со-

вершенно выпадавшими из стилия крыльями, похожими на заводские корпуса. Во времена мистера Гримма они использовались как лаборатории. Газон перед домом почти не сохранил следов битвы, разыгравшейся здесь две ночи назад, и, хотя несколько кустов пострадали, трудно было поверить, что совсем недавно тут творилось нечто жуткое.

Нас ждали. Не успел я открыть дверцу машины и выйти из нее, как входная дверь распахнулась и больше десятка Детей возбужденно сбежали со ступенек, вразнобой крича: «Привет, мистер Зиллейби!» В одну минуту они открыли заднюю дверцу, двое парнишек начали вынимать оттуда вещи и передавать их другим. Две девчонки помчались вверх по лестнице, таща микрофон и свернутый в трубку экран. Кто-то с воплем восторга ухватил банку леденцов и побежал вслед за ними.

— Эй! — крикнул Зиллейби встревоженно, когда они принялись за более тяжелые ящики. — Груз очень хрупкий, будьте, пожалуйста, с ним поосторожнее!

Один из мальчиков улыбнулся в ответ и поднял ящик, чтобы с преувеличенной осторожностью передать его другому. Сейчас в Детях не было ничего страшного или таинственного, хотя, может быть, так казалось потому, что они были необычайно похожи друг на друга, и это обстоятельство чем-то напоминало опереточный кордебалет. Впервые после моего возвращения я смог увидеть, что Дети — это действительно дети. Не могло быть сомнения, что приезд Зиллейби был для них долгожданным событием. Я видел, как он стоял, глядя на них с мягкой, слегка задумчивой улыбкой. Нет! Просто невозможно связать Детей, какими я видел их сейчас, с какой-то угрозой. Мне даже подумалось: полно, да они ли это? Может, те теории, те страхи и угрозы, которые мы только что обсуждали, касались совершенно иной группы Детей? Никак нельзя было представить себе, что это они довели до обморока доблестного начальника полиции, что это они несколько часов назад вручили Бернарду ультиматум для самых высших инстанций.

— Надеюсь, аудитория соберется? — спросил Зиллейби.

— О да, мистер Зиллейби, — заверил его один из мальчиков, — соберутся все, кроме Уилфрида, конечно. Он в больничке.

— Ах так! А как он себя чувствует? — спросил Зиллейби.

— Спина болит здорово, но картечины уже удалили, доктор обещает, что все будет хорошо, — ответил мальчуган.

Противоречивость моих ощущений росла. С каждой минутой мне становилось все труднее поверить в то, что все мы не обманулись из-за своего неумения разобраться в Детях. Было непонятно, как совместить образ того Зиллейби, который стоял сейчас рядом со мной, с образом Зиллейби, еще только утром вещавшего о неизбежной опасности, угрожавшей нам всем.

Последний чемодан был вынут из машины. И тут я вспомнил, что этот чемодан уже находился в автомобиле, когда мы начали грузить туда остальные предметы. Чемодан был, видимо, очень тяжел, так как за него пришлось взяться сразу двум мальчикам. Зиллейби смотрел с какой-то непонятной тревогой за тем, как они поднимаются по ступеням, а потом обернулся ко мне.

— Благодарю за помощь, — сказал он, как будто отпуская меня.

Я был разочарован. Эта сторона поведения Детей увлекла меня, и я решил, что послушаю его лекцию и смогу изучить реакции Детей в часы, когда они находятся в своей компании и являют свою истинную детскую сущность.

Зиллейби понял выражение моих глаз.

— Я сам просил бы вас остаться, — объяснил он, — но, должен признать, мысли об Анжеле сегодня меня не покидают. Она сильно напугана, вы знаете. Детей она всегда недолюбливала, а последние дни повлияли на нее особенно сильно, хотя она и старается это скрыть. Сегодня, полагаю, она особенно нуждается в собеседнике. Я весьма надеялся на вас, мой дорогой друг. Было бы очень мило с вашей стороны...

— О, конечно, — ответил я. — Как эгоистично с моей стороны не подумать об этом. Конечно! Конечно! — А что я еще мог сказать?

Зиллейби улыбнулся и протянул мне руку.

— Прекрасно. Я очень вам благодарен, дорогой друг, и всегда знал, что на вас можно положиться. — Затем он повернулся к тем трем-четырем Детям, которые все еще ждали его, и улыбнулся. — Там, наверное, уже теряют терпение. Веди же, Присцилла!

— Я — Элен, мистер Зиллейби, — ответила ему девочка.

— Ах так! Ну, неважно. Пошли, моя дорогая, — сказал Зиллейби, и они вместе стали подниматься по ступеням.

Я сел в машину и не торопясь поехал обратно. Проезжая через деревню, я заметил, что в «Косе и камне» полно посетителей, мне захотелось остановиться, дабы выяснить, каково настроение завсегдатаев. Но, вспомнив просьбу Зиллейби, я подавил искушение и проехал мимо.

Я оставил машину на подъездной дорожке Кайл-мэнора, чтобы можно было сразу же ехать за Зиллейби, а сам пошел в дом. Анжела сидела в большой гостиной у открытого окна. По радио передавали концерт Гайдна. Она повернула голову, и, увидев ее лицо, я обрадовался, что послушался Зиллейби.

— Радостная встреча, — сообщил я, отвечая на невысказанный вопрос. — Насколько я могу судить, это просто толпа очень милых школьников, только удивительно похожих друг на друга. Нет сомнений, он был прав, когда говорил, что доверяет им.

— Возможно, — нехотя согласилась Анжела, — но я им не верю. Думаю, что никогда не верила, с той самой поры, как они заставили матерей вернуться в Мидвич. Мне удавалось прятать свои чувства, пока они не убили Джима Паули. Но с того момента Дети наводят на меня ужас. Я так рада, что удалось отправить Майкла. Трудно предугадать, что они выкинут в следующий раз. Даже Гордон не исключает, что они нервничают и могут поддаться панике. Остаться тут чудовищно глупо: наши жизни полностью зависят от их настроения или от вспышки детской раздражительности...

Как вы думаете, найдется кто-то, кто примет всерьез ультиматум, переданный полковнику Уэсткотту? Я, честно говоря, думаю, что нет. Но это принудит Детей к действию, чтобы заставить с ними считаться. Им придется убеждать самовлюбленных, упрямых и тупоголовых чинуш. Бог знает, к каким средствам они прибегнут. После того, что тут произошло, я боюсь. Я очень боюсь. Ведь им совершенно безразлично, что произойдет со всеми нами...

— Ну, если они начнут демонстрировать свои возможности здесь, — попытался я ее успокоить, — это вряд ли принесет им выгоду. Они отправятся в Лондон с Бернардом,

как уже намекали. Если Дети расправятся с какой-нибудь лондонской шишкой так, как с начальником полиции...

Мои слова были прерваны яркой вспышкой, похожей на молнию, и сильным подземным толчком, от которого затрясся весь дом.

— Что это?! — вскрикнул я. И больше ничего не успел сказать.

Взрывная волна, достигшая окна, чуть не сбила меня с ног. Донесся звук взрыва, гулкий, раскатистый, рвущий барабанные перепонки. Дом заходил ходуном. Потом раздался грохот чего-то рушащегося, затем дребезг и звон бьющегося стекла, и, наконец, наступила полная тишина.

Без какой-то определенной цели я промчался мимо Анжелы, скорчившейся в своем кресле, и через открытое окно выпрыгнул прямо на газон. В небе кружились сорванные с деревьев листья, медленно планируя на землю. Я посмотрел на дом. Две толстые плети плюща сорвались со стены и неряшливо свисали вниз. Окна восточного фасада смотрели на меня пустыми глазницами. В них не осталось ни одного целого стекла. Я посмотрел в противоположную сторону — сквозь кроны деревьев ширилось красно-белое сияние. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что произошло.

Я бросился обратно в гостиную, но Анжелы там уже не было, ее кресло пустовало. Я окликнул ее и не услышал ответа.

Наконец я нашел Анжелу в кабинете Зиллейби. Пол комнаты был усыпан битым стеклом. Одна портьера сорвалась с карниза и теперь валялась на софе. Часть семейных реликвий Зиллейби слетела с каминной доски и рассыпалась по решетке. Анжела полулежала в кресле за столом, лицо и обнаженные руки покоились на кожаной обивке стола. Она не подняла головы, когда я вошел.

Сквозь открытую дверь и выбитые стекла врвался сквозняк. Он подхватил листок бумаги, лежавший на столе около руки Анжелы, и смел его на пол.

Это было письмо, написанное характерным заостренным почерком Зиллейби. Читать его не было нужды. Все стало ясным, еще когда я увидел красно-белое зарево в той стороне, где лежал Грейндж. Тогда же я вспомнил и тяжелый ящик, в котором, как я думал, находились магнитофон и прочее оборудование. Да и не мне это письмо предназначалось. Когда я положил его обратно рядом с рукой Анжелы, мой взгляд лишь случайно вырвал из середины несколько строк.

— «...доктор скажет тебе, что это вопрос всего лишь нескольких недель или месяцев. Поэтому не надо горевать, моя любовь... А что касается прочего, что ж, мы слишком долго жили в прекрасном саду и начисто забыли прописные истины борьбы за существование. Было ведь сказано: «Si fueris Romae, romanī vivito more»*. Это очень разумная мысль, но есть и еще более точное изречение для выражения того же самого: «С волками жить — по-волчьи выть».

* Если живешь в Риме, поступай как римляне (лат.).

Содержание

От издательства	5
<i>В. Гаков. Куколки Джона Уиндема</i>	7
Библиография Джона Уиндема	13
День триффидов, роман, <i>перевод с английского С. Бережкова</i>	15
Кукушки Мидвича, роман, <i>перевод с английского</i> <i>В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	239

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Собрание фантастических произведений в 5 томах

Том первый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *Т. Пикович*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиришфелде*

Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:
И. Леонтьев

Оформление шмуцтитилов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 12.10.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 15 000 экз.

Заказ № 1144. С 131

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

День триффидов

Много лет люди использовали в своих целях загадочных триффидов — смертоносные растения, способные передвигаться. Но зеленые звезды дождем обрушиваются на Землю, и триффиды отбирают мир у ослепшего человечества...

Кукушки Мидвича

Маленький английский городок Мидвич жил скучной, размеренной жизнью — пока из жизни горожан не выпал один сентябрьский день. А через девять месяцев в Мидвиче начали рождаться золотоглазые дети...

